

Д 890(8)

П 19

В. М. Пасецкий

РУССКИЕ ОТКРЫТИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
В АРКТИКЕ

Первая половина XIX века

1827 (A)
113

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИИ И КОНТРОЛЮ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГЛАВНАЯ ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ им. А. И. ВОЕЙКОВА

В. М. Пасецкий

РУССКИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ В АРКТИКЕ

Первая половина XIX в.

Под редакцией д-ра геогр. наук Е. И. ТОЛСТИКОВА

768156

МАГАДАНСКАЯ
областная библиотека
им. А. С. Пушкина

Ленинград
Гидрометеиздат
1984

ОТДЕЛ
АБОНЕМЕНТА

Рецензенты:
д-р ист. наук А. И. Алексеев,
д-р ист. наук А. В. Кольцов

Монография посвящена качественно новой эпохе в исследовании полярных стран, которая началась с выходом русских судов на просторы Мирового океана и которая ознаменовалась постановкой инструментальных геофизических измерений в Арктике и Антарктике и созданием новых представлений о природе полярных стран. Раскрыты выдающиеся научные достижения экспедиций М. М. Геденштрома, О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, Г. С. Шишмарева, П. К. Пахтусова, А. Ф. Кашеварова, Ф. П. Врангеля, П. Ф. Анжу, И. Н. Иванова, Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. П. Лазарева, А. Ф. Миддендорфа, семьи Крузенштернов и многих других исследователей, трудами которых Россия в первой половине XIX в. завоевала первое место в полярных открытиях и исследованиях.

Расчитана на географов, метеорологов, историков и на широкие круги читателей.

The monograph «Russian Discoveries and Investigations in the Arctic. The first half of the XIX century» by V. M. Pasetsky is devoted to a qualitatively new epoch in the investigation of polar countries, which started with Russian ships putting to the World Ocean and was marked by setting up instrumental geophysical measurements in the Arctic and Antarctica, and creating new ideas on the polar countries nature. There were discovered outstanding scientific successes achieved during the expeditions of M. M. Gedenstrom, O. E. Kotsebu, M. N. Vasil'ev, G. S. Shishmarev, P. K. Pakhtusov, A. F. Kashevarov, F. P. Wrangel, P. F. Anju, I. N. Ivanov, F. F. Bellinsgausen, M. P. Lazarev, A. F. Middendorf, the Kruzensterns and many others investigators due to which studies the Russia won first place in the polar discoveries and investigations in the first half of the XIX century.

It is intended for geographers, meteorologists, historians and broad circles of readers.

ВВЕДЕНИЕ

История отечественных полярных исследований неразрывно связана с внешней политикой, задачами укрепления политического влияния и увеличения экономического потенциала России, потребностями военного, коммерческого и промыслового мореплавания, развитием путей сообщения, использованием природных богатств и ресурсов.

Изучение истории полярных исследований нужно для познания их истоков, их развития и их места в жизни Русского государства, в истории науки и культуры. Одновременно оно дает более широкую информацию об особенностях природных явлений, которые наблюдались сотни лет назад, но сведения о которых являются достоянием лишь архивов да специальных публикаций, остающихся вне поля зрения представителей естественных наук.

В международной научной Программе исследований глобальных атмосферных процессов (ПИГАП — Климат) перед историками ставится задача изучения исторических документов как основного источника сведений об изменениях климата за различные периоды истекшего тысячелетия. Решение этого вопроса, привлекавшего внимание К. Маркса и Ф. Энгельса¹, необходимо для изучения воздействия человека на окружающую среду и для предвидения возможных изменений климата в обозримом будущем. Эта важная научная и народнохозяйственная задача может быть успешно решена лишь совместными усилиями историков и геофизиков.

Выбор в качестве объекта исследования истории изучения арктических морей, островов и побережий России в хронологических рамках первой половины XIX в. объясняется прежде всего тем, что в изучаемое время Россия впервые распространила исследования на все океаны и континенты земного шара, создала коллегиальный ученый орган по изучению морей — Адмиралтейский департамент (впоследствии Гидрографический), основала первую в мире регулярную геофизическую сеть во главе с первым центральным метеорологическим учреждением в мире — Главной физической обсерваторией. Наконец, в рассматриваемое время усилиями полярных исследователей и ученых было образовано Русское географическое общество. Эти учреждения положили прочное основание качественно новой эпохе изучения северного и южного полярных океанов и внесли выдающийся вклад в изучение географии

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 221; т. 32, с. 45; т. 35, с. 128; т. 38, с. 315.

не только России, но и всего земного шара. Глобальный характер русских географических исследований в первой половине XIX в. оказал глубокое влияние на развитие науки во всем мире.

Первая половина XIX в. особенно выделяется тем, что в самом ее начале были поставлены на повестку дня вопросы о дальнейшем развитии внешней торговли, об установлении торговых отношений с Японией и Китаем как рынками сбыта продуктов промышленности на севере Сибири и Русской Америки. В связи с этим встала необходимость отправления судов из Кронштадта в северную часть Тихого океана. Успешное завершение первого русского кругосветного плавания имело большое политическое и научное значение и открыло новую эпоху в развитии русских исследований не только в восточных, но и в северных морях России. Успех этого предприятия позволил России уделить внимание и важнейшей географической проблеме того времени — поискам Северо-Западного прохода. Наряду с раскрытием вклада России в решение этого вопроса в предлагаемой работе была поставлена задача выяснить, какие внешнеполитические события и акции оказывали влияние на развитие русских исследований в районе Берингова пролива и какие из полярных экспедиций были связаны с задачами укрепления позиций России на северо-востоке Азии и на севере Русской Америки. Необходимо было исследовать вопрос о влиянии первого русского кругосветного плавания на развитие отечественных полярных исследований и, в частности, на снаряжение экспедиции М. М. Геденштрома на «матерую землю» и изучить влияние, какое оказала первая в XIX в. экспедиция для поисков Северо-Западного прохода на англо-русское соперничество в решении этой проблемы. Не менее важным представлялось проследить, как сказались на полярных исследованиях известный указ от 4 сентября 1821 г. и начавшаяся за ним дипломатическая борьба вокруг установления Россией 100-мильной зоны территориальных вод у русских берегов в северной части Тихого океана и расширения границ Русской Америки до 51° ю. ш. (тем более что в этой борьбе использовались географические открытия В. Беринга, А. И. Чирикова и русских землепроходцев в Русской Америке). Наконец, необходимо было остановиться на спаде в русских и английских полярных исследованиях после заключения конвенции 1824—1825 гг. и на тех отрицательных последствиях, какие имела утрата интереса со стороны царского правительства к защите позиций России в районе Берингова пролива. Важно было отметить попытки прогрессивных деятелей флота добиться в начале пятидесятых годов запрещения иностранным судам заходить в бухты и заливы от Берингова пролива до устья Лены, всей Русской Америки и всего восточного побережья Чукотки, Камчатки и Охотского моря.

В первые годы XIX в. намечались грандиозные мероприятия по развитию внешней торговли, промышленности, путей сообщения, которые в своей совокупности оказали определенное влияние на русские географические исследования, в том числе полярные.

Передовыми моряками и учеными Академии наук в это время был предложен ряд проектов, направленных на изучение производительных сил полярных окраин, на капитализацию промыслов, на вовлечение в хозяйственный оборот и особенно во внешнюю торговлю природных богатств Севера и Сибири.

Важной особенностью отечественных полярных исследований в рассматриваемую эпоху является участие в них деятелей первого русского революционного движения против царизма. Чтобы правильно оценить деятельность декабристов Н. А. Чижова, М. К. Кюхельбекера, В. П. Романова, Д. И. Завалишина, К. П. Торсона, М. Ф. Митькова, А. И. Якубовича, П. И. Борова, Н. А. Бестужева и др. по изучению Новой Земли, Белого моря, Русской Америки, севера Сибири, Мирового океана, Антарктики, необходимо остановиться на географических компонентах «Русской правды» П. И. Пестеля и проекта конституции Никиты Муравьева, а также исследовать вопрос о том, какое значение отводилось науке, флоту и в особенности познанию России в программных документах декабристов.

Не менее существенной задачей представлялся анализ трудов и проектов декабристов Г. С. Батенькова, Д. И. Завалишина, В. П. Романова, А. О. Корниловича, ставивших своей целью развитие производительных сил дальних окраин Русского государства, вовлечение в хозяйственную деятельность пустующих земель и лежащих втуне природных богатств.

Необходимо было также изучить связи декабристов с такими полярными исследователями и мореплавателями, как Г. А. Сарычев, В. М. Головин, И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинсгаузен, Ф. П. Врангель, Ф. П. Литке, М. М. Геденштром, Л. А. Загоскин, Ф. Ф. Матюшкин, М. Ф. Рейнеке.

Основная роль в русских полярных исследованиях первой половины XIX в. принадлежала военно-морскому флоту. Важно было обратить внимание, что его выдающимися деятелями Г. А. Сарычевым и И. Ф. Крузенштерном были поставлены грандиозные задачи по картированию северных и восточных морей России, архипелагов и островов Тихого океана, вод и земель южно-полярной области, и раскрыть подвижническую деятельность русских морских офицеров, исследовавших почти все арктические острова и большую часть северного побережья России от границы с Норвегией и почти до границы с Канадой. Но это лишь одна сторона полярных исследований. Другой, не менее важной составной их частью явилось создание М. Ф. Рейнеке первого «Гидрографического описания Северного берега России», основание первых метеорологических станций за полярным кругом и создание первых представлений о климате севера России, основанных на инструментальных измерениях.

Русские полярные исследования пережили сложную эволюцию. Инициаторами и организаторами многих арктических экспедиций являлись прогрессивные деятели русского флота и выдающиеся ученые Академии наук Г. А. Сарычев, В. М. Головин,

П. К. Пахтусов, М. Ф. Рейнеке, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель, К. М. Бэр, Г. П. Гельмерсен, П. И. Крузенштерн, М. А. Кастрен и др.

В задачу автора монографии входило раскрытие трудной и сложной борьбы за развитие отечественных исследований в Арктике в годы политической реакции, последовавшей за разгромом движения декабристов. Необходимо было уделить внимание той роли, которую сыграло объединение усилий передовых деятелей Академии наук, русского флота и Горного ведомства в создании в тридцатых годах первой регулярной геофизической сети России и основании Главной физической обсерватории, имевшей важное значение в изучении севера России и проведении климатических наблюдений, согласованных с антарктическими экспедициями зарубежных стран. Необходимо было отметить широкие международные связи русских мореплавателей и полярных исследователей и большое влияние трудов и открытий русских моряков и ученых по изучению арктических морей на развитие науки не только в России, но и во всем мире.

Все эти черты полярных исследований дореформенной России позволяют говорить о первой половине XIX в. как о периоде исключительной значимости и важности, заслуживающем детального монографического исследования. Потребность в этом определяется также необходимостью обобщить достижения советской историко-географической науки, ввести в научный оборот богатое собрание документальных материалов и, наконец, разоблачить концепции буржуазных историков, преувеличивающих роль зарубежных экспедиций в изучении русских морей и даже пытающихся теоретически обосновать пренебрежительное отношение к великим географическим открытиям и исследованиям России.

Особенно в этом направлении усердствует Институт северных исследований при Саскачеванском университете, опубликовавший несколько книг Л. Нитби, в том числе монографию, посвященную открытиям в морях Русской Арктики от плаваний англичан в XVI в. до полета Нобиле в 1928 г. Во введении к этой книге выдвинут тезис о том, что история первых русских полярных открытий лишена единства, столь характерного для исследований Американской Арктики, где главной задачей являлись поиски Северо-Западного прохода. При этом не замечена целая эпоха великих русских географических открытий в первой половине XVII в., на протяжении которой российские мореходы изведали все северное побережье от Мурмана до Берингова пролива. Это было осуществлено в то время, когда на берега Северного Ледовитого океана в Американской Арктике еще не ступала нога западного исследователя. Более того, даже западное и северо-западное побережья Америки на север от 41° с. ш. не были известны европейским мореплавателям. Эту часть Америки предстояло открыть и описать Второй Камчатской экспедиции, северные отряды которой исследовали Русскую Арктику от Архангельска до Баранова Камня. Это было сделано в те годы, когда Север Америки еще

оставался абсолютно белым пятном. Однако это нимало не смущает Л. Нитби. Игнорируя великие достижения России в изучении Севера, он утверждает, что Русская Арктика исследовалась усилиями представителей различных европейских наций, так как в России вообще отсутствовал национальный интерес к этой проблеме и не рождалось героев, равных западным путешественникам.

Появление подобных уродливых концепций, которые будут опровергнуты в этой работе, свидетельствует о необходимости широкого изучения истории отечественных полярных открытий и исследований.

Деятельность полярных экспедиций изучается давно. В начале двадцатых годов прошлого века вышла книга В. Н. Берха «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны». . . В этом большом труде, наряду с арктическими путешествиями XVII—XVIII вв., были освещены экспедиции Ф. Колмакова, П. Корсаковского, О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, А. П. Лазарева и Ф. П. Литке.

Материалы полярных исследований первой четверти XIX в. обстоятельно изучались декабристами (А. О. Корнилович, Г. С. Батеньков, Н. А. Бестужев, В. П. Романов, Н. А. Чижов, В. И. Штейнгель и др.). Результаты экспедиций в Арктику анализировались И. Ф. Крузенштерном, М. Ф. Рейнеке, Ф. П. Врангелем, Ф. П. Литке, которые обращали внимание на влияние экономики и политики на развитие географических открытий.

М. Ф. Рейнеке в первых трех выпусках «Записок Гидрографического департамента» опубликовал «Дневные записки» П. К. Пахтусова, материалы о путешествии А. К. Цивольки с академиком К. М. Бэром, записки А. К. Цивольки и С. А. Моисеева, посвященные исследованию Новой Земли в тридцатых годах XIX в. М. Ф. Рейнеке разработал вместе с А. П. Соколовым план написания истории русского флота, в первой части которого предполагалось дать очерк развития научных представлений о русских морях, включая полярные. Этот план одобрил декабрист Николай Бестужев, который писал в 1852 г., что возрождается духом, следя за работой М. Ф. Рейнеке и А. П. Соколова (последнему принадлежат статьи об арктических исследованиях И. Н. Иванова, П. Ф. Анжу, И. А. Березных, основанные на архивных материалах Морского ведомства). М. Ф. Рейнеке собрал обширный архивный материал для третьей части «Гидрографического описания Северного берега России». И хотя ему не удалось осуществить свой замысел, эти материалы дошли до нашего времени в составе фонда Архива гидрографии Центрального Государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ).

Важные документы о снаряжении экспедиции для поисков северных земель приведены в труде В. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год» (1872 г.). В частности, в приложении к 25-й главе опубликована значительная часть переписки морского министра

И. И. де Траверсе и М. М. Сперанского, доклады М. М. Сперанского Александру I о ходе поисков северных земель, инструкции начальникам отрядов Ф. П. Врангелю и П. Ф. Анжу. Следует отметить, что В. Вагин весьма преувеличил значение М. М. Сперанского в руководстве и обеспечении экспедиций Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу. Сам М. М. Сперанский признавался, что расстояние в 6 тыс. верст не позволит «наблюдать за подробностями» действий экспедиций и что даже известия о них он сможет получать не более двух раз в год. Вместе с тем В. Вагин пытался принизить значение резкой критики Ф. П. Врангелем деятельности сибирских властей на том основании, что нарисованные им «плачевные картины голода и нищеты» стали известны лишь спустя 15 лет.

Интересные сведения о русских экспедициях на северо-восток России (Клинковстрем, Зарембо) и о сложной политической обстановке в этом районе перед Крымской войной содержатся в труде А. Сгибнева, опубликованном в журнале «Морской сборник» (1869 г., № 4—8).

В девяностых годах XIX в. научное значение экспедиции Ф. П. Врангеля было проанализировано в работах С. О. Макарова «О трудах русских моряков по исследованию вод Северного Тихого океана» и «Об исследовании Северного Ледовитого океана» (последняя написана совместно с сыном исследователя Ф. Ф. Врангелем). При этом было обращено особое внимание на то, что Ф. П. Врангель со своим спутником довершил дело Великой Северной экспедиции.

На рубеже XIX—XX вв. Морское ведомство опубликовало «Краткий исторический очерк гидрографии русских морей». В его трех выпусках содержится значительный фактографический материал о русских полярных исследованиях, в том числе и об арктических экспедициях первой половины XIX в.

Со второй половины XIX в. в талантливых статьях М. И. Семевского, посвященных Александру и Николаю Бестужевым, в очерках И. И. Ореуса о Г. С. Батенькове, С. П. Крашенинникова о М. Ф. Рейнеке, К. Н. Шварца о Ф. П. Врангеле, в «Автобиографии» Ф. П. Литке в публикациях Довнар-Запольского, в воспоминаниях Э. Стогова появились сведения о связях полярных исследователей с декабристами.

Важные материалы об участии декабристов в изучении Севера и организации метеорологических исследований в Сибири содержались в обширнейшем потоке монографий, статей и сборников документов, подготовленных за годы Советской власти отечественными историками (работы М. П. Алексева, М. К. Азадовского, К. В. Дубровского, Н. М. Дружинина, И. В. Егорова и др.). Большой интерес представляла публикация М. К. Азадовским писем Н. А. Бестужева к О. Е. Коцебу и к М. Ф. Рейнеке в составе «Воспоминаний Бестужевых».

Важное значение имели сведения о большом внимании декабристов к проблеме Северо-Западного прохода, приведенные

С. Б. Окунем в монографии «Российско-Американская компания» (1939 г.).

В ценном исследовании С. Я. Штрайха «Декабристы-моряки» (1946 г.) собраны важные биографические сведения о моряках и морских офицерах, привлеченных к следствию и подвергнутых административным мерам наказания, о мореплавателях и путешественниках, находившихся в общении с декабристами.

Важные материалы, показывающие интерес декабристов к изучению Севера, содержат тома 59-й и 60-й «Литературного наследства» (1954, 1956 гг.). В них опубликованы письма М. А. Бестужева к М. Ф. Рейнеке, письмо В. П. Романова к К. Ф. Рылеву об экспедиции на север Русской Америки. К сожалению, из этого письма была опущена очень важная заключительная фраза, не оставлявшая сомнений в принадлежности этого морского офицера к Тайному обществу. В этих томах имеются также отрывки из записной книги Ф. П. Литке (публикация С. Б. Окуня) и др.

О том большом вкладе, который внесли декабристы в исследование полярных стран, рассказывается в монографических работах М. Ю. Барановской и И. С. Зильберштейна о Н. А. Бестужеве, В. Г. Карцова о Г. С. Батенькове, Г. П. Шатровой о декабристах в Сибири, В. Н. Комиссарова о продекабристских настроениях Ф. П. Литке, Ю. Давыдова о дружбе Ф. Ф. Матюшкина с И. И. Пушиным и Г. С. Батеньковым, С. Н. Маркова, М. Б. Черненко и Г. А. Аграната о встречах Л. А. Загоскина с декабристами в Сибири. Примечательно, что историки и литературоведы первыми обратили внимание на важность изучения связей декабристов с передовыми деятелями флота и науки, первыми стали изучать кругосветные и дальние плавания как составную часть темы «Декабристы и мировой исторический процесс» (М. В. Нечкина). Капитальные исследования акад. М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955 г.), «Грибоедов и декабристы» (1951 г.) и другие работы имеют важное значение для раскрытия политической направленности изучения России и полярных стран декабристами.

Углубленной разработке вопросов истории исследования Севера России и более полному раскрытию вклада декабристов в полярные исследования также весьма содействовало создание под руководством акад. А. П. Окладникова монументальной многотомной «Истории Сибири», цикла работ по проблеме «Сибирь и декабристы», а также публикация сибирскими издательствами сборников малодоступных работ советских историков, воспоминаний, трудов и переписки декабристов¹.

¹ См. также: История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России/Под ред. А. П. Окладникова. — Л., 1968; Декабристы в Сибири. Т. 1. Своей судьбой гордился мы. — Иркутск, 1973. Т. 2. Дум высокое стремление. — Иркутск, 1975. Т. 3. В сердцах отчества сынов. — Иркутск, 1975; Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. — Иркутск, 1975; Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1975, а также цикл статей в «Изв. СО АН СССР» (1975, вып. 3, № 11, сер. обществ. наук).

В годы Советской власти сложилась отечественная школа истории географических открытий и исследований. Говоря словами С. Б. Окуня¹, она гармонично объединяет историков, географов и представителей других специальностей. Именно известные советские историки, такие, как А. П. Окладников, В. В. Мавродин, А. И. Андреев, С. Б. Окунь, А. В. Ефимов, А. И. Алексеев, М. И. Белов, Д. М. Пинхенсон и многие другие, стали рассматривать историю географических исследований как часть истории России. Не менее важное значение имели исследования и видных географов (Л. С. Берг, Е. Е. Шведе, С. В. Обручев, М. С. Боднарский, Н. Н. Зубов и др.).

Очерки по истории исследования арктических морей и островов с древнейших времен до сороковых годов нашего столетия входят в состав замечательного труда В. Ю. Визе «Моря Советской Арктики» (первое издание вышло в 1933 г.). В. Ю. Визе рассматривал русские полярные исследования прежде всего как географ. Основное его внимание было направлено на рассмотрение эволюции научных представлений о Советской Арктике. Визе широко использовал результаты прежних экспедиций в работах о колебаниях ледовитости и климата Арктики. Тем же особенностями характеризуется монографический труд Н. Н. Зубова «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов» (1954 г.), написанный на основе литературных источников и дающий широкое представление о вкладе России в изучение Мирового океана и морей, омывающих Россию. Особенную ценность представляет оценка роли русских ученых в развитии мировой океанографии.

В 1956 г. вышло в свет капитальное исследование М. И. Белова — «Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в.» Тем самым было положено начало изданию четырехтомной «Истории открытия и освоения Северного морского пути», которая в целом представляет первую многоплановую монографическую разработку вопросов истории освоения северных территорий нашей страны со времени выхода русских людей к берегам Северного Ледовитого океана до 1945 г. В 1-м томе этого исследования рассмотрены многие арктические путешествия с древнейших времен до середины XIX в.², введены в научный оборот обширные архивные материалы XVI—XVIII вв., что, по словам В. В. Мавродина и С. Б. Окуня, позволило автору «найти немало нового и кардинально переосмыслить старое»³.

¹ Окунь С. Б. Предисловие. — В кн.: Макарова Р. В. Русские на севере Тихого океана. — Л., 1968, с. 4.

² Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в./Под ред. А. П. Окладникова, Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. — М., 1956.

³ Мавродин В. В., Окунь С. Б. Ценный вклад в историческую науку. — Летопись Севера, 1964, вып. 4, с. 200. (Далее: Мавродин В. В., Окунь С. Б. Ценный вклад...).

Последняя, 22-я глава 1-го тома, написанная М. И. Беловым совместно с Н. И. Башмуриной, посвящена арктическому мореплаванию и изучению Севера в первой половине XIX в. В ней рассматривается арктическое мореходство и связанные с ним исследования на широком фоне социально-экономических особенностей развития России, кругосветных плаваний, строительства флота, состояния техники картографических исследований. Н. И. Башмурина и М. И. Белов анализируют деятельность Российско-Американской компании, состояние хозяйства Поморья и Сибири, освещают нападения англичан на отдельные районы архангельского Севера. Однако полярные исследования первой половины XIX в. освещены гораздо беднее, чем экспедиции предшествующих времен. Естественно, что в монографии, охватывающей историю освоения Севера почти за целое тысячелетие, невозможно было с исчерпывающей полнотой рассмотреть все периоды и все проблемы изучения Арктики.

В 1963 г. вышла в свет монография Д. М. Пинхенсона «Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма». В ней рассмотрены проекты снаряжения экспедиций к Северному полюсу, предложенные Ф. П. Врангелем и П. И. Крузенштерном, деятельность П. И. Крузенштерна и Э. К. Гофмана в Печорском крае, дана высокая оценка «Гидрографическому описанию Северного берега России» М. Ф. Рейнеке. Автор также рассмотрел английские экспедиции к северу от Берингова пролива, появившиеся там в связи с поисками пропавшего без вести Дж. Франклина. В это же время важные аспекты отечественных полярных исследований были обстоятельно освещены акад. А. П. Окладниковым в исследовании «Земля бородатых», опубликованном в «Трудах отдела древней литературы Института русской литературы АН СССР» (т. 14, 1958 г.). При этом было показано, что поиски предполагаемой к северу от Сибири «матерой земли», предания о которой пережили сложную эволюцию, существенно повлияли на открытия и исследования на северо-востоке России (с. 517).

В шестидесятых годах Институтом истории естествознания и техники АН СССР был начат выпуск серии работ, посвященных истории русских географических исследований в XIX — начале XX в. В монографии В. А. Есакова, А. И. Соловьева «Русские географические исследования Европейской России и Урала в XIX — начале XX в.» (1964 г.) был рассмотрен вклад в развитие физико-географических представлений о севере Европейской России, внесенный в результате экспедиций К. М. Бэра, Ф. П. Литке, И. Н. Иванова, А. И. Шренка, Ф. И. Рупрехта, В. Н. Латкина, А. Кейзерлинга — П. И. Крузенштерна, Э. К. Гофмана. В монографии В. А. Есакова, А. Ф. Плахотника, А. И. Алексеева «Русские океанические и морские исследования в XIX — начале XX в.» (1964 г.) подведены итоги плаваний О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева, М. Н. Станюковича и Ф. П. Литке, а также русских кругосветных путешествий и дана оценка их роли в развитии географической науки. Одновременно

приводится краткая сводка истории исследования Белого, Баренцева, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского, Чукотского морей. В монографии Н. Г. Суховой «Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке» (1964 г.) рассмотрено путешествие М. М. Геденштрома и оценка его И. Ф. Крузенштерном, приводимая в его письме, хранящемся в Музейном фонде рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Важным этапом в изучении истории географических исследований в России является выход в свет ряда монографий, в которых раскрываются отдельные аспекты научной деятельности полярных экспедиций. Так, книга З. К. Новокшановой-Соколовской (1967 г.) рассказывает о развитии геодезии и картографии в XIX—начале XX в., книга А. Е. Медунина (1967 г.) — о развитии гравиметрии. В работе В. А. Есакова (1971 г.) рассмотрены русские географические исследования в XIX — начале XX в.

Широкое участие Академии наук в исследованиях Севера нашло отражение в многотомной «Истории Академии наук», издание которой было начато в 1958 г., и в сводке В. Ф. Гнучевой «Академические экспедиции XVIII—XX веков» (1940 г.).

Интересные справочные сведения о полярных экспедициях рассматриваемого периода содержатся в коллективном труде Всесоюзного арктического института (ныне ААНИИ) «Геологическая изученность Арктики и Субарктики Союза ССР» (1938 г.).

Деятельность отдельных экспедиций в районе Северо-Западного прохода рассмотрена А. И. Алексеевым в монографиях «Судьба Русской Америки» (1975 г.) и «Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке» (1976 г.), а также И. П. Магидовичем в книге «История открытия и исследования Северной Америки» (1962 г.) и С. Н. Марковым в «Летописи Аляски» (1948 г.). Русские исследования на севере Европы и Азии кратко рассмотрены в книге И. П. Магидовича и В. И. Магидовича «История открытия и исследования Европы» (1970 г.) и в монографии А. А. Азатьяна, М. И. Белова, Н. А. Гвоздецкого, Л. Г. Каманина, Э. М. Мурзаева, Р. Л. Югай «История открытия и исследования Советской Азии» (1969 г.). Русские исследования на американской стороне Берингова пролива проанализированы С. Г. Федоровой в монографии «Русское население Аляски и Калифорнии» (1971 г.). При этом надо подчеркнуть, что в исследованиях А. И. Алексеева и С. Г. Федоровой привлечены новые архивные материалы и рассмотрена роль политических и экономических факторов в развитии географических исследований.

Интересные биографические материалы о полярных исследователях содержатся в сборниках «Русские физико-географы» (1959 г.) и «Русские мореплаватели» (1953 г.). В последнем сборнике Н. Я. Болотниковым, автором статьи «Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев», высказано важное суждение о том, что экспедиции двадцатых — начала тридцатых

годов «были в сущности отрядами одного крупного научного предприятия» (см. с. 185).

В последние годы появилось большое число работ, посвященных истории отдельных экспедиций или жизнеописаниям арктических путешественников. Среди них следует в первую очередь отметить ценные, обстоятельно документированные монографические исследования А. И. Алексеева о Г. А. Сарычеве и Ф. П. Литке, братьях Шмалевых, ученом чукче Дауркине, книги П. Б. Юргенсона и Н. И. Леонова об А. Ф. Миддендорфе, книгу А. Д. Добровольского о плаваниях Ф. П. Литке, книги Т. А. Лукиной о И. И. Лепехине и И. И. Эшшольце, книгу З. К. Новокшановой-Соколовской о Ф. Ф. Шуберте.

Отдельные экспедиции и важные историко-географические факты освещены в работах Г. А. Аграната, К. А. Бельченко, Л. С. Берга, П. П. Вавилова, Б. А. Вальской, Н. Г. Гехмана, Н. А. Гвоздецкого, В. Гурецкого, Ю. В. Давыдова, А. И. Климова, Г. Н. Кокорева, С. С. Кузнецова, В. В. Кузнецовой, В. Н. Купецкого, Л. А. Кудрявцевой, Е. Г. Кушнарева, Б. А. Липшиц, Н. Ф. Литке, Т. А. Лукиной, Р. В. Макаровой, С. Е. Мостахова, В. А. Обручева, Б. П. Полевого, М. И. Радовского, Б. Е. Райкова, В. С. Слодкевич, А. И. Соловьева, В. Б. Сочава, С. Г. Федоровой, М. Б. Черненко и других исследователей.

Если в работах по истории изучения полярных морей и арктического мореплавания весьма скромное внимание уделяется изучению материковых районов Севера, то в исследованиях по истории открытия и исследования отдельных территорий Европейской России, Восточной и Западной Сибири не рассматриваются ни экспедиции в арктические моря, ни становление научных представлений о Северном Ледовитом океане. Таким образом, ни одна группа работ не содержит полной картины изучения севера России в первую половину XIX в. Но это лишь одна сторона вопроса. В перечисленном выше комплексе историко-географических исследований предпринималось очень мало попыток органически связать полярные исследования изучаемого времени с конкретными задачами внешней политики России, с программами и идеалами движения декабристов, с конкретными потребностями хозяйственной и научной жизни страны, с теми глубинными процессами, которые происходили в передовом русском обществе. Именно создание такой комплексной характеристики и является предметом настоящей работы, основанной как на опубликованных источниках, так и в значительной степени на новых материалах, собранных в государственных архивах.

Основными источниками для изучения темы являлись документы государственных учреждений, снаряжавших полярные экспедиции, труды путешественников и декабристов, мемуарная литература и эпистолярное наследие, включая переписку декабристов с моряками и учеными. На протяжении XIX в. было опубликовано большое число статей и книг полярных путешественников, а также некоторые материалы мемуарного и эпистолярного

характера, в том числе переписка Н. П. Румянцева с П. И. Рикордом, И. Ф. Крузенштерна с В. Н. Берхом, имеющая важное значение для истории изучения северо-востока России и района Берингова пролива.

После Великой Отечественной войны была проведена большая работа по переизданию трудов таких путешественников, как Ф. П. Литке, П. К. Пахтусов, С. А. Моисеев, О. Е. Коцебу, Ф. Ф. Беллинсгаузен, В. М. Головнин, И. Ф. Крузенштерн, Л. А. Загоскин и других выдающихся мореплавателей и полярных исследователей. Особое место среди этих переизданий занимает вышедшая под редакцией А. И. Соловьева книга А. П. Лазарева «Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света...» (1950 г.), в которой опубликовано большое число важных документальных материалов ЦГАВМФ. Новые архивные материалы (отрывки из записок и писем Ф. Ф. Матюшкина) вошли и в переизданное издательством Главсевморпуть «Путешествие...» Ф. П. Врангеля (1948 г.).

Однако следует иметь в виду, что некоторые труды путешественников, переизданные Географгизом (в первое время), подвергались литературной правке и серьезным сокращениям, причем были исключены важные научные выводы. В частности, это относится к путешествиям О. Е. Коцебу и Ф. П. Литке.

Новые материалы о русских полярных исследованиях содержатся в «Переписке Карла Бэра по проблемам географии», подготовленной к публикации Т. А. Лукиной (1970 г.). Эта книга является важным источником для изучения вклада великого естествоиспытателя в исследование Арктики и его участия в создании Русского географического общества. Важное значение для истории полярных исследований имеет изданная В. А. Есаковым «Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России» (1962 г.).

Многие документы, имеющие важное значение для раскрытия политических причин снаряжения отдельных арктических экспедиций и кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна, оказавшего большое влияние на развитие русских полярных исследований, содержатся в вышедших в свет томах 1-й и 2-й серии замечательного издания «Внешняя политика России в XIX — начале XX в.» (отв. редактор — акад. А. Л. Нарочницкий). В совокупности с трудами С. Б. Окуня, А. Л. Нарочницкого, Л. Г. Бескровного, Н. Н. Болховитинова, В. Г. Сироткина, Л. С. Семенова, А. И. Алексеева, Р. В. Макаровой и других исследователей опубликованные в этом сборнике материалы открывали возможность выявить органическую связь полярных экспедиций с задачами внешней политики и задачами укрепления позиций России на севере Азии и Америки¹.

¹ См. также: Нарочницкий А. Л. Колониальная политика империалистических держав на Дальнем Востоке. — М., 1956; Семенов Л. С. Россия и Англия. — Л., 1975; Окунь С. Б. Российско-Американская компания. — М., 1939; Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. —

Хотя качество публикаций документов, относящихся к изучаемому периоду, в целом, как правило, высокое, в отдельных случаях приходилось прибегать к подлинным архивным материалам, особенно когда документы публиковались в сокращенном виде.

Как уже отмечалось, при подготовке работы были использованы как имеющаяся литература и опубликованные источники, так и неизвестные науке документальные материалы, хранящиеся в различных архивных фондах (см. Приложение).

Для выяснения вопроса о связи полярных экспедиций с задачами укрепления позиций России в полярных районах Европы, Азии и Америки особую важность представляют материалы Архива внешней политики России (АВПР). В фонде Главного архива было изучено дело экспедиции М. М. Геденштрома, которая была отправлена Министерством иностранных дел и коммерции. В деле находится большое число документов, раскрывающих политическую сторону этой экспедиции, ее значение для укрепления позиций Русского государства на северо-востоке Азии и в Русской Америке. Там же были обнаружены две подлинные карты М. М. Геденштрома. Большую ценность представляют находящиеся в этом фонде материалы о предполагавшейся экспедиции офицера английского флота Бедфорда Пима на Чукотку, ярко рисующие озабоченность передовых ученых и моряков шаткостью позиций России на северо-востоке Азии. Для изучения этого вопроса представляли интерес сведения о создании американского поселения на Аляске и о поездках иностранцев по России. В фонде Российско-Американской компании изучались материалы о плавании брига «Рюрик» и обширная переписка Н. П. Румянцева и И. Ф. Крузенштерна за 1823—1825 гг. о подготовке новой экспедиции для описи северного побережья Русской Америки. Значительная часть этих документов перекликается с письмами Н. П. Румянцева, хранящимися в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (ЦГИАЭ), и ответными письмами И. Ф. Крузенштерна, находящимися в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Двенадцатилетняя переписка между И. Ф. Крузенштерном и Н. П. Румянцевым в основном посвящена проблеме поисков Северо-Западного морского пути и полярным исследованиям в десятых и двадцатых годах прошлого столетия. В этом же архиве, кроме переписки Н. П. Румянцева с И. Ф. Крузенштерном, О. Е. Коцебу, П. И. Рикордом, изучался фонд Ф. П. Литке, и в первую очередь его переписка с В. М. Головниным, И. Ф. Крузенштерном, М. Ф. Рейнеке, А. Я. Купфером, а также некоторые документы и картографические материалы МГА МИД и Кабинета Петра I.

М., 1966; Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения. 1815—1832 гг. — М., 1975; Макарова Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII в. — 60-е годы XIX в. — М., 1974; Нарочницкий А. Л., Бескровный Л. Г. К истории внешней политики на Дальнем Востоке в XIX в. — Вопросы истории, 1974, № 6; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. — Магадан, 1975 и др.

Для выяснения международных научных связей весьма важны черновики писем И. Ф. Крузенштерна к английским полярным исследователям Дж. Барроу, Россу, Бурнею, Франклину и др., частью хранящиеся в ЦГИАЭ, частью в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), из которых удалось расшифровать лишь весьма незначительную долю. Этот пробел отчасти восполняется сохранившимися в ЦГАВМФ, в фонде Крузенштерна, письмами к нему зарубежных коллег, для которых он являлся одним из самых авторитетных исследователей первой половины XIX в.

В ЦГИАЭ изучался фонд Ф. П. Врангеля, первая публикация о содержании которого принадлежит А. И. Андрееву. В этом фонде сосредоточена обширная группа материалов, касающихся Колымской экспедиции, и письма Ф. П. Врангеля, представляющие интерес не только для истории полярных исследований, но и для изучения общего исторического процесса в дореформенный период России. Там же находится черновик проекта новой экспедиции на Чукотку, которая должна была заняться поисками земли к северу от мыса Якан. Некоторые документы фонда дали первое представление об отношениях Ф. П. Врангеля с Н. А. Бестужевым, Г. С. Батеньковым, А. О. Корниловичем, А. Н. Муравьевым, с которым исследователь подружился в Иркутске. Сохранились 14 писем А. Н. Муравьева к полярному исследователю, относящиеся к 1830—1859 гг. Для характеристики Ф. П. Врангеля представляет интерес его письмо к акционерам Российско-Американской компании, в котором он обвиняет директоров этой компании в казнокрадстве, и его отношение к продаже Аляски как к акции, наносящей ущерб государственным интересам России. Среди бумаг Ф. П. Врангеля находится список с известного стихотворения Лаврова «К русскому народу», а также другие нелегальные стихи конца сороковых — начала пятидесятых годов.

В том же архиве (ЦГИАЭ) были просмотрены бумаги полярного исследователя А. Ф. Миддендорфа, в том числе его переписка с топографом Вагановым, участником Сибирской экспедиции.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) исследовались дела декабристов К. П. Торсона, В. П. Романова, А. М. Иванчина-Писарева, М. К. Кюхельбекера, Н. А. Чижова и Д. И. Завалишина, участвовавших в полярных и кругосветных экспедициях.

Для изучения политических, экономических и научных задач полярных экспедиций русского военно-морского флота важнейшее значение имеет обширнейшее собрание ЦГАВМФ, где хранятся дела всех полярных экспедиций, снаряженных этим ведомством в рассматриваемое время. Здесь же находятся обширные личные фонды И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина, Ф. П. Литке, И. И. де Траверсе, М. Ф. Рейнеке. Имеющиеся в ЦГАВМФ документы позволяют не только более полно и достоверно осветить ход экспедиций, но и вскрыть действительные причины их снаряжения. Важное значение для выявления связи полярных исследова-

ний с внешней и внутренней политикой Русского государства имеет группа документов, отражающая подготовку России к опубликованию указа от 4 сентября 1821 г., политическую борьбу вокруг этого шага царского правительства, отмену крейсерства в северной части Тихого океана и возобновление его на пороге Крымской войны, когда в сферу охраны предполагалось включить северные берега Сибири и Русской Америки (некоторые из этих документов почти одновременно с нами использовались Н. Н. Болховитиновым).

В ЦГАВМФ обнаружено значительное число проектов научных экспедиций, направленных на укрепление международного авторитета России и ее науки, в том числе записка Г. А. Сарычева, в которой обобщаются задачи полярных исследований, проект новой экспедиции к Северному и Южному полюсам, предложенный И. Ф. Крузенштерном в 1830 г., проект Второй русской антарктической экспедиции, выдвинутый П. И. Крузенштерном, проекты поисков Северо-Западного прохода, принадлежащие А. С. Лескову — участнику Первой русской антарктической экспедиции, а также И. Ф. Крузенштерну и декабристу В. П. Романову, предложение Г. А. Сарычева о поисках земли к северу от мыса Якан, проект научной экспедиции на Европейский Север и Новую Землю (Ф. П. Литке), донесения русского посла в Лондоне Х. А. Ливена об английских полярных исследованиях и многие другие документы.

В Ленинградском отделении Архива Академии наук (ЛО ААН) просмотрены дела о путешествиях К. М. Бэра, А. Ф. Миддендорфа, А. И. Шренка, В. Г. Бетлингга, М. А. Кастрена, К. И. Гревингга, Ф. И. Рупрехта, А. С. Савельева, проект геофизической съемки России А. Я. Купфера и другие материалы о русских полярных исследованиях.

В Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА), в фондах Коммерц-коллегии, Министерства народного просвещения и Министерства финансов были изучены дела экспедиций М. И. Адамса, А. Ф. Миддендорфа, К. М. Бэра, А. А. Кейзерлинга и П. И. Крузенштерна, В. Иславина, письмо И. И. Лепехина о необходимости развития китового промысла и несколько проектов экспедиций, направленных на укрепление политического влияния России на северо-востоке Сибири.

Одновременно были исследованы фонды Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), где была обнаружена переписка Н. П. Румянцева с А. А. Аракчеевым и ряд других документов, имеющих отношение к установлению границ между Норвегией и Россией.

С целью выяснения причин снаряжения экспедиции Русского географического общества на Полярный Урал были просмотрены некоторые дела Ученого архива этого общества, в том числе фонд П. И. Крузенштерна и дела экспедиции Э. К. Гофмана.

Были также обследованы рукописные собрания Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Государственной

публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, где находятся письма М. Ф. Рейнеке к Н. А. и М. А. Бестужевым, письма Ф. Ф. Матюшкина к Г. С. Батенькову, письма В. П. Романова, проект Г. С. Батенькова об исследовании Сибири. Часть из этих писем уже привлекала внимание советских исследователей.

Кроме того, были использованы материалы о Северном континенте и о проекте Б. Пима, а также письма И. Ф. Крузенштерна, присланные автору Т. А. Армстронгом (полярный институт Скотта, Кембридж), и одновременно привлекались материалы о встрече Ф. П. Врангеля с Г. С. Батеньковым после амнистии, предоставленной правнуком исследователя В. Г. Врангелем, у которого хранились автобиографические записки прадеда.

Перечисленные архивные материалы в подавляющем большинстве были введены в научный оборот в наших ранее опубликованных работах. В предлагаемой монографии они составили документальную основу многих разделов¹. Это позволило рассмотреть широкий комплекс вопросов истории исследования севера России, их связь с внешней и внутренней политикой, развитием науки, движением декабристов и ростом национального самосознания.

При подготовке монографии автор опирался на методологические основы истории изучения общественных и естественных наук, с исчерпывающей полнотой разработанные в трудах основоположников марксизма-ленинизма. История полярных исследований в первой половине XIX в. рассматривалась с учетом уровня развития промышленности, техники и культуры, с учетом законов логики внутреннего развития познания полярных стран, охватывающего широкий круг наук о Земле.

«Естествознание, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей»². Это положение К. Маркса и Ф. Энгельса подтверждается как общей историей естествознания, так и историей изучения Арктики. Поэтому прежде всего ставилась задача показать влияние конкретных социально-экономических факторов на развитие полярных исследований в России и проследить, какими потребностями жизни Русского государства вызывалось снаряжение научных экспедиций.

Наряду с социально-политическими причинами на полярные исследования большое влияние оказывали внутренние законы развития науки. Чем стремительнее происходило становление научных представлений, тем сильнее они оказывали воздействие на экономику Севера, в частности на развитие промыслов. Их рост в всю очередь приводил к географическим открытиям, которые являлись побудительной причиной снаряжения правительственных арктиче-

¹ Все даты в работе даны по старому стилю. Иностранные фамилии и имена даны в транскрипции, принятой в исторических документах.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 43.

ских экспедиций. Это взаимодействие красной нитью проходит через всю историю изучения и освоения севера России. Однако с течением времени причины, определявшие развитие полярных исследований, существенно изменялись. Это требовало детального рассмотрения задач и итогов экспедиций, каждого полярного предприятия России, анализа многих не бывших в научном обороте проектов по изучению и экономическому развитию Севера.

В. И. Ленин учил при научном исследовании «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, автор поставил задачу воссоздать во всей сложности и взаимообусловленности историческую картину полярных исследований России в первую половину XIX в., характеризующуюся разложением феодально-крепостнической системы и развитием капитализма. В работе рассматриваемый период разбит на три этапа, что отражает особенности развития русских полярных исследований в изучаемую эпоху.

Первый из выделенных этапов охватывает конец XVIII и начало XIX в., на протяжении которых силы и средства России были направлены на войны с Францией, Турцией, Швецией и, наконец, на отражение нашествия Наполеона и окончательный разгром французских армий на полях Европы. Но даже в это беспокоеное и трудное время было предпринято несколько полярных экспедиций. Их снаряжение шло в основном за счет Министерства иностранных дел и коммерции, департамента водяных коммуникаций, Адмиралтейств-коллегии (впоследствии Морского Министерства) и собственных средств государственного канцлера Н. П. Румянцева. Перед этими экспедициями впервые в новом столетии были поставлены такие сложные проблемы, как исследование Новой Земли, поиски водных путей сообщения между Архангельским краем и Сибирским Севером, открытие Северо-Западного прохода, исследование «матерой земли» в Северном Ледовитом океане, достижение Северного полюса.

Второй этап охватывает в основном двадцатые и тридцатые годы. На всем протяжении полярные экспедиции, за очень редкими исключениями, осуществляются силами военно-морского флота. Этот этап открывается плаванием к Южному полюсу и в Берингов пролив (1819 г.) и завершается экспедицией 1840 г. для промеров глубин у берегов Лапландии.

В самом начале этого этапа Г. А. Сарычевым и И. Ф. Крузенштерном были намечены главнейшие задачи русских полярных и океанографических исследований. На протяжении рассматриваемого двадцатилетия был открыт Южный ледяной материк — шестая часть света, картировано побережье Северного Ледовитого

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

океана от Варангер-фьорда до мыса Врангеля в Русской Америке, за исключением участка между устьями рек Оби и Оленек, описаны все известные к этому времени арктические острова Русской Арктики, за исключением Шпицбергена и северной части Новой Земли. При анализе результатов экспедиций учитывалось своеобразие исторической обстановки, в которой развивались полярные исследования как в начале изучаемого периода, так и в годы политической реакции, когда вслед за разгромом движения декабристов началось преследование передовой общественной мысли не только в армии и на флоте, но и в России вообще, что привело сначала к спаду, а затем почти к полному прекращению исследований в Арктике, проводимых морским флотом, и нанесло огромный ущерб русской науке.

Третий период хронологически охватывает конец тридцатых и сороковые годы. Для этого периода характерен кризис феодально-крепостнической системы и подъем национального самосознания. Экспедиции на север России в эти годы осуществляются в основном Академией наук, Корпусом горных инженеров, Российско-Американской компанией и частными лицами, заинтересованными в развитии капиталистических отношений на севере Архангельского края и Сибири.

В связи с активным участием Академии наук меняются и задачи, которые ставились перед полярными исследователями. Если для экспедиций морского флота главной научной задачей была опись арктических побережий и островов и исследование климата Севера, то Академия наук основное внимание уделяет изучению Севера в зоологическом, ботаническом, метеорологическом, геологическом и физико-географическом отношениях. Экспедиции, предпринятые частными лицами, или дополняют исследования Академии наук, или ведут поиски удобных путей для вывоза леса и других природных богатств Севера как в Центральную Россию, так и за границу.

Хронологические рамки каждого периода не ограничены строго определенными датами, между ними существует тесная связь, так же как существует связь между исследованиями в первой половине XIX в. и исследованиями в XVIII в. Рассмотрение хода изучения севера России в его исторической связи с достижениями предшествующего времени позволяет более правильно оценить выдающийся вклад русских ученых и моряков в исследование Арктики, показать, что нового дали науке моряки и ученые этой эпохи по сравнению со своими предшественниками. «Исторические заслуги, — писал В. И. Ленин, — судятся не по тому, что *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками»¹. В. И. Ленин подчеркивал, что исследование исторических корней необходимо «не в смысле одного только

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего»¹.

Изучая полярные исследования России первой половины XIX в., автор стремился обратить внимание на важность изучения исторических документов как важнейших источников для создания истории глобального климата, в разработке которой Главной геофизической обсерватории оказывают помощь ученые Института истории СССР АН СССР и его Ленинградского отделения, исторического факультета ЛГУ и Института истории, филологии и литературы СО АН СССР.

Настоящее комплексное исследование создавалось в течение двух десятилетий. В этом долгом и сложном поиске автору большую научную помощь оказывали профессор В. В. Мавродин, академик А. П. Окладников, доктор исторических наук С. Б. Окунь. Ценные советы и рекомендации дали автору Н. Н. Болховитинов, В. Ф. Бурханов, А. И. Алексеев, А. В. Кольцов, Л. С. Семенов, Б. В. Ананьич, С. Г. Федорова, Р. В. Макарова.

Глубокую благодарность автор выражает академику М. В. Нечкиной, академику А. Л. Яншину, академику А. Ф. Трешникову, профессору Э. Ф. Варепу, доктору географических наук Е. И. Толстикову, кандидату географических наук Е. М. Сузюмову, поддерживавших автора при работе над этим исследованием.

Глава 1

ПОПЫТКИ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Полярные исследования начала XIX в. характеризуются вниманием к многочисленным проблемам изучения Арктики. Среди них первое место принадлежит поискам северной «матерой земли» и решению проблемы о морском сообщении между Тихим и Атлантическим океанами. Интерес к ним диктуется и политическими, и торгово-промышленными, и научными задачами.

Уже в начале XIX в. в России ставится вопрос о достижении Северного полюса, но гораздо больше внимания привлекает обследование Европейского Севера в транспортном и торгово-промышленном отношениях, что было продиктовано некоторыми тенденциями экономического развития Русского государства.

Русский Север в первой половине XIX в. занимал значительно большую территорию, чем в наше время. Его западная граница начиналась у Варангер-фьорда, а восточная проходила на Американском континенте по 141° з. д., примерно на расстоянии 200—250 км к западу от р. Маккензи. По своему социально-экономическому развитию эти районы представляли пеструю картину. К на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

чалу века еще не были исследованы северные берега Русской Америки. Еще ни один путешественник не высаживался в американском Заполярье, тем более, что его граница в первые 20 лет XIX в. еще не была четко обозначена. Еще предстоит О. Е. Коцебу привезти первые сведения о жителях открытого им залива, а А. Ф. Кашеварову спустя 22 года удастся продолжить изучение американских эскимосов, на которых практически не распространялись ни власть Российско-Американской компании, ни тем более власть русского правительства. Чукчи также фактически еще не находились в русском подданстве.

По данным С. Б. Окуня, в 1806 г. чукчи в качестве ясака внесли 10 красных лисиц, получив за них в подарок 27 фунтов табака¹. Обладание Чукоткой не имело существенного экономического значения, и царское правительство, преподнося подарки местной знати, не торопилось принимать чукчей в окончательное подданство². Во всяком случае еще в 1851 г. министр иностранных дел К. В. Нессельроде писал английскому послу в Петербурге Гамильтону Сеймуру, что чукчи «хотя и считаются подвластными России, не состоят в действительном подданстве, а находятся под покровительством»³.

Власть центрального русского правительства фактически распространялась на арктические области от устья р. Колымы до Вагангер-фьорда. На значительной части этого пространства обитали малые народы, находящиеся в стадии родового строя.

Вблизи устьев сибирских рек Оби, Енисея, Лены, Анабары, Оленька, Яны, Индигирки и Колымы издавна селились русские люди. По данным, приводимым в «Истории Сибири», в прибрежной полосе Северного Ледовитого океана существовало около 30 селений, в которых проживало около 600 промышленников и мещан⁴. Русские поселения на Сибирском Севере играли прогрессивную роль. Этот факт отмечался многими советскими исследователями.

Важное значение на Сибирском Севере имело рыболовство, охота на морского зверя, добыча пушнины. На Янском и Колымском Севере широко была развита добыча мамонтовой кости. В поисках клыков мамонта в начале XIX в. были совершены выдающиеся географические открытия. Наиболее развиты были рыбные промыслы в низовьях крупных арктических рек. Так, из района нижнего течения Енисея доставлялось около 50 тыс. пудов рыбы ежегодно⁵.

Процесс разложения феодально-крепостнического строя и взревания в его недрах новых капиталистических отношений, как

¹ Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. — М., 1935, с. 83.

² ЦГИА, ф. министра коммерции (ф. 13), оп. 2, д. 806, л. 1—25.

³ АВГР, ф. Главный архив, П-21, 1851—1852, д. 7, л. 7. Этот вопрос очерпывающе освещен в монографии: Вдовин С. И. Очерки истории и этнографии чукчей. М., Л., 1965, с. 141—148.

⁴ История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России/Под ред. А. П. Окладникова. — Л., 1968, с. 371.

⁵ Там же. с. 374.

отмечалось, затронул в конце XVIII — первой половине XIX в. и север России. При этом необходимо отметить, что в первые годы XIX в. царское правительство вкладывало крупные ассигнования не только в обновление горной промышленности Урала, но и в создание Беломорской компании, основанной на капиталистических началах. Крупные суммы, если не прямо, то косвенно, тратились на поддержку Российско-Американской компании и на осуществление кругосветных путешествий, перед которыми стояли и торговые, и политические, и научные задачи.

По ходатайству Н. П. Румянцева было разрешено учредить в Архангельске мореходное училище для подготовки кадров для купеческих судов, создать «есконтную контору» и уравнивать в правах русское купечество с иностранными купцами¹.

Попытки создания благоприятных условий для капиталистических отношений нашли свое отражение в исследовании Европейского Севера как в торгово-промышленном, так и в транспортном отношении. Кроме изучения Белого моря, объектом геологических исследований оказалась Новая Земля, были организованы изыскания возможностей соединения каналом рек Оби и Печоры или отыскания иного водного пути для того, чтобы открыть доступ сырья и продуктов промыслов Сибири в Европу. Это было буржуазное по своей сущности предприятие, направленное на развитие путей сообщения в районах, не знавших крепостничества.

Начало исследований в Белом море

Видное место в экономике Поморья занимала судостроительная и лесная промышленность. В начале XIX в.², особенно в годы, предшествующие Отечественной войне 1812 г., судостроение переживало наивысший подъем. Только за 1810 г. было построено 21 парусное судно. По данным П. М. Трофимова, с 1801 по 1842 г. из Архангельска в Балтийское море было отправлено 85 судов, построенных на Соломбальской и других верфях. В Архангельске строились боевые корабли для военно-морского флота, которые перегонялись в Балтийское море. Это обстоятельство было одной из причин развития исследований в Белом море и на Мурмане.

По данным С. Огородникова, лишь в первую четверть XIX в. было построено 92 военных судна: из них 26 крупных 74-пушечных кораблей, 18 фрегатов, 3 шлюпа, 2 брига, 2 транспорта, 4 капонерских лодки³.

В экономической жизни Европейского Севера России значительное место занимали рыбные и морские промыслы. Именно на про-

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1, 1801—1815 гг./Под ред. А. Л. Нарочницкого. — М., 1960, с. 453—454. (Далее: Внешняя политика России...).

² Трофимов П. М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. — М., 1961, с. 75. (Далее: Трофимов П. М. Очерки экономического развития...).

³ Огородников С. История Архангельского порта. — СПб., 1875, с. 306. (Далее: Огородников С. История...).

мыслах особенно устойчиво сохранялись отсталые полукрепостнические социально-экономические отношения. В. И. Ленин в одном из примечаний к работе «Развитие капитализма в России» отметил, что «в одном из главных центров русской рыбопромышленности, на Мурманском берегу, «исконной» и поистине «освященной веками» формой экономических отношений был «покрут», который вполне сложился в XVII веке»¹.

О размере промыслов в начале XIX в. некоторое, разумеется, далеко не полное представление содержится в письме директора архангельской таможни Чернецкого на имя Н. П. Румянцева. Он сообщает, что «употребление промыслов со Шпицбергена, или Груманта, Новой Земли, Мурманского берега, из приморских городов и уездов в Архангельск привозимых, полагая расчисление шестилетнего времени», составляют до 13 852 пудов палтуса, 198 561 пуда трески, 2 130 пудов сига, 17 899 пудов камбалы, 15 904 бочек и бочонков сельдей. Из Архангельска в различные города Средней России вывозили семгу и омуля. Промыслами только у Мурманского берега занималось ежегодно около 4000 человек, из них около 2000 архангелогородцев. Моржовые, лысуновые и серковые кожи большей частью поступали на внешний рынок, в особенности в Англию и Гамбург. В Лондон и Ливорно вывозилась также сушеная треска.

Внешняя торговля через беломорские порты, переживавшая период спада в середине XVIII в., значительно оживилась в царствование Екатерины II и на рубеже двух столетий продолжала развиваться. Некоторое представление об этом дает оставленная Чернецким для Н. П. Румянцева «Выписка, означающая с 1797 по сей 1803 г. приход и отпуск кораблей, привоз и отпуск товаров по цене и перевес российской с иностранною торговлею»²:

Год	Число кораблей		Товаров по цене (в рублях)		Перевес торга российского (в рублях)
	в приход	в отпуск	в привоз	в отпуск	
1797	104	107	614 762	2 456 922	1 842 160
1798	127	131	646 891	2 521 424	1 874 533
1799	122	124	460 027	2 555 252	2 095 224
1800	141	147	264 153	3 367 973	3 103 816
1801	160	167	446 321	3 668 935	3 222 613
1802	216	226	549 676	4 673 604	4 123 027

Особенно возросла роль архангельского порта в годы войн с наполеоновской Францией и во время континентальной блокады. Продолжали расти внешнеторговые обороты архангельского порта и после окончания Отечественной войны. В 1811—1820 гг. в Архангельск приходило 2350 судов против 1422 судов в последнем десятилетии XVIII в. При этом внешнеторговый оборот возрос

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 600.

² ЦГИА, ф. 13, оп. 2, д. 780, л. 17.

почти в 5 раз и составлял 145 млн. 429 тыс. рублей¹. В 1813 г. коммерческий флот на Белом море насчитывал 300 судов². Россия экспортировала через Архангельск в основном лес, хлеб, пушнину, продукты морского промысла, суда, канаты, пеньку, смолопродукты.

Развитие торговли через беломорские порты, рост военного и купеческого судостроения, потребности обороны самого важного в экономическом и стратегическом отношении района Европейского Севера требовали не только точных знаний о берегах Белого моря; но и о его глубинах, течениях, банках, мелях, подводных камнях. Вопрос этот уже на протяжении более полувека время от времени привлекал внимание Адмиралтейств-коллегии. По ее указанию во второй половине XVIII в. для описи Белого моря были посланы штурман Беляев, выполнивший первый промер глубин в Белом море, в частности в южной части Мезенского залива, капитан-лейтенант Немчинов, неверно описавший Летний берег и грубо положивший на карту острова Онежских шхер, лейтенант Пусторжевцев, описавший устья Сумы, Шумы, Кеми и Варзухи, лейтенанты Григорков и Доможиров, составившие карту восточной половины Белого моря.

Труды этих гидрографов, как правило, не были опубликованы и распространялись в виде рукописных карт и рукописных отрывочных заметок. «По справедливости, — писал выдающийся исследователь Белого моря М. Ф. Рейнеке, — они заслуживали лучшей участи, чем могилы в архивах, откуда, быть может, многое уже растеряно»³.

Еще в 1797 г. Адмиралтейств-коллегия по представлению управляющего чертежной генерал-майора Л. И. Голенищева-Кутузова приняла решение произвести общую съемку Белого моря, признав, что «все прежние описи были не полны, не надежно между собой связаны и не укреплены астрономическими определениями»⁴.

Руководство беломорскими исследованиями поручено было Л. И. Голенищеву-Кутузову. Последний решил привлечь к этим работам Академию наук, куда он в сентябре 1798 г. и обратился с письмом, прося помочь Адмиралтейств-коллегии как инструментами, так и научными рекомендациями и советами.

Экспедиция и по составу, и по своим задачам была задумана как большое научное предприятие. Над ее планом работали академики Ф. И. Шуберт, П. Б. Иноходцев, С. Я. Румовский. Они считали необходимым в первую очередь с возможной точностью,

¹ Трофимов П. М. Очерки экономического развития..., с. 91.

² Огородников С. История..., с. 308.

³ Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание Северного берега России. Составлено капитан-лейтенантом М. Рейнеке в 1833 г. Ч. 1. Белое море. — СПб., 1850, с. 20. (Далее: Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание...).

⁴ В библиотеке Географического общества СССР хранятся два тома «Гидрографического описания...», на полях которых имеются заметки, сделанные М. Ф. Рейнеке.

⁵ Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание..., с. 20.

на уровне достижений науки и техники того времени, определить важнейшие географические пункты берегов Белого моря, на которые и опирались бы как опись его побережья, так и промеры глубин.

Морское ведомство предполагало начать опись летом 1798 г., продолжить ее зимой с тем, чтобы завершить ее следующим летом тотчас после освобождения моря от льдов. Фактически экспедиция приступила к исследованиям в 1799 г. Кроме морских офицеров и штурманов, в ней участвовали учителя Морского кадетского корпуса Иванов и Абросимов, которые к этим работам по поручению Академии наук были подготовлены академиком астрономии С. Я. Румовским.

В первый год исследований лейтенантом Кутузовым и штурманом Некрасовым была выполнена съемка от Архангельска до Ухт-Наволока, а лейтенантом Линяковым описана Унская губа. Одновременно лейтенант Титов и штурман Селезнев заново положили на карту Мурманский берег от Кандалакши до мыса Турья, где соединили свои наблюдения с описью лейтенанта Повалишина и штурмана Егорова, которые довели ее до р. Варзухи. И, наконец, лейтенант Берх и штурман Розов исследовали море и его берега от Кандалакши до сел. Ковда.

В 1800 г. исследования продолжались с еще большим размахом. В них принимали участие лейтенанты Сухов и Пышенков, которые произвели съемку от Канина Носа до мыса Конушина, к югу от него до г. Мезени ее продолжали лейтенант Повалишин и штурман Егоров.

Лейтенант Шишков и штурман Пономарев описали берег от Мезени до мыса Воронова и о. Моржовец. Участок берега от мыса Воронова до Каменного ручья у Зимних гор исследовали лейтенант Смирнов и штурман Ручнев. Их работы соединились с описью лейтенанта Ханкова и штурмана Миронова, которые ее вели со стороны Архангельска.

Таким образом, весь восточный берег был заново картирован. Продолжались работы и в южной и западной частях Белого моря, оставшихся не осмотренными в предшествовавшем году. Лейтенант Линяков и штурман Афанасьев продолжили свою прошлогоднюю опись от Ухт-Наволока до г. Онеги, где она сомкнулась с работами лейтенанта Челяева и штурмана Беляева, которые вели съемку со стороны Сумского посада.

В свою очередь, берег от Сумы до Пур-Наволока с близлежащими островами был картирован лейтенантом Горяйновым и штурманом Некрасовым. От этого пункта до сел. Ковда побережье Белого моря было исследовано тремя партиями, в которые входили лейтенант Челяев и штурман Красовский, лейтенант Линьков и штурман Афанасьев.

Далее к северу шел значительный участок, исследованный в 1799 г. Он заканчивался у р. Варзухи, от которой продолжили опись лейтенант Бабаев и штурман Стоумов, а также лейтенант Бачманов. Они довели съемку до сел. Поной. И, наконец, послед-

ний участок, простирающийся к северу до Св. Носа, исследовался в течение 1800—1802 гг. капитан-лейтенантом Сальковым.

Таким образом, на рубеже нового столетия была осуществлена грандиозная по своему размаху экспедиция по съемке берегов и некоторых островов Белого моря. В прибрежных районах большинства участков были промерены от глубины 8 м. Промеры в море специально не проводились, а выполнялись попутно при доставке описных партий к тем или иным участкам побережья. Поэтому были оставлены без внимания многие мели, лежащие на путях следования судов из Архангельска в Северный Ледовитый океан, не говоря уже о тех, которые находились вдали от основного фарватера. Также не были детально исследованы устья рек.

Учителем Морского кадетского корпуса Ивановым было астрономически определено положение мыса Св. Нос, устья р. Лумбовки, сел. Пялица и Золотица. Наблюдениями его коллеги Абросимова были охвачены Архангельск, Каменный ручей, мыс Воронов, г. Мезень, Канин Нос, мыс Конушин. Кроме того, он определил местоположение Кандалакши, устья р. Кереть, Пур-Наволока, г. Онеги, Ухт-Наволока.

Журналы астрономических наблюдений Иванова, присланные в Академию наук Л. И. Голенищевым-Кутузовым, были рассмотрены в 1801 г. академиком Иноходцевым, который нашел выводы путешественника достаточными для «географического употребления», а его деятельность заслуживающей одобрения.

В отзыве академика С. Я. Румовского от 31 октября 1802 г. на определения Абросимова, сделанные по берегам Белого моря, была отмечена точность; тщательность наблюдений этого «искусного и ревностного обсерватора»¹.

Рассматривая спустя 30 лет результаты этой съемки, М. Ф. Рейнеке писал, что «общее положение и расстояние съемки каждого участка нашли мы довольно верными». Но в нем недоставало топографических подробностей и «означения состава берега»². Наиболее точно был положен участок от Онеги до Сумы, где работал лейтенант Челяев. Хуже других опись была выполнена лейтенантом Горяйновым (на участке от Кеми до Кандалакши).

Исследования 1799—1802 гг. все же были неполными. Работы в Белом море были свернуты по политическим причинам. В 1800 г. Павел I разорвал отношения с Англией. Уже в августе того же года было учреждено крейсерство вблизи Новодвинской крепости, затем были конфискованы 12 английских судов с находившимися на них товарами. Военный гарнизон Архангельска был усилен двумя полками. Каждое двинское устье охранялось двумя канонерскими лодками и 10 карбасами. Новодвинская крепость была

¹ ЛО ААН, ф. Протоколы Академии (ф. 1), оп. 2, 1802, д. 10, л. 1.

² Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание... Ч. 1, с. 18.

усилена 78 пушками, а вблизи нее на о. Маркова построили земляное укрепление, на которое поставили 9 орудий¹.

Однако военные приготовления на Европейском Севере так же, как и военные мероприятия на северо-востоке Азии, оказались напрасными. Ни в Белом море, ни на севере Тихого океана английские военные корабли не появились. Политическая ситуация вскоре изменилась. Павел I был свергнут, а Александр I поспешил восстановить мир с Англией. Но этого непродолжительного разрыва оказалось совершенно достаточно, чтобы на весьма продолжительное время отложить дальнейшее исследование Белого моря.

По результатам съемки 1799—1802 гг. Л. И. Голенищевым-Кутузовым была издана генеральная карта всего Белого моря, которая служила основным навигационным пособием до 1823 г., хотя и она имела свои недостатки. Многие важные пункты, такие, как города Мезень и Онега, мыс Канин Нос, мыс Конушин, мыс Воронов, посад Сумы, были положены на карту неверно. Зимнему берегу было дано неправильное направление. Ошибки колебались от 12 до 25 миль, т. е. до 1° долгот. Не были указаны промеры глубин, которые раньше уже наносились на карты Григорькова, Доможирова, Немтинова и Беляева. Эти ошибки вскоре были замечены, и главный командир архангельского порта адмирал Фондезин поручил штурману Ядровцеву заново составить карту Белого моря и нанести на нее промеры экспедиции за последние полвека. На этой карте были исправлены некоторые ошибки предыдущего составителя, но внесено значительное количество неточностей.

Поскольку карты имели несходство в положении ряда рек и мысов, Адмиралтейств-коллегия предложила Адмиралтейскому департаменту отправить астронома для определения важнейших пунктов Белого моря². Адмиралтейский департамент потребовал материалы наблюдений астрономов Иванова и Абросимова и мнение о них академика С. Я. Румовского. Рассмотрев их материалы, пришли к выводу, что Л. И. Голенищевым-Кутузовым при составлении карты употреблялись способы, «каких лучше желать невозможно»³, и что противоречивостью в положении таких мест, как Онега, Ухт-Наволоки и др., можно пренебречь, поскольку в этих местах плавают лишь купеческие суда, а военные корабли там не показываются.

Это мнение было 19 июня 1807 г. доложено министру морских сил П. В. Чичагову, который дал «согласие на отмену отправления астронома на берега Белого моря». Одновременно Л. И. Голенищеву-Кутузову были сообщены долготы и широты пунктов, положение которых вызывало сомнение, для внесения исправлений в карту, автору которой при этом было выражено особенное

уважение «за весьма тщательное и исправное исполнение сего порученного дела, столь важного для российского флота»¹.

Исправленная генеральная карта была передана на военные суда в качестве навигационного пособия.

В 1817 г. Адмиралтейским департаментом было принято решение о гравировании карт «Атласа Белого моря», составленного Л. И. Голенищевым-Кутузовым. Однако прежде чем Атлас увидел свет, стало очевидным, что он является недостаточно надежным навигационным пособием. В начале двадцатых годов вопрос о точном и подробном исследовании Белого моря снова стал актуальным.

Проекты развития промыслов на Архангельском Севере. Поиски серебряной руды на Новой Земле

На рубеже XVIII и XIX столетий родилось большое число проектов, ставивших целью дальнейшее развитие промыслов на севере России и усиление торговых связей полярных окраин с центральными, наиболее развитыми в хозяйственном отношении губерниями русского государства. В качестве авторов проектов выступали и купцы, и отставные матросы, и выдающиеся морские офицеры, и ученые с европейской известностью. Несколько предложений было направлено на вовлечение в хозяйственную деятельность природных богатств Архангельского Севера. 15 марта 1798 г. известный русский естествоиспытатель академик И. И. Лепехин, составил записку «Об удобности китового промысла в России». Он считал, что центром новой отрасли промышленности должен стать Мурманский берег. Особое внимание он обращал на г. Колу, который может стать не только центром китового и зверобойного промысла, но и служить великою пользой в оборонных мероприятиях России в случае разрыва со Швецией². По мнению Лепехина, еще большую важность для Русского государства имела Екатерининская гавань, которая не покрывается льдом и откуда во всякое время года открыт путь в «неизмеримый и прекрасный океан»³.

В развитии китового и зверобойного промыслов И. И. Лепехин, как и ряд прогрессивных деятелей первых лет XIX в., видел одну из возможностей увеличения экономического потенциала Севера, усиления политического внимания России в этом районе мира, тем более, что поморы уже простирали свои плавания (манте). По мнению ученого, чтобы развитие промыслового моредо берегов Гренландии и вели промыслы на Шпицбергене (Группавания в полной мере соответствовало национальным интересам России, была необходима действенная поддержка со стороны правительства.

Эта записка поступила в экспедицию государственного хозяй-

¹ Огородников С. История..., с. 231—234.

² ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейского департамента (ф. 215), оп. 1, д. 813, л. 4. Представление подписано Г. А. Сарычевым.

³ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 813, л. 141.

¹ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 813, л. 142.

² ЦГИА, ф. 13, оп. 1, д. 82, л. 20.

³ Там же, л. 22.

ства Сената, которая выразила ученому особую признательность за его сочинение. 3 мая 1798 г. экспедиция запросила архангельские губернские власти о том, каким образом можно восстановить пришедшие в упадок кольские промыслы и какое «вспомоществование» требуется от правительства для заведения добычи китов. И так как ответа не последовало, то 1 сентября 1799 г. экспедиция Сената направила новый запрос на имя нового архангельского гражданского губернатора Мезенцева. Последний 1 декабря 1800 г. уведомил экспедицию Сената, что промыслы на Архангельском Севере находятся в «хорошем состоянии». Губернатор сообщал далее, что он «склонял» местных жителей к заведению китоловства, но не встретил желающих. Кроме того, вопрос о китоловстве обсуждался в архангельской городской думе, которая высказалась отрицательно, хотя купец Амосов вместе со своим племянником предлагал организовать компанию для заведения китового промысла¹. Из отношения от 3 января 1801 г. известно, что экспедиция Сената пыталась через архангельские губернские власти получить сведения о том, какие потребны от казны пособия «для предполагаемой им компании» и возможно ли привлечь в числе ее пайщиков купцов других городов Архангельской губернии. Известно и то, что 17 декабря 1801 г. экспедиция Сената еще не могла высказать свое окончательное отношение к предложению академика И. И. Лепехина, поскольку все еще не имелось сведений из Архангельска.

Интерес к этому проекту снова пробудила «всеподданнейшая просьба» капитан-командора князя Д. С. Трубецкого, в которой он изложил на имя Александра I мысли о необходимости заведения по берегам Лапландии рыбных промыслов, подобных тем, какие завели англичане в Нью-Фаундленде. По его словам, Англия в XVIII столетии доказала, каким важным источником торговли и умножения государственного богатства явилось заведение обширных «рыбных ловель». Кроме того, развитие рыбных промыслов способствовало подготовке большого числа опытных морских офицеров и матросов, что имело важное государственное значение.

Д. С. Трубецкой предлагал позаботиться о бедных жителях Лапландии, которые, не имея поддержки со стороны царских властей, «мало могут пользоваться тем богатством, которое перед глазами и под руками у них»². Одновременно он считал необходимым позаботиться об открытии новых рынков для сбыта продуктов поморских промыслов. Прежде чем приступить к заведению рыбных промыслов, он имел намерение лично осмотреть берега Мурмана и предлагал снарядить из Кронштадта фрегат и два судна.

10 декабря 1801 г. действительный камергер Новосильцев сообщил министру морских сил Н. С. Мордвинову, что Александр I приказал препроводить ему прошение Д. С. Трубецкого и, если

не будет препятствий, отправить его с фрегатом для исследования берегов Мурмана и состояния рыбных промыслов. Одновременно с просьбой Д. С. Трубецкого министру морских сил была направлена записка И. И. Лепехина и переписка с архангельскими властями.

31 декабря 1801 г. в канцелярию Н. С. Мордвинова поступило «Примечание капитана I ранга Корнилова о рыбном промысле». А. М. Корнилов, как и его предшественники, доказывал государственную значимость заведения рыбных промыслов не только в Лапландии, но и по берегам Белого моря. Их развитие, по его мысли, должно было способствовать удовлетворению потребностей в рыбе в России и за ее пределами и служить своего рода школой для подготовки опытных матросов. «Сами же коммерческие суда могут быть употреблены во время войны транспортами, в коих у нас великий недостаток» — писал А. М. Корнилов. Центром рыболовной промышленности он предлагал сделать город Колу, где должны быть построены заводы по обработке рыбы, магазины со съестными припасами, жилые помещения для промышленников. В Архангельске должны были строиться суда для рыбной ловли и для их охраны.

В заключение своих «Примечаний» А. М. Корнилов писал, что «всего полезнее такого рода коммерцию открыть через учрежденную компанию, в которой соучаствовали бы все знаменитейшие дворяне и купечество»¹.

Таким образом, на рубеже XVIII и XIX вв. и в Петербурге и в Архангельске обсуждался вопрос о заведении компании для рыбных и китоловных промыслов на берегах Белого и Баренцева морей. Это обсуждение завершилось созданием широко известной Беломорской компании. Реальные шаги по ее организации были приняты Н. П. Румянцевым в связи с проектом архангельского купца К. Дорбернера, предложившего в начале 1803 г. создать центр русской рыбной ловли на берегах Белого моря. Однако в основу ее создания были положены предложения академика И. И. Лепехина. Базой компании была избрана не Онежская гавань, как предлагал К. Дорбернер, а Екатерининская гавань на Мурмане. По сравнению с его чисто купеческим проектом задачи компании были значительно расширены. Беломорской компании разрешалось вести промысел не только в Белом море и у островов Новой Земли, но и распространять свою деятельность на любые доступные и дальние районы Северного Ледовитого океана. Даже Новосибирские острова считались находящимися в сфере ее влияния². Все это, а также крупные кредиты, которые были предоставлены компании казной, свидетельствовали о том, что царское правительство видело в ней важное орудие как для укрепления своего политического влияния в Арктике, так и для развития морских промыслов в Северном Ледовитом океане. В дей-

¹ ЦГАВМФ, ф. 315 (сборный), оп. 1, д. 507, л. 10.

² Там же, л. 11.

¹ ЦГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 507, л. 5.

² АВГР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 6.

ствительности компания не набрала сил и ее деятельность ограничилась Белым морем и южными пределами Баренцева моря.

Соперничество Англии с Россией, с особой отчетливостью проявившееся на северо-востоке Азии и северо-западе Америки, сказалось и на Европейском Севере. В Беломорской компании Англия увидела грозного соперника. По утверждению ряда авторов, англичане пошли не только на подкуп иностранных служащих компании, но и на открытые пиратские действия¹. В 1806 г. английский крейсер захватил китобойный корабль компании, а в 1809 г. английские суда разорили базу компании в Екатерининской гавани. Беломорская компания была ликвидирована в 1813 г. Однако вопрос о создании промысловой компании на Архангельском Севере на протяжении первой половины XIX в. несколько раз поднимался передовыми деятелями России.

С возникновением Беломорской компании тесным образом связана самая первая в XIX в. экспедиция на Новую Землю, снаряженная на собственные средства Н. П. Румянцева, внесшего на счет компании 42 000 руб. Одной из главных ее задач были поиски серебряной руды, которую, по летописным преданиям, в давние времена добывали новгородцы. Н. П. Румянцева, проявлявший глубокий интерес к русской истории, мореплаванию, словесности, энергично собиравший документы, относящиеся к древним временам России, знал летописные предания, в которых шла речь о новгородских серебряных рудниках. Снаряжая экспедицию на свои собственные, а не на государственные средства, он не только хотел открыть «новые источники богатства» для Русского государства, но и в не меньшей степени интересовался исследованием Новой Земли, которая не была изучена и даже не была достоверно картирована. Если не считать весьма точной карты Ф. Розмыслова, относящейся к Маточкину Шару, очертания этого грандиозного острова наносились по данным голландских и английских карт 200-летней давности.

Вероятно, снаряжение экспедиции к Новой Земле имеет связь с изысканиями инженер-подполковника Ивана Попова, которому было поручено выяснить возможность открытия водного сообщения между Сибирью и Белым морем. Как видно из программы экспедиции, русское правительство весьма интересовало ледовые условия в новоземельских проливах (Карских Воротах и Югорском Шаре) и ледовитость Карского и юго-восточной части Баренцева моря. Необходимо было иметь достоверные представления о реальных возможностях открытия водного пути из Сибири к архангельскому порту.

По рекомендации главного интенданта Горноблагодатских рудников А. Ф. Дерябина², Н. П. Румянцева пригласил руководителем

¹ Эмеров Б. Д. К истории китобойного флота на Русском Севере. — Летопись Севера, 1963, вып. 3.

² Главный интендант Горноблагодатских рудников А. Ф. Дерябин занимался сбором сведений о водных путях между Сибирью и Европой, одновременно он принимал некоторое участие в подготовке экспедиции к Новой Земле.

экспедиции горного чиновника Лудлова. Получив от Н. П. Румянцева инструкцию, Лудлов 26 июля 1806 г. прибыл в Архангельск, но не смог в том же году отправиться к Новой Земле, так как было упущено время для подготовки и осуществления путешествия. В феврале 1807 г. он направился в г. Когу. Беломорская компания выделила для экспедиции судно «Пчела» водоизмещением 35 т. Его командиром был назначен штурман Поспелов, который нашел свой тендер лежащим на берегу, занесенным снегом и покрытым льдом. Состояние судна было самое плачевное. Многие шпангоуты были сломаны, снасти отсутствовали. «Приведение всего этого в порядок при весьма ограниченных средствах, стоило ему много труда»¹, — писал Ф. П. Литке о Г. В. Поспелове. В состав экспедиции входили два «горных работника», восемь человек команды и мезенский мещанин Мясников, неоднократно плававший к берегам Новой Земли и Шпицбергена.

29 июня 1807 г. «Пчела» покинула Екатерининскую гавань и направилась к Новой Земле, которой достигла 17 июля. В Костином Шаре Лудлов, Мясников и два матроса съезжали на берег о. Междушарского, где не обнаружили признаков серебряных или каких-либо других руд². Г. В. Поспелов впервые по астрономическим наблюдениям точно определил широту пролива Костин Шар.

20 июля 1807 г. «Пчела» находилась у входа в Маточкин Шар. Здесь экспедиция сделала остановку. Лудлов в сопровождении «горных работников» занялся обследованием окрестностей, где нашел куски каменного угля, медный колчедан и серу. Затем он отправился на лодке в губу Серебрянку, из которой корабли древнего Новгорода, якобы, вывозили серебро. Лудлов с «горными работниками» не нашел ни следов прежних разработок, ни следов серебряной руды. Встретил он лишь одну глыбу «свинцового блеска, в ста центнерах которой находился, быть может, один золотник серебра»³.

В полдень 7 августа Лудлов уже возвратился в Маточкин Шар. Обследование губы, включая плавание туда и обратно, заняло меньше суток. За столь непродолжительное время Лудлов не мог выполнить сколько-нибудь серьезных исследований.

12 августа экспедиция покинула берега Новой Земли, а 5 сентября 1807 г. тендер «Пчела» отдал якорь в архангельском порту.

Экспедиция не нашла серебряных руд. Но благодаря трудам штурмана Г. В. Поспелова были получены новые, более достоверные сведения об очертаниях Южного острова Новой Земли, которыми впоследствии не без успеха воспользовался Ф. П. Литке.

¹ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 годах. Ч. 1. — СПб., 1828, с. 105. (Далее: Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие...).

² Берх В. Н. Известие о путешествии, предпринятом в 1806 году на Новую Землю, на иждивении государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева. — Сын Отечества, 1818, ч. 49, № 14, с. 297.

³ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 108.

Изыскания водного пути между реками Сибири и Белым морем

Объявленный русским правительством в начале XIX в. курс на создание более благоприятных условий для развития отечественной торговли и промышленности вызвал к жизни ряд проектов, имевших целью либо продвижение российской коммерции в районы Крайнего Севера, северо-востока Сибири и Русской Америки, либо исследование полярных окраин для выяснения их природных богатств (матрос Попов, купцы Ф. В. Бережков, Л. Сыроватский, Н. Белков, С. Протодьяконов, К. Дорбенер, Куткин, братья Зеленцовы). Из всех прошений, за исключением реализованного проекта К. Дорбенера, наиболее интересна «Просьба коллежского советника Куткина и именитых граждан Зеленцовых о исключительных на 25 лет правах для их промыслов по берегам Ледовитого моря», на существование которой первыми обратили внимание В. В. Мавродин и С. Б. Окунь¹.

18 января 1804 г. Куткин и Зеленцовы подали на имя иркутского военного губернатора Селифонтова прошение, в котором отмечали, что сокровища Сибири остаются почти не тронутыми: «северные берега России, одетые временно льдами, кроют при себе такие драгоценности, которые чрез отважную предприимчивость, чрез деятельную промышленность могут обращены со временем быть в торговлю и, следовательно, в источники богатств для всего государства»². Куткин и Зеленцовы имели намерение «открыть путь, давно правительством желаемый, чрез Обскую губу для соединения северной торговли с европейскою»³.

Они предполагали создать промысловые опорные пункты по берегам Обской губы и приступить к организации полярных плаваний из этой сибирской реки как на запад, так и на восток. Они просили через иркутского военного губернатора Селифонтова передать им на 25 лет право монопольных промыслов на Обском, Енисейском и Таймырском Севере от Вайгачского пролива (Карские Ворота) до мыса Северо-Восточного, у губы Таймырской, со всеми прилегающими к побережью островами. Селифонтов со своей стороны считал, что просьба Куткина и Зеленцовых заслуживает внимания и одобрения правительства.

Однако Н. П. Румянцев первоначально запросил у Селифонтова дополнительных сведений о Куткине и Зеленцовых, а получив их, не счел возможным удовлетворить прошение сибирских дельцов, занимавшихся винными откупами. Во-первых, Н. П. Румянцев считал, что передача на 25 лет исключительного права промыслов на огромном пространстве севера Сибири закрыла бы на столь длительный срок доступ туда другим предпринимателям. Во-вторых, право промыслов на побережье Карского моря с при-

легающими к нему островами и водами, как и в других сибирских морях, было отдано Беломорской компании, которая не препятствовала частным промыслам. В-третьих, рыбный промысел в устье Оби, куда приезжали даже жители глубинных районов Тобольской губернии, имел важное значение для продовольственного обеспечения местного населения. Лишение права заниматься рыболовством в устье Оби и в других больших сибирских реках, а также в больших заливах поставило бы жителей этих мест в невыгодное положение¹.

Хотя Н. П. Румянцев не согласился предоставить Куткину и Зеленцовым право исключительных промыслов на Сибирском Севере, он принял живейшее участие в обсуждении вопроса о возможности устройства водного пути между реками Сибири и Европейским Севером и, в первую очередь, архангельским портом.

Весной 1806 г. по указанию Н. П. Румянцева был подготовлен доклад «О соединении устья реки Оби с Карскою губою». В нем обращалось внимание на то обстоятельство, что «изобильные произведения природы Сибири» не используются, и что жители этого богатого края «не имея средств доставлять их к местам, где сии произведения нужны, не радеют об их сохранении и еще менее стараются об их умножении»². Для того чтобы вовлечь в хозяйственный оборот лежащие втуне природные богатства Сибири, необходимо «сделать судоходство» между реками Западной Сибири и реками Европейской России, текущими в Северный Ледовитый океан и в Каспийское море. Прежде всего, следовало испытать тот путь, который использовали промышленники в XVII в. и который пролегал по рекам Мутной и Зеленой, связывая Карскую губу с Обской. Одновременно необходимо было исследовать вопрос об устройстве каналов, которые облегчили бы перевозку продукции уральских железоделательных заводов к рекам Европейской России и к петербургскому порту.

Предложения Н. П. Румянцева получили одобрение Александра I, который дал согласие на снаряжение экспедиции. Изыскательские работы были поручены инженер-подполковнику И. Попову. Кроме него, в путешествии приняли участие чертежник Емельянов, губернский секретарь Полизов, отставной прапорщик Никитин, унтер-офицеры Никонов и Афанасьев, рядовые Касьянов и Кисляков. На проведение изысканий первоначально было ассигновано 5 тыс. рублей, однако впоследствии расходы превысили эту сумму на 1700 рублей.

В Петербурге предполагали, что устройство канала между Обью и Карской губой позволит открыть прямой водный путь в Белое море к Архангельску, игравшему существенную роль во внешней торговле России. При этом суда не будут подвергаться опасностям на «высоте океана, покрытой почти всегда льдами,

¹ Мавродин В. В., Окунь С. Б. Ценный вклад..., с. 201.

² ЦГИА, ф. 13, оп. 1, д. 120, л. 2.

³ Там же.

¹ ЦГИА, ф. 13, оп. 1, д. 120, л. 10 об.

² ЦГИА, ф. канцелярии главного директора водяных коммуникаций (ф. 155), оп. 1, д. 63, 1806, л. 1.

при обходе северного берега Новой Земли»¹. В то же время И. Попов должен был «стараться узнать, не находится ли возможность открыть путь водою (подчеркнуто Н. П. Румянцевым.— В. П.) между низом Оби и Печоры»².

В середине августа 1806 г. И. Попов добрался до Обдорска, откуда 22 августа отправился на север параллельно западному побережью Обской губы. В 250 верстах от Обдорска ему удалось достать 36 нартов и 116 оленей. 29 августа экспедиция, к которой присоединилось шестеро ненцев, направилась к р. Ерубей (Юрибей) и обследовала ее на всем протяжении, до впадения в Карскую губу. Затем И. Попов исследовал водораздел между этой рекой и р. Иой, впадающей в Обскую губу. Расстояние между двумя реками составляло 15 верст. Местность представляла кочковатую тундру, местами поросшую мелким кустарником. Под поверхностным слоем глины и песка всюду находился мерзлый грунт.

По мнению И. Попова, не имелось неодолимых препятствий к открытию водного пути между Обью и Карской губой. Однако путешественник сомневался в целесообразности его устройства по той причине, что на пути к Архангельску суда встретят льды, которые наполняют Карскую губу и блокируют проливы к югу и северу от о. Вайгач. Собрав сведения о тяжелых ледовых условиях Карского моря, И. Попов был очень доволен, что эти факты, «хотя и неприятные», стали известны и заблаговременно избавили от «дальнейших напрасных затруднений и распоряжений».

Исследование района тундры, лежащего между Обской и Карской губами, И. Попов вел до середины октября, пока из-за выпавшего глубокого снега стало невозможно вести нивелировку местности. Экспедиция в октябре 1806 г. возвратилась в Обдорск. Здесь И. Попов получил сведения о р. Соби, истоки которой весьма близко подходят к рекам, впадающим в Печору. Уже в условиях глубокой зимы И. Попов приступил к осмотру Соби и исследовал ее до озер, лежащих в Уральских горах. Отсюда же начинались истоки одного из притоков р. Усы, которая впадала в Печору. Путешественник убедился, что обе реки «начальное свое течение имеют малое, но далее вниз глубже и пространнее», и пришел к выводу, что имеется надежда соединить речные системы Оби и Печоры путем устройства канала с плотинами и шлюзами³.

По мнению И. Попова, устройство водного сообщения между Сибирью и архангельским портом путем соединения Соби и Усы было более выгодно, чем проведение канала в районе между Обской и Карской губами. Во-первых, эти реки находятся на 560 верст южнее, во-вторых, суда не будут подвергаться опасности от волнения во время плавания по Обской губе и от мелей в устье Оби; в-третьих, не будет надобности в огромном количестве

строительных материалов, которые пришлось бы доставлять в безлесную тундру. И, наконец, самое главное, что суда, которые будут направляться Обско-Печорским водным путем, избегнут встречи со льдами Карского моря.

9 апреля 1807 г. И. Попов прибыл из Обдорска к устью р. Усы, где сделал остановку в крестьянском селении, состоящем из трех дворов. 19 июня он начал плавание от берегов Печоры по Усе к Уральским горам и затем спустился вниз по Соби. 7 сентября исследование предполагаемого водного пути было закончено. Была проведена нивелировка рек, промерены глубины, испытаны грунты, сняты поперечные профили. И. Попов пришел к окончательному выводу, что результаты изысканий «подают несомненную надежду к произведению оного пути, но не иначе как через постройку шлюзов, резервуаров, водоспусков», а также через проведение расчистки рек от подводных и надводных камней и порогов¹.

Почти весь 1808 г. И. Попов посвятил сбору сведений о реках Сибири, реках Западного склона Урала, о возможности водных сообщений между притоками Оби и Енисея. 22 ноября 1808 г. путешественник донес рапортом Н. П. Румянцеву о завершении изысканий. Кроме того, он представил «Записку из замечаний моих, сделанных при обозрении северного края Тобольской губернии». В ней он отмечал, что хотя устройство водного пути и порта между Европой и Азией весьма затруднено из-за суровых климатических условий, это важное государственное мероприятие со временем «будет вознаграждено». По его мнению, из Сибири можно будет доставлять на внутренний и внешний рынок пушнину, различные металлы, мачтовый лес, смолу, доски, рыбу, избыток хлебных продуктов («если земледелие улучшится»). В то же время Сибирь получит более дешевые и качественные товары «противу ныне привозимых в обозах»². Устройство водного пути должно оживить промышленную жизнь Сибири и вовлечь в оборот хозяйственной жизни России природные богатства, которые пока не приносили государству никакой пользы. Это в свою очередь должно помочь жителям Сибири выйти «из того бедного состояния, в каком ныне оные находятся»³.

Русское правительство не приступило к реализации предложенной об устройстве водного пути между Сибирью и архангельским портом. В условиях, когда из-за участия в континентальной блокаде наблюдался значительный спад во внешнеторговом обороте России, вопрос о вывозе на иностранный рынок сибирских товаров утратил свою актуальность. Определенное влияние на забвение этой проблемы, вероятно, оказала неспособность феодального государства решать важные хозяйственные проблемы. Дворяне-крепостники не были заинтересованы в активном использовании бо-

¹ ЦГИА, ф. 155, оп. 1, д. 63, л. 8.

² Там же, л. 9.

³ Там же, л. 46.

¹ ЦГИА, ф. 155, оп. 1, д. 63, л. 90.

² Там же, л. 109.

³ Там же, л. 109 об.

гатств Сибири для развития производительных сил своей страны. Эта сторона вопроса гораздо больше привлекала внимание представителей молодой русской буржуазии, которые время от времени поднимали вопрос об улучшении транспортных связей между Сибирью и Европой на протяжении всего XIX в.

Рассмотрение экспедиций на Европейский и Обский Север показывает, что изучение этих наиболее развитых районов Заполярья находилось в тесной связи с потребностями хозяйственной жизни, хотя внешнеполитическая обстановка наложила и здесь свой отпечаток, особенно в первое десятилетие XIX в., когда в Архангельске и других беломорских портах ждали нападений английского флота и готовились к отражению неприятеля.

Наиболее зримо политические цели русского правительства сказались на развитии отечественных полярных исследований в Русской Америке и Восточной Сибири.

Открытия на северо-востоке России

Международная обстановка, сложившаяся в Европе на рубеже XVIII и XIX вв., не позволяла России развернуть изучение Севера с тем размахом, который требовался для решения задач ее внешней и внутренней политики и диктовался прежде всего необходимостью укрепления своего влияния в Русской Америке, на Чукотке и задачами обороны Мурмана и Белого моря, порты которого, в особенности Архангельск, играли важную роль во внешней торговле.

Войны с Францией, Швецией и Турцией, крутые повороты внешней политики, приводившие к таким ситуациям, в которых вчерашние союзники становились противниками, необходимость заботиться о защите жизненных интересов на западе, юге и севере Европы, не говоря уже о таком сложном и трудном вопросе, как обеспечение безопасности северо-востока Азии и северо-запада Америки, тормозили изучение полярных районов.

Наибольшая мирная передышка продолжалась с 1801 по 1804 г. В это время был положен конец конфликту в отношениях с Англией и Испанией, разгоревшемуся в последние годы царствования Павла I, и одновременно подписана секретная конвенция с Францией. Мирная пауза, свидетельствующая о намерении России отстраниться от участия в англо-французском соперничестве в Европе и заняться решением задач своей хозяйственной жизни, была использована для подготовки мероприятий по укреплению позиций России в северной части Тихого океана и на северо-западных берегах Америки. Внимание к этим районам было обусловлено англо-русским соперничеством не только в северном бассейне Тихого океана, но и в полярных районах, лежащих за Беринговым проливом. Это соперничество четко выявилось уже в последней четверти XVIII в. В 1778 г. Англия, которой было не по душе распространение русского влияния на северо-западе Америки, направила в Северный Ледовитый океан широко известную

третью экспедицию Дж. Кука. Появление в Чукотском море английских кораблей, которые имели задачей отыскание Северо-Западного прохода, доставило немало хлопот царскому правительству. В Петербурге понимали, что экспедиция Кука преследовала не столько научные, сколько политические цели. В связи с тем что путь в Берингов пролив стал известен иностранцам¹, были приняты меры по укреплению обороны Камчатки, выполнение которых было возложено на Франца Рейнеке, отца выдающегося исследователя Белого моря М. Ф. Рейнеке.

Впоследствии один из участников экспедиции Дж. Кука Д. Ледиард во время приезда в Россию в 1787 г. стал распространять слухи о том, что англичане привели в подданство некоторые племена чукчей. По странной случайности, это совпало с началом Северо-Восточной экспедиции, которая, как и большинство подобных экспедиций, считалась секретной. Тот же Д. Ледиард проявлял, по словам иркутского губернатора И. В. Якобия, «жадное любопытство... о островах в Северном океане находящихся». Предположение сибирских властей о том, что этот участник экспедиции Кука был послан «для разведывания здешних мест со стороны аглицкой державы», весьма обеспокоило Екатерину II, и она приказала немедленно выпроводить его за границу, запретив ему когда-либо появляться в пределах Российской империи².

Северо-Восточной экспедиции под начальством И. Биллингса англичане придавали большое значение. Вероятно, не только из любви к науке секретарь Биллингса Сауэр скрыл свой дневник и, тайно вывезя его из России, опубликовал в Лондоне.

Вслед за Дж. Куком у северо-западного побережья Америки появились и другие английские корабли. Капитаны некоторых из них призывали к созданию факторий в пределах владений России³. Русское правительство через своего посланника в Лондоне С. Р. Воронцова сделало в марте 1799 г. представление английскому кабинету о том, что «аглицкие промышленники» наносят вред русским интересам на берегах Северной Америки⁴. И хотя английский министр иностранных дел лорд Гренвиль отрицал причастность правительства к плаваниям частных судов, у русских дипломатов и государственных деятелей было достаточно свидетельств, что плавание английских купцов являются лишь прикрытием экспансионистских планов британского правительства.

8 июля 1799 г. были «высочайше дарованы» привилегии Российско-Американской компании. Ей разрешалось «пользоваться всеми промыслами и заведениями», находящимися на берегах Америки от 55° с. ш., на всех островах, включая Курильские и

¹ Дивин В. Н. Русские мореплаватели в Тихом океане. — М., 1971, с. 287.

² Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. — М., 1966, с. 292—294. (Далее: Болховитинов Н. Н. Становление...).

³ Окунь С. Б. Российско-Американская компания. — М., 1939, с. 16. (Далее: Окунь С. Б. Российско-Американская компания...).

⁴ Болховитинов Н. Н. Становление..., с. 308.

Алеутские, в северной части Тихого океана и на землях «до Берингова пролива и за оный».

Хотя в первые годы своего существования Российско-Американская компания приказала своим служащим обратить поиски не в сторону Севера, а на усиление своих владений «в соседстве английском», с ее организацией связано не только возрастание интереса к изучению северо-западных и северных берегов Америки, но и осуществление первого русского кругосветного путешествия. Проект его был разработан русским моряком И. Ф. Крузенштерном. Свои записки он направил 1 января 1802 г. министру морских сил, адмиралу Н. С. Мордвинову, тому самому Мордвинову, которого впоследствии декабристы наметили в число членов будущего революционного правительства. Н. С. Мордвинов нашел записки И. Ф. Крузенштерна во многих частях полезными и показал их министру коммерции Н. П. Румянцеву. Тот, по признанию И. Ф. Крузенштерна, принял в осуществлении его планов «живейшее участие»¹.

И. Ф. Крузенштерн писал, что, находясь в Англии, Индии и Китае и плавая по морям нескольких океанов, он стал «очевидцем удивительной торговли, в коей все европейские народы более или менее участвуют». Лишь одна Россия не имела в ней своей доли.

Далее он отмечал, что ему как «природному россиянину» не возможно было это видеть равнодушным оком, «не предаваясь о том тысячекратным размышлениям». И. Ф. Крузенштерн считал долгом принести пользу отечеству, обратив внимание правительства на необходимость развития коммерции в России. «Мы имеем знатных капиталистов и людей с дарованиями к отважным предприятиям, к которым россияне признаются особенно способными, — писал И. Ф. Крузенштерн. — Кажется уже время принять новую систему и сдёрнуть иго иностранцев...»².

Многие положения весьма обширной записки И. Ф. Крузенштерна близки по содержанию проектам академика И. И. Лепехина, капитан-командора Д. С. Трубецкого и капитана I ранга А. М. Корнилова. Как и его современники, И. Ф. Крузенштерн считал, что если правительство окажет поддержку развитию промыслов, это принесет России большие выгоды как коммерческие, так и политические.

Первая русская кругосветная экспедиция снаряжалась на средства Российско-Американской компании, которая находилась в ведении министра коммерции Н. П. Румянцева. Именно ему и принадлежала важная роль в разработке и осуществлении русской политики в Америке, на севере Европы и Азии в начале XIX в. Он был открытым противником английской ориентации, пред-

принял ряд выдающихся мероприятий по укреплению позиций России в этих районах и организовал для их изучения несколько экспедиций. Под его влиянием чисто коммерческое первое кругосветное плавание превратилось в крупное политическое и научное предприятие. 20 февраля (4 марта) 1803 г. он представил Александру I докладные записки («О торге в Кантоне» и «О торге в Японии»).

В этих документах подчеркивалась необходимость открытия новых рынков сбыта для продуктов зверобойных промыслов в Северной Америке, перспективность развития торговли китовым жиром и мамонтовой костью, добываемой на севере Сибири. «Предположить можно, что там есть и другие, не менее важные произведения, — писал Н. П. Румянцев, — но как ни природа там еще не исследована, ни способов нет к торговле, то легко быть может, что Россия имея сокровища, ими не пользуется»¹.

Следовательно, первая русская кругосветная экспедиция привлекала внимание не только к северо-восточным морям России, но и к северу Сибири и Русской Америке с их почти неисследованными и нетронутыми природными богатствами.

Н. П. Румянцев несколько раз подчеркивал, что развитие промыслов в северных районах Сибири и Русской Америки вызывает необходимость расширения сферы внешней торговли России и должно в конечном счете способствовать усилению влияния России на севере Тихого океана. Дальновидность этой политики несомненна, и его воспреемники на посту руководителя внешней политики вынуждены были идти по его стопам не одно десятилетие.

Н. П. Румянцев в своих докладах отмечал, что в Японию Россия могла бы сбывать многие продукты русских промыслов, которые развивались в это время на северо-востоке Азии и в Русской Америке, в обмен на пшено, «не только для американских селений, но и для всего Северного края Сибири нужное»². Одновременно Н. П. Румянцев ставил вопрос об открытии торговли в Кантоне и на Желтом море с тем, чтобы сбывать в Китае пушнину, китовый жир, моржовую кость, а из «северной страны, Сибири — кость мамонтовую и проч.»³. Н. П. Румянцев справедливо считал, что открытие рынков Японии и Китая для сбыта продуктов промыслов, развивающихся в Америке и на севере Сибири, может принести России существенную пользу, и полагал необходимым послать на одном из кораблей экспедиции посольство в Японию, руководитель которого должен был приложить все усилия к установлению торговых отношений. Посланником к японскому двору был назначен камергер Н. П. Резанов. Одновременно был решен вопрос о посылке в Китай посольства, которое впоследствии было поручено Ю. А. Головкину. В свите обоих посольств находились ученые, которые выполнили ряд интересных исследований Сибири.

¹ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Ч. 1. — СПб., 1809, с. 32. (Далее: Крузенштерн И. Ф. Путешествие...).

² ЦГИАЭ, ф. семьи Крузенштернов (ф. 1414), оп. 3, д. 60, л. 1—3.

¹ Внешняя политика России..., т. 1, с. 405.

² Там же, с. 388.

³ Там же, с. 298.

Первое путешествие россиян вокруг света знаменовало собой начало блистательной эпохи выдающихся морских предприятий России. Достаточно сказать, что за следующие 50 лет было совершено 31 кругосветное плавание и 14 полукругосветных путешествий (из Петербурга до Ново-Архангельска на Аляске и обратно тем же путем).

Успех плавания «Надежды» и «Невы» открывал новые перспективы для участия России в изучении берегов Восточной Сибири и Русской Америки. Не случаен тот факт, что главной задачей экспедиции на шлюпе «Диана» под командой В. М. Головнина, которому предстояло летом 1807 г. выйти в кругосветный вояж, было объявлено «открытие неизвестных и опись малоизвестных земель, лежащих на Восточном океане и сопредельных Российским владениям в восточном крае Азии и на северо-западном берегу Америки»¹. Одновременно «Диану» предполагалось использовать для защиты Русской Америки от возможного нападения английского крейсера, который был в это время якобы замечен у берегов Китая.

В то же самое время Н. П. Румянцев начал обсуждать с И. Ф. Крузенштерном проблему поисков Северо-Западного морского прохода, которая очень тесно соприкасалась с задачами изучения северного побережья Америки. По словам И. Ф. Крузенштерна, вскоре после прекращения войны между Россией и Англией, т. е. вероятно, вслед за принятием «Нового положения о внешней торговле», которое свидетельствовало об отказе России от участия в континентальной блокаде (осень 1810 г.), Н. П. Румянцев принял решение о снаряжении экспедиции². Однако вторжение наполеоновских войск в Россию отодвинуло на некоторое время исполнение плана И. Ф. Крузенштерна и Н. П. Румянцева.

Таким образом, с Первой русской кругосветной экспедицией связано не только решение важнейших политических и научных задач, но и возобновление попыток открыть сообщения между Тихим и Атлантическим океанами вдоль северных берегов Америки и приступить к описи берегов Восточной Сибири и Русской Америки.

Кроме того, с первым путешествием русских моряков вокруг света имеет некоторую связь и такая сложная и запутанная проблема, как поиски северной «матерой земли». Наиболее заинтересованы в этих поисках были промышленники, занимавшиеся добычей мамонтовой кости. Один из них принимал участие в научной

экспедиции, сопровождавшей уже упоминавшееся посольство Ю. А. Головкина в Китай и являвшейся своего рода сухопутным дополнением к первому плаванию россиян вокруг света.

Добыча мамонтовой кости в XVIII и XIX вв. занимала важное место среди промыслов, развивавшихся на севере Сибири. Среднегодовой сбор ее достигал 2000 пудов. Клыки мамонтов сбывались через Кахту в Китай и вывозились в Англию, где они конкурировали со слоновой костью на лондонском рынке¹. Н. П. Румянцев считал, что «добыча мамонтовой кости на севере Сибири может составить важную отрасль торговли»². По данным А. Ф. Миддендорфа, за 200 лет, с 1660 по 1860 гг., на различных рынках было продано более чем 20 тыс. бивней мамонтов. Позднее (в 1913 г.) В. М. Зензинов подсчитал, что за 250 лет в Сибири было добыто и продано мамонтовых клыков от 46 750 животных³. Россия была заинтересована в расширении сферы сбыта этого основного продукта сибирских северных промыслов, что нашло отражение в некоторых дипломатических документах начала XIX в.

На рубеже XIX в. именно промышленники, занимавшиеся добычей мамонтовой кости, положили начало выдающимся географическим открытиям на севере России, впоследствии вызвавшим небывалый интерес не только в России, но и в Европе. Большинство этих открытий связано с именем Якова Санникова, на протяжении многих лет занимавшегося добычей мамонтовой кости на островах к северу от Св. Носа.

В 1800 г., возвращаясь с Малого (Второго) Ляховского острова, он открыл о. Столбовой. Затем сибирские промышленники посетили о. Котельный, которые в официальной переписке нередко именовались о. Третьим Ляховским, и поскольку они не смогли достичь его северных и восточных берегов, то было высказано предположение, что эта земля весьма обширна и, возможно, является особой частью света. Однако в 1805 г. Яков Санников достиг восточных берегов о. Котельного и, направившись на восток, открыл обширную песчаную землю, впоследствии названную о. Фаддеевским. В сороковых годах М. М. Геденштром заявил, что этот остров открыл бедный, находившийся в зависимости у купца Л. Сыроватского работник Фаддей⁴. Однако это утверждение противоречит документам самого же М. М. Геденштрома и прежде всего карте, составленной им в 1809 г., когда он уже около полугода был знаком и с Я. Санниковым и с его товарищами. На этой карте о. Фаддеевский назван «Земля, открытая мещанином Санниковым»⁵.

¹ Илларионов В. Т. Мамонт. К истории его изучения в СССР. — Горький, 1940, с. 74.

² Внешняя политика России..., т. 1, с. 404—405.

³ Зензинов В. М. Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах. — Природа, 1913, с. 979—992.

⁴ Геденштром М. М. Заметка на статью Врангеля. — Русский вестник, 1841, № 2, с. 505—506. (Далее: Геденштром М. М. Заметка...).

⁵ АВПР, ф. Главный архив, П-21, 1801—1820, д. 1, л. 167.

¹ Головнин В. М. Путешествие Российского императорского шлюпа «Диана» из Кронштадта на Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта (ныне капитана 1-го ранга) Головнина в 1807, 1808 и 1809 годах. Ч. 1. — СПб., 1819, с. 1.

² Крузенштерн И. Ф. Введение. — В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивения гр. Н. П. Румянцева на корабле «Рюрике» под начальством флота лейтенанта Коцебу. Ч. 1 — СПб., 1821, с. 7. (Далее: Коцебу О. Е. Путешествие...).

Посылая карту в Петербург, М. М. Геденштром просил согласия государственного канцлера назвать эту землю именем Н. П. Румянцева¹, но не получил от него разрешения и переименовал ее в о. Фаддеевский. Еще в 1818 г. И. Ф. Крузенштерн предложил вернуть имя Санникова острову, который был им открыт. Документально известно, что в 1812 г., представляя Я. Санникова к награде, М. М. Геденштром снова отмечал, что этот промышленник открыл о. Столбовой, значительную часть берегов о. Котельного и о. Фаддеевский².

В 1806 г. промышленниками была открыта Новая Сибирь, которая первоначально носила название «Земля, открытая купцом Сыроватским». Собирая в 1808 г. в Якутске сведения о новых землях, М. М. Геденштром пришел к выводу, что купец Л. Сыроватский к открытию Новой Сибири никакого отношения не имеет, а открыли ее промышленники Я. Санников и Портнягин³.

Однако следует иметь в виду, что это написано на основании рассказов, собранных в Якутске. Ни в донесениях, которые М. М. Геденштром позднее отправлял из Усть-Янска, когда он уже был в курсе открытий сибирских промышленников, ни в отчетных документах Я. Санников не упоминается как первооткрыватель Новой Сибири. Вместо конкретных лиц уже называются «промышленники Сыроватского». Вероятно, это действительно было групповое открытие. Не исключено, что Я. Санников даже не принимал в нем участия, так как вряд ли М. М. Геденштром не взял бы его в первую поездку на этот остров, исследованию которого придавалось царским правительством исключительное значение.

Спустя более 30 лет М. М. Геденштром писал, что первым Новую Сибирь заметил работник Портнягин. Он увидел на востоке «землю, о которой и было донесено хозяину». «Лев Сыроватский ездил весной, — продолжал М. М. Геденштром, — но не далее 30 верст, боясь встретить свирепых жителей и полагая, что это та самая обитаемая на севере земля, толки о которой с XVII века не умолкали»⁴.

В этой же заметке, а еще раньше в «Отрывках о Сибири» путешественник объявил, что именно он, М. М. Геденштром, открыл Новую Сибирь, поскольку Портнягин и Сыроватский, хотя и первыми ступили на ее берега, но прошли по ним незначительное расстояние. Он ставил в вину Ф. П. Врангелю, что тот в своем историческом обзоре открытий на севере Сибири не отметил это важное обстоятельство. Но претензии М. М. Геденштрома противоречили фактам, которые он сам же приводил в своих статьях. А факты эти свидетельствовали о том, что Новую Сибирь открыли работник Портнягин и купец Л. Сыроватский.

Кроме промышленников Л. Сыроватского, Новую Сибирь видела партия купца Попова, которая была послана весной 1806 г. на север от устья р. Индигирки на промыслы и заметила по курсу берега неизвестную землю. Однако промышленники из-за сильной метели не смогли достичь ее и вынуждены были возвратиться назад. Следующей весной была сделана попытка достичь неведомых берегов, но и она из-за метелей окончилась неудачей¹.

30 марта 1808 г. Н. Белков открыл еще один остров, который он назвал островом Иоанна Спасителя². Однако это название не удержалось. Как среди жителей Янского Севера, так и среди исследователей он стал известен под именем о. Белковского.

Первые сведения о том, что о. Котельный, или Третий Ляховский, является большой землей, протянувшейся к востоку и, возможно, соединяющийся с Америкой, привез в Петербург адъюнкт Российской Академии наук М. И. Адамс, который участвовал в научной экспедиции при чрезвычайном посольстве Ю. А. Головкина в Китай. Как известно, Ю. А. Головкин доехал до Урги и возвратился обратно в Иркутск, отказавшись выполнить требования китайской стороны, которые, по его мнению, унижали достоинство России.

М. И. Адамс 11 апреля 1806 г. обратился с письмом к Ю. А. Головкину с просьбой о пособии на путешествие по р. Лене к берегам Северного Ледовитого океана. Вероятно, Ю. А. Головкин благосклонно отнесся к плану М. И. Адамса, так как последний вскоре уже находился в Якутске — исходном пункте своего путешествия на север. В этом городе М. И. Адамс встретился с городским головой купцом Поповым, который сообщил о том, что несколько лет назад местные жители обнаружили труп исполинского неизвестного зверя на одном из мысов Северного Ледовитого океана вблизи горы Мостах³. Попов передал М. И. Адамсу описание и рисунок мамонта, который ученый послал в Академию наук.

7 июня 1806 г. М. И. Адамс отплыл из Якутска. В конце месяца он достиг урочища Кумах-Сурка, где встретился с О. Шумаховым, знавшим местоположение мамонта, от которого он два года назад отрезал клыки и продал якутскому купцу Болтунову за товары стоимостью 50 руб. О. Шумахов согласился быть проводником М. И. Адамса. Кроме того, ученого сопровождал промышленник Н. Белков.

Через несколько дней путешественники на оленях прибыли на Быковский мыс, к месту находки. Она располагалась примерно в 50 м от воды и в 100 шагах от высокого обрыва, из которого

¹ АВПР, ф. Главный архив, П-21, 1806—1820, д. 1, л. 90.

² Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников и исследователей (участие местного населения в географическом изучении Северо-Востока Сибири в XVII — начале XX в.) — Якутск, 1966, с. 72.

(Далее: Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников...).

³ Отрывок из путешествия Адамса к Ледовитому морю для отыскания мамута. — Сибирский вестник, 1820, ч. 10, с. 316.

¹ АВПР, ф. Главный архив, П-21, 1801—1820, д. 1, л. 161.

² Там же, л. 464, 465.

³ Там же, л. 99.

⁴ Геденштром М. М. Заметка..., с. 505.

вытаял мамонт. Ледяную скалу, достигавшую в высоту около 50 м, покрывала рыхлая земля, поросшая мхом. Под нею виден был чистый лед. Туша мамонта изрядно пострадала от нападений белых медведей и других зверей, но скелет был цел, за исключением передней ноги. Мамонт, судя по его остову, имел в высоту более 3 м, а длина его, если не считать клыков, превышала 5,5 м. Голова мамонта весила более 170 кг.

Вскоре скелет и шкура мамонта были погружены на судно. В Якутске М. И. Адамс присоединил к нему купленные у купца Болтунова клыки животного и отправил свою находку в Петербург.

М. И. Адамс собирался задержаться в Сибири, чтобы предпринять путешествие на Ляховские острова, о которых во время поездки за мамонтом он получил подробные сведения от промышленника Белкова. Однако известие о смерти матери изменило его планы¹.

М. И. Адамс вернулся в Петербург, где занялся составлением остова мамонта. Когда работа была окончена, Академия наук поручила академиком отделения естественной истории Н. Я. Озерцовскому, П. А. Загорскому, А. Ф. Севостьянову и адъюнкту В. Г. Тилезиусу высказать свое суждение об уникальной находке. Академики, осмотрев скелет животного, пришли к заключению, что мамонт «заслуживает особого внимания естествоиспытателей»².

Слава о находке М. И. Адамса, по признанию одного из палеонтологов, разнеслась по всему миру³. Остов мамонта был приобретен для Кунсткамеры за 8600 руб., которые М. И. Адамс издержал на его доставку от берегов Быковского до Петербурга.

Летом 1809 г. М. И. Адамс обратился с письмами к Александру I и министру просвещения П. В. Завадовскому, в которых изложил план экспедиции для исследования Ляховских островов, «из коих отделеннейший по сведениям всем, от тамошних народов собранным, должен иметь или соединение с Северной Америкой или составлять особую часть света»⁴. М. И. Адамс ставил перед экспедицией две задачи: во-первых, попытаться «достигнуть сухим путем Северного Ледовитого полюса, каковое покушение для всех мореплавателей было тщетно»; во-вторых, «отыскать отечество может быть и поныне там обитающих мамонтов»⁵.

Он просил отпустить на эту экспедицию те 16 000 руб., которые были отпущены посольству Ю. А. Головкина для обследования Станового хребта и сопредельных с ним районов. «Хотя, — писал он П. В. Завадовскому, — великая польза сей экспедиции очевидна, но не меньшей ожидать можно и от под-

¹ ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения (ф. 733), оп. 12, д. 525, л. 19 об.

² ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 6 об.

³ Геткинсон. Вымершие чудовища. — СПб, 1900, с. 157.

⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 22.

⁵ Там же, л. 20.

робного исследования на Ледовитом море против Святого мыса лежащих Ляховских островов, как по географии, так по геологии и астрономии»¹. Если Министерство народного просвещения не найдет средств на снаряжение предложенной экспедиции, то М. И. Адамс просил разрешить ему выставить остов мамонта на всероссийских ярмарках и в крупных городах России и таким способом собрать деньги на путешествие к Северному полюсу.

Письма М. И. Адамса, поданные им на имя Александра I и министра народного просвещения, сошлись у П. В. Завадовского, который приказал оставить их без ответа. М. И. Адамсу было предложено вместо Северного полюса отправиться в Московский университет. Это произошло как раз в то время, когда по поручению Н. П. Румянцева за границей искали натуралиста для участия в экспедиции М. М. Геденштрома.

Экспедиция для поисков «матерой земли»

Одним из первых Северный материк, как его будут нередко именовать исследователи XIX в., изобразил на карте Г. Меркатор (1569 г.). Он занимает огромное пространство приполюсной области и разделен на несколько частей гигантскими реками². Очертания континента в центральной части Северного Ледовитого океана изображались и современником Г. Меркатора картографом А. Ортелием (1587 г.). Признаки исполинской Северной суши видны на карте Исаака Массы (1612 г.). К северу от Новой Земли на ней показан белый берег безымянной земли, который уходит за рамку на меридиане устья Оби и появляется снова не в столь далеком расстоянии к северо-востоку от устья Енисея.

В сороковых годах XVII в. легенда картографов нашла подтверждение в сообщении землепроходца М. Стадухина, которому жительница Колымского Севера Калиба сообщила об острове, который бывает виден с материка, и на который чукчи переезжают на оленях в один день.

В 1712 г. М. Вагин к северу от Св. Носа открыл остров, получивших впоследствии название Большого Ляховского, и с его берегов он видел другую землю (о. Малый Ляховский). Около 1720 г. И. Вилегин открыл Первый Медвежий остров и почти одновременно распространились сведения о земле, открытой шелагским князем Копаем. На карте Восточной Сибири, составленной И. Козыревским³ около 1726 г. она изображена в виде обширного острова, лежащего к северу от Колымы.

¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 525, л. 19.

² По словам А. Г. Исаченко, Г. Меркатор при составлении карты опирался на сведения «легендарного оксфордского монаха, плававшего в 1360 г. к Северному полюсу» (Исаченко А. Г. Развитие географических идей. — М.: Мысль, 1971, с. 120).

³ Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв./Под ред. А. В. Ефимова. — М.: Наука, 1964, л. 60.

Земля, расположенная к северу от Колымы, имеется на многих русских картах, в том числе на циркумполярной карте М. В. Ломоносова. Размеры ее невелики и вряд ли превышают действительную площадь Новосибирского архипелага. У земли имеется надпись «Ост. Сомнительный». По мнению В. А. Перевалова, карта М. В. Ломоносова явилась важным вкладом в развитие научных представлений об Арктике. В противоположность Г. Меркатору и А. Ортелию, изображавшим на своих картах «Северный континент», великий русский ученый утверждал, что в районе Северного полюса находится океан¹.

В 1763 г. Медвежий острова посетил С. Андреев. С о. Четырехстолбового он усмотрел на востоке «какую-то чернь», но не мог решить, была там земля или открытое море. В 1764 г. Андреев продолжал поиски «большой северной земли». 22 апреля он заметил впереди остров, на котором было не видно ни гор, ни стоячего леса. Андреев повернул назад, не дойдя, по его расчетам, 20 верст до земли, которой предстояло стать одной из географических загадок, занимавших ученых почти целых два столетия.

В 1769 г. прапорщик Леонтьев весьма точно положил на карту Медвежий остров. Следующей весной от о. Четырехстолбового он пытался пробиться к «большой американской земле», но смог пройти только до 74°05' с. ш., не найдя признаков неведомой земли. В 1771 г. Леонтьев совершил третий поход по льду, строго на восток от последнего Медвежьего острова, но, не обнаружив признаков суши на траверзе Баранова Камня, повернул к берегу. Тем не менее появились карты Н. Дауркина и полковника Пленстнера, на которых отразилось представление о том, что «большая земля», которую видел Андреев и искал Леонтьев, является протянувшимся на запад берегом Америки. Примерно в те же годы купцом И. Ляховым вслед за Вагиным и Этериканом был посещен ближайший к материке остров (ныне Большой Ляховский) и открыты острова Малый Ляховский и Котельный. Эти открытия придали еще больший интерес вопросу о землях, якобы находящихся к северу от Яны и Колымы.

В 1778 г. к северу от Берингова пролива появились два корабля английской экспедиции под начальством Дж. Кука. Дж. Кук и астроном Балей «неоднократно думали видеть примеры близости земли на севере», о чем свидетельствовало отсутствие течения, образование самих льдов, полет птиц с севера на юг и малое увеличение глубины моря по удалении от берегов². По мнению его спутников, Дж. Кук догадывался, что «сии два материка соединяются у полюса»³. 18 августа, когда экспедиция находилась

в районе Ледяного мыса, в журнале экспедиции была сделана запись: «стоим близко к краю льда сплошного, как стена, высота 10—12 футов. Дальше на Север она кажется еще выше»¹.

После первого плавания в Северный Ледовитый океан Дж. Кук писал 20 октября 1778 г. в английское адмиралтейство, что он в 1779 г. предпримет еще одну попытку, но мало надеется на успех. «Лед, который не так-то легко преодолеть, является, по-видимому, не единственным препятствием на нашем пути. Берег обоих континентов на большое расстояние очень низкий и даже посередине между двумя материками глубины весьма незначительные. Это да и другие обстоятельства как бы доказывают, что в Ледовитом море имеется больше земли, чем об этом нам пока ведомо; там источник льда, и полярная часть океана отнюдь не является открытым морем»².

Английские мореплаватели неоднократно в своих журналах отмечали вероятность существования в Северном Ледовитом океане земли или «возможность соединения двух материков». Об этом свидетельствуют записи от 16 марта и 27 июля 1779 г.

Результаты плавания Дж. Кука в Северный Ледовитый океан нашли отражение на карте секунд-майора М. Татаринова, которую он сочинил в Иркутске в 1779 г.³ Она интересна тем, что Американский континент распространен на значительную часть Северного Ледовитого океана. Его берег от Ледяного мыса круто поворачивает на запад и тянется почти ровной линией параллельно берегам Сибири. Между устьями Колымы и Индигирки он проходит примерно по 79° с. ш. и, спустившись несколько к югу в районе Св. Носа, принимает северо-западное направление. На меридиане Новой Земли он проходит вблизи 83° с. ш. и, миновав на той же параллели Шпицберген, наконец соединяется с Гренландией. Точно так же изображен Американский континент и на «Карте восточной части Азиатской Сибири и западной части Америки»⁴.

В 1787 г. участвовавший в экспедиции И. Беллингса лейтенант Г. А. Сарычев, находясь вблизи Баранова Камня, обратил внимание на факты, которые, по его мнению, свидетельствовали о существовании «матерой земли» к северу от Сибири. «Течение через сутки, — писал он, — а иногда и через двое, переменалось с той и другой стороны вдоль берега; вода временем возвышалась, только не более, как на половину фута и то без всякого порядка. Это дает повод заключить, что сие море не из обширных, что к

¹ Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика. — М., 1949, с. 14.

² Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. — СПб., 1841, ч. 1, с. 109. (Далее: Врангель Ф. П. Путешествие...)

³ Последнее путешествие около Нового Света капитана Кука с обстоятельствами о его жизни и смерти. — СПб., 1788, с. 84.

¹ The journal of captain James Cook/Ed. I. G. Beaglehole. — Cambridge: University Press, 1967, vol. 1, p. 417. (Далее: The journal of captain James Cook...)

² The journal of captain James Cook... vol. 3, p. 1532.

³ ЦГАДА. Картографический отдел библиотеки МГА МИД (ф. 192). Карты Архангельской губернии, № 16. Впервые рассмотрена нами в книге «В погоне за тайной века». — Л.: Гидрометеиздат, 1967, с. 31.

⁴ Там же, с. 29.

северу должно быть не в дальнем расстоянии матерой земле»¹. По мысли Г. А. Сарычева, приливо-отливные явления не наблюдались потому, что «здешнее» (Восточно-Сибирское) море соединяется узким проливом с Северным Ледовитым океаном.

Подтверждение этого мнения он находил и в других наблюдениях. Так, например, несмотря на сильный юго-западный ветер, дувший двое суток, льды не отходили от берега. В том, что море, несмотря на южный ветер, оставалось забитым льдом, Г. А. Сарычев усмотрел признаки существования на севере обширной суши, которая была преградой для выноса льдов. Кроме того, существование обширной суши на севере подтверждалось рассказами капитана Шмалева, который слышал от чукчей о «матерой земле, лежащей к северу не в дальнем расстоянии от Шелагского Носа»². Чукчи говорили капитану, что земля обитаема, и что зимой до нее можно за одни сутки доехать на оленях по льду. Эти представления о «матерой земле» оказали определенное влияние на исследование северо-востока России.

Многие из перечисленных фактов были известны в Петербурге. Поэтому сведения о новых открытиях сибирских промышленников имели особую притягательную силу для русского правительства. Они подтверждали прежние предания и гипотезы о большой «матерой земле», соединяющейся с Америкой. Если бы не цепь открытий, сделанных М. Вагиным, И. Ляховым, Я. Санниковым и другими сибирскими промышленниками, легенде о «матерой земле», или «новой земле», или «большой северной земле», словом, как бы она ни называлась, не просуществовать бы три с половиной столетия. То, что земля предполагалась «матерой», вынуждало русское правительство искать ее, несмотря на крупные материальные затраты. Эта политическая направленность поисков пронизывает задачи всех экспедиций с середины XVIII в. до конца XIX в., когда была снаряжена экспедиция Э. Толля на яхте «Заря».

21 сентября 1807 г. министру иностранных дел и коммерции Н. П. Румянцеву было доложено донесение почетного члена Петербургской Академии наук И. О. Потоцкого, в котором он писал, что М. И. Адамс представил «очень интересные записки об этих северных районах» и привез ходатайство «русских охотников о разрешении посетить третий остров Ляхова, который в Сибири считают континентом»³.

Купец третьей гильдии С. Протодяконов и якутский мещанин Н. Белков просили разрешить отправиться от устья Лены или какого иного удобного места на третий остров (о. Котельный), к северу от Св. Носа, где был найден «зеленой меди котел» (откуда остров и получил название). Просители обещали обойти берега

¹ Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану под начальством флота капитана Беллингса. Ч. 1. — СПб., 1802, с. 96—97.

² Там же, с. 97.

³ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 4.

этой земли, исследовать ее, предпринять поиски новых, возможно обитаемых островов и изведать водяные коммуникации между ними¹.

Сведения, полученные М. И. Адамсом от сибирских жителей о том, что о. Котельный, вероятно, является континентом, привлекли внимание Н. П. Румянцева. Прошение С. Протодяконова и Н. Белкова заинтересовало министра иностранных дел и коммерции, и он решил не только удовлетворить их просьбу, но и направить на острова небольшую экспедицию во главе с ссыльным чиновником М. М. Геденштромом.

Но в это время до Н. П. Румянцева дошли сведения о том, что сын мещанина Сыроватского обошел весь третий остров, а еще далее открыл «большое протяжение матерой земли»² (подчеркнуто мной — В. П.). Л. Сыроватский просил отдать о. Котельный и новооткрытую землю (о. Фаддеевский) в его владение. Н. П. Румянцев решил 1 декабря 1807 г. запросить о новых открытиях генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля, отца руководителя Южного общества декабристов П. И. Пестеля. Одновременно Н. П. Румянцев хотел знать, кому из просителей отдать предпочтение — С. Протодяконову и Н. Белкову или Л. Сыроватскому, а может быть допустить всех вместе и даже других.

Сибирским властям потребовалось почти 9 месяцев, чтобы собрать необходимые сведения о новооткрытых землях и промыслах. В сентябре 1808 г. И. Б. Пестель сообщил Н. П. Румянцеву, что купец Л. Сыроватский и мещанин Н. Белков не имеют ни капиталов, ни знаний, а купец С. Протодяконов имеет знания, но не имеет капитала. По мнению И. Б. Пестеля, ссылавшегося в свою очередь на мнение якутских властей, отсутствию денег и образования у промышленников не следует придавать большого значения и не следует на этом основании запрещать им заниматься промыслом. Наоборот, он считал, что для развития промыслов «остаётся одно надежное средство» — разрешить «всякого состояния людям» использовать богатства новооткрытых земель. Более того, И. Б. Пестель полагал необходимым приказать местным начальникам не только не чинить препятствий промышленникам, но и оказывать «всякое зависящее от них пособие». Он надеялся, что это послужит «к совершенной пользе целого государства» и приведет к новым открытиям в Ледовитом море³.

Вопрос об открытиях сибирских промышленников был поставлен на уровень высшей государственной политики. Сообщение о

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 1, 2. Дело в том, что купцы Сыроватские, наследники Ляхова, считали эти острова в своем исключительном владении, которое, по мнению М. М. Геденштрома, преграждало путь к открытиям для других предприимчивых промышленников. (Геденштром М. М. Путешествие по Ледовитому морю и островам онога, лежащим от устья Лены к востоку. — Сибирский вестник, 1822, ч. 17—19). (Далее: Геденштром М. М. Путешествие...).

² Внешняя политика России..., т. 4, с. 142.

³ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 67.

том, что в Северном Ледовитом океане обретыны «острова и матерая земля», было включено в число важнейших событий в жизни Русского государства за 1807 г., доклад о которых ежегодно представлялся Александру I.

Особенный интерес представляло для Н. П. Румянцева новое известие о том, что работниками купца Сыроватского-сына к востоку от о. Фаддеевского открыта большая земля, простирающаяся на 300 верст. Н. П. Румянцев, имевший в то время исключительно большое влияние на государственные дела России, желал как можно скорее обследовать открытые «острова и матерую землю»¹. Руководитель внешней политики России имел все основания заботиться о том, чтобы его страна первой описала «матерую землю» и заявила о ее принадлежности Русскому государству.

Н. П. Румянцеву была очевидна неизбежность дальнейшего столкновения интересов России и Англии в полярных районах северо-востока Азии и Северной Америки, где недавно была создана Российско-Американская компания. По его указанию или при его содействии было осуществлено большое число крупных мероприятий по укреплению позиций России в этом районе земного шара. Одним из них было снаряжение экспедиции М. М. Геденштрома, обусловленное той политикой, которую Россия настойчиво проводила на северо-востоке. Образование Российско-Американской компании, создание Беломорской компании и посылка экспедиций стали частью государственной политики России. Поэтому Н. П. Румянцев, занятый решением многих крупных внешнеполитических проблем, считал нужным уделять большое внимание и проектируемой экспедиции.

Н. П. Румянцев просил И. Б. Пестеля снабдить М. М. Геденштрома инструкцией, согласно которой путешественник должен приложить все силы и старания, чтобы объехать если не всю, то по возможности наибольшее пространство открытой земли. Ему поручалось узнать, населена ли она людьми, описать образ их жизни и составить замечания о горах, долинах, соляных источниках, о животном и растительном мире. Н. П. Румянцев, уверенный в том, что «экспедиция доставит новый источник познаний просвещенному свету»², решил не стеснять экспедицию в средствах и подчинил ее сибирскому генерал-губернатору. И. Б. Пестелю и подчиненным ему лицам разрешено было тратить на экспедицию денег столько, сколько потребуется по обстоятельствам.

Сообщая И. Б. Пестелю об отношении правительственных кругов к экспедиции, Н. П. Румянцев писал: «Мне остается теперь питать себя приятною надеждою, что Ваше пр-во благоразумными Вашими распоряжениями приведет к желаемому концу сие важное дело, которое должно составить в круге познаний и польз

государственных знаменитую эпоху»¹. Столь настойчивое подчеркивание большой важности научных и политических задач путешествия М. М. Геденштрома характерно для всей переписки Н. П. Румянцева с И. Б. Пестелем.

В то время как между Петербургом и Тобольском шла переписка о расходах, М. М. Геденштром прибыл из Иркутска в Якутск, где и занялся подготовкой экспедиции на земли, которые лежали к северу от Св. Носа. Себе в спутники, кроме землемера И. Е. Кожевина, М. М. Геденштром избрал десятника И. Безносова и унтер-офицера И. Решетникова, искусного стрелка, сведущего не только в ружейном, но и в кузнечном деле. Затем по собственному желанию с ним вызвались отправиться плотник Ф. Обухов и промышленник И. Ширяев, знающий юкагирский язык. Других нужных людей он надеялся набрать в Верхоянском остроге или в Усть-Янске.

Инструкция для М. М. Геденштрома была составлена иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным и предписывала путешественнику отправиться из Якутска через Верхоянск в Усть-Янск, откуда следовать к земле, которая была открыта к востоку от о. Котельного.

18 ноября 1808 г. М. М. Геденштром, незадолго перед тем отправивший запасы на 57 лошадях, выехал из Якутска. 5 февраля 1809 г. он прибыл в Усть-Янск. Здесь он встретился с зазимовавшими промышленниками, среди которых был Я. Санников. При активной помощи обитателей Усть-Янска М. М. Геденштром собрал 120 собачьих упряжек, 29 700 штук мороженой рыбы, 306 пудов мяса, 48 лошадей и 63 оленей².

8 марта М. М. Геденштром, Я. Санников и их спутники покинули Усть-Янск³. На о. Фаддеевском М. М. Геденштром расстался с Я. Санниковым и И. Е. Кожевным. В сопровождении устьянского промышленника Портнягина он благополучно добрался до Новой Сибири. Отсюда он отправился на восток, описывая по пути ее южный берег. Пройдя 65 верст, М. М. Геденштром увидел знак, поставленный промышленниками Л. Сыроватского. Следовательно, сообщения охотников о том, что они прошли берегом около 300 верст, были неверны. Пройдя от знака 30 верст, М. М. Геденштром достиг Деревянных гор.

Когда было обследовано 220 верст южного берега Новой Сибири, запасов корма для собак осталось только на обратный путь. М. М. Геденштром повернул обратно, посетил о. Фаддеевский, а затем по морскому льду направился к берегам Сибири. В Усть-Янске он застал И. Е. Кожевина, который положил на карту восточный, западный и южный берега о. Фаддеевского, объехал Большой Ляховский остров и запеленговал Малый Ляховский остров. Я. Санников, выполняя поручение М. М. Геден-

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 135—136.

² Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников..., с. 73.

³ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 139.

штрома, в нескольких местах пересек пролив между островами Котельным и Фаддеевским и определил, что ширина его колеблется от 7 до 30 верст.

В Усть-Янске М. М. Геденштрома ждали инструменты, присланные из Петербурга. Однако большая часть из них в дальней и трудной дороге была повреждена и не годилась для работы. Исправными остались только пантограф, компас, карманные часы, астролябия и термометр.

М. М. Геденштром послал на Новую Сибирь артель промышленников во главе с Санниковым и всех членов своей экспедиции. Они должны были выяснить, заходит ли рыба в речки Новой Сибири. Сам он 25 мая отправился в Иркутск с докладом о результатах весенних работ. Подъезжая к Верхоянску, он встретил нарочного, от которого узнал, что гражданский губернатор Н. И. Трескин не только не разрешил ему прибыть в Иркутск, но и сделал строгий выговор за «малый успех путешествия». Составив в Верхоянске отчет и присоединив черновой набросок карты Новосибирских островов, М. М. Геденштром отправил эти документы иркутскому начальству.

Н. И. Трескин переслал их И. Б. Пестелю, который в свою очередь распорядился составить «Записку об успехах путешествия Геденштрома на новооткрытые земли». Она являлась дополнением к ранее доставленным сведениям и содержала план предстоящих исследований М. М. Геденштрома. К ней была приложена составленная путешественником «Меркаторская карта части новооткрытых на Северном океане островов». Кроме Большого (Первого) и Малого (Второго) Ляховских островов, на карте впервые показаны острова Столбовой и Белковский и часть западного, весь южный и часть восточного берегов островов Котельного и Фаддеевского, который означен как «земля, открытая мещанином Санниковым»¹. На той же карте впервые обозначен залив, который ныне носит имя М. М. Геденштрома, пролив Благовещенский и значительная часть южного берега Новой Сибири. Не безынтересно, что от последней точки, достигнутой М. М. Геденштромом, он показан в виде линии, параллельной берегу Сибири и обрывающейся в море где-то посредине между Индигиркой и Колымой².

Летом 1809 г. М. М. Геденштром занимался обследованием окрестностей Усть-Янска и заготовкой рыбы для предстоящего путешествия. Когда замерзла р. Яна, он описал ее устье и 22 сентября 1809 г. направился на восток к Посадному зимовью, куда он перенес базу своих предстоящих исследований. По словам донесения И. Б. Пестеля, во время переезда он занимался описью

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 167.

² На «Карте новооткрытых земель на Ледовитом море», составленной М. М. Геденштромом в 1809 г. и хранящейся в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23419), линия южного берега Новой Сибири не продолжена в сторону Колымы и обрывается мысом Песчаным.

устьев рек и осмотром приготовленных для будущей поездки на новую землю оленей¹. Затем М. М. Геденштром продолжил опись морского берега до Русского Устья на Индигирке. Вскоре в Русское Устье прибыл Я. Санников со своими промышленниками и остальными членами экспедиции. Расчеты М. М. Геденштрома, что в речках Новой Сибири водится рыба, которую можно было бы использовать для корма собакам, не оправдались.

Я. Санников несколько раз проникал в глубь Новой Сибири и заметил к востоку каменные сопки. Им была открыта река, которая текла на северо-восток от Деревянных гор. Я. Санников рассказывал, что артельщики прошли по ее берегу «до 60 верст и видели взводную с моря воду». Из этих слов промышленника М. М. Геденштром сделал следующий вывод: «Сие доказывает, что Новая Сибирь в сем месте не столь широка»².

Разъезжая по острову, Я. Санников в 20 верстах от берега нашел кусок кости «который, кажется, обделан для употребления вместо топора, ибо несколько походит на прежние каменные топоры чукок». Других свидетельств о том, что на Новой Сибири раньше жили люди, промышленнику обнаружить не удалось.

В октябре 1809 г. Я. Санников со своими товарищами переехал на остров, «им прежде открытый» (Фаддеевский), где встретился с артелью промышленника Чиркова. Чирков на острове нашел следы «не столь давней обитаемости». Среди них были «жерди юкагирской юрты, под ними саночные полозья еще свежие и копылья; несколько костяных скобелей для делания кож и камни, которые в них вкладываются»³. На основе этих находок М. М. Геденштром пришел к заключению, что в этот край приходили юкагиры, которые, вероятно, ушли на восток.

Одновременно он записал рассказ мещанина Ивана Портнягина, дед которого Спиридон «славился по здешнему краю» и якобы перед своей смертью сообщил внуку, «что есть за морем Ледовитым люди» и что их родственники (его мать была юкагирка) около 100 лет назад ушли по льду на северо-запад от места, именуемого Посадным станом. Возможно, что найденные Я. Санниковым и его товарищами юртовища принадлежали этим людям³.

В своем рапорте М. М. Геденштром сообщил, что в предстоящем году он намерен обойти Новую Сибирь, а затем достигнуть мыса Песчаного и попытаться найти обитаемую землю в Северном Ледовитом океане. Без всякого сомнения, из показания Я. Санникова М. М. Геденштрому стало очевидным, что, вероятнее всего, Новая Сибирь не материк, а остров, причем не столь уж большой. В следующем рапорте, посланном иркутскому гражданскому губернатору 16 января 1810 г., он предпринимает попытку обосновать необходимость основное внимание уделять не

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 223.

² Там же.

³ Там же, л. 224—225.

Новой Сибири, а областям к востоку от нее. Он решает искать землю, лежащую к северу от Колымы, сведения о которой основаны «на суждении по резонам физическим г. капитана Сарычева (ныне вице-адмирал), бывшего при экспедиции Биллингса»¹.

М. М. Геденштром в своей записке обращает внимание на известное мнение этого полярного исследователя о том, что, судя по переменчивости и непостоянности «прилива и отлива и морских течений, море к северу от Колымы не может быть обширно, и что не в дальнем расстоянии на севере должно быть твердой земле»². По словам путешественника, такое заключение Г. А. Сарычева уже достаточно для того, чтобы предпринять поиски земли в районах к северу от Колымы и мыса Шелагского. М. М. Геденштром предполагал, что если гипотеза Г. А. Сарычева справедлива, то эта неведомая земля либо является продолжением Новой Сибири, либо соединяется с нею через цепь островов. В доказательство М. М. Геденштром приводил следующие доводы. Во-первых, в Северном Ледовитом океане, как во всяком ином океане, наблюдаются явления прилива и отлива, но поскольку от устья Яны до Колымы они не наблюдаются, то имеются основания думать, что где-то на севере «есть земля, воспрепятствующая приливу в океане доходить до здешних берегов»³. В частности, об этом свидетельствует открытие Новой Сибири.

Во-вторых, полагает М. М. Геденштром, если Новая Сибирь не столь обширна и, может быть, является островом, то через пролив между ее берегами и берегами земли, лежащей против Колымы, должны проходить океанские массы воды и вызывать на сибирском побережье явления прилива и отлива. Следовательно, такого пролива либо не существует, либо через него проходит цепь островов, гасящая прилив. Правда, этот вывод прямо не сделан М. М. Геденштромом, но он читается между строк.

Особенно интересен третий пункт доказательств путешественника. «Не вероятно также, — пишет М. М. Геденштром, — что Ледовитый океан против сей части Сибири соделался неизмеримой льдиной, и потому непреступен тем действиям, которые прилив и отлив производят»⁴. Это важный вывод, который нельзя упускать из виду, принимая во внимание необычайную противоречивость представлений о Северном Ледовитом океане в начале XIX в. А. Э. Норденшельд впоследствии писал, что Ф. П. Врангель и П. Ф. Анжу сослужили важную службу географии, установив, что Северный Ледовитый океан не скован вечным льдом. Это справедливо, но начало этому доказательству сперва в области теории, а затем на опыте своей поездки положил М. М. Геденштром.

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 229 об.

² Там же, л. 231. М. М. Геденштром впоследствии писал, что он тогда не знал о путешествии сержанта Андреева и «открытой им против устья Колымы большой земле, обитаемой якобы особым народом». (Геденштром М. М. Путешествие... с. 103).

³ Там же, л. 232.

⁴ Там же, л. 232 об.

Между прочим, судя по той же записке, он считает, что Дж. Кук в своем плавании к северу от Берингова пролива был остановлен не вечным ледяным полем, а льдом, который сплотился у неизвестной преграды: «Вероятно, что берег Америки, уклоняясь от севера к западу, сим огибом преградил льду дальнейший путь»¹. По мысли М. М. Геденштрома, если бы к северу от точки на 70° с. ш., достигнутой Дж. Куком, не было земли, то сильное течение, которое должно существовать в области соединения двух океанов, разрушило бы ледяную преграду или отнесло ее в ту или иную сторону в зависимости от направления водного потока. Если в море против Новой Сибири, которую от материка отделяют всего 320 верст, лед не только взламывается, но нередко «глазу видятся» необъятные пространства чистой воды, то тем более к северу от Берингова пролива Дж. Кук должен был найти свободное море, если бы на его пути не лежала неизвестная земля. То что Дж. Кук встретил лед под 70° с. ш. еще не доказывает, что «льды сии простираются до полюса». М. М. Геденштром лично наблюдал у берегов Новой Сибири и «Земли, Санниковым открытой» (о. Фаддеевский), припай, который простирался в море на 70—100 верст. Именно такой лед и помешал Дж. Куку в его плавании на север. Итак, он, М. М. Геденштром, хотел бы открыть землю, которой не удалось достигнуть Дж. Куку и о которой писал Г. А. Сарычев.

Таким образом, М. М. Геденштром, развивая мысли Г. А. Сарычева на основе собранных им самим сведений о Северном Ледовитом океане, вывел новые доказательства существования земли к северу от Колымы. Именно эту землю он намеревался искать на следующую весну².

2 марта 1810 г. экспедиция покинула Посадное зимовье и направилась на север³. Вместе с М. М. Геденштромом поехал Я. Санников. Путь до Новой Сибири занял около двух недель. Дав путешественникам и собакам двухдневный отдых, М. М. Геденштром приступил к продолжению описи Новой Сибири. В то же время он поручил Я. Санникову пересечь землю с юга на север.

На второй день М. М. Геденштром убедился, что Новая Сибирь не так уж велика, как первоначально предполагалось. Вскоре берег повернул на северо-восток, затем на север и наконец на запад. Новая Сибирь была островом, а не землей, соединяющейся с Америкой. В тот же день, с высокого Каменного мыса он увидел на северо-востоке «синеву, подобную отдаленной земле».

Утром приехал Я. Санников. Он пересек Новую Сибирь и, выйдя на ее северный берег, также увидел далеко-далеко на се-

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 233 об.

² Там же, л. 230.

³ В это время в экспедицию М. М. Геденштрома был приглашен немецкий ученый Ф. Рейнс. Он должен был помочь путешественникам «обозрение и описание открытых на Ледовитом море земель производить с возможным совершенством и точностью» (там же, л. 196—199). Однако Ф. Рейнс поехать отказался.

веро-востоке синеву. М. М. Геденштром, взяв несколько нарт, поехал на северо-восток, к синеве, которая «представлялась через зрительную трубу белым яром, изрытым, как казалось, множеством ручьев. Вскоре яр сей показался простирающимся полукругом и почти соединяющимся с Новой Сибирью. Но, к крайнему прискорбию всех, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля претворилась в гряды высочайших ледяных громад 15 и более саженной высоты, отстоящих одна от другой в 2 и 3 верстах»¹.

Слова о том, что мнимая земля превратилась в гряды исполинских торосов, в первом донесении о втором путешествии М. М. Геденштрома отсутствуют. В нем говорится, что он увидел «на северо-востоке синеву, подобную отдаленной земле, пустился туда, пробиваясь сквозь торосы, но в следующий день встретил он торосы, подобные горам, что... заставило возвратиться назад, дабы запастись дровами на дальнейший через море путь»². Эти слова взяты не из собственного рапорта М. М. Геденштрома, а из донесения И. Б. Пестеля от 9 октября 1810 г. Спустя три месяца, а именно в январе 1811 г., генерал-губернатор Сибири послал записку об открытиях экспедиции, основанную на подлинном журнале М. М. Геденштрома, где уже имеются строки, близкие к приведенным из его «Путешествия».

«Видя, таким образом, — говорится в записке И. Б. Пестеля, — что Новая Сибирь не простирается далее к востоку и приметив на северо-востоке синеву, которая издали казалась матерой землею, решились 18-го числа отправиться к оной. Но чрезвычайно частый торос столь затруднял их переезд, что они с утра до вечера не более 17 верст смогли отъехать и ни одной нарты не осталось у них целой. Пробившись потом до 25 верст, увидели, что казавшийся им берег, к крайнему удивлению, составляли высочайшие ледяные горы, в нескольких верстах одна от другой лежащие, а в дали представляющиеся сплошными»³. И дальше идет фраза о том, что они вернулись на Новую Сибирь, чтобы запастись дровами для путешествия по морю.

Противоречивость этих двух донесений усугубляется еще одним неожиданным обстоятельством. Основываясь на копиях карт, исследователи, в том числе и автор этой работы, считали, что М. М. Геденштром не нанес эту землю. Это и справедливо, и несправедливо. На подлинной карте, составленной М. М. Геденштромом⁴, действительно нет этой земли, но на предполагаемом месте ее нахождения поставлен знак, которым обозначают приблизительную величину. Вероятно, М. М. Геденштром не был окончательно убежден, что они достигли того места, где надлежало быть «синеве», подобной «матерой земле», и считал необходимым

обратить внимание исследователей на этот район, где, возможно, их ждут открытия. И, действительно, там спустя столетие были открыты острова Жохова и Вилькицкого.

Итак, 19 марта М. М. Геденштром вернулся на Новую Сибирь. Он решил дать отдых собакам, а спутникам приказал починить нарты, заготовить запасные полозья, копылья, вязки и собрать дров на двухнедельный путь.

24 марта М. М. Геденштром смог тронуться в путь к той земле, которая, по мнению адмирала Г. А. Сарычева, должна находиться к северу от Колымы. Через 14 верст начались восторженные льды. За остаток дня смогли пройти в ледяных завалах только 6 верст. Во второй день прошли 28 верст, а за третий и четвертый всего лишь 30 верст. Затем лед сделался весьма ненадежным, толщина его уменьшилась до 6 вершков, во многих местах виднелись трещины, а впереди стоял «черный туман», который был признаком огромного пространства открытой воды. На следующий день экспедиция продолжала поиски, но вместо «матерой земли» снова встретила открытое море, «в расстоянии от воды не более полуверсты видели ясно носившийся на оной лед»¹.

30 марта М. М. Геденштром повернул к берегам Сибири. Он направился к Лаптевскому маяку в устье Колымы, где его должны были ждать несколько новых упряжек собак и запасы рыбы. Но здесь никого не было. Людей, запасы и упряжки М. М. Геденштром нашел в Шалауровом зимовье, но собаки оказались плохие, а запасов было всего на 100 верст пути. Тогда он отправился в Нижнеколымск, достал 5 нарт и корму для собак на 20 дней. 18 апреля М. М. Геденштром выехал на северо-восток от Баранова Камня.

В 250 верстах от материка он обнаружил на льдинах земляные глыбы. Одновременно М. М. Геденштром наблюдал, как стая гусей пролетела на северо-запад. По словам записки И. Б. Пестеля, эти наблюдения подтвердили догадку путешественников о том, что впереди должна быть земля. Вскоре М. М. Геденштром встретил разводье шириной 30 м. Преодолеть это препятствие не было возможности, и путешественник повернул назад. Он решил идти к мысу Шелагскому, который интересовал многих исследователей, и осмотреть его окрестности. Однако лед вскоре сделался очень тонок. Его часто пересекали трещины, и как ни пытались путешественники объехать их, всякий раз терпели неудачу. В разводьях было замечено сильное течение на восток, глубина в измеренных местах колебалась от 11 до 12 саженей, а грунт был всюду одинаковый — «вязкая синяя глина». Причину образования «сих расцелин» М. М. Геденштром видел в продолжительном восточном ветре, который нагнал воду со стороны Берингова пролива и создал «спорное течение в открытом море»². Своими поездками по льду на восток от Новой Сибири М. М. Геденштром раньше

¹ Геденштром М. М. Путешествие..., ч. 19, с. 8—9.

² АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 243.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 455.

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 254.

² Там же, л. 257 об.

Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу установил, что Северный Ледовитый океан не скован вечным льдом.

Лето 1810 г. М. М. Геденштром провел в Нижнеколымске, откуда осенью по санному пути перебрался в Усть-Янск. Здесь его поджидал Я. Санников, недавно вернувшийся вместе с промышленником Н. Белковым с о. Котельного. Судя по «Записке о найденных вещах мещанином Санниковым на Котельном острове», на северо-западном его берегу, в тех местах, куда не доходил ни один промышленник, он обнаружил могилу с крестом. Я. Санников полагал, что на острове в древности обитали русские¹.

В той же «Записке» идет речь и о другом, пожалуй, самом интересном факте, который, безусловно, не остался незамеченным. Оказывается, Я. Санников, находясь на о. Котельном, видел на северо-западе, примерно в 70 верстах, очертания неизвестной земли. Вот что об этом сказано в записке, составленной М. М. Геденштромом со слов Я. Санникова: «Берег в том месте, до которого он доходил, оборачивает на восток, а на северо-западе в примерном расстоянии 70 верст видны высокие каменные горы»². На основании этого рассказа Я. Санникова М. М. Геденштром обозначил в верхнем левом углу своей итоговой карты берег неведомой суши, на которой написал «Земля, виденная Санниковым». На ее побережье нарисованы горы. М. М. Геденштром придавал сообщению Я. Санникова важное значение, предполагая, что виденный им берег соединяется с Америкой. Это была по счету вторая Земля Санникова — земля, которой в действительности не существовало.

6 января 1811 г., представляя Н. П. Румянцеву подробную записку о втором путешествии М. М. Геденштрома, И. Б. Пестель советовал воздержаться не только от особой научной экспедиции, но и от новой экспедиции самого М. М. Геденштрома, поскольку его поездки ложатся тяжелым бременем на «жителей сей страны, находящихся в самом плачевном положении»³.

В сложной обстановке континентальной блокады, когда становилось все более очевидным назревание противоречий с новым союзником Наполеоном, не скрывавшим своего намерения поставить Россию на колени, Н. П. Румянцев не нашел нужным входить к Александру I с представлением о снаряжении научной экспедиции, поручив сибирским властям своими силами завершить исследование островов Котельного, Фаддеевского и Новой Сибири, а также продолжить поиски новых земель.

М. М. Геденштром осенью 1810 г. был отозван в Иркутск. Но прежде чем покинуть Усть-Янск, он сделал все приготовления к дальнейшему исследованию новооткрытых земель, которое должно было осуществляться следующим образом⁴.

Геодезист П. Пшеницын вместе с казаком Татариновым должен был отправиться сначала для описи на о. Фаддеевский, затем пере-

сечь Новую Сибирь, исследовать ее северный берег, опись которого не была картирована М. М. Геденштромом. Ему следовало узнать «не простирается ли она на восток и не соединяется ли, или приближается к протянувшемуся, как предполагают, в Ледовитое море берегу северо-западной Америки»¹. П. Пшеницын должен был заниматься этими исследованиями не только весной, но и летом.

Одновременно Я. Санникову с унтер-офицером Решетниковым поручалось объехать весной северную часть о. Фаддеевского, а затем остаться на лето на о. Котельном, чтобы «неотменно пройти те Каменные горы, которые он прошедшего лета с западной стороны Котельного острова видел ... и ежели земля сия простирается за оными на северо-запад и запад, то пересечь оную, чтоб выйти на восточную сторону»².

Описью о. Фаддеевского должен был заниматься либо Я. Санников, либо П. Пшеницын так, что если какие-либо препятствия помешают одному, то это дело мог исполнить другой. Обращает на себя внимание тот факт, что «мещанину Санникову предписано по возвращении с Котельного острова отправиться в Иркутск на коште экспедиции для личного донесения о своем успехе»³. Иными словами Я. Санников оставался воспреемником экспедиции М. М. Геденштрома, которая, судя по перечисленным задачам, отнюдь не прекращала своей деятельности и не меняла цели. Это понимал и И. Б. Пестель, который 23 августа 1811 г. представил Н. П. Румянцеву «Записку о распоряжениях, какие назначены для продолжения экспедиции на Ледовитом океане».

Безусловно, И. Б. Пестель была ясна политическая и научная значимость открытия «матерой земли» в Северном Ледовитом океане, тем более, что в это время М. М. Геденштром, вернувшийся в Иркутск, сообщил, что, по полученным им сведениям, берег Америки от северо-запада протянулся через океан за устье Колымы, и представил его «абрис». Хотя по письму И. Б. Пестеля, сведения об этом были «не новые, а давно уже известные ... и хотя все они основаны на показаниях людей менее вероятия заслуживающих», он отдал распоряжение об исследовании этого «американского берега»⁴. К этому письму приложена «Записка из донесения иркутского губернского землемера А. И. Лосева», в которой, кроме упоминания о плавании Дежнева, говорится о поездке сержанта С. Андреева в шестидесятых годах XVIII в., когда он доставил сведения о Медвежьих островах, а также о земле Тикеген и о береге Америки. В заключении этой записки говорится: «все мореходы в путешествиях своих хоть не утверждали непрерывное продолжение от Америки к западу, но существование матерой земли прямо против устья Чауна признавали, потому что дующие там в августе месяце северо-западные ветры, лед далеко в море не уносили»⁵.

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 442.

² Там же, л. 443.

³ Там же, л. 413.

⁴ Там же, л. 434.

⁵ Там же, л. 439.

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 459.

² Там же, л. 459.

³ Там же, л. 247.

⁴ Там же, л. 440.

Некоторые сведения А. И. Лосева, в частности о путешествии С. Андреева, были использованы М. М. Геденштромом при составлении «Меркаторской карты, представляющей новооткрытые на Ледовитом море земли и берега»¹.

Продолжение описи и осмотра Новосибирских островов было поручено Я. Санникову, геодезисту П. Пшеницыну, унтер-офицеру Решетникову и сотнику Татаринovu. В марте они были у цели. П. Пшеницын с Татаринovым объехали Новую Сибирь и положили на карту всю береговую линию протяженностью в 470 верст. Татаринov пытался проехать по морю на север от мыса Каменного, чтобы узнать, не имеется ли там «предполагаемой матерой земли»², но в 25 верстах от Новой Сибири встретил «открытое волнующееся море, не имеющее уже при северо-западном ветре носимых льдов»³.

23 мая после того, как была завершена опись Новой Сибири и составлена карта, П. Пшеницын отправился на о. Фаддеевский, где ему со своими спутниками предстояло провести лето. Переезд через Благовещенский пролив занял два дня. 26 мая П. Пшеницын отправил казака Никулина и крестьянина Фаддеева к стану близ речки Чугут-уах, куда князец Барабанский и крестьянин Г. Портнягин должны были доставить оленей, на которых он собирался исследовать летом остров. Но в стане никого не было.

Между тем Я. Санников вместе с сыном Андреем обследовал открытый им еще в 1805 г. о. Фаддеевский. С мыса Благовещенского Я. Санников отправился на Новую Сибирь, с северного берега которой видел «на севере землю с высокими горами». М. М. Геденштром удивился, что проехал Я. Санников «не более 25-ти верст, как был удержан полыньей, простиравшеюся во все стороны. Земля же ясно была видима, и он полагает, что она тогда 20-ти верст от него отстояла»⁴. Спустя несколько дней, перебравшись снова на о. Фаддеевский, Я. Санников от мыса Благовещенского направился по морскому льду на север. В 30 верстах от берега он снова встретил открытую воду. 12 апреля 1811 г. он прибыл в Усть-Янск и занялся отправкой запасов продовольствия и корма для собак на острова Котельный и Фаддеевский, где путешественники намерены были провести лето.

2 мая экспедиция выехала на север и через 15 дней была на о. Котельном. 25 июня Я. Санников отправился в путешествие по о. Котельному. Хотя он был преисполнен «желанием к приисканию

редкостей», но в первые дни не мог обнаружить ничего интересного. Путешествие затруднялось разливом рек, но Я. Санников пересек остров с запада на восток от Царевой реки до р. Санниковой, а затем обошел весь остров вокруг. 17 августа он возвратился в свое становище. О его неутомимой деятельности свидетельствует «Журнал личных обсказаний мешанина Якова Санникова, унтер-офицера Решетникова и с записок, веденным ими во время обозрения и летования на острове Котельном, существующем на Ледовитом море»¹.

4 октября Я. Санников отправился на о. Фаддеевский, где вел исследования П. Пшеницын. Я. Санникову было известно, что олени весной не были доставлены, и геодезист был лишен возможности объехать остров летом, когда более отчетливо, чем зимой, видна линия берега. П. Пшеницын пытался обойти его пешком, но вскоре убедился, что это непосильная задача. Он и его спутники оказались в трудном положении. Запасы продовольствия были недостаточными. Длительный голод изнурил всех. Приезд Я. Санникова был спасением для П. Пшеницына и его товарищей. Он перевез всех на о. Котельный в свое становище. П. Пшеницын по описаниям и рассказам Я. Санникова составил карту о. Котельного и всего Новосибирского архипелага, которая опубликована в упоминавшемся «Атласе географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке».

27 октября 1811 г. экспедиция направилась в Усть-Янск, а 15 января 1812 г. Я. Санников и унтер-офицер Решетников прибыли в Иркутск. На этом завершилась первая в XIX в. экспедиция для поисков «матерой земли». Общие затраты на нее составили 18 644 руб. 20 коп.²

Трудами М. М. Геденштрама, И. Е. Кожевина, П. Пшеницына и Я. Санникова³ впервые на географической карте появились острова Столбовой, Белковский, Новая Сибирь, Котельный, Фаддеевский и Земля Бунге. Как справедливо отметил Ф. П. Врангель, карта этих островов была еще далека от совершенства: очертания островов Котельного, Большого и Малого Ляховских немного искажены, но не надо забывать, что М. М. Геденштром и его спутники пользовались инструментами, которые не всегда оказывались исправными.

И. Б. Пестель отмечал, что М. М. Геденштром стремился выполнить все те исследования, какие «только были в его возможности и зависели от его усилий, не щадя здоровья от расстройства коего и изнурения сделалось оно совершенно неизлечимым».

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 467—480. (На титульном листе приписка: «Сочинен геодезистом Петром Пшеницыным 1811-го года на острове Котельном». Журнал подписан Я. Санниковым).

² Там же, л. 510 об.

³ Активное участие в экспедиции принимали унтер-офицер И. Решетников, пятидесятники И. Безносков, П. Тарабукин, А. Никулин, И. Варгуев, крестьяне Ф. Обухов, С. Фаддеев, Т. Портнягин, Г. Портнягин, якуты В. Слепцов, Барабинский, Черепов, юкагир С. Корнин, сын Я. Санникова — Андрей и его три брата, имена которых остались неизвестными.

¹ Существовала еще одна карта М. М. Геденштрама, «представляющая часть Ледовитого моря, берег северо-восточной Сибири от устья реки Анабары до Чукотского мыса в Беринговом проливе, берег северо-западной Америки, протянувшийся в Ледовитое море и острова сей части Ледовитого моря, описанные... Геденштромом» (АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 453).

² АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 484 («Журнал геодезиста Пшеницына, сочиненный во время описания новооткрытых на Ледовитом море земель», 1811 г.).

³ Там же, л. 485.

⁴ Геденштром М. М. Путешествие геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова к островам Ледовитого моря в 1811, 1812 гг. — Сибирский вестник, 1822, ч. 20, с. 281.

М. М. Геденштром, Я. Санников, И. Е. Кожевин и П. Пшеницын не только составили первую карту Новосибирских островов, но и собрали первые сведения о их природе¹, древних юкагирских жилищ, зимовье безвестных русских и, по-видимому, якутских промышленников². Ученые высоко оценили результаты работы М. М. Геденштрома и Я. Санникова. Выдающийся полярный путешественник А. Э. Норденшельд писал: «Можно сказать, что благодаря замечательным путешествиям Геденштрома и Санникова по Ледовитому океану дано заглавие многим важным разделам в истории о былом и современном состоянии нашего земного шара»³.

Земли, лежащие к северу и востоку от Ляховских островов, приобрели свой настоящий облик. Три из них открыл Я. Санников: это острова Столбовой, Фаддеевский и Земля Бунге. Но, как ни странно, имя его получило большую известность не благодаря его выдающимся географическим открытиям, а в связи с теми землями, которые он видел в Северном Ледовитом океане.

Я. Санникова высоко ценил М. М. Геденштром. Он видел в нем самого надежного помощника и именно ему поручил завершение работ экспедиции, когда губернатор отозвал его, М. М. Геденштрома, в Иркутск. В своих записках «Путешествие по Ледовитому морю и островам оною, лежащим от устья Лены к востоку» он не преуменьшил роли Я. Санникова в этом географическом предприятии.

О деятельности Я. Санникова на севере с восхищением отзывался И. Ф. Крузенштерн. В своем сочинении «Об островах, недавно открытых на Ледовитом море» он писал, что именем этого полярного исследователя по справедливости следовало бы назвать открытый им о. Фаддеевский⁴.

Высоко оценивал деятельность Я. Санникова И. Б. Пестель: «Справедливость требует упомянуть в особенности о мещанине Санникове, коего труды по сей экспедиции заслуживают внимания; он открыл прежде Столбовой остров, большую часть Котельного и весь Фаддеевский остров; с 1809 года мещанин сей и четыре его сына числились при оной экспедиции с самого приезда Геденштрома в Усть-Янск»⁵. И. Б. Пестель отмечает, что Я. Санников был не только полезен М. М. Геденштрому, но просто необходим.

Две из трех земель, усмотренных Санниковым в различных местах Северного Ледовитого океана, появились на карте М. М. Геденштрома. Одна в виде части огромной суши с гористыми берегами была нанесена к северо-западу от о. Котельного, другая была показана в виде гористых островов, протянувшихся от меридиана восточного берега о. Фаддеевского до меридиана мыса Высокого на Новой Сибири и названа его именем. Что касается земли к северо-востоку от Новой Сибири, то на месте предполагаемого ее местонахождения он поставил знак, которым обозначают приблизительную величину. Впоследствии именно здесь были открыты острова Жохова и Вилькицкого.

Таким образом, Я. Санников видел в трех различных местах Северного Ледовитого океана неведомые земли, которым затем на протяжении десятилетий предстояло занимать умы географов всего мира. Всем было известно о крупных географических открытиях Я. Санникова. Это придавало еще большую убедительность его сообщениям. Сам он был убежден в существовании этих земель. Как видно из письма И. Б. Пестеля Н. П. Румянцеву, он был намерен «продолжить открытие новых островов и прежде всего той земли, которую видел он на север от Котельного и Фаддеевского островов»¹.

Каждый из участников экспедиции М. М. Геденштрома неоднократно получал награды. Но сам Геденштром был забыт. В январе 1812 г. И. Б. Пестель отправил пятую по счету просьбу о возвращении ссыльному М. М. Геденштрому свободы и о награждении его чином титулярного советника с жалованием 700 руб. в год, напоминая при этом, что он показал себя человеком необычайно отважным и «загладившим свою вину исполнением необыкновенно трудного поручения, по воле правительства на него возложенного»². В конце концов Александр I разрешил возвратить М. М. Геденштрому «свободу по службе» и наградить его чином губернского секретаря с окладом 500 руб. в год.

Экспедиция Геденштрома—Санникова завершилась в сложное и трудное для России время. Шел 1812 год. Над отечеством нависла опасность нашествия. Последние распоряжения по экспедиции М. М. Геденштрома, дела которой в это время ликвидировались, отдавал товарищ министра иностранных дел А. Н. Салтыков. Ему адресованы и донесения И. Б. Пестеля, последнее из которых датировано 13 февраля 1813 г. В нем идет речь о «совершенном окончании» экспедиции³.

Экспедиция Геденштрома—Санникова—самое крупное и самое выдающееся полярное путешествие начала XIX в. (1801—1812 гг.). Она представляет собой яркое звено в сложной цепи поисков «матерой земли» к северу от берегов Сибири, положившее начало первым сомнениям в существовании так называемого

¹ Геодезист П. Пшеницын составил описание островов Котельного, Фаддеевского и Новой Сибири (см.: Белов М. И. Арктическое мореплавание... с. 500).

² Геденштром М. М. Острова между Леною и Колымою. — Русский инвалид, 1838, № 268. Кроме того, имеются статьи: Геденштром М. М. Новая Сибирь. — Русский инвалид, 1838, № 313; Геденштром М. М. Головы неизвестных животных, находившихся в Северной Сибири. — Русский инвалид, 1838, № 318.

³ Норденшельд А. Э. Плавание на «Вере». Т. 2. — Л., 1936, с. 441.

⁴ ЦГАВМФ, ф. семьи Крузенштернов (ф. 14), оп. 1, д. 45, л. 3.

⁵ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1830, д. 1, л. 464 об.

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-21, 1806—1820, д. 1, л. 465—466.

² Там же, л. 425.

³ Там же, л. 510, 511.

Северного континента. Экспедиция Геденштрома—Санникова не только явилась блестящей прелюдией к выдающимся путешествиям П. Ф. Анжу и Ф. П. Врангеля, для которых были скопированы все ее карты, документы и описание путешествия¹, но и оказала большое влияние на дальнейшее развитие русских полярных исследователей к северу от Чукотки, Берингова пролива и Русской Америки.

Тот факт, что Н. П. Румянцев в это время начал обсуждать с И. Ф. Крузенштерном вопрос о возобновлении поисков морского пути из Тихого океана в Атлантический, находится в некоторой связи с исследованиями, которые велись на северо-востоке России. М. М. Геденштром своими сведениями о существовании земли к северу от Колымы и Шелагского мыса, а также к северу от островов Котельного и Фаддеевского поддерживал интерес Н. П. Румянцева к открытию берегов Америки, якобы простирающихся на запад. Во всяком случае, судя по письмам Н. П. Румянцева И. Ф. Крузенштерну, поиски Северо-Западного прохода и северной оконечности Америки представлялись одной задачей².

Когда английский мореплаватель Бурней (Барни) выдвинул гипотезу о том, что Азия и Америка соединены перешейком, то Н. П. Румянцев, в отличие от И. Ф. Крузенштерна и английского путешественника Барроу, отнесся к этой идее с особым интересом. И это понятно, те доводы, которые выдвигал Дж. Бурней, уже давно были известны Н. П. Румянцеву из нескольких записок М. М. Геденштрома, который спустя 30 лет писал о том, что он «уверен, даже убежден, что на севере Чукотской Земли остаются неизвестные еще земли или острова»³.

Открытие земель к северу от Колымы с поисками Северо-Западного прохода связывал и знаменитый английский исследователь Дж. Барроу, который через И. Ф. Крузенштерна просил у Н. П. Румянцева подробных сведений о Новой Сибири и плавании С. Дежнева.

Инициатива Н. П. Румянцева в отправлении экспедиции М. М. Геденштрома, а затем экспедиции О. Е. Коцебу на «Рюрик» для поисков Северо-Западного прохода нашла свое продолжение в снаряжении экспедиций Ф. П. Врангеля, П. Ф. Анжу и в плавании М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева в Берингов пролив, которые явились новым шагом в развитии научных представлений о природе Арктики и были обусловлены необходимостью защиты национальных интересов России на северо-востоке Азии и в Северной Америке.

¹ Книгопродавец П. Глазунов предлагал в 1813 г. напечатать «Путешествие» М. М. Геденштрома за свой счет и притом вносить 20% сумм от продажи книг в Инвалидную кассу. Однако Н. П. Румянцев решил издать этот труд под редакцией И. Ф. Крузенштерна. К сожалению, это намерение осталось неисполненным. Рукопись «Путешествия» взял у М. М. Геденштрома М. М. Сперанский и опубликовал его в «Сибирском вестнике».

² ЦГАМФ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 55.

³ Геденштром М. М. Заметка на статью журнала «Отечественные записки», август 1840. — Русский вестник, 1841, № 2, с. 513.

Первая русская экспедиция для поисков Северо-Западного прохода

В современной зарубежной литературе, посвященной истории открытия и исследования Северо-Западного прохода¹, освещение роли России в решении этой важнейшей географической проблемы ограничивается всемирно известными плаваниями С. И. Дежнева и В. Беринга². Более поздние экспедиции О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, А. Ф. Кашеварова, как правило, не упоминаются.

Бесспорно, что Англия, направившая в XVII—XIX вв. около 60 экспедиций в различные районы Северо-Западного прохода, внесла выдающийся вклад в его исследование. Но не следует упускать из виду тот факт, что как первое, так и окончательное доказательство существования Северо-Восточного и Северо-Западного проходов было получено в результате плаваний русских моряков, что ученые и государственные деятели России проявляли к этой великой научной проблеме исключительно большой интерес на протяжении XVIII в. и первой половины XIX в. Более того, в десятых и двадцатых годах XIX в. о русских экспедициях, занимавшихся поисками Северо-Западного прохода и исследованием земель к северу от берегов Восточной Сибири, писалось очень много³.

Примечательно то обстоятельство, что и Дж. Барроу, и Дж. Бурней добывались неофициальными путями получения более широкой и разносторонней информации об исследованиях М. М. Геденштрома, О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева и Ф. П. Врангеля. В частности, Дж. Бурней через русского консула в Портсмуте просил у О. Е. Коцебу⁴ данные о течениях, которые наблюдали с корабля «Рюрик» в Беринговом проливе, справедливо видя в этом одно из доказательств сообщения между двумя океанами⁵. Дж. Барроу

¹ В современной литературе Северо-Восточным проходом называется Северный морской путь от берегов Мурманска до Чукотки. О. Е. Коцебу и И. Ф. Крузенштерн под Северо-Восточным путем подразумевали восточную часть Северо-Западного прохода (поиски на «Рюрик» велись со стороны Берингова пролива к востоку).

² Neatby L. H. In quest of the Northwest Passage. — Toronto, 1958; Williams G. The British search for the Northwest Passage in the Eighteenth Century. — London, 1962; Dodge E. S. Northwest by Sea. — New York, 1961. В последней работе отмечается, что С. И. Дежнев прошел вокруг Чукотского полуострова в 1655 г. (фактически это произошло в 1648 г.).

³ A chronological history of North Eastern voyages of discovery; and of the Early Eastern navigations of the Russians. By Captain James Byrney. — London, 1819; A chronological history of voyages into the Arctic regions by John Barrow. — London, 1818; Narrative of a pedestrian journey through Russia and sibirian Tartary from the frontiers of China to the frozen sea and Kamtchatka, performed during the years 1820, 1821, 1822 and 1823. Capt. John Dundas Cochrane R. N. — London, 1824.

⁴ ЦГАМФ, ф. 14, оп. 1, д. 205, л. 22—31.

⁵ Там же, д. 259, л. 70, д. 264, л. 12—13 и др.

получал через И. Ф. Крузенштерна и Н. П. Румянцева материалы о плавании С. Дежнева, об экспедиции на «Рюрик», о Новой Сибири как продолжении Америки. По заданию английского адмиралтейства для сбора сведений о русских исследованиях был послан лейтенант Д. Кокрен, который пытался принять участие в экспедиции Ф. П. Врангеля.

В десятых и двадцатых годах XIX в. английская пресса много писала о том, что русские уверенно лидируют в полярных исследованиях на берегах и морях, прилежащих с севера к Берингову проливу. Однако спустя 10—15 лет после того, как обозначилась утрата интереса со стороны русского правительства к исследованию Северо-Западного прохода, началось игнорирование вклада России в решение этой задачи.

В 1835 г. в Королевском географическом обществе началось обсуждение вопроса о необходимости возобновления исследований Северного пути между Тихим и Атлантическим океанами. Дж. Барроу, Ричардсон, Джон Франклин и другие английские полярные исследователи приводили доказательства существования Северо-Западного прохода, не упомянув ни словом о том, что они добыты русскими моряками и что не Англия, а Россия первой в XIX в. приступила к решению этой проблемы. На игнорирование англичанами русских открытий обращал внимание еще И. Ф. Крузенштерн. Он писал: «Здесь я должен упомянуть об одном обстоятельстве, которое не должно быть упускаемо из виду. Русские первыми возобновили отыскание Северо-Западного прохода в 1815 году отправлением корабля «Рюрик»; не прежде, как спустя три года после того, англичане начали посылать экспедиции для разрешения сего вопроса»¹. Более того, русские первыми окончательно доказали существование прохода между Тихим и Атлантическим океанами. И хотя Д. Барроу в 1835 г. призывал своих соотечественников не уступить России самую великую победу², он упустил из виду, что эта победа окончательно досталась русским морякам в 1823 г.

Однако это открытие оказалось забытым. В зарубежной литературе утвердилось мнение, что исследование Северо-Западного прохода было возобновлено благодаря агитации секретаря английского адмиралтейства Дж. Барроу. Но по словам самого Дж. Барроу, снаряжение английских экспедиций было вызвано опасением британского кабинета, что Россия, приступив первой к разрешению важнейшей географической проблемы, добьется не только укрепления своего авторитета как могущественной державы мира, но и усилит свои позиции на севере Американского континента. Это еще в более обнаженной и откровенной форме отмечалось в письмах русского посла в Лондоне Х. А. Ливена, адресованных Н. П. Румянцеву и И. Ф. Крузенштерну.

Особый интерес правительственных кругов России к исследованию Северо-Западного прохода (а следовательно, и берегов севера Америки) объяснялся не столько агитацией И. Ф. Крузенштерна, который занялся этой проблемой на 10 лет раньше Дж. Барроу, сколько тем обстоятельством, что ее решение соответствовало высшим государственным интересам России¹. Участие России в решении этой важнейшей арктической проблемы обуславливалось как научными, так и политическими задачами. Притязания английского правительства на север Американского континента, как и на северо-западные берега Америки не были секретом для государственных деятелей и моряков России. Тот факт, что английские полярные экспедиции XVIII в. в отдельных районах Северо-Западного прохода имели отнюдь не коммерческие задачи, отмечал историк Г. Вильямс. По его словам, английское правительство хорошо понимало стратегическое значение Северного пути в Тихий океан и поэтому возложило его исследование на британское адмиралтейство².

Особая сложность положения в этих районах заключалась еще и в том, что границы русских владений на севере Америки не были четко определены. В привилегиях, которые были дарованы Российско-Американской компании на 20 лет, ей разрешалось вести промыслы и устраивать поселения «до Берингова пролива и за оный... и занимать земли, которые не были заняты другими народами»³. Такая неопределенность формулировки имела сильную и слабую стороны. Она давала компании свободу действий на севере Американского континента, но одновременно оставляла юридически неприкрытой северную границу Русской Америки.

В России не могли не учитывать, что точно так же могла поступать и английская Компания Гудзонова залива. Хотя ее деятельность, с одной стороны, как будто ограничивалась территорией, прилежащей к Гудзонову заливу, но в то же время хартия, дарованная Карлом II, разрешала ее акционерам заниматься монопольной торговлей, добычей пушнины и минеральных богатств на прибрежных землях северных морей⁴.

Российско-Американская компания с первых дней своего существования следила за действиями Компании Гудзонова залива. На ее средства участником первого кругосветного плавания В. Н. Берхом были переведены и изданы описания путешествия

¹ Как видно из письма П. И. Рикорда Н. П. Румянцеву (15 сентября 1815 г.), англичане сомневались в том, что экспедиция на «Рюрик» «предпринята одним частным государственным деятелем» (ЦГАДА, б. Фонды Государственного архива Российской империи, р. XI. Переписка разных лиц, д. 184, л. 1).

² Williams G. The British search for Northwest Passage in the Eighteenth century. — London, 1962, p. 142.

³ Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. С приложением документов. Ч. 1. — СПб., 1861, с. 8.

⁴ Куприянов А. Б. Компания Гудзонова залива за первые сто лет своего существования (1670—1763). — *Летопись Севера*, 1964, вып. 4, с. 162.

¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 75, л. 1.

² Barrow J. Communications on a Northwest Passage and further survey. — *Royal Geographical Society Journal*, 1836, vol. 6, p. 34.

С. Херна и А. Маккензи. Делалось это, разумеется, не только для просвещения публики, но и для сведений о действиях своих соперников.

Необозначенность границ русских владений на севере Американского континента и возможность выхода английских промышленников со стороны р. Маккензи в район Берингова пролива беспокоили не только Российско-Американскую компанию, но и председателя Государственного совета Н. П. Румянцева. Весьма показательно, что решение о снаряжении экспедиции для поисков Северо-Западного прохода и исследования северных берегов Америки Н. П. Румянцев принял в то время, когда занимал самый высокий пост в русском правительстве. Значение этого шага с необычайной точностью определил И. Ф. Крузенштерн, который писал: «Статься может, что сделан будет вопрос: какая польза может быть для России от таковых изысканий? Такие вопросы могут исходить от людей, которые не понимают, что эти исследования имеют целью возрастание могущества и распространение политического влияния их отечества»¹.

Н. П. Румянцев великолепно понимал, какое влияние географические исследования порой оказывают на внешнюю политику и как внешняя политика вызывает к жизни новые географические предприятия. Государственный канцлер предполагал организовать поиски Северо-Западного морского пути со стороны Берингова пролива на восток и со стороны Баффинова залива на запад. Он считал желательным «исполнить оба предприятия», но исследования со стороны Атлантического океана должны были начаться годом позднее, чем со стороны Берингова пролива.

В руководители «атлантической» экспедиции государственный канцлер хотел привлечь какого-либо предприимчивого морехода из Америки, о чем велась переписка. Но И. Ф. Крузенштерн убедил Н. П. Румянцева воздержаться от снаряжения этой экспедиции до возвращения в Россию корабля, который будет заниматься поисками Северо-Западного прохода со стороны Берингова пролива, так как в этом случае можно было не прибегать к услугам американцев.

Несмотря на сложность международной обстановки в Европе, Н. П. Румянцев, как свидетельствует И. Ф. Крузенштерн, даже в трудные для России дни не оставлял мысли о возобновлении поисков сообщения между Тихим и Атлантическим океанами. Глубокий интерес Н. П. Румянцева диктовался определенными политическими задачами. По словам И. Ф. Крузенштерна, государственный канцлер считал, что «исследование севернейших берегов Америки могло бы быть полезно для наших владений в тех странах»². Н. П. Румянцев в одном из писем к морскому министру И. И. де

Траверсе отмечал, что путешествие на «Рюрике» было предпринято для пользы России и ее военно-морского флота¹.

Однако в преддверии «грозы двенадцатого года» Н. П. Румянцев не удалось приступить даже к выполнению первой части своего плана. Его главный советник по этим вопросам писал впоследствии: «Политическое состояние России еще и прежде ужасной войны 1812 и 1813 годов исключало всякую возможность подобного предприятия даже со стороны самого правительства»².

После того как армии Наполеона и его союзников потерпели сокрушительное поражение под Лейпцигом, Н. П. Румянцев принял конкретные действия, решив снарядить экспедицию для поисков Северо-Западного прохода на свой счет. 25 ноября 1813 г. И. Ф. Крузенштерн направил государственному канцлеру смету расходов на предполагаемое путешествие³. Стоимость экспедиции была определена в 100 тыс. руб., из них — 50 тыс. на постройку судна, 16 тыс. — на жалованье, 10 тыс. — на провизию, 6 тыс. — на инструменты. Остальная часть этой, весьма солидной по тем временам суммы, могла быть употреблена на экстраординарные расходы и покупку вещей и товаров для обмена их на провизию и для подарков народам посещаемых земель⁴.

По рекомендации И. Ф. Крузенштерна начальником экспедиции был назначен О. Е. Коцебу, который кадетом плавал на корабле «Надежда», проявил себя знающим моряком и успешно занимался исследованием берегов, составлением карт и астрономическими наблюдениями. Летом 1814 г. И. Ф. Крузенштерн вместе с О. Е. Коцебу заказал на верфи Або бриг «Рюрик» (из соснового леса) и затем отправился в Англию, чтобы заказать навигационные приборы для экспедиции. По его просьбе, за изготовлением инструментов следил секретарь английского адмиралтейства Дж. Барроу, через которого впоследствии И. Ф. Крузенштерн получал обстоятельную информацию о намерениях английского правительства в области полярных исследований.

11 мая 1815 г. «Рюрика» спустили на воду. В середине лета все приготовления были закончены. В состав экспедиции входили доктор И. И. Эшшольц, художник Л. И. Хорис, ученые-естествоиспытатели А. Шамиссо и Вормсколд, лейтенанты Г. С. Шишмарев и Захарьин. Команда была укомплектована лучшими матросами флотского экипажа. Всего на борту корабля «Рюрик» находилось 33 человека⁵.

¹ ЦГАДА, Госархив, ф. 11, д. 114 доп., ч. 4, л. 23.

² ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 52, л. 53.

³ Н. П. Румянцев в 1814 г. оставил государственную службу. За ним было пожизненно сохранено звание государственного канцлера и все получаемые им оклады, которые он пожертвовал в казну инвалидов Отечественной войны 1812 г.

⁴ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 28, л. 19. Действительные расходы на экспедицию превысили смету примерно в два раза.

⁵ Известно, что О. Е. Коцебу приглашал в плавание на «Рюрике» будущего декабриста Н. А. Бестужева, но по неизвестным обстоятельствам он не смог принять участия в экспедиции.

¹ Крузенштерн И. Ф. Преуведомление. — В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие... с. 28.

² ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 52, л. 54.

Прежде чем перейти к описанию плавания О. Е. Коцебу, необходимо в нескольких словах напомнить о том, что в то время, как почти все северное побережье Европы и Азии¹ было исследовано русскими людьми, север Американского континента оставался фактически белым пятном. На исходе XV в., через несколько лет после открытия Колумбом Америки, Себастьян Кабот сделал первую попытку проникнуть к северо-западу вдоль берегов Нового Света. В конце XVI — начале XVII в. путешественники проникли в залив, который впоследствии был назван именем Гудзона, и в основных чертах завершили его обследование, тщетно ища проход в Северный Ледовитый океан.

Новый шаг в исследовании Северо-Западного прохода был сделан У. Баффином, который поднялся вдоль западных берегов Гренландии до 77°30' с. ш., открыл устья проливов Ланкастер и Смит и пришел к выводу, что Северо-Западного прохода не существует, хотя в действительности положил начало его открытию². Карта, составленная У. Баффином, затерялась, и ученые-географы в конце концов стали сомневаться в достоверности его выдающихся открытий. Возможно, распространению этого заблуждения способствовали неудачи последующих экспедиций, которые вплоть до первых десятилетий XIX в. так и не проникли в этом районе севернее У. Баффина.

Следующая точка, которую нанесли на карту американского берега Северного Ледовитого океана, была достигнута в 1770 г. служащим Компании Гудзона залива С. Херном. Ему было дано задание выяснить во время своего путешествия — «существует ли пролив между материками». Он вышел к морю по р. Копермайн (Медная река) и нашел у живших там эскимосов много китового уса и шкур тюленей. С. Херн писал в отчете, что сомневается в возможности «прохода из Баффинова или Гудзонова заливов»³. Через 8 лет знаменитый Дж. Кук прошел Беринговым проливом и достиг мыса Ледяного под 71° с. ш. И уже на исходе XVIII в. в 1793 г. А. Маккензи, спустившись по большой реке, носящей ныне его имя, увидел Северный Ледовитый океан. Правда Дж. Барроу считал, что «если сведения, доставленные нам Херном о море, неудовлетворительны, то Маккензины еще гораздо темнее»⁴. Суд современников был скорый и несправедливый: они полагали, что ни С. Херн, ни А. Маккензи не видели моря, хотя, вероятно, и находились вблизи него.

¹ Северное побережье Азии не было достоверно известно только между мысами Шелагским и Северным. Это и использовал английский мореплаватель Дж. Бурней, выдвинувший гипотезу о том, что Америка соединяется с Азией перешейком.

² Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. — М., 1950, с. 170.

³ Dodge E. S. Northwest by sea. — New York, 1961, p. 221.

⁴ Берх В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны с присовокуплением обозрений физических свойств того края. Ч. 1. — СПб., 1821, с. 185. Научную редакцию труда по просьбе Н. П. Румянцева выполнил И. Ф. Крузенштерн (ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 38).

Таким образом, к концу XIX в. на огромном пространстве севера Американского континента было известно всего лишь несколько пунктов, что не только делало более ясным вопрос о существовании Северо-Западного морского пути, а скорее давало повод для рождения новых гипотез и заблуждений.

Для того чтобы полнее осветить вклад России в решение одной из важнейших проблем полярных исследований, необходимо еще раз остановиться на точке зрения английского мореплавателя Дж. Кука и его спутников по третьему плаванию о Северо-Западном проходе. Автор труда по истории исследования Северо-Западного прохода Л. Нитби отмечает, что окончательное решение вопроса о разделении материков и, следовательно, о существовании Северо-Западного прохода принадлежит Дж. Куку¹. Однако Л. Нитби упускает из виду тот факт, что Дж. Кук пришел к противоположному выводу и, в частности, полагал, что море к северу от Берингова пролива либо занято землей, либо заперто вечным неподвижным льдом. Так, в 1779 г., когда английские корабли были остановлены льдами на 67° с. ш., мореплаватели обнаружили «некоторые обстоятельства, заставляющие многих думать по тем наблюдениям, какие были сделаны в этом и в прошлом году, что море, как его теперь называют к северу и востоку от Сердца-Камень, это всего лишь залив, образованный перешейком, соединяющим оба материка». «Причины, выдвигаемые в поддержку этого положения: малые глубины воды, которые мы зафиксировали (глубина нигде не превышала 30 саженей), по мере продвижения дальше на север глубина уменьшалась, дно илистое, ни одного сколько-нибудь сильного течения, которое должно было быть в проливе между двумя морями, однако вместо течения мы увидели прилив. Это основные причины, в соответствии с которыми многие считают, что оба материка Америка и Азия, соединяясь, образуют залив, который всегда заполнен льдом... А история о том, как два русских судна обошли Чукотский мыс (Дежнев, 1648 г.) справедливо расценивается как выдуманная, сами русские этому не верят»².

Возможность соединения Азии и Америки подчеркивалась в документах английских мореплавателей неоднократно. При этом делалась оговорка, что если даже материки и не соединяются, то лед является непроходимым барьером.

Анализируя имевшиеся сведения о третьем плавании Дж. Кука, И. Ф. Крузенштерн писал, что это путешествие «положило, казалось, конец всем сомнениям о возможности Северного прохода»³.

Для английской точки зрения того времени весьма характерны приводимые М. С. Боднарским слова издателя сочинения о

¹ Neatby L. H. In quest the Northwest Passage. — Toronto, 1958, p. 51.

² The Journal of captain James Cook. . . , vol. 3, p. 1532.

³ Крузенштерн И. Ф. Преуведомление. — В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие. . . , ч. 1, с. 6.

третьем плавании Дж. Кука: «...Экспедиции 1778—1779 годов оказали всему свету то благодеяние, что они его навсегда вывели от сумасбродной мысли, что подобные открытия возможны»¹.

Влияние авторитета Дж. Кука было велико. Три кругосветных плавания, целая серия замечательных географических открытий и достижений в изучении Мирового океана справедливо поставили его имя в число выдающихся мореплавателей. Естественно, что всякое суждение или утверждение Дж. Кука воспринималось современниками и ближайшими поколениями моряков мира как последнее слово истины. Точка зрения Дж. Кука и его спутников по третьему плаванию нашла сторонников и в Англии, и в России. В некоторой степени ее придерживались Г. А. Сарычев, М. М. Гендештром, Н. П. Румянцев. По справедливому замечанию декабриста В. П. Романова, вопрос о том, «соединяется ли материк Азии с Америкой или море разделяет их», являлся к двадцатым годам XIX в. важнейшей арктической проблемой и привлекал «внимание мореходов и ученых всех стран»².

Прежде чем определить задачи экспедиции, И. Ф. Крузенштерн, по просьбе Н. П. Румянцева, проанализировал историю поисков Северо-Западного прохода от С. Кабота до Дж. Кука. Он пришел к убеждению, что причиной забвения этой важной задачи были, с одной стороны, почти беспрестанные европейские войны, с другой, — утвердившееся после плаваний англичан (Кука, Кларка, Пикерсгиля) «мнение о невозможности существования морского прохода на Севере»³.

Формулируя цели первой в XIX в. экспедиции для поисков Северо-Западного прохода, И. Ф. Крузенштерн исходил из убеждения, что мореплавателям едва ли удастся проникнуть дальше к северу, чем это удалось Куку и Кларку. Поэтому он считал целесообразным исследовать в первую очередь берега Америки к северу и югу от Берингова пролива, которые оставались на значительном пространстве неосмотренными. Он надеялся, что в этих районах удастся найти бухту, имеющую непосредственное сообщение либо с Баффиновым заливом, либо с реками Маккензи и Коппермайн, впадающими в Ледовитый океан. И. Ф. Крузенштерн полагал, что посредством такой бухты или реки будет удобнее достигнуть Атлантического океана, чем плывя на судне через Берингов пролив к Ледяному мысу. Каким бы маловероятным не оказалось это предположение, его можно было бы окончательно отвергнуть только в том случае, когда, по словам Крузенштерна, будут исследованы белые пятна побережья Америки в районе к северу и в особенности к югу от Берингова пролива, где осталось не осмотренным пространство берега на протяжении более 100

¹ Боднарский М. С. Великий Северный морской путь. — М., Л., 1926, с. 90.

² ЦГАВМФ, ф. Департамента морского министра (ф. 166), оп. 1, д. 2595, л. 2.

³ Крузенштерн И. Ф. Преуведомление. — В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие..., с. 6.

миль. Следует иметь в виду, что эти доводы И. Ф. Крузенштерна оказали большое влияние на направление русских поисков прохода из Берингова пролива в Атлантику. В районах Америки, указанных И. Ф. Крузенштерном, после плавания О. Е. Коцебу вели исследования Ф. Колмаков, П. Корсаковский, В. С. Хромченко, А. К. Этолин, М. Н. Васильев, А. П. Авинов и др.

Вместе с тем, экспедиции О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» надлежало выяснить, что невозможно проникнуть далее к северу, чем это удалось Куку и, «следовательно, удостовериться в несуществовании морского прохода в Атлантическое море»¹. В том случае, если не удастся морем достигнуть широты, до которой доходил Дж. Кук, то морякам следовало предпринять сухопутное путешествие по арктическому побережью Америки и выяснить, как далеко к северу простирается Ледяной мыс и где берег принимает восточное направление. Эти направления и способы поисков прохода из Берингова пролива в Атлантику были подробно развиты И. Ф. Крузенштерном в «Мореходной инструкции, данной флота лейтенанту О. Е. Коцебу» и затем неоднократно рассматривались в его многочисленных проектах, первоначально направленных на поиски, а затем на исследование Северо-Западного прохода.

30 июля 1815 г. бриг «Рюрик» покинул Кронштадт. На пути в Петропавловск-на-Камчатке, куда экспедиция прибыла 20 июня 1816 г., моряки открыли в Тихом океане коралловые острова Румянцева, Спиридова и Крузенштерна, цепь островов «Рюрика» и группу островов Суворова-Рымнинского и Кутузова-Смоленского.

17 июля 1816 г. бриг оставил берега Камчатки. Спустя 10 дней участники экспедиции высадились на западные берега острова Св. Лаврентия, на котором еще никогда не бывал ни один ученый. 30 июля достигли Гвоздевых островов, которые находятся в середине Берингова пролива. Затем экспедиция направилась к мысу Принца Валлийского (Уэльского) и приступила к описи северо-западных берегов Америки.

31 июля открыли остров, за которым располагалась обширная бухта, глубоко врезавшаяся в материк. Ее исследования О. Е. Коцебу решил отложить до следующего лета и, не отвлекаясь от выполнения главной задачи, продолжать плавание на север. Открытый остров был назван именем Г. А. Сарычева, а бухта — именем старшего офицера «Рюрика» Г. С. Шишмарева.

Около полуночи 1 августа «Рюрик» находился у входа не то в пролив, не то в глубокий залив. О. Е. Коцебу казалось, что он находится у начала прохода, соединяющего Тихий океан с Атлантическим. «Не могу я, — вспоминал впоследствии О. Е. Коцебу, — описать странного чувствования, охватившего меня при мысли, что я, может статься, нахожусь перед входом в Северо-Восточный через Берингов пролив проход, бывший предметом столь многих поисков, и что судьба избрала меня к открытию одного»². В 7 ча-

¹ Крузенштерн И. Ф. Преуведомление. — В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие..., с. 9.

² Коцебу О. Е. Путешествие..., ч. 1, с. 108—109.

сов 1 августа 1816 г. О. Е. Коцебу направился на восток. Чем дальше в «пролив» уходил бриг, тем более значительными были глубины. Ранним утром 2 августа О. Е. Коцебу послал матроса на марс. Он сообщил, что на востоке ничего не видно, кроме водного пространства.

О. Е. Коцебу считал, что он находится действительно в широком проходе. Однако вечером берега его начали сужаться. На юге появились горы. Они распространялись к востоку, как будто стремясь слиться с горной цепью на севере. Но в одном месте их разделяла открытая вода. Именно сюда О. Е. Коцебу направил свой корабль. В полдень 3 августа ветер разогнал тучи. Экспедиция находилась в проливе шириной около 10 верст, окруженном с севера и юга утесистыми берегами. «Мы еще не оставляли надежды открыть проход в Ледовитое море, тем более, что этот пролив, по-видимому, сливался с горизонтом», — писал О. Е. Коцебу.

Экспедиция в этот день открыла небольшой остров (о. Шамиссо). В 6 часов утра 4 августа путешественники оставили бриг и на двух шлюпках направились на север, где они еще надеялись отыскать проход в Северный Ледовитый океан. Пройдя более 25 верст, О. Е. Коцебу высадился на высокий берег и, поднявшись на вершину скалы, осмотрел окрестности. «Открыли мы, — признавался он впоследствии, — что находимся на узкой косе, и что берег, простирающийся к северу, по-видимому, соединяется с лежащим на востоке. Нечаянное открытие сильно нас опечалило: между тем, однако, оставалась нам еще некоторая, хотя небольшая искра надежды, поелику соединение берега не со всех сторон видно было»¹. Однако вечером он убедился в ошибке: и на севере его шлюпки встретили берег.

В течение трех дней О. Е. Коцебу исследовал южные и восточные берега огромного залива, но нигде не отыскал из него прохода в Ледовитый океан. В одну из экскурсий путешественники открыли на берегу залива ископаемый лед. «Я думаю, что сии горы не могли составиться здесь, но должны быть брошены сюда какою-либо революцией земли с полюса»², — писал О. Е. Коцебу.

10 августа путешественники покинули стоянку за о. Шамиссо и приступили к описи южного берега залива, который первоначально приняли за проход в Северный Ледовитый океан и который, по единодушному желанию, назвали заливом Коцебу. В губе Доброй Надежды О. Е. Коцебу обнаружил рукав шириной около 300 м, исчезавший между горами. Он изобилывал мельями, на которые часто садились тяжелые шлюпки. О. Е. Коцебу решил его исследовать в будущем году на легких байдарках, а пока узнать у эскимосов, куда ведет этот канал и как далеко простирается. Один из жителей объяснил мореплавателям, что «9 ночей должно на дороге спать, а днем грести, тогда достигнешь открытого моря». «Сие известие меня столь обрадовало, — писал О. Е. Коцебу, —

что я подарил ему топор и три ножа и тотчас приказал сесть в гребные суда, дабы еще раз попытаться плыть вверх по каналу, но беспрестанно мелководье нас удерживало»¹.

18 августа обследовали мыс Крузенштерна у северного входа в залив Коцебу. На этом О. Е. Коцебу решил прекратить поиски прохода в Северный Ледовитый океан. Исследователь понимал, что сделанное его экспедицией открытие имеет исключительное значение не только для дальнейших исследований, но и для освоения Русской Америки. Он полагал, что «открытие зунда должно принести меховой торговле большую пользу». «У жителей, — писал мореплаватель, — мы заметили множество мехов разного рода, которые они нам за ножи и бисер охотно уступали. Если б нашу целью была торговля, то мы могли бы в короткое время выменять знатное количество сего дорогого товара»². В 3 часа дня 18 августа «Рюрик» достиг мыса Восточного (Дежнева). Отсюда направились к заливу Св. Лаврентия³. Вечер и ночь судно лавировало в тумане. Утром 19 августа корабль оказался на прежнем месте вместо того, чтобы отойти к югу миль на 50. О. Е. Коцебу занялся вычислениями и скоро пришел к выводу, что сила течения «в самом глубоком месте фарватера достигает 3 миль в час» и направлено оно к северо-востоку, именно в ту сторону, где надлежало быть проходу в Атлантику.

«Постоянное в Беринговом проливе направление течения к северо-востоку доказывает, — писал О. Е. Коцебу, — что вода не встречает сопротивления и что, следовательно, должен существовать проход, хотя оный, может статься, для мореплавания не удобен... Не подлежит сомнению, что масса воды, текущая в Берингов пролив, обходит вокруг Америки и изливается чрез Баффинову губу в океан»⁴. Это был новый и смелый вывод, который подтвердили последующие русские экспедиции в этот район.

22 августа путешественники приступили к описи берегов залива Св. Лаврентия, где открыли два небольших необитаемых острова, которым О. Е. Коцебу присвоил имена своих штурманских помощников В. С. Хромченко и Петрова. Утром 29 августа «Рюрик» покинул берега Чукотки и 7 сентября 1816 года достиг о. Уналашка. О. Е. Коцебу заказал байдары для исследования отмелых мест и отправил донесение о своих открытиях. Эти бумаги пришли в Петербург только во второй половине 1817 г. Н. П. Румянцев надеялся, что О. Е. Коцебу летом 1817 г. «удостоверится, что существует проход из Восточного в Западный океан и известит о том ученым мужам всего мира»⁵. Однако в ночь на 13 апреля 1817 г. во время шторма О. Е. Коцебу полу-

¹ ЦГАВМ, ф. 166, оп. 1, д. 2531, л. 20.

² Там же, л. 21.

³ Часто называется губой Св. Лаврентия.

⁴ Коцебу О. Е., Путешествие..., ч. 1, с. 138. Этот важный вывод по неизвестной причине был опущен редактором второго издания «Путешествия...» (см. Коцебу О. Е. Путешествия вокруг света. — М.: Географгиз, 1948, с. 96).

⁵ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 6.

¹ Коцебу О. Е. Путешествие..., ч. 1, с. 115—116.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2531, л. 17—18.

чил тяжелую травму. Экспедиции не удалось ни посетить вновь открытый залив в Северном Ледовитом океане, ни продолжить поиски Северо-Западного прохода. 10 июля 1818 г. «Рюрик» отдал якорь на Кронштадтском рейде.

По поручению Н. П. Румянцева, О. Е. Коцебу вместе с И. Ф. Крузенштерном подготовил записку о своем плавании на имя морского министра И. И. де Траверсе. В записке подчеркивалась государственная значимость открытий экспедиции на «Рюрике» и обосновывалась необходимость занятия новооткрытых районов на севере Аляски, в частности в заливе Коцебу. В окончательном варианте рапорта многократно подчеркивалась необходимость не допустить выхода Англии из района владений Компании Гудзонова залива в сторону Берингова пролива.

«Мне кажется, — писал О. Е. Коцебу, — что не должно русским упускать времени занятием сего места, английская Гудзонская компания, которая весьма далеко к западу внутрь Америки от сих заселений распространяет торговлю, уже имеет в весьма недалеком расстоянии от сего зунда фактории и, конечно, вскоре привлечет сих диких, будет господствовать в Беринговом проливе»¹. Таким образом, был поставлен вопрос не только о развитии торговых отношений, но и о насущной необходимости — о закреплении за Россией важных стратегических пунктов, являющихся ключом к Северо-Западному и Северо-Восточному морским путям.

Последующие мероприятия русского правительства по исследованию северной части Тихого океана и областей к северу от Берингова пролива, несомненно, имеют связь с экспедицией на «Рюрике», которая не только привлекла внимание к задаче укрепления позиции России на севере Америки, но и имела выдающееся научное значение.

О. Е. Коцебу первым в XIX в. начал плавание Северо-Западным морским проходом. Открытие огромного залива Коцебу, залива Шишмарева, губы Эшшольца, островов Шамиссо, Сарычева, Хромченко, Петрова, мыса Крузенштерна, губы Доброй Надежды за полярным кругом — все это поставило его в число выдающихся исследователей Арктики. Экспедицией на «Рюрике» был открыт ископаемый лед на Аляске, собраны ботанические и зоологические коллекции, включавшие большое число неизвестных науке животных и растений.

На основе наблюдений за течениями в Беринговом проливе, направленными к северо-востоку и достигавшими скорости около 3 миль в час, О. Е. Коцебу пришел к выводу, что существует сообщение между двумя океанами. Зная, что вблизи Баффинова залива течение направлено к югу, он писал о том, «что вода, входящая в Берингов пролив, имеет течение вокруг Северной Америки к югу»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2531, л. 21.

² Служник Дж. Кука Дж. Бурней просил И. Ф. Крузенштерна 8 марта 1818 г. сообщить ему о течениях в Беринговом проливе, их скорости и направлении, так как эти сведения могли явиться одним из доказательств либо суще-

Экспедицией было выполнено более 300 измерений температуры воды океана, в том числе 83 на различных глубинах, наибольшая из которых составила 1829 м. Впервые в океанографических работах исследовалась прозрачность морской воды¹, и в то же время измерялась ее плотность («тяжестей оной»). В течение всего плавания велись метеорологические наблюдения. Кроме того, почти каждый день наблюдали за склонением магнитной стрелки. О. Е. Коцебу считал эти исследования важными для развития физических знаний. Он же высказал идею о единстве геологической структуры Чукотки и Аляски, которую поддержал профессор Дерптского университета М. Энгельгардт.

Особенно ценен вклад О. Е. Коцебу в изучение жизни и быта чукчей и эскимосов Аляски. Он признавался впоследствии, что его «по-настоящему увлекало... лишь знакомство с новыми странами и их обитателями»². Мореплавателю считал, что подробное исследование Берингова пролива принесет большую пользу не только наукам, но и торговле. Важным дополнением к трудам О. Е. Коцебу явились два альбома зарисовок Л. И. Хориса, которые вызвали глубокий интерес ученых Европы³.

В 1821—1823 гг. вышли три тома книги О. Е. Коцебу «Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода», которые почти одновременно были переизданы в Лондоне, Париже, Амстердаме, Ганновере и Веймаре и сохраняют свое значение до нашего времени.

Таким образом, первая в XIX в. экспедиция для поисков прохода из Берингова пролива в Атлантику не только поставила под сомнение вывод английских мореплавателей о невозможности морского пути из Тихого океана в Атлантику вдоль северных берегов Америки, но и явилась первым звеном англо-русской «гонки» в полярных исследованиях.

С экспедицией Коцебу связано рождение первого русского проекта поисков Северо-Западного прохода со стороны Атлантического океана. Как отмечалось, еще до Отечественной войны 1812 г. Н. П. Румянцев обсуждал с И. Ф. Крузенштерном возможность экспедиции со стороны Баффинова залива для выяснения вопроса о существовании морского сообщения между Атлантическим океаном и Беринговым проливом. В 1817 г. он снова вернулся к этой мысли и просил И. Ф. Крузенштерна определить задачи и план действий будущей экспедиции.

ствования Северо-Западного прохода, либо наличия перемычки между Азией и Америкой, о которой он говорил в своей статье (ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 205, л. 28).

¹ Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. — М.: Географгиз, 1954, с. 164. (Далее: Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели...).

² Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. — М.: Географгиз, 1959, с. 223.

³ Мальт-Брюн К. О плавании капитана Коцебу вокруг света. — Вестник Европы, 1821, № 24, с. 329. См. также: Известия, сообщенные Мальт-Брюном о путешествии Хориса вокруг света на бриге «Рюрик». — Северный архив, 1822, ч. 3, с. 285.

25 декабря 1817 г., когда «Рюрик» находился еще в Маниле, И. Ф. Крузенштерн по просьбе Н. П. Румянцева сформулировал цели предполагаемой экспедиции в Баффинов залив: «Точное исследование сего обширного залива любопытно по двум причинам: во-первых, ежели существует сообщение между Западным и Восточным океанами¹, то оно должно быть или здесь, или в Гудзоновом заливе. Последний залив осмотрен разными мореплавателями, и хотя есть в оном места не со всею строгостью исследованные, но более вероятности найти сие сообщение в Баффиновом заливе, нежели в Гудзонове. Во-вторых, относительно географии обозрения сего залива весьма любопытно, ибо он со времени его открытия в 1616 году не был никогда осмотрен. Новейшие географы сомневаются даже в истине его существования. По крайней мере, не думают, чтобы Баффин действительно видел берега, окружающие сей залив»².

И. Ф. Крузенштерн исследовал записки Баффина и пришел к убеждению, что тот обошел берега залива, который теперь носит его имя, но не был уверен в достоверности его описи. Причина сомнения в существовании Баффинова залива, по мнению мореплавателя, возникла от предполагаемых трудностей плавания по морю, почти всегда наполненному льдом. Англичане единственный раз — в 1776 г. — послали в тот край экспедицию, которую возглавлял лейтенант Пикерсгилль. Плавание оказалось неудачным, и с тех пор о Баффиновом заливе мореплаватели забыли.

По мысли И. Ф. Крузенштерна, новая экспедиция прежде всего должна была исследовать малоизвестные берега Баффинова залива, а затем решить вопрос о «существовании сообщения оного с Восточным океаном»³.

И. Ф. Крузенштерн советовал направить новую экспедицию не раньше возвращения «Рюрика» в Петербург из второго плавания в Северный Ледовитый океан. После того, как станут полностью известны успехи этой экспедиции, можно будет судить о том, как использовать полученные сведения и наблюдения в предстоящих поисках со стороны Баффинова залива.

Руководство новой экспедицией он советовал поручить О. Е. Коцебу. Он надеялся, что для нового плавания можно будет использовать бриг «Рюрик». По его расчетам, О. Е. Коцебу должен был возвратиться из плавания в Берингов пролив в конце 1818 г. Следующее лето отводилось на исправление повреждений судна, а весной 1820 г. новая экспедиция должна была направиться на поиски приатлантической части Северо-Западного морского прохода и посвятить две навигации научным исследованиям, так как

¹ Западный и Восточный океаны — устаревшие названия Атлантического и Тихого океанов. Последний часто также называли Южным океаном.

² ЦГАДА, Госархив, ф. 21, дела морского ведомства, д. 3 доп., л. 90. Впоследствии более подробно свои мысли о Баффиновом заливе И. Ф. Крузенштерн изложил в статье «О Гренландии, или новые опыты для открытия Северо-Западного пути» («Северный архив», 1822, № 4, с. 341—368).

³ ЦГАДА, Госархив, ф. 21, д. 3, доп., л. 91.

в меньший срок было маловероятно выполнить задачи экспедиции «со всею возможною точностью»¹. При необходимости командиру брига разрешалось провести в полярных странах и третий год.

Через несколько дней после отправления этого проекта Н. П. Румянцеву И. Ф. Крузенштерн получил от секретаря английского адмиралтейства Дж. Барроу письмо, в котором сообщалось о выносе в Атлантику огромных ледяных полей, закрывавших подход к восточным берегам Гренландии. В результате берега этого гигантского острова очистились от льда до 80° с. ш. Дж. Барроу просил И. Ф. Крузенштерна высказать свое мнение о том, как таяние этой массы льдов в теплых водах Атлантики скажется на климате Европы и не будет ли это «способствовать возобновлению попыток найти Северо-Западный проход или северные берега Америки»².

Дж. Барроу просил И. Ф. Крузенштерна сообщить о последних известиях от О. Е. Коцебу и о том, что известно русскому мореплавателю о северной оконечности северо-западной Америки. Одновременно он сообщал И. Ф. Крузенштерну, что весной 1818 г. Англия намерена отправить экспедицию для поисков Северо-Западного прохода со стороны Атлантики. «...Если лейтенант Коцебу получил инструкции продвигаться дальше на восток и если ему удастся пройти через Берингов пролив, — писал Дж. Барроу, — то мореплаватели, возможно, могут встретиться и могут оказаться полезными друг другу, и, если я правильно понимаю его цели и взгляды, нашим офицерам будут даны указания оказать любую возможную помощь Вашим морякам»³.

В выносе льдов от восточных берегов Гренландии И. Ф. Крузенштерн не видел особо благоприятных признаков изменения ледовой обстановки в Северном Ледовитом океане и был уверен, что суда, которые направятся из пролива между Гренландией и Шпицбергенем через Северный полюс в Тихий океан, будут, как и прежние экспедиции, остановлены льдами. Он не верил в существование открытого моря у Северного полюса и полагал, что проход из Атлантики в Берингов пролив следует искать вдоль северных берегов Америки как со стороны Берингова пролива, так и со стороны Баффинова залива.

Его беспокоило другое, а именно намерение англичан послать экспедицию с такими же целями, которые он только что изложил в своем проекте. И. Ф. Крузенштерн решил отправить копию письма, полученного им от Барроу, государственному канцлеру: «Я, конечно, напишу г-ну Барроу, что Ваше сиятельство уже давно решились тотчас по возвращении «Рюрика» отправить подобную экспедицию, но при всем том отложу ответ свой на его письмо, покуда вы не позволите сообщить мне мысли ваши касательно сего аглицкого отправления»⁴.

¹ ЦГАДА, Госархив, ф. 21, д. 3, доп., л. 90—91.

² Там же, д. 162 доп., л. 97.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 94.

Проект И. Ф. Крузенштерна о снаряжении экспедиции в Баффинов залив был встречен Н. П. Румянцевым, по его словам, с большим вниманием. Он находил весьма любопытным изучение этого района, которое могло окончательно определить, существует ли сообщение между двумя океанами. Государственный канцлер надеялся в ближайшее время встретиться с И. Ф. Крузенштерном и обсудить вопрос о посылке экспедиции. Однако, получив копию письма Дж. Барроу, Н. П. Румянцев изменил свои планы. Он просил И. Ф. Крузенштерна сообщить Дж. Барроу, что, узнав о намерении англичан, он отступает от задуманной экспедиции в Баффинов залив и будет выжидать успеха англичан¹. Упрекать Н. П. Румянцева в непоследовательности не приходится. Вступить в соперничество с англичанами в районе Гренландии он считал бесполезным. Поскольку Англия возобновляла поиски Северо-Западного прохода, он хотел еще на год задержать экспедицию на «Рюрике» в районе Берингова пролива.

И. Ф. Крузенштерн и Н. П. Румянцев понимали, что перед экспедициями англичан стояли не только вопросы престижа английского флота и английской науки, но и задачи противодействия попыткам России твердо стать на северных берегах Русской Америки. Именно поэтому Н. П. Румянцеву очень хотелось, чтобы экспедиция О. Е. Коцебу продолжала поиски Северо-Западного прохода со стороны Берингова пролива. Не подозревая о несчастье, постигшем командира, он несколько раз повторял эту мысль: «Мне, — писал он, — более прежнего желается, чтобы лейтенант Коцебу сюда в нынешний год не возвращался и еще один год посвятил исследованию Северо-Западного прохода со стороны Берингова пролива»².

Н. П. Румянцев отдавал себе отчет, что открывается новый этап в англо-русском соперничестве в исследовании полярных стран, за которым скрывались определенные политические интересы.

Глава 2

ПОЛЯРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

В развитии русской культуры и науки важной особенностью, на которую обращали внимание многие поколения отечественных историков, являлась ее связь с передовым общественным движением. Исследование вклада русских революционеров в развитие естествознания и техники относится к числу весьма важных и перспективных направлений исторической науки. В этом убеждает разработка такого вопроса, как вклад декабристов в науки о

Земле, не являвшегося предметом специального монографического исследования, так же как и изучение вклада социал-демократов в познание полярных окраин и в организацию метеорологических наблюдений на севере России¹. В настоящей главе рассматривается лишь один из аспектов этой темы — полярные исследования и проекты декабристов, их метеорологические наблюдения в Сибири.

Полярные исследования декабристов являются составной частью их деятельности по изучению России, океанов и материков земного шара, включая Антарктику. Значение вклада декабристов в изучение полярных стран, их проектов и наблюдений рассматривается с учетом роли и места науки в программах тайных обществ, отношения первенцев русской свободы к науке и просвещению как одному из путей достижения свободы, как действительному средству укрепления силы и политического влияния своего Отечества.

Анализ трудов, воспоминаний, проектов, записок, следственных дел декабристов показывает, что ни одно важное событие в истории изучения полярных стран и в истории мировой географии не ускользало от их внимания. Анализ полярных путешествий посвятили свои работы такие выдающиеся представители движения, как Николай Бестужев, Гаврила Батеньков, Александр Корнилович, Владимир Штейнгель, Дмитрий Завалишин. Их оценки географических исследований не утратили своего значения до наших дней. Исследование этого раздела темы тем более важно, что географическая деятельность декабристов по изучению полярных стран, Сибири и Мирового океана развивалась в эпоху, когда огромные пространства России и земного шара представляли белые пятна на картах, когда еще не была создана сеть геофизических обсерваторий и каждый продолжительный ряд наблюдений на Севере, в Сибири и Антарктике порой имел цену открытия.

Начало географических изысканий декабристов приходится на эпоху, когда Россия вышла на просторы Мирового океана и распространила свои исследования на все материки земного шара. На десятилетие, в которое зародилось и мужало движение декабристов, приходится один из самых выдающихся, самых блестящих периодов отечественных полярных и океанических исследований и открытий. Эта особенность развития географических исследований была подмечена декабристами. Член Северного общества В. П. Романов писал в 1822 г., что «девятнадцатое столетие, распространяя науки и полезные познания в Европе, отличается особенным направлением, данным географическим изысканиям»².

С первых шагов первого русского движения против царизма в выдвинутых декабристами социальных и политических преобразо-

¹ См. нашу книгу «Географические исследования декабристов» (М.: Наука, 1977), книгу «Жизнь и путешествия В. А. Русанова» (М.: Географиз, 1961), посвященную арктическим путешествиям одного из первых социал-демократов, и др. работы.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2595, л. 2.

¹ ЦГАДА, Госархив, ф. 21, д. 162, доп., л. 32.

² ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 33.

ваниях жизни Русского государства и ломки устоев феодально-крепостнического строя видное место занимали проблемы науки и просвещения. Вопрос ставился не только о создании благоприятных социальных условий для развития ученых изысканий, но и прежде всего об участии самих членов тайных обществ в изучении Отечества. Судя по выполненной М. В. Нечкиной реконструкции устава первой тайной декабристской организации — Союза спасения, главной обязанностью ее членов являлось служение «всеми силами» на благо России, как «то и надлежит истинным и верным сынам Отечества»¹.

Эта мысль служения на благо отчизны более ярко была выражена в программе Союза благоденствия. По словам С. П. Трубецкого, члены этой тайной организации, созданной взамен распущенного Союза спасения, четко представляли, что их движение окажет влияние на развитие общественных идей и прогресс политической и экономической жизни Отечества только в том случае, если они приобретут верные и подробные сведения о состоянии России и обогатят себя познанием «наук, имеющих целью усовершенствования гражданского быта государств»².

Надо иметь в виду, что под служением на благо России прежде всего мыслилась активная деятельность членов тайного общества по овладению науками, по исследованию природы России, по изучению сопредельных стран, участие в разработке важнейших научных проблем. Эта особенность уже весьма ярко выступает в первом сохранившемся программном документе декабристов — в уставе Союза благоденствия. «Союз всеми силами попирает невежество — говорилось в нем, — и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию Отечества, старается водворить истинное просвещение»³. Предлагаемый в уставе отдел распространения познаний должен был заботиться о развитии словесности, философии, естественных наук, при этом подчеркивалась необходимость приложения их на благо Отечеству.

«Правилами соединенных славян», составленными П. И. Борисовым, от членов тайного общества требовалось «почитать науки, искусства и ремесла, возвышая любовь к ним до энтузиазма»⁴. В просвещении П. И. Борисов видел надежное лекарство от всех моральных зол невежества, которое, по его словам, «было всегда источником лютейших бедствий человеческого рода»⁵.

Вопрос об овладении науками членами первых тайных обществ ставился отнюдь не как задача самообразования и самоусовершенствования, а как важнейшая цель в политической борьбе

против самодержавия. Декабристы понимали, что их взгляды и позиции царизма в отношении науки и просвещения прямо противоположны. По словам П. Г. Каховского, «народы, почувствовав слáдость просвещения и свободы, стремятся к ним; правительство же, огражденные миллионами штыков, сияются оттолкнуть народы в тьму невежества»¹.

Декабрист Николай Тургенев писал, что государственный аппарат самодержавной России, «не зная наук, но зная средства, ведущие к выгодам»², в лице губернаторов, сановников и высших чиновников восставал против распространения просвещения.

М. П. Бестужев-Рюмин в показаниях следственной комиссии отмечал, что важнейшее место в программе будущего революционного правительства отводилось вопросу просвещения и науки, в том числе предусматривалось «составление собрания ученых», которые не только вели бы изыскания в различных областях наук, но и извлекали бы из своих трудов «все полезное для общества», тем самым содействуя процветанию России. При этом деятельность собрания ученых мыслилась в тесном взаимодействии с мировой научной мыслью³.

Аналогичные положения о роли и месте наук в деятельности революционного правительства содержатся в «Русской правде» П. И. Пестеля, перу которого принадлежит несколько набросков о классификации наук⁴. В этом важнейшем программном документе декабризма подчеркивалась насущная необходимость развития наук, художеств, ремесел. Предполагалось издание законов о «новых открытиях в науках, искусствах, ремеслах и всякой промышленности». Революционному правительству надлежало не только заботиться о создании благоприятных социальных и материальных условий для развития науки, но и внимательно следить за успехами естествознания и техники во всем мире. Поэтому генеральным консулам, которые должны были представлять интересы России в других странах, предполагалось вменить в обязанность извещать правительство «о новых открытиях в науках, искусствах и всех частях промышленности, а равно как и об усовершенствованиях, в оных делаемых»⁵.

Анализ программных документов, высказываний и показаний декабристов во время следствия свидетельствует о том, что наука и просвещение рассматривались деятелями первого русского революционного движения как важнейшие средства в политической борьбе против крепостничества и самодержавия.

В «Русской правде» и в конституции Н. Муравьева были сформулированы новые принципы административно-территориального устройства России. Так, для лучшего «усмотрения состава уделов

¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 163.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. — М., 1951, с. 274. (Далее: Избранные... произведения декабристов...)

³ Избранные... произведения декабристов..., с. 244.

⁴ Восстание декабристов. Т. 5. — М., 1925, с. 12.

⁵ Там же, т. 13, с. 392.

¹ Избранные... произведения декабристов..., т. 1, с. 502.

² Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 3. — Пг., 1921, с. 264.

³ Восстание декабристов. Т. 9. — М., 1925, с. 59.

⁴ Кедров Б. М. П. И. Пестель о системе и классификации наук. — В кн.: Декабристы и русская культура. Л., 1976, с. 327.

⁵ Восстание декабристов. Т. 7. — М., 1925, с. 262.

и областей» к «Русской правде» было приложено два чертежа. На одном из них было дано существующее разделение России на губернии. Другой чертеж давал представление о новом административно-территориальном устройстве России. На основе этого документа была «воссоздана» карта Европейской России, приложенная к «Русской правде». Эта карта опубликована в составе 7-го тома материалов серии «Восстание декабристов»¹. Анализ карты и текста «Русской правды» показывает, что основным принципом нового районирования России был учет природных особенностей областей и округов, их хозяйственного развития, что являлось важным вкладом в развитие отечественной географической мысли².

Вопросы административно-территориального устройства новой России рассмотрены также в 4-й главе («О России») проекта конституции Никиты Муравьева. Особенностью административно-территориального деления и в этом документе является учет природных условий и хозяйственного развития отдельных частей страны. Весьма важно, что территория России, по словам Н. М. Дружинина, делится «на естественные хозяйственные комплексы»³, которые составляют сущность нового административно-территориального деления государства. При этом автор проекта конституции особое внимание уделяет созданию «держав» близ водных путей, будь то речных или морских. (Это дает основание предположить, что истоки труда Никиты Муравьева «О сообщениях в России» восходят к началу двадцатых годов XIX в.)

Знание своего Отечества, его природных особенностей, климата, хозяйства, быта и обычаев народов, его населяющих, необходимо было для разработки тех социально-экономических преобразований, которые намечались в программах декабристов. Несмотря на элементы дворянской ограниченности, они были направлены на ликвидацию крепостной зависимости и самодержавия и должны были служить целям буржуазного переустройства России. В изучении России, экономики, статистики, рудных и минеральных богатств, природных процессов и явлений, животного и растительного мира декабристы видели могучий рычаг к прогрессу в развитии промышленности и сельского хозяйства и прежде всего путь к усилению политического влияния и экономического потенциала страны. Поэтому неслучайно из «фаланги декабристов», наряду с писателями и поэтами, философами и историками, вышло целое созвездие полярных исследователей, естествоиспытателей и мореходов.

«Между 1812 и 1825 годами, — писал А. И. Герцен, — развилась целая плеяда, блестящая талантами, с независимым характером, с рыцарской доблестью (явлениями совершенно новыми в

России). Ею было усвоено все то из западного образования, что было запрещено ввозу»¹.

Действительно, декабристы были образованнейшими людьми своего времени. По данным М. В. Нечкиной, более 20 из них учились в Московском университете². Многие окончили Харьковский университет, Царскосельский лицей, Петербургский педагогический институт, Институт путей сообщения. 66 декабристов получили образование в Морском кадетском корпусе, в Первом и Втором сухопутных кадетских корпусах, Училище колонновожатых, Горном и Лесном институтах, Ришельевском лицее. 17 деятелей тайных обществ учились в частных пансионах. 22 декабриста получили домашнее образование. И только три члена тайных обществ являлись выпускниками низших казенных училищ³.

Говоря об образовательном цензе декабристов, следует помнить, что такое учебное заведение, как Морской кадетский корпус, дало России целую плеяду талантливых полярных исследователей и ученых. Достаточно напомнить имена почетных членов и членов-корреспондентов Петербургской Академии наук: И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина, Ф. П. Врангеля (который был удостоен звания члена Парижской Академии), М. Ф. Рейнеке, Ф. П. Литке, восемнадцать лет возглавлявшего Академию наук. Эти исследователи морей и полярных стран, прославившие Россию своими выдающимися трудами, в основном принадлежат к тому же поколению, что и декабристы.

С кем же из современников, прославившихся своими исследованиями и открытиями в полярных странах и в северной части Тихого океана, находились в общении декабристы? Первым следует назвать известного полярного исследователя, генерал-гидрографа Г. А. Сарычева. Его знали все декабристы-моряки. Исследования Сарычева на северо-востоке России, во время плавания из Колымы в сторону Берингова пролива и на севере Тихого океана рассматривались декабристами как важный вклад в изучение Отечества. С ним еще ребенком познакомился на Камчатке В. И. Штейнгель, который впоследствии отмечал его выдающуюся роль в Северо-Восточной экспедиции (1785—1793 гг.), обязанной именно Сарычеву своими успехами⁴. Особенно тесно с Сарычевым по роду своих занятий общался Н. А. Бестужев, который по рекомендации генерал-гидрографа был сначала определен историографом Российского флота, а затем избран в почетные члены Адмиралтейского департамента.

Особым уважением среди декабристов пользовался руководитель Первой русской кругосветной экспедиции Иван Федорович Крузенштерн. Воспитанный на идеях просветителей XVIII в., он

¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 16. — М., 1959, с. 72.

² Нечкина М. В. Декабристы. — М., 1975, с. 160.

³ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. — СПб., 1909, с. 200.

⁴ Штейнгель В. И. Записки. — В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1. — СПб., 1905, с. 341.

¹ Восстание декабристов. Т. 7. — М., 1925, с. 130—131 (вклейка).

² Никитин Н. П. Экономико-географическая работа декабристов. — Вопросы географии, 1957, вып. 41, с. 242.

³ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. — М., 1933, с. 308. (Далее: Дружинин Н. М. Декабрист Н. Муравьев...).

принадлежал к числу последовательных противников крепостного права. Его «Путешествие вокруг света...» и труды по географии Мирового океана были широко известны за пределами России. Для декабристов Крузенштерн всегда оставался национальным героем и «просвещенным мореходцем», которого роднило с ними глубокое понимание роли и значения полярных и океанических исследований в укреплении политического влияния своего Отечества. Крузенштерн общался с В. И. Штейнгейлем, Н. А. Бестужевым, В. П. Романовым, проекты которого он считал весьма важными, тем более, что они были направлены на исследование севера Русской Америки и поиски Северо-Западного прохода, то есть тех самых вопросов, которые на протяжении четырех десятилетий настойчиво привлекали внимание Крузенштерна. Особенно близок был к Крузенштерну М. К. Кюхельбекер. Осенью 1819 г. последний ездил к мореплавателю на мызу Асс в Эстляндии и рассказывал о плавании к Новой Земле. Именно по просьбе Крузенштерна М. К. Кюхельбекер был «сверх комплекта» зачислен в число участников кругосветной экспедиции на шлюпе «Аполлон». Он же пытался помочь его брату В. К. Кюхельбекеру принять участие в знаменитом кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие», но начальник Морского штаба отказался докладывать эту просьбу Александру I.

Ореолом героизма в глазах декабристов был окружен знаменитый мореплаватель В. М. Головнин. Его трудами о плавании на шлюпе «Диана», о пребывании в плену у японцев, о путешествии на шлюпе «Камчатка» зачитывались многие выдающиеся деятели движения, в том числе А. А. Бестужев и В. К. Кюхельбекер. Головнин воспитал плеяду талантливых исследователей, среди них следует назвать Врангеля, Матюшкина, Литке, которые общались с декабристами.

Д. И. Завалишин относил Головнина к числу членов тайного общества и писал о том, что он якобы выражал готовность взорвать яхту с царской семьей. Других свидетельств, подтверждающих принадлежность Головнина к Северному обществу, не имеется. Зато известно его сочинение «О состоянии российского флота в 1824 году». В нем он подверг жесточайшей критике политику царского правительства в отношении флота примерно в тех же выражениях, что и В. И. Штейнгейль в своем письме из Петропавловской крепости.

В. И. Штейнгейлю особенно был близок выдающийся ученый моряк и флотоводец, друг Головнина, начальник Камчатки П. И. Рикорд. «Во время самого ужасного кризиса моей жизни, — вспоминал Штейнгейль, — рука Петра Ивановича не дрогнула написать ко мне официальную записку: «Любезный друг, не беспокойся о детях, я буду наблюдать их»¹.

¹ Штейнгейль В. И. (Тридечный). Замечания старого моряка. — Морской сборник, 1856, № 12. Смесь, с. 1.

Общение декабристов с Сарычевым, Крузенштерном, Головным, Рикордом, изучение их трудов воздействовали на формирование их интересов в области изучения полярных стран и Мирового океана. Этому также способствовали тесные отношения декабристов со многими своими современниками, а чаще всего сверстниками, только что возвратившимися из отважных путешествий. Среди них первое место принадлежит М. М. Геденштрому. Его другом был Г. С. Батеньков, который в свою бытность в Иркутске жил в доме этого полярного исследователя на правах близкого человека. «Сие не понравилось Сперанскому до того, что он меня почти оставил», — вспоминал Батеньков¹. Это тесное общение приходится на годы, в которые Батеньков работал над проектом исследования Сибири и циклом статей по географии этого края. Безусловно, Геденштром способствовал развитию интереса Батенькова к изучению северо-востока России, к поискам гипотетической Северной Земли, которыми он собирался заняться по окончании путешествия Врангеля и Матюшкина. Вероятно, именно Батеньков (а не Сперанский) отправил в Петербург рукопись «Путешествия» Геденштрома для опубликования в «Сибирском вестнике».

В свою очередь общение с Батеньковым оказало воздействие на радикализм Геденштрома, который за распространение вольнодумных и «противоуправительственных мыслей» губернскими властями был выслан из Тобольска на юг Сибири незадолго до восстания на Сенатской площади. Живя в деревне Хайдуковой в 9 верстах от Томска, он задался целью составить «новое описание всей Сибири, прося только содержание, инструменты и дозволение говорить правду без оглядки»². Но это предложение было оставлено без ответа.

Весной 1820 г. в Иркутске в доме Геденштрома Батеньков встретился с членами экспедиции для поисков и описи северных земель Врангелем, Матюшкиным и Анжу. Известно, что между участниками иркутской встречи установились хорошие отношения.

Находясь на Севере, Врангель не только задумывался «над всем хаосом кронштадского фронтового порядка»³, но и видел в политических известиях, доходивших на Колыму из Петербурга «характерные черты какого-то чрезвычайно чудного времени»⁴. По возвращении из путешествия Врангель, Анжу и Матюшкин были тепло приняты в декабристских кругах Петербурга. В частности, они бывали в доме у А. О. Корниловича и в семье Бестужевых где делились впечатлениями о трехлетних странствиях по берегам и льдам Северного Ледовитого океана на пространстве от р. Оленек до Колючинской губы.

¹ Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. — Киев, 1906, с. 151.

² ЦГИАЭ, фонд Врангеля (ф. 2057), оп. 1, д. 465, л. 74.

³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 23.

⁴ Там же, л. 50.

В декабристском окружении находился исследователь Новой Земли Ф. П. Литке, о чем он писал в своей автобиографии. Он был с детства дружен с Н. А. Бестужевым, которого называл «красой и гордостью русского флота»¹. Он бывал в доме у Завалишиных, коротко был знаком с Батеньковым и восхищался Корниловичем. Еще в 1820 г., находясь в Копенгагене, Литке завел «Особую записную книгу». Он переписывал в эту тетрадь наиболее замечательные произведения нелегальной литературы начала двадцатых годов прошлого века. Здесь можно найти и оду А. С. Пушкина «Вольность», и публицистические письма М. Ф. Орлова, и стихотворение К. Ф. Рылеева «К временщику», и, наконец, неизвестную до недавнего времени записку «Нечто о возмущении Семеновского полка», автором которой, возможно, является Николай Бестужев². Литке собирал произведения «потаенной» литературы потому, что они отвечали его настроениям и размышлениям над действительностью³.

В декабристском окружении находился еще один выдающийся географ и исследователь морей России — Михаил Францевич Рейнеке, письма которого к Николаю и Михаилу Бестужевым впервые введены нами в научный оборот⁴.

Корнилович и Батеньков хорошо знали Ф. Ф. Шуберта, состоявшего в масонской ложе избранного Михаила, из которой вышло немало декабристов. Корнилович очень высоко отзывался о трудах Шуберта по топографической съемке России и посылал ему поклонны из Петропавловской крепости как раз в те годы, когда Ф. Ф. Шуберт руководил полярными и гидрографическими исследованиями морского ведомства⁵.

И, наконец, многие декабристы плавали под командой знаменитых деятелей флота М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена. При этом последний вел переписку с начальником Морского штаба А. В. Моллером об избрании Н. А. Бестужева в почетные члены Адмиралтейского департамента.

Таким образом, декабристы общались с великолепной плеядой полярных исследователей, мореплавателей и ученых, чьи имена давно уже стали гордостью русской науки. Эти люди, испытавшие трудности и лишения, ревностно изучавшие Россию и ее полярные области, были для них воплощением героизма и служения на благо Отечества. В свою очередь высокие душевные и нравственные идеалы, которыми рельефно, по словам Ф. П. Врангеля, отличались деятели 14 декабря, их «горячее желание патриота выдвинуть дорогое Отечество на первый план образованного

мира»¹ были притягательны для передовых офицеров армии и флота.

Многие из декабристов стремились стать участниками арктических путешествий и кругосветных экспедиций. Их исследования в полярных странах являются составной частью их деятельности в деле изучения России и сопредельных стран. Декабристы побывали у берегов всех материков и в водах всех океанов земного шара. Их внимание привлекало решение главнейших задач полярных исследований, в том числе проблемы Северо-Западного прохода, поисков северной «матерой земли», а также открытие ледяного континента у Южного полюса, изучение северных и восточных морей России.

Проекты исследования Северо-Западного прохода

Как отмечалось, в первой половине XIX в. поиски Северо-Западного прохода являлись одной из важнейших проблем полярных исследований. Вопрос о том, соединены ли Азия и Америка перешейком или их разделяет море, по словам члена Северного общества В. П. Романова, волновал умы ученых и мореплавателей всего света². Первым из декабристов, чье внимание привлекала проблема Северо-Западного прохода, является Н. А. Бестужев. Он был приглашен командиром брига «Рюрик» О. Е. Коцебу в состав его знаменитой экспедиции и, как видно из его письма, впервые опубликованного М. К. Азадовским, изъявлял готовность принять участие в «химическом предприятии графа (Румянцева — В. П.) отыскать Берингов пролив»³.

Неизвестно, какие причины помешали Н. А. Бестужеву принять участие в экспедиции для поисков Северо-Западного прохода. Но известно, что к этой проблеме полярных исследований он проявлял интерес и в дальнейшем. Именно к нему со своими полярными проектами впервые обратился морской офицер, в будущем защитник Севастополя В. П. Романов.

Деятельность Романова как исследователя началась плаванием на фрегате «Проворном» в 1818 г. Он вернулся в Кронштадт с записками об Испании, отрывки из которых были опубликованы во второй части «Отечественных записок» за 1820 г. В это время Романов плыл на корабле «Кутузов» из Кронштадта к берегам Русской Америки. Он посетил многие русские поселения на севере Тихого океана, собрал сведения об островах, их первооткрывателях, о северо-западных берегах Америки и жителях этих мест — индейцах племени калошей (калюжей).

Из путешествия вокруг света он также привез записки. Из них известен лишь один единственный отрывок, опубликованный в 1825 г. в журнале «Северный архив», на страницах которого печат-

¹ Цитируется по статье: Шварц К. Н. Барон Фердинанд Петрович Врангель. — Русская старина, 1872, т. 5, № 3, с. 399—400.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2595, л. 2.

³ Воспоминания Бестужевых. — М., 1931, с. 309—310.

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, д. 452, л. 8.

² См. публикацию: Окунь С. Б. Записка: «Нечто о возмущении Семеновского полка». — В кн.: Литературное наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы, вып. 2, кн. 1. — М., 1956, с. 362—372.

³ Комиссаров Б. Н. Дневник путешествия Ф. П. Литке на шлюпе «Камчатка». — Изв. ВГО, 1964, т. 96, вып. 5, с. 418.

⁴ См. нашу книгу «Михаил Францевич Рейнеке» (М., 1978).

⁵ Корнилович А. О. Сочинения и письма. — М.; Л., 1957, с. 227.

тались многие декабристы. Он носит название «О калюжах или калошах вообще»¹ и посвящен описанию хозяйства и обрядов одного из индейских племен, обитавшего на северо-западном берегу Русской Америки. Романов отмечает, что хотя русские давно ведут промыслы в северной части Тихого океана, но «первые путешественники не имели способов» собрать сведения об калошах (калюжах).

Как стало известно из следственного дела декабристов, одним из первых с заметками Романова познакомился Н. А. Бестужев. «До 1823 года, — отвечал Романов на вопросы следственной комиссии, — с Николаем Бестужевым был так только знаком, как и со всеми служащими офицерами в одном порте; в начале того года вознамерился подать прожекты на счет описи в Северной нашей Америки, прибегнул к нему как человеку известному по литературе; он охотно согласился их поправить; и увидя у меня записки о некоторых странах и народах, где я бывал, стал уговаривать, чтоб и их издал в свет, обещая их исправить»².

Далее к своим показаниям Романов писал, что, приезжая из Кронштадта в Петербург, он направлялся со своими записками к Бестужеву, которого почти всякий раз заставлял пишущим историю русского флота. Бестужев много труда посвятил правке записок Романова, но им, к сожалению, не удалось увидеть свет до декабря 1825 г., а затем они бесследно исчезли.

Собирая сведения о севере Америки, Романов особенно заинтересовался р. Медной, которая, по словам промышленников и местных жителей, вытекала из каменных гор и впадала в океан севернее горы Св. Ильи, примерно под 60° с. ш. и 140° з. д. По ее берегам обитало миролюбивое индейское племя, «называемое угалохмютами». Вблизи устья р. Медной располагались два острова — Сукли и Нучик. На о. Нучик находилась фактория Российско-Американской компании. Эти места ежегодно посещали компанейские суда. Российско-Американская компания уже дважды предпринимала попытки исследовать р. Медную. Так, управляющим Барановым был послан вверх по реке промышленник Баженов. Ему удалось, по его расчетам, подняться примерно на 300 верст. Он нашел на ее берегах медную руду, от которой река, вероятно, и получила свое название. Кроме того, Баженов принес сведения о том, что в Медную впадает река (Тлышитна), которая более удобна для плавания и берет свое начало из озера. По словам эскимосов, в тех местах водилось столь много оленей, что их можно добывать до 12 тыс. в год. Кроме того, там в изобилии обитали бобры, соболи, споты, медведи, рыси и имелись крупные месторождения слюды. (Впоследствии большинство этих сведений было подтверждено путешествием Руфа Серебренникова.) Однако Баженов не смог составить карту Медной реки. Спустя несколько

¹ Романов В. П. О калюжах или калошах вообще. — Северный архив, 1825, № 17.

² ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 78, л. 8.

лет в тех местах побывал штурман Климовский. Он поднялся на 200 верст вверх по реке и доставил, по словам Романова, сведения о том, что, возможно, имеется сообщение между Гудзоновым заливом и р. Медной. У Романова зародился проект экспедиции на север Русской Америки.

Находясь в Ново-Архангельске, Романов часто встречался с правителем русских владений в Америке М. И. Муравьевым, который участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» под командованием Василия Головнина (1817—1819 гг.). Будущий декабрист поделился с Муравьевым своими мыслями по поводу желательности посылки экспедиции для описи р. Медной и северного побережья Америки. Муравьев предложил Романову остаться в Америке и приступить к осуществлению своих планов. Но Романов не мог покинуть свой корабль, так как на нем, кроме капитана, было всего лишь два офицера. Он не хотел ставить в тяжелое положение своих товарищей по кругосветному плаванию и осенью 1822 г. вернулся в Кронштадт.

22 декабря 1822 г. Романов направил начальнику Морского штаба А. В. Моллеру «Предначертание экспедиции от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонова залива». Романов считал, что российские владения в Северной Америке и, в частности, р. Медная с ее притоками открывают большие возможности для осуществления сухопутной экспедиции с двойной целью. Первая из них заключалась в выяснении вопроса, соединяется ли Америка с Азией, а вторая — в открытии связей с Компанией Гудзонова залива. Экспедиция должна была состоять из 16 человек: двух морских офицеров, 12 матросов, одного ученого естествоиспытателя и одного художника. Ее участников следовало либо отправить морем на одном из судов, которые ежегодно посылались из Кронштадта в северную часть Тихого океана, или по сухопутью из Петербурга через Сибирь в Охотск, а оттуда уже они должны были отплыть на судах Российско-Американской компании к устью р. Медной. Экспедиция должна была продолжаться не менее двух лет. В первое лето Романов предполагал исследовать район горы Св. Ильи и проникнуть в глубь материка до владений индейского племени атнахмютов, среди которого можно было провести зиму и познакомиться с другими племенами, собиравшимися, как было известно, к атнахмютам на игрища. «При помощи сих знакомств, следующей весной отправиться для открытий, предоставляя начальствующему экспедицею способ путешествия, — писал Романов. — Первое предприятие может состоять в достижении до берегов Ледовитого моря, потом берегами оно до Мекензиева пути, который приведет в Гудзонов залив; второе, ежели правительству угодно будет, чтоб экспедиция, достигнув берегов сего залива, пошла обратно на западный берег Америки, тогда усилия оной будут состоять в открытии сообщения между Гудзоновым заливом и Медной рекой, что, вероятно, будет легче первого и доставит немаловажные выгоды для торговли российской, учредив сношение между двумя компа-

ниями: Российско-Американской и Гудзонской, и вместе с сим распространит коммерцию нашего Отечества. Ежели мыс Доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии, то северо-западная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства по пользе, которой можно ожидать от богатой страны, изобилующей богатыми пушными товарами, медью и, легко стать, в недрах тамошних земель, заключающей серебряные руды»¹.

Проект Романова интересен не только оригинальным направлением поисков сообщения между Тихим и Атлантическим океанами, но и глубоким пониманием важности укрепления позиций России в Русской Америке. По его мнению, в то время, когда Англия всемерно усиливала свое внимание на юге Африканского континента и в далекой Австралии, русское правительство обязано было обратить не меньшее внимание на север Американского континента с его пушными и рудными богатствами.

23 декабря 1822 г. проект Романова был направлен А. В. Моллером в Адмиралтейский департамент, который в свою очередь отослал его в Главное правление Российско-Американской компании с просьбой уведомить, «какие сведения имеет компания о том крае, где лейтенант Романов предполагает делать исследования и розыскания, ровно, каких пособий можно ожидать при сем случае от Американской компании, которой колонии находятся в этих местах»².

Главное правление Российско-Американской компании нашло, что проникновение русских экспедиций до Гудзонова залива не принесет никакой пользы, «кроме географических познаний»³. Адмиралтейский департамент согласился с заключением Главного правления Российско-Американской компании о том, что нет необходимости «посылать в тот край особую экспедицию»⁴.

Однако Романов не прекратил своих попыток и 8 февраля 1823 г., спустя две недели после того, как было принято решение об отправлении в кругосветное плавание шлюпа «Предприятие» под командой О. Е. Коцебу, Романов представил начальнику морского штаба А. В. Моллеру «Предначертаение экспедиции для описи берега Америки между Ледяным мысом и Меккензиевою рекою». Выражая сомнение в том, что его первое «Предначертаение» будет осуществлено, он представляет предложение о завершении описи северного берега Америки, которое составил с ревностной мыслью о «пользе географических открытий и славе Отечества нашего». Если его проект будет одобрен, то предлагаемую им экспедицию можно было бы «соединить с экспедицией капитана Коцебу и отправить на судне, которое отправляется под его начальством в Камчатку»⁵.

В своем проекте Романов обращает внимание на тот факт, что северный берег Америки, прилежащий к Атлантическому океану, уже описан английскими путешественниками. Например, Джону Франклину удалось достигнуть по сухому пути р. Маккензи. Что касается северного побережья Америки, расположенного от Берингова пролива до этой реки на восток, то его исследованием занимались экспедиции Коцебу и Васильева, последний проник к северу дальше английских мореплавателей, но, как и его предшественники, был остановлен непроходимыми льдами за Ледяным мысом. Все это, по мнению Романова, доказывало невозможность описать с моря побережье Америки между Ледяным мысом и р. Маккензи из-за скопления в этом районе тяжелых льдов.

«Вследствие такой невозможности, — продолжает В. П. Романов, — берег сей остается неописанным донныне, и судьба как бы нарочно хранит славу сего описания для имени русского. Конечно, Россия таковыми открытиями не приобретает выгод, имеющих влияние на торговлю, но, стоя уже на первой ступени государств образованных, берет участие в общем деле географических открытий на пользу всего человечества»¹.

Романов снова подчеркивает внешнеполитическую важность экспедиции. Он напоминает о том, что Англия и Франция ежегодно шлют экспедиции во внутренние районы Африки, что Россия в свою очередь послала экспедицию под руководством академика Г. И. Лангсдорфа для исследования «Бразилии и Патагонии до Огненной Земли», что русские моряки своими открытиями «распространили ее славу на океанах». И в это же время в пределах ее владений остается неисследованной обширная область севера Америки.

Вероятно, проект был написан Романовым после беседы с И. Ф. Крузенштерном, который, как видно из следственного дела декабристов, одобрял его намерения², что придавало ему уверенность в выполнении поставленных задач. Романов писал во втором проекте, что состав и время действий предлагаемой экспедиции будут зависеть от совета просвещенных «мореходцев наших, опытностью и познаниями известных всему свету»³. Безусловно, он имел в виду прежде всего И. Ф. Крузенштерна. Идея Романова нашла отражение в инструкции для шлюпа «Предприятие», который в сопровождении еще одного военного судна предполагалось послать в Северный Ледовитый океан. Однако плавание на север от Берингова пролива не состоялось.

Романову пришлось остаться в Кронштадте. Он решил опубликовать свои проекты, заново переработав их. Вопрос о соединении Азии и Америки перешейком Романов исключил, поскольку к этому времени Врангелем было окончательно установлено, что все

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2595, л. 4.

² Там же, л. 6.

³ Там же, л. 7.

⁴ Там же, л. 9.

⁵ Там же, д. 672, л. 52.

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 672, л. 53.

² ЦГАОР, ф. 48, д. 78, л. 3.

³ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 672, л. 53.

северное побережье Евразии омывает море и тем самым было доказано, что Северный проход существует. Оставалось исследовать северное побережье Русской Америки, что, по мнению исследователя, должно было принести пользу географии и «славу России»¹.

Но раньше, чем «Предначертание» появилось в «Московском телеграфе» и «Северном архиве», в правлении Российско-Американской компании произошли изменения. Сменились директора, и управление канцелярией компании было поручено одному из руководителей Северного общества К. Ф. Рылееву. Разбирая бумаги компании, он обнаружил проект Романова. Изучив его, Рылеев пришел к выводу, что «от выполнения оно принесет компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзоною компаниею, а может быть, еще откроется новая ветвь промышленности»².

Вскоре Рылеев встретился с Романовым на обеде у директора компании Ивана Васильевича Прокофьева, под гостеприимным кровом которого довольно часто собирались декабристы для обсуждения дел тайного общества. Рылеев обещал Романову убедить директоров компании послать экспедицию для описи северных берегов Русской Америки. Спустя некоторое время он сообщил своему новому товарищу о существовании тайного общества и посвятил в его задачи.

Летом 1825 г. Романов был вынужден по семейным делам уехать из Петербурга в Херсонскую губернию. С согласия директора Российско-Американской компании Прокофьева, он взял у Рылеева «кипу бумаг из дел компании о том крае, где думал произвести экспедицию, чтобы лучше рассмотреть и размыслить, и просил у него, чтобы он уведомил, когда компания согласна будет»³. В середине августа исследователь послал из Херсона письмо Рылееву, в котором оповещал, что компанейские бумаги он оставил у Н. А. Бестужева. Через два месяца Рылеев ответил. Он интересовался, когда Романов вернется в Петербург, и просил прислать какие-либо статьи для «Соревнователя просвещения».

Романов в своем новом письме сообщал, что ждет от своего товарища известий и готов оставить свои дела для службы компании. Он просил Рылеева «за делами по случаю смены главных правителей в Америке» не забыть уведомить его о судьбе проекта исследования р. Медной и поисков морского пути из Тихого океана в Атлантический. Романова интересовало положение дела с его проектом описания северного побережья русских владений

в Америке. Однако этого письма по неизвестной причине Рылеев не получил.

Вскоре произошли события, которые заставили В. П. Романова вновь напомнить о себе. Умер император Александр I. Возникла ситуация, которую ждали декабристы для начала активных действий против царского правительства. 6 декабря 1825 г. Романов писал Рылееву: «Вскоре после отправки последнего письма к Вам, почтеннейший Кондратий Федорович, поражены были печалью, узнавши о смерти нашего царя, многие проливали слезы сожаления, а на сих днях обрадованы были, узнав о восшествии на престол Константина Павловича, который, верно, подержит правление своего брата и пойдет по следам Бабушки.

В том письме просил Вас известить меня, нету ли каких поручений у Вас на Севере, т. е. посылка к полюсу или для описания Северной нашей Америки, а я на все готов, а ежели нету, то хоть на Юге, вновь учреждаемой компании, а я желаю быть полезным и исполнять все, что будет препоручено от Вашей компании, и найдете готового, душевно Вам преданного Владимира Романова.

Мысли мои и стремления к полезному все те же, какие были, как в последний раз мы с Вами рассуждали»¹.

Некоторые исследователи полагают, что просьба Романова о «препоручениях на Севере» касается его участия в Северном обществе. Нам представляется, что подобное толкование не совсем правильно. Правда, упоминание в письме о Севере и Юге вызывает невольную аналогию с Северным и Южными обществами декабристов. Но сходство здесь чисто внешнее. В последней части письма идет речь не о планах декабристов, а о проекте полярных исследований в Русской Америке. Беспокоясь о его судьбе, Романов одновременно с напоминанием Рылееву послал письмо директору Российско-Американской компании Прокофьеву, о чем имеется показание автора письма в делах следственной комиссии².

Что касается дел и задач тайного общества, то намек на них содержится как в первой части письма Романова к Рылееву, так и в особенности в красноречивой приписке в конце его, где декабрист еще раз подтверждает свою верность идеалам тайного общества. Не проекты же Романова о полярных исследованиях в Русской Америке привлекли в этом письме внимание Николая I, который собственноручно написал на нем: «Надо послать приказание губернатору его выслать сюда, а бумаги запечатать»³. Однако о предстоящем аресте декабрист узнал раньше, чем к нему явились жандармы. Все документы, которые свидетельствовали о

¹ Романов В. П. Предначертание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудзонова залива. — Московский телеграф, 1825, ч. 5, № 18, с. 96. (Далее: Романов В. П. Предначертание путешествия...).

² Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. Вып. 1. — М., Л., 1954, с. 230.

³ Там же, с. 230.

¹ ЦГАОР, ф. 48, д. 30, л. 319. Публикуется по тексту подлинника в связи с тем, что в «Литературном наследстве» выпущена приписка в конце письма. Фотокопия подлинника опубликована в книге: Пасацкий В. М. Впереди — неизвестность пути. — М., 1969.

² ЦГАОР, ф. 48, д. 78, л. 8.

³ Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. Вып. 1 — М., Л., 1954, с. 162.

принадлежности Романова к тайному обществу, были уничтожены его сестрой¹. Ни одной улики, кроме письма к Рылееву, не попало в распоряжение следственной комиссии.

Романов был арестован и 26 февраля 1826 г. доставлен в Петропавловскую крепость. От каторжных работ и ссылки в Сибирь Романова, вероятно, спасли показания Александра и Николая Бестужевых, старавшихся не давать в руки следственной комиссии свидетельств против своих товарищей. Романов был выслан к Черному морю, но он не утратил интереса к исследованию Севера. В 1829 г. в «Отечественных записках» появилась анонимная статья «Предположение об описи Ледовитого моря на картах». Примечание к ней, по просьбе редакции журнала, написал Романов. В этом проекте исследования северного побережья Русской Америки были подробно рассмотрены вопросы снаряжения сухопутной экспедиции, укомплектования ее нартами и упряжками, кормом для собак и продовольствием для самих путешественников. Привлечение опального исследователя² к комментированию проекта сухопутной полярной экспедиции свидетельствует о большом его авторитете в делах исследования Севера. Его замечания обнаруживают глубокое знание и проникновение во все детали снаряжения арктических экспедиций³.

Кроме Николая Бестужева, Романова, Рылеева интерес к исследованию Северо-Западного прохода проявлял К. П. Торсон. Вскоре после завершения дел «по вояжу к Южному полюсу» он начал готовиться к путешествию в Северный Ледовитый океан. Декабрист М. А. Бестужев дважды сообщает в своих воспоминаниях, что начальник Морского штаба А. В. Моллер предложил его другу возглавить ученый вояж к Северному полюсу, самому выбрать офицеров и даже обещал утвердить инструкцию, составленную Торсоном⁴. Для Торсона такое предложение было очень заманчиво и «хорошо соответствовало его постоянному направлению к пользе науки и славе Отчизны»⁵.

Инструкцию, которую составил Торсон вместе с Михаилом Бестужевым, в делах Морского ведомства отыскать не удалось. Нет там и данных о назначении Торсона начальником экспедиции, хотя слухи об этом циркулировали в Петербурге летом 1825 г.

«На Охте строятся два брига, — писал Врангель своему другу Литке, — для экспедиции в Берингов пролив для каких-то изысканий навстречу Парри или на Север (т. е. к Северному полюсу, — В. П.) — настоящая цель оной хранится еще во мраке

¹ Романов В. В. Сестра декабриста. — Русский вестник, 1893. № 10, с. 145—196.

² Когда в 1830 г. Романова представили к следующему чину за геройские подвиги, то Николай I, вспомнив, что он имел «прикосновение к происшествию 14 декабря», приказал не производить его в капитаны второго ранга (Егоров И. В. Моряки-декабристы. — Л., 1925. с. 107).

³ Отечественные записки, июль 1829 г., ч. 39, с. 340—341.

⁴ Воспоминания Бестужевых. — М., Л., 1951, с. 273.

⁵ Там же, с. 274.

секрета. Командирами прочт лейтенанта Торсона и капитан-лейтенанта Андрея Моллера»¹.

Через несколько дней Врангель почти слово в слово повторяет это сообщение и снова называет Торсона, как начальника проектируемой экспедиции. Действительно, летом 1825 г. на Охтенской верфи завершалась постройка двух кораблей для кругосветной экспедиции. Известно, что хозяйственная экспедиция напоминала начальнику Морского штаба о необходимости назначения командиров судов, но А. В. Моллер отложил решение этого вопроса на более позднее время. А в декабре 1825 г. Торсона арестовали, и командирами построенных шлюпов были назначены Ф. П. Литке и М. Н. Станюкович, которые занимались исследованиями в северной и тропической частях Тихого океана.

Планам Торсона об участии в исследовании Северо-Западного прохода не удалось претвориться в жизнь. Но это только штрих в его интересах к исследованию полярных стран. Другой важной частью биографии декабриста является его участие в Первой русской экспедиции к Южному полюсу.

Дальние плавания декабристов

Выйдя в самом начале XIX в. на просторы Мирового океана, русский флот получил возможность приступить к решению важнейших задач полярных исследований. Среди них одно из первых мест занимала проблема Южного материка, который тщетно искал знаменитый Дж. Кук.

В конце 1818 г. русским правительством было принято решение об отправлении экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив, программа научных исследований которой была разработана Г. А. Сарычевым, И. Ф. Крузенштерном и другими русскими исследователями. Экспедиция состояла из двух отрядов: южного и северного. Начальником южного отряда — «дивизии» — и командиром шлюпа «Восток» по рекомендации Крузенштерна был назначен участник первого русского кругосветного плавания Ф. Ф. Беллинсгаузен — однокашник декабриста В. И. Штейнгеля по Морскому кадетскому корпусу. Вторым кораблем — шлюпом «Мирный» — командовал М. П. Лазарев². Их дивизия, которая в официальных бумагах затем будет именоваться Южной экспедицией, должна была проникнуть «сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли».

Адмиралтейским департаментом была подготовлена инструкция, в соответствии с которой мореплавателям предписывалось «производить полезные для наук наблюдения», и прежде всего

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 452, л. 84.

² Когда экипаж корабля был укомплектован, М. П. Лазарев познакомился с Д. И. Завалишиным и пораженный его разносторонними познаниями пытался добиться его включения в состав экспедиции «сверх комплекта», но не имел успеха (Завалишин Д. И. Кругосветное плавание фрегата «Крейсер». — Древняя и новая Россия, 1877, № 5, с. 55).

метеорологические, океанографические и магнитные. В частности, предусматривалось исследование особенностей климата, полярных сияний, состояния атмосферы и ее изменений, включая изучение «высших и низших ветров в сравнении с дующими близ поверхности моря». Большое внимание моряки и ученые должны были уделить изучению льдов, айсбергов, течений, приливо-отливных явлений, температуры и солености морской воды в различных районах Мирового океана и на различных глубинах. Важной задачей являлся сбор этнографических, ботанических, зоологических, минералогических коллекций¹. Многократно подчеркивалась важность систематических астрономических наблюдений при определении места кораблей в океане, при проверке существующих карт и особенно при описи вновь открытых земель.

В этом великом географическом предприятии принимал участие выдающийся деятель движения декабристов К. П. Торсон. Он был вторым лейтенантом и вахтенным офицером.

4 июля 1819 г. корабли экспедиции покинули Кронштадт. Во время перехода через Атлантический океан Торсон начал усердно заниматься астрономическими наблюдениями². В своей книге, по мере изложения событий плавания к Южному полюсу и вокруг света, Беллинсгаузен несколько раз приводит результаты определений Торсона. В частности, 9 декабря 1819 г. офицеры «Востока» во главе с Беллинсгаузеном, находясь на широте 46°24'57", занимались измерением расстояний от Луны до Солнца, по которым определяли долготу местонахождения судна. По 10 измерениям Торсона она оказалась равной 42°7'22" и только немногим отличалась от измерений знаменитого астронома И. М. Симонова и от долготы, рассчитанной по хронометрам, находившимся на корабле.

2 ноября Южный отряд прибыл в Рио-де-Жанейро. Через три недели «Восток» и «Мирный» направились в Южный Ледовитый океан. Идя курсом на Сандвичеву Землю, экспедиция открыла группу островов Траверсе, названных Беллинсгаузеном в честь офицеров Востока островами Лескова, Завадовского и Торсона. Правда, в книге Беллинсгаузена отмечено, что последний он назвал островом Высокий, «потому что он отличается от прочих своей высотой»³. Эта строка, вероятно, принадлежит не Беллинсгаузену, а редактору его книги Л. И. Голенищеву-Кутузову, который в это время являлся председателем Ученого комитета Морского штаба. Он осуществлял на этом посту «ужесточенно» охранительную политику и погубил не один труд, которым русская наука могла бы гордиться. В частности, он повинен в том, что

¹ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный». Шлюпом «Мирный» начальствовал лейтенант Лазарев/Под ред. Е. Е. Шведе. — М., 1949, с. 42. (Далее: Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания...).

² Там же, с. 76.

³ Там же, с. 96.

не были опубликованы и затем бесследно исчезли «Записки о Новой Земле» Н. И. Завалишина, брата известного декабриста, и записки В. С. Хромченко о его плаваниях у берегов и островов Русской Америки. По домогательствам Голенищева-Кутузова было задержано более чем на 10 лет издание капитального труда М. Ф. Рейнеке «Гидрографическое описание Северного берега России...» Именно по его требованию от редактирования книги о путешествии Ф. Ф. Беллинсгаузена был отстранен А. А. Никольский¹, человек весьма близкий декабристской семье Бестужевых, непременный секретарь продекабристского Общества любителей российской словесности, наук и художеств.

Надо полагать, что именно Л. И. Голенищев-Кутузов переименовал остров Торсона и во многих случаях вычеркнул имя «государственного преступника». Но иногда у него случались и пропуски. Так, остался неизменным текст о путешествии Беллинсгаузена, относящийся к 29 декабря 1819 г. Описывая вид острова Сандерса, открытого Куком, путешественник отмечает, что его окружность составляет немногим более 30 верст, что он высок, обрывист, «покрыт льдом и снегом, но не так, как остров Торсона, хотя находится южнее»².

Эти строки весьма важны. Они — бесспорное доказательство того, что 23 декабря именем Торсона был назван один из островов группы Траверсе. Но это свидетельство подкрепляется еще одним документом. В Государственном историческом Музее в Москве сохранился подлинный альбом художника П. Н. Михайлова, участника плавания к Южному полюсу. На одном из листов альбома изображена группа «островов маркиза де Траверсе». Рядом с небольшим островом Лескова виден окутанный облаками остров Торсона³.

После записи об острове Торсона имя декабриста в третьей главе труда Беллинсгаузеном не упоминается, хотя имена других офицеров шлюпа «Восток» встречаются сравнительно часто. Не упоминаются и астрономические определения Торсона. Известно, что Голенищев-Кутузов потрудился над рукописью путешествия Беллинсгаузена столь ревностно, что командир шлюпа «Мирный» М. П. Лазарев был глубоко возмущен внесенными в его текст исправлениями.

«Всему виноват Логин Иванович Кутузов, взявшийся за издание оногo, — писал он А. Л. Шестакову 26 января 1834 г., — отдал в разные руки и, наконец, вышло самое дурное повествование весьма любопытного и со многими опасностями сопряженного путешествия. Я не знаю, в каком виде представил оногo Беллинсгаузен, но ясно вижу, что слог в донесении моем к Беллинсгаузену после разлучения нашего и по прибытии в Порт-

¹ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 20, л. 41.

² Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 99.

³ Вид берегов острова Торсона опубликован Е. Е. Шведе во втором издании труда Беллинсгаузена.

Жаксон изменен совершенно, а кто взял на себя это право, не знаю¹. Это свидетельство М. П. Лазарева весьма важно. Решение вопроса об издании путешествия Беллинсгаузена, которое было представлено автором в 1824 г., затянулось на целых три года. «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане», кроме Голенищева-Кутузова просматривали еще два чиновника морского ведомства. Одни «чужие руки» изъяли имя Торсона, другие — оставили текст Беллинсгаузена в неприкосновенности, как, например, четвертую и пятую главы, где имя декабриста упоминается наиболее часто.

Во время первого южно-полярного плавания Торсон проявил себя одаренным исследователем. Напомним, что Торсон ежедневно нес вахту, управляя шлюпом «Восток», вел метеорологические, астрономические и геомагнитные наблюдения, которые Ф. Ф. Беллинсгаузен использовал при создании своего капитального труда, являющегося обобщением главнейших результатов великого географического предприятия.

16 января 1820 г. экспедиция впервые приблизилась к ледяному материку и тем самым открыла шестую часть света. Спустя пять дней «Восток» и «Мирный» снова подошли к ледяному барьеру Антарктического континента. По словам Беллинсгаузена, увиденное мореплавателями ледяное поле «было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 января, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли»².

В труде Беллинсгаузена подробно освещена деятельность Торсона в экваториальной зоне Тихого океана. Когда экспедиция 5 июля 1820 г. приблизилась к острову принца Кумберленда, Беллинсгаузен поручил Торсону высадиться на его берег.

Как и во время первого южнополярного плавания, Торсон снова каждый день командовал вахтой и управлял шлюпом «Восток». Если в полярных водах нужно было остерегаться столкновений с ледяными островами, то в тропическом поясе Тихого океана не меньшую опасность представляли коралловые рифы.

«18 июля, после полуночи облака разошлись, луна осветила и ветер был умереннее, — писал Беллинсгаузен. — В начале второго часа ночи бдительностью вахтенного лейтенанта Торсона в ночную трубу усмотрен бурун перед носом шлюпа; мы тотчас поворотили, а с рассветом опять пошли к берегу»³. Утром путешественники рассмотрели перед собой небольшой коралловый остров, на который Беллинсгаузен снова послал лейтенанта Торсона в сопровождении художника Михайлова, штаб-лекаря Берха и лейтенанта Лескова. Записи Беллинсгаузена свидетельствуют о том, что он поручал Торсону первому обследовать

вновь открытые острова и выполнять некоторые обязанности натуралиста.

22 июля 1820 г. суда экспедиции отдали якорь в Матавайской бухте Таити. Беллинсгаузен приказал «под надзором Торсона» закупать все плоды и фрукты и расплачиваться стеклянсом, бисером, зеркальцами, иглками, ножницами возможно щедрее, чтобы каждый островитянин остался доволен своим торгом.

Моряки покинули Таити 27 июля. 3 августа лейтенанты Торсон и Лесков, находившиеся на салинге, различили в зрительные трубы поросший лесом берег. Вскоре корабли приблизились еще к одному, ранее неведомому острову, который был назван островом Восток.

«Над островом, — писал Беллинсгаузен об этом открытии Торсона — Лескова, — непрерывно вилось бесчисленное множество фрегатов, бакланов, морских ласточек и еще особенного рода, неизвестных мне, черных морских птиц, величиною не более голубя. Как остров не был еще известен, то, вероятно, человеческая нога не прикасалась к сему берегу и ничто не препятствовало птицам здесь гнездиться»¹. Моряки положили остров на карту. Из-за сильной прибойной волны на его берег невозможно было высадиться.

9 сентября экспедиция возвратилась в порт Джексон. Здесь моряки провели более 50 дней, готовясь к завершающему этапу плавания в южно-полярные области. Из книги Беллинсгаузена известно, что находясь в Австралии, Торсон много занимался астрономическими определениями. В частности, он сделал 399 измерений расстояния Луны от Солнца, по которым определил длину мыса Русских на северном берегу залива Джексона, найдя ее равной $151^{\circ} 21'$ з. д.

31 октября 1820 г. экспедиция покинула порт Джексон. 17 ноября она находилась у острова Маквария (Макоуори). На следующий день Беллинсгаузен, Торсон и художник Михайлов съехали на берег, где посетили австралийских промышленников, заготавливавших звериный жир для порта Джексона, и пополнили представителями местной фауны и флоры зоологическую и ботаническую коллекции, которые были переданы Петербургской Академии наук.

На следующих страницах 6-й главы, посвященной южно-полярному плаванию шлюпов «Восток» и «Мирный», имя Торсона не упоминается. Правда, и имена других офицеров экспедиции встречаются очень редко, за исключением имен командира шлюпа «Мирный» М. П. Лазарева, старшего офицера шлюпа «Восток» Завадовского и штурмана Парядина. Все внимание автора обращено на описание трудностей плавания и на важные географические открытия, в том числе открытие о. Петра I и Земли Александра I. По наблюдениям моряков, самая высокая часть Земли Александра I находилась на $68^{\circ} 43' 20''$ ю. ш. и $73^{\circ} 9' 36''$ з. д. Ве-

¹ Цитируется по вступительной статье Е. Е. Шведе к книге: Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 5.

² Там же, с. 112.

³ Там же, с. 200.

¹ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 233.

роятно, в этих определениях участвовали все офицеры и штурманы экспедиции, в том числе и Торсон.

20 января 1821 г. суда экспедиции взяли курс к берегам Новой Шетландии, известие об открытии которой Беллинсгаузен получил уже в Австралии от русского посла в Португалии барона Тейля. Путешественники хотели удостовериться «точно ли сей новообретенный берег принадлежит к предполагаемому матерому южному берегу»¹. Спустя пять дней русские моряки приступили к исследованию Новой Шетландии и открыли острова Шишкова, Михайлова, Мордвинова, Рожнова, Тейля, Елена, Смоленск, Бородино, Малый Ярославец, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо, Три брата. Впоследствии декабрист И. Д. Якушкин в своем учебном пособии по географии назвал открытую группу островами Беллинсгаузена. Не обнаружив признаков соединения Новошетландских островов с южным матерым берегом, Беллинсгаузен направился в Рио-де-Жанейро, куда корабли благополучно прибыли 27 февраля 1821 г.

Во время стоянки в Рио-де-Жанейро путешественники устроили на Крысьем острове временную обсерваторию. В ней Торсон выполнил 315 астрономических определений для вычисления долготы этого острова². Торсон, как и во время первой стоянки, знакомился с природой окрестностей Рио-де-Жанейро, вместе с другими офицерами посещал российского ученого-натуралиста академика Г. И. Лангсдорфа. Путешественники присутствовали на заседании народного собрания, депутаты которого требовали введения в стране конституции. На следующий день это собрание было разогнано, войска открыли огонь по «волнующейся толпе», при первых выстрелах было убито несколько человек. Революционное движение в Бразилии произвело на будущего декабриста глубокое впечатление. Более того, Торсон по прибытии в Лиссабон, куда экспедиция доставила русского посланника в Португалии Тейля, был свидетелем другого важного события — подписания королем «приготовленной кортесами конституции»³. Все это оказало определенное воздействие на формирование свободолобивых взглядов выдающегося морского офицера. Как видно из следственного дела декабриста, «пример Бразилии» подал ему мысль о вступлении в тайное общество, цели которого соответствовали его желаниям⁴.

24 июля 1821 г. шлюпы «Восток» и «Мирный» возвратились в Кронштадт. На этом закончилась Первая русская экспедиция к Южному полюсу, часто именуемая в литературе Первой русской антарктической экспедицией. Уже в первой половине августа 1821 г. все офицеры (в списке вторым, вслед за лейтенантом Игнатьевым, значился Торсон) были награждены орденами Св. Вла-

димира 4-й степени. Всем участникам экспедиции «без изъятия» (от денщиков до командиров кораблей) было назначено двойное жалование до тех пор, «пока в службе находиться будут». Все эти награды были выданы за «отличное исполнение порученной... экспедиции в разных морях вокруг света и особливо к Южному полюсу»¹.

Первая русская экспедиция к Южному полюсу не только открыла ледяной материк, но исследовала и картировала на значительном протяжении антарктический ледяной барьер уже в первые недели южно-полярного плавания. Особенно примечательно, что Беллинсгаузен пришел к выводу о том, что ледяной материк по мере приближения к Южному полюсу принимает вид отлогих гор, что стужа в более южных местах увеличивается и всегдашние морозы способствуют образованию льда из снега. Матерый лед, по мнению Беллинсгаузена, «идет через полюс и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководий или островов, подобных острову Петра I, которые, несомненно, находятся в более южных широтах, и прилежит также берегу, существующему (по мнению нашему) вблизи той широты и долготы, в коей мы встретили морских ласточек»².

Первой русской экспедицией к Южному полюсу было открыто 20 островов в тропическом поясе Тихого океана, о. Петра I и Земля Александра I в приполярных водах и восемь островов «в южном умеренном поясе» (в том числе о. Торсона). В продолжение всего плавания вахтенные офицеры (в их числе Торсон) вели геофизические наблюдения, которые частью были использованы Беллинсгаузенем для своей книги.

По словам декабриста Владимира Романова, экспедиция к Южному полюсу принесла России славу, которой она всегда будет гордиться. Она обогатила географию новыми открытиями «и, сделав множество полезных наблюдений, поставила имя Беллинсгаузена наряду с именами знатнейших мореходцев»³.

Участниками экспедиции было составлено большое число карт новооткрытых островов и берегов, в том числе карта с очертаниями отдельных участков ледяного барьера Антарктического континента⁴. Карты поражают и по сей день своей исключительной точностью. Это достоинство их неслучайно. Они были основаны на многократно повторенных астрономических определениях, в том числе на определениях Торсона. Имя его, как искусного обсерватора, упоминается Беллинсгаузенем весьма часто в тех главах, в которых оно счастливым образом сохранилось.

Торсон проявил себя в этом плавании незаурядным исследователем, о чем свидетельствует и приказ начальника Морского штаба 5 января 1822 г. Моллер предложил Адмиралтейств-коле-

¹ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 312.

² Там же, с. 339—330.

³ Там же, с. 341.

⁴ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 361, л. 22.

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 9, д. 477, л. 1, д. 478, л. 4, д. 479, л. 5.

² Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 310.

³ Романов В. П. Предназначение путешествия..., с. 96.

⁴ Первая русская антарктическая экспедиция и ее отчетная карта/ Под ред М. И. Белова. — Л., 1963.

гии направить Торсона из Кронштадта в Петербург, поскольку «он нужен здесь для окончания дел по вояжу к Южному полюсу»¹.

Таким образом, имеется важное свидетельство того, что Торсон, наряду с командирами кораблей Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым, принимал участие в оформлении отчетов, карт и материалов Первой русской экспедиции к Южному полюсу. Кроме того, вскоре Торсон получил еще более важное поручение. 30 октября 1822 г. по приказанию начальника Морского штаба он был окончательно откомандирован в Петербург для занятия составлением записок Южной экспедиции².

Судьба записок декабриста о плавании к Южному полюсу неизвестна. Не удалось обнаружить документов о представлении их в Адмиралтейский департамент. Возможно, ко времени восстания на Сенатской площади записки оставались не законченными и были уничтожены после 14 декабря 1825 г. Достоверно только известно, что в Сибири Торсон составил воспоминания о плавании к Южному полюсу.

Как установил А. Б. Шешин, после смерти К. П. Торсона (1851 г.) его сестра, находившаяся в Селенгинске, через генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева отправила в Петербург, в третье отделение, два тюка рукописей брата. Третье отделение, найдя, что сочинения Торсона небрежно написаны и не представляют одного целого, отправило их обратно с тем, чтобы родственники привели их в порядок и переписали³. Но переписать два тюка рукописей, среди которых находилось описание путешествия к Южному полюсу и труд «Опыт натуральной философии о мироздании», в селенгинских условиях и при отсутствии средств было слишком сложно и, пожалуй, невозможно. Впоследствии архив К. П. Торсона был передан декабристу А. Е. Розену, но судя по письму его к Е. П. Оболенскому от 21 января 1959 г., записок о плавании к Южному полюсу среди разбираемых им бумаг уже не было⁴.

Бесследно исчез и «Опыт натуральной философии о мироздании». находка этих трудов несомненно представляла бы большой интерес как для истории полярных исследований, так и для истории русского общественного движения. Во всяком случае, даже те скромные данные о деятельности Торсона, которые добыты исследователями на сегодняшний день, говорят о том, что в его лице отечественная наука имела одаренного естествоиспытателя.

В дальних океанских плаваниях кроме Романова и Торсона принимали участие декабристы М. К. Кюхельбекер, Д. И. Завалишин, Ф. Г. Вишневский, В. И. Штейнгель, Н. А. Бестужев, А. П. Арбузов, А. П. и П. П. Беляевы и М. Н. Бодиско¹. Они были очевидцами революционных событий, познакомились с республиканскими взглядами и пропагандировали их в своих географических трудах (в особенности Н. А. Бестужев). Выполненные декабристами в этих плаваниях метеорологические и магнитные наблюдения являлись частью обширной деятельности русских моряков по изучению глобальных геофизических процессов.

Декабристы А. П. Арбузов, А. П. и П. П. Беляевы, М. К. Кюхельбекер пытались через К. Ф. Рылеева и через «друзей, знакомых с членами правления»² Российско-Американской компании, добиться назначения в Русскую Америку. Известно, что Батеньков за несколько недель до восстания на Сенатской площади дал согласие принять должность управляющего Русской Америкой, а Д. И. Завалишин, как установил С. Б. Окунь, посвятил несколько статей вопросам реорганизации деятельности Российско-Американской компании. Эти статьи были отобраны у него при аресте.

Программой Общества соединенных славян предусматривалось создание Северного флота, а в «Русской Правде» был поставлен вопрос о развитии Тихоокеанского флота, создание которого могло бы обеспечить России «первенствующее влияние на Восточную Азию»³.

В первой четверти XIX в. декабристы и морские офицеры, близкие к движению, принимали деятельное участие в выполнении обширных задач по исследованию северных морей России, намеченных морским ведомством. Так, в 1819 г. в плавании к берегам Новой Земли под командой А. П. Лазарева принимал участие мичман М. К. Кюхельбекер. Ему было поручено доставить из Петербурга в Архангельск метеорологические и астрономические инструменты, что при езде на казенных тройках и по плохим казенным дорогам было задачей весьма нелегкой. И термометры и барометры он сдал в исправности. По ним велись наблюдения над температурой и давлением воздуха в продолжение всего плавания.

Ни работ, ни заметок декабриста об этом плавании до нашего времени не дошло. Из научного наследия этой экспедиции сохранился лишь вахтенный журнал брига «Новая Земля» с наблюдениями над температурой и давлением воздуха, записями о ветрах, осадках, состоянии погоды и льдов. Часть этих записей принадлежит М. К. Кюхельбекеру. Они до сих пор сохраняют свое научное значение в качестве первого цикла инструментальных наблюдений за особенностями метеорологических условий в навигацию с тяжелой ледовой обстановкой.

В 1821 г. к берегам Новой Земли под командой Ф. П. Литке плывал Н. А. Чижев, который написал статью об этом арктиче-

¹ Штрайх С. Я. Моряки-декабристы. — М., 1946, с. 120.
² Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805—1850. — СПб., 1882, с. 135.
³ Восстание декабристов. Т. 7. — М., 1957, с. 263.

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 9, д. 479, л. 34.

² ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1, д. 1252, л. 1. Впервые изложено нами в книге «Вперед — неизвестность пути» (М., 1969, с. 39).

³ Шешин А. Б. Декабрист-мореплавателю К. П. Торсон и его найденные записки об открытии Антарктиды. — Изв. ВГО, 1976, т. 108, вып. 1, с. 70 (Далее: Шешин А. Б. Декабрист-мореплавателю К. П. Торсон...).

⁴ Там же, с. 71.

ском острове, увидевшую свет в 1823 г. Ее первым читателем и ценителем был Н. А. Бестужев, от которого путешественник усвоил свободолобивый образ мыслей. Статья Чиждова содержала сведения о полярных льдах, о протяжении берегов острова, о проливе Маточкин Шар, небольших островах, расположенных у западного побережья Новой Земли, и о заливах, которые пригодны для стоянки судов. Сведения эти основаны как на собственных наблюдениях, на результатах плавания Литке в 1822 г., так и на критическом рассмотрении известий прежних путешественников, не только русских, но и иностранных.

Чиждов кратко останавливается на истории открытия и исследования острова, отмечая при этом, что Новая Земля была известна с древнейших времен новгородцам, которые ходили к ее берегам на промыслы пушного и морского зверя. «Распространяясь по всей Югорской Земле и перейдя Уральские горы, — пишет Чиждов о географических открытиях древних новгородцев, — они не оставили посетить и сии пустынные страны: так всегда дух торговли и желание прибытков вели к важнейшим открытиям»¹. Дальше Чиждов рассматривает английские и голландские плавания XVI—XVII вв. к Новой Земле. Особенное внимание декабриста привлекли экспедиции Баренца, которого он называет «жертвой горячей любви к познаниям». По словам Чиждова, путешествия этого голландского мореплавателя «были единственными сведениями, по которым полагали берега сего острова на всех картах» вплоть до двух последних путешествий Ф. П. Литке, картировавшего почти все западное побережье Новой Земли. Чиждов неоднократно прибегает к сведениям штурмана Ф. Розмыслова, который первым дал достоверную карту Маточкина Шара (1768 г.). Очень высоко декабрист ценит деятельность Н. П. Румянцева, отправившего в 1807 г. экспедицию для поисков серебряных руд.

Чиждов дает характеристику климатических особенностей Новой Земли, отмечая при этом, что на Северном острове они гораздо суровее, чем на Южном. «Климат Новой Земли самый суровый, какой только может существовать, — отмечает декабрист. — Долгое сокрытие солнца под горизонтом во время зимы покрывает землю сию непроницаемым мраком в продолжение нескольких месяцев. Летом теплота редко бывает выше точки замерзания, особливо во внутренности земли»². По словам декабриста, только южнее Маточкина Шара растет трава, мох, ива и тальник, высотой не более аршина, в то время как к северу от него «вечные снега покрывают землю».

Полезные ископаемые, продолжает Чиждов, на Новой Земле «не представляют пространного поля для естествоиспытателей». Вместе с тем он не исключает наличия на острове залежей ка-

менного угля, обломки которого многократно находил на его берегах и в частности в Маточкином Шаре. Он считает необходимым провести тщательное обозрение берегов.

Ссылаясь на журнал штурмана Розмыслова, зимовавшего у восточного устья Маточкина Шара в 1768—1769 гг., Чиждов отмечает возможность вулканической деятельности на Новой Земле. По мнению декабриста, если бы полярные «страны были испытаны точнее, здесь нашлись бы многие явления непостижимой природы и следы тех чрезвычайных переворотов, коим подвержена обитаемая нами планета Земля»¹.

Многие страницы посвящены описанию зверей и птиц Новой Земли. Чиждов отмечает, что на острове в основном обитают белые и голубые песцы. Кроме того, на юге острова водятся многочисленные стада оленей. Особое внимание обращает декабрист на обилие морского зверя в новоземельских водах, где водятся нерпы, морские зайцы, белухи, тюлени, моржи, киты. По его мнению, берег Новой Земли гораздо богаче морскими животными, чем берега Гренландии, где издавна ведут охоту иностранные зверобой. Он считал, что на Севере особенно важно развивать китовые и зверобойные промыслы. «Непонятно, почему русское купечество не обращает на сие никакого внимания и пренебрегает ветвь торговли, которая доставляет другим народам значительные выгоды, — писал он. — Если бы таковые промыслы производились под руководством людей просвещенных, то могли бы принести неисчислимые выгоды»².

Он пишет, что в 1821 г. бриг «Новая Земля», на котором он плавал, встречал моржей в таком количестве, что мог бы взять полный груз зверя в одни сутки. По его мнению, использование противоцинготных средств позволит промышленникам безвредно зимовать в самых высоких широтах. Одновременно он считал, что развитие промыслов оказало бы большую помощь науке, обогатив ее новыми данными о землях и природе Арктики.

Обращает на себя внимание критика Чиждовым утверждений А. П. Лазарева, рассматривавшего Новую Землю как остров, который никогда не будет нужен России. Главная заслуга плаваний Литке в 1821 и 1822 гг. состояла, по мнению декабриста, в том, что он «совершенно опровергнул мнения, рассеянные его предшественником о неприступности ее берегов и смертоносном ее климате»³. Чиждов выражал надежду, что описание путешествий Литке в скором времени увидит свет и доставит науке самые точные сведения об этом огромном полярном острове.

Статья Чиждова «О Новой Земле» не только имеет познавательное значение, но и представляет опыт комплексной характеристики одного из самых больших островов Русской Арктики. Она предваряет появление капитального труда Литке «Четырехкрат-

¹ Чиждов Н. А. О Новой Земле. — Сын Отечества, 1823, № 4, с. 169 (Далее: Чиждов Н. А. О Новой Земле...).

² Чиждов Н. А. О Новой Земле..., с. 159.

¹ Чиждов Н. А. О Новой Земле..., с. 161.

² Там же, с. 169.

³ Там же, с. 168.

ное плавание в Северный Ледовитый океан»... на страницах которого упоминается и имя мичмана Чиждова.

Другую существенную особенность статьи составляет то, что она воздаёт дань заслугам Литке в таком важном вопросе, как развенчание неверных мнений, распространяемых А. П. Лазаревым; о необычайно тяжёлых ледовых условиях в новоземельских водах. Этого важного вывода декабриста, к сожалению, не заметили историки науки, как прошли они и мимо выдающегося вывода Литке о причинах колебаний ледовитости северных морей.

При плавании к Новой Земле, в котором участвовал Чиждов, был поставлен вопрос о тщательном промере Белого моря и описи его берегов, в положении которых были обнаружены грубейшие ошибки. В трудной и сложной гидрографической съёмке, проведенной летом 1827 г., принимал участие А. М. Иванчин-Писарев, которого за «прикосновение» к движению декабристов сначала заточили в Петропавловскую крепость, а затем сослали в Архангельск. Там мичман Иванчин-Писарев встретился с одним из близких друзей Н. А. Бестужева известным русским гидрографом М. Ф. Рейнеке. Рейнеке включил декабриста в состав возглавляемой им Беломорской экспедиции и вскоре сделал своим помощником.

В самом начале первого плавания Беломорской экспедиции летом 1827 г. первое важное поручение выпало именно на долю Иванчина-Писарева. Ему совместно с кондуктором П. К. Пахтусовым и 16 матросами предстояло отправиться на двух шлюпках к северному берегу о. Моржовца, описать его, определить его широту и поставить башню, которая должна была служить приметным пунктом для дальнейшей описи Белого моря. Едва шлюпки отвалили от брига, как налетел шквалистый ветер, но Иванчин-Писарев успел благополучно пристать к берегу и вытащить шлюпки на высоту 5 м. В первый прилив вода не достигла их, но во второй прилив волны накрыли карбас и восьмерку. Моряки пытались поднять их выше с помощью талей, но все усилия были напрасны, и менее чем в полчаса от шлюпок ничего не осталось, кроме штевней.

«Должно, — писал Рейнеке, — отдать справедливость деятельности Писарева и усердию бывшей с ним команде: в первые часы пребывания их на острове палатка изорвана была ветром, и они целые сутки оставались под проливным дождем при +2^{1/2} Реомюра, без огня, коего под проливным дождем не могли развести. При всем том они выполнили все им порученное. Башенка была построена, северный и западный берег острова описан¹». Затем Иванчин-Писарев вместе с офицерами и штурманами экспедиции занимался исследованием Северных Кошек и получил чин лейтенанта и денежную награду. В 1828 г. он изучал северные райо-

¹ Рейнеке М. Ф. Определение берегов и промер глубины Белого моря, произведенные с 1827 по 1833 год под начальством капитан-лейтенанта М. Рейнеке. — Записки Гидрографического депо, 1836, ч. 2, с. 9—10. (Далее: Рейнеке М. Ф. Определение берегов и промер глубины Белого моря...).

ны Белого моря, в навигацию следующего года он участвовал в промере Двинской губы и восточной части Онежского залива. Летом 1830 г., когда начальник Беломорской экспедиции М. Ф. Рейнеке остался в Кандалакше выполнять согласованные с Петербургской Академией наук маятниковые наблюдения, на Иванчина-Писарева было возложено командование бригам «Лапоминка». Он занимался описью заливов вблизи губы Пырье и Унской губы.

Когда осенью 1830 г. в Архангельске появились антиправительственные прокламации, местные власти учинили ссыльному допрос. Он был переведен на службу в крепость Свеаборг.

В 1833 г. увидел свет «Атлас Белого моря», в котором его автор М. Ф. Рейнеке обобщил результаты шести летних исследований своей экспедиции, в том числе результаты наблюдений и промеров Иванчина-Писарева. Кроме того, М. Ф. Рейнеке был создан двухтомный капитальный труд «Гидрографическое описание Северного берега России»..., издание которого было завершено только в 1850 г. Это монументальное исследование вместе с «Атласом Белого моря» Рейнеке послал своему другу Николаю Бестужеву в Селенгинск. Декабрист дал высокую оценку этому труду, являющемуся гордостью русской науки: «Ваша книга, результат 27-летних трудов, — писал Н. А. Бестужев в 1852 г. — есть монумент несокрушимый. Конечно, это не блестящий роман или поэма, но Геродот, Плиний и Страбон так же не писали стихов, однако их читают и будут всегда читать с набожностью, а что такое был их труд? Компиляция виденного и слышанного — не более: они не имели понятия о тех трудах, какие подвигаются нынешними чернорабочими труженниками для описания земли и моря. Определить пол-жизни, с потерей здоровья, на пользу человечества и науки — заслуга невознаграждаемая. Только уважение умной части человеческого рода и собственная совесть могут оценить и оплатить этот долг! — Верьте мне, что я не только с благодарностью, но и с благоговением принял Ваш подарок¹».

Исследования Рейнеке на севере и Балтике составили целую эпоху в истории русских морей и это великое подвижничество было замечено даже в далеком Селенгинске. Все свидетельствует о том, сколь важное значение придавалось декабристами исследованию северных морей.

Изучение севера Сибири

Вопросы изучения севера и в особенности Сибири привлекали внимание Г. С. Батенькова. По его словам, ошибки в нанесении на карту некоторых сибирских берегов Северного Ледовитого океана по широте порой составляли целый градус, а «погрешности по долготам» были еще значительнее. Более того, берега к востоку от Колымы не были вовсе описаны, как не были карти-

¹ Воспоминания Бестужевых. — М.; Л., 1951, с. 507—508.

рованы и многие места на побережье Тихого океана и Охотского моря¹.

Батеньков как сотрудник Сперанского не только содействовал успехам Колымской и Янской экспедиции, но и посвятил их выдающимся достижениям две статьи, которые хранятся среди его бумаг в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина². В них рассмотрены итоги двухлетних исследований Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу, которые в поисках «северных земель... осмотрели Ледовитое море на пространстве 153 тысячи квадратных верст». Далее Батеньков отмечал, что участниками экспедиции описаны с точностью берега «сега моря от устья Яны до мыса Козьмина по прямолинейному расстоянию на 1220 верст», а также картированы Новосибирские и Медвежий острова. Путешественники проникли к Северу на расстояние от 335 до 585 верст, где встретили тонкий лед и незамерзшее море, что «составляет такие преграды, которые никакая отважность преодолеть не может»³.

Батеньковым были собраны многочисленные материалы по географии Сибири, в том числе описание Иркутской, Томской и Тобольской губерний, составленные землемерами А. Лосевым, С. Зверевым, В. Филимоновым. На этих документах имеются исправления и пометки, сделанные Батеньковым. Одновременно он приступил «к составлению статистики и собиранию других сведений». Значительная часть этих документов была введена в научный оборот В. Карцовым⁴.

В важнейшем географическом труде Г. С. Батенькова «Общий взгляд на Сибирь»⁵ обсуждается вопрос о создании управления Севера. Он считает, что создание управления Севера дало бы возможность приспособить административную деятельность к обычаям, добрым нравам и преданиям коренных жителей. Особенно подробно останавливается Батеньков на разделении Сибири по ее естественным и хозяйственным районам, напоминающим «хозяйственные комплексы» в проекте конституции Н. Муравьева и в «Русской правде» П. И. Пестеля. Батеньков отмечает, что административное деление Сибири не удовлетворяет ее хозяйственным потребностям. Из трех сибирских губерний (Тобольская, Иркутская и Томская) особенно неудачно была образована Томская, так как северные районы по Енисею и его притокам оказались «вне пределов ближайшего действия» губернской администрации. Более того, целый округ оказался отделенным от Томска землями, находившимися в ведении горного ведомства, не говоря уже о том, что со значительной частью губернии почти не

существовало удовлетворительного транспортного сообщения. Батеньков находил «нужным поставить новое разделение Сибири, то есть образовать по системе Енисея еще одну губернию, собрать воедино разрозненные части губернии Томской»¹. Таким образом, Батеньков смело перекраивал существующие административные границы Сибири на основе учета состояния хозяйства и путей сообщений, что было новым словом в районировании России.

Создание научного труда «Общий взгляд на Сибирь» связано с работой Батенькова над реформой управления Сибири. Как отмечалось, ее составной частью являлось «Положение о приведении в известность земель Сибири». Батеньков отмечал, что география Сибири «далеко еще не достигла желаемого совершенства и по сие время не имеем мы верных и подробных карт сега края»².

Все это затрудняло хозяйственное освоение земель и административную деятельность. Именно этой задаче и был подчинен разработанный Батеньковым проект. В нем было уделено большое внимание «усовершенствованию географических познаний о сей стране». Он предлагал снарядить экспедицию, которая должна быть обеспечена «учеными пособиями так, чтоб сделанные до сего времени в науках открытия могли быть к делу сему приложены по крайней возможности»³. Она должна была состоять из 12 офицеров и 50 топографов. На ее содержание ежегодно намечалось расходовать 116 тыс. рублей, не считая жалованья участникам экспедиции и одновременных затрат на инструменты и различное снаряжение.

Экспедиции предстояло исследовать полосу земель Сибири от южных границ до 60° с. ш. Во время производства съемок в каждой сибирской губернии Батеньков предлагал иметь две постоянные обсерватории. При этом одна из них должна была находиться в губернском городе, а другая переезжать вместе с экспедицией постепенно к востоку. Обсерватории должны были проводить метеорологические, магнитные и астрономические измерения.

На исследование каждой губернии отводился срок в 6—7 лет. Картирование должно было осуществляться в масштабе 20 верст в 1 дюйме. Начальник экспедиции в каждом месте своего пребывания обязан был вести «барометрические и термометрические наблюдения, равно и все прочие ученые замечания, касаясь и гидрографии, через наблюдение половодий и измерение быстроты течений. Одним словом стараться, чтобы пребывание его в Сибири принесло сколько можно более пользы по всем предметам наук и точных искусств»⁴. Экспедиция должна была составить описание каждой губернии.

В августе 1821 г. проект Батенькова был направлен сибирским генерал-губернатором М. И. Сперанским в Главный штаб, кото-

¹ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь. — Сын Отечества, 1822, ч. 81, с. 5—6. (Далее: Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь...).

² РОГБ им. В. И. Ленина, ф. 20, карт. 3, л. 11, л. 1—22, д. 12, л. 1—6.

³ Там же, д. 12, л. 3.

⁴ Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков/Под ред. М. В. Нечкиной. — Новосибирск, 1965, с. 46 и др.

⁵ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь..., с. 150.

¹ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь..., ч. 82, с. 155.

² Там же, ч. 83, с. 59.

³ РОГБ им. В. И. Ленина, ф. 20, карт. 1, д. 12, л. 1.

⁴ Там же, л. 44.

рый переслал его в Сибирский комитет. Комитет рекомендовал ограничить исследование Сибири лишь съемкой наиболее плодородных и населенных земель.

Таким образом, еще до восстания на Сенатской площади одним из выдающихся деятелей движения декабристов был не только создан труд по географии Сибири, но и намечены пути ее широкого изучения. Решение некоторых из поставленных Батеньковым научных проблем, в частности исследование Сибири в климатическом отношении, взяли на себя декабристы в годы каторги и ссылки. Переходя к рассмотрению метеорологических наблюдений, проводимых ими, следует напомнить, что к 1825 г. в Енисейской, Забайкальской и Томской областях не существовало ни одного наблюдательного пункта. В Иркутской, Тобольской и Якутской областях действовало лишь по одной станции. А всего в России насчитывалось 45 пунктов, в которых велись наблюдения. При этом ни одна станция не выполняла срочные наблюдения по всем метеорологическим элементам¹.

Заслуживает внимания тот факт, что современник декабристов академик А. Я. Купфер точно так же, как и Батеньков, в своем проекте создания сети пунктов метеорологических и магнитных наблюдений в России основное внимание обратил на создание геофизических обсерваторий в Сибири. В 1834 г. ученый добился основания русской регулярной геофизической сети. Она состояла из 7 обсерваторий, из которых 5 находились в Сибири (Екатеринбург, Нерчинск, Барнаул, Златоуст, Богословск). Центром постоянно действующей географической сети служила Нормальная обсерватория в Петербурге, построенная по проекту профессора Горного института (в прошлом крепостного) И. И. Свиязева, друга Н. А. Бестужева. Но прежде чем начали действовать основанные А. Я. Купфером обсерватории, к метеорологическим наблюдениям приступили декабристы.

В октябре 1827 г. основатель тайных «Общества друзей природы» и «Общества соединенных славян» подпоручик 8-й артиллерийской бригады П. И. Борисов приступил к производству метеорологических наблюдений и вел их почти 12 лет до июля 1839 г. включительно. По словам М. А. Бестужева, он был страстно увлечен философией и естественными науками и перечитал все, что было написано древними и новейшими философами и политиками².

Первоначально (с октября 1827 г. по март 1828 г.) наблюдения проводились в 6 час. утра и 2 час. дня. Термометр был установлен на солнечной стороне каземата и подвергался действию солнечных лучей. В марте 1828 г. Борисов перенес термометр в тень и стал наблюдать температуру воздуха в 6, 14 и 21 ч. Эти измерения велись в Чите до июля 1830 г., когда декабристов отправили в специально выстроенный для них каземат в Петров-

ском заводе. Здесь П. И. Борисов возобновил трехсрочные ежедневные метеорологические наблюдения, которые вел на протяжении девяти лет, т. е. до того дня, когда узники первого разряда были отправлены из каземата на поселение.

«При своих наблюдениях Борисов, — писал академик Г. И. Вильд, проанализировавший температурные измерения декабриста, — пользовался ртутным термометром. Когда ртуть замерзала, что случалось несколько раз, то отсчеты делались по другому, вероятно, спиртовому термометру»¹. Вильдом не были обработаны измерения температуры воздуха лишь за период с октября 1827 г. по март 1828 г., когда термометр находился на солнечной стороне. За исключением этого промежутка времени, весьма незначительного по сравнению с 12-летним циклом наблюдений в Чите и Петровском заводе, измерения П. И. Борисова были обработаны и использованы директором Главной физической обсерватории в труде «О температуре воздуха в Российской Империи».

К чести академика Г. И. Вильда, он отметил в своем исследовании, что наблюдения в Чите и Петровском заводе выполнены «политическим ссылкой Борисовым», о чем, к сожалению, забывали упоминать последующие исследователи климата Сибири. Тем более, что эти наблюдения, являются единственными в мире метеорологическими измерениями, выполненными в условиях каторги!

Для истории полярных исследований и для изучения климата России особенно ценен 10-летний ряд наблюдений, который выполнил в Красноярске один из основателей Северного общества полковник лейб-гвардии финляндского полка М. Ф. Митьков. Он начал свои наблюдения 1 января 1838 г. (по новому стилю). Первоначально он их проводил в 9, 16, 21 ч. Затем с 7 февраля 1838 г. был добавлен еще один срок — в 7 ч. утра. Наблюдения включали измерения температуры и давления воздуха (в дюймах), температуры воздуха в помещении, где был установлен барометр, характеристику состояния неба, для которой использовалось 35 условных обозначений. В примечаниях к каждому месяцу давались дополнительные визуальные характеристики погоды за отдельные дни, в которых имеются данные о вскрытии и замерзании Енисея, а также подробные сведения об осадках и морозах. Метеорологические наблюдения Митьков регулярно изо дня в день вел на протяжении более 10 лет, пока болезнь (чахотка) и смерть не прервали его ученых изысканий.

Результаты наблюдений П. И. Борисова и М. Ф. Митькова не остались ни в стенах казематов Читы и Петровского завода, ни в Енисейской губернской канцелярии, а стали достоянием мировой геофизики. Наука обязана этим академику Купферу, ревностно и неутомимо трудившемуся над развитием метеорологического дела

¹ Бергман Р. О распределении и деятельности метеорологических станций в Российской империи. — СПб., 1892, с. 13.

² Воспоминания Бестужевых. — Л.; М., 1951, с. 305.

¹ Вильд Г. И. О температуре воздуха в Российской империи. — СПб., 1882, с. 317. (Далее: Вильд Г. И. О температуре воздуха...)

в России.¹ Купфер имел широкие контакты с чиновниками сибирских горных заводов, откуда к нему на обучение проведению метеорологических наблюдений приезжали молодые «кантонисты» и, возможно, среди них были и те, которые получили начальное образование у декабристов. Кроме того, сибирские горные заводы посещал начальник штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкин, которому непосредственно подчинялась геофизическая сеть. Но еще раньше Купфер мог получить информацию о метеорологических наблюдениях декабристов в Чите и Петровском заводе через сослуживца по Горному институту профессора И. И. Свиязева, жена которого в 1832 г. начала переписываться с Н. А. Бестужевым. И, наконец, сам Купфер ездил в 1841 г. в Екатеринбург, Барнаул, Златоуст, Богословск, Нерчинск, где инспектировал созданные по его проекту обсерватории. По пути он посетил Красноярск, Иркутск и другие города Сибири. Купфер привез в Сибирь большое число метеорологических приборов и роздал их местным гимназиям, училищам и отдельным частным лицам. Более того, ученый ревностно собирал материалы наблюдений, которые велись раньше не только «сословием образованных людей, но и сибирскими купцами, принимавшими на себя этот утомительный и неблагодарный труд»².

Таким образом имелось немало путей и каналов, по которым Купфер мог не только получить сведения о наблюдениях П. И. Борисова в Чите и Петровском заводе, но и скопировать его записи. Декабристы сами были заинтересованы в том, чтобы их наблюдения над климатом Забайкалья стали достоянием науки. Д. И. Завалишин упоминает в своих «Записках декабриста»³ о том, что материалы выполняемых в Чите и Петровском заводе наблюдений были посланы декабристами в Берлинскую академию наук. Завалишин, по-видимому, ошибается. Данные наблюдений в действительности оказались не в Берлине, а в Петербурге, куда, вероятнее всего, они были посланы в обход третьего отделения с кем-либо из горных чиновников, в своем большинстве относившимися с большим уважением к узникам Читы и Петровского завода. Не исключено, что их получил сам Купфер, когда приезжал в Сибирь. Во всяком случае, они стали драгоценным звеном в уникальном собрании метеорологических наблюдений Главной физической обсерватории.

По своей полноте и тщательности наблюдения Митькова найдутся на столь же высоком уровне, что и измерения регулярной геофизической сети России, действовавшей под руководством Купфера, наставлениями которого М. Ф. Митьков руководство-

¹ Куйбышева К. С., Сафонова Н. И. О научном наследии декабристов Борисовых. — Вопросы истории естествознания и техники, 1983, № 2, с. 127.

² Купфер А. Я. Выводы из метеорологических наблюдений, деланных в Российском государстве и хранящихся в метеорологическом архиве Академии наук. — СПб., 1846, с. 6.

³ Завалишин Д. И. Записки декабриста. — СПб., 1906.

вался в своей трудной, исполненной мужества деятельности во имя изучения Отечества. Неслучайно академик Купфер сам обработал и подготовил к печати результаты его измерений в составе «Свода наблюдений, произведенных в Главной физической и подчиненных ей обсерваториях за 1864 г.» в виде особого приложения. Их издание было завершено академиком Л. М. Кемцем, избранным на пост директора Главной физической обсерватории после смерти Купфера (1865 г.). Труд декабриста был разослан всем метеорологическим и астрономическим обсерваториям и выдающимся естествоиспытателям, в том числе К. М. Бэру, Ф. П. Врангелю, Ф. П. Литке. Еще раньше метеорологические наблюдения Митькова были использованы А. Ф. Миддендорфом в его знаменитом труде о путешествии по Таймыру, Сибири и Дальнему Востоку.

Важное значение для изучения климата Сибири имели термометрические и барометрические наблюдения А. И. Якубовича в селе Назимове на Енисее. На это обстоятельство обратил внимание М. К. Азадовский, опубликовавший «Дело о дозволении государственному преступнику Якубовичу заняться некоторыми сочинениями для г. фон-Миддендорфа». Из этого дела стало известно, что Миддендорф попросил Якубовича принять участие в проведении метеорологических наблюдений, собрать пробы песка и горных пород из окружающих золотоносных речек и, наконец, составить описание Туруханского края в статистическом отношении.

Якубовичу было разрешено «заниматься этим не иначе, как под условием, что сочинения его по каким бы ни было предметам не будут напечатаны и изданы в публику ни под собственным его именем, ни под псевдонимом, что они будут сообщены г. фон-Миддендорфу только как материалы для собственного его употребления или для собственных его сочинений с тем, чтобы ни в каком случае не объявлял перед публикою, от кого получил их, и пользуясь ими, вовсе не упоминал бы имени Якубовича»¹.

Известно, что Якубович передал Миддендорфу коллекцию флоры Туруханского края. Кроме того, он выполнил цикл метеорологических и барометрических наблюдений. Материалы наблюдений Якубовича были опубликованы А. Ф. Миддендорфом под названием «Метеорологические наблюдения, произведенные в 1843 г. на Енисее в деревне Назимово». Они вошли в состав Прибавления I к разделу «Климат» в первой части его книги «Путешествия на север и восток Сибири». Как видно из пояснительного текста, Якубович начал наблюдения 7 апреля 1843 г. За неимением термометра они сначала носили визуальный характер и ограничивались лишь общей характеристикой погоды.

Инструментальные наблюдения Якубович начал в 9 ч. вечера 14 июня 1843 г., когда отметил в журнале, что температура воздуха равна +4° (по Реомюру), ветер — западный сильный. В гра-

¹ Азадовский М. Страницки краеведческой деятельности декабристов в Сибири. — В кн.: Декабристы в Сибири. Вып. 3, Иркутск, 1925, с. 56.

фе «Погода» сделана отметка: дождь. С 1 июля 1843 г. наблюдения за температурой воздуха и направлением ветра велись строго в три срока: 9 ч. утра, 12 ч. дня и 10 ч. вечера. В графе «Ветер», кроме направления, отмечалась его визуальная характеристика: «слабый, порывами сильный, безветрие, шторм. Отмечаются резкие перемены в силе ветра. В графе «Погода» отмечалось: ясно, немного облачно, дождь во всю ночь, туман густой, проливной дождь и т. д. В примечаниях имелись заметки о грозах, об особо теплых и холодных днях и т. д. 29 мая 1844 г. (вероятно, из-за ухудшения здоровья) наблюдения Якубовичем были прерваны и возобновлены 11 августа. Но на этот раз они продолжались только до 29 сентября 1844 г., когда были прекращены из-за тяжелой болезни декабриста.

«Наблюдатель Якубович, из числа ссыльных, — имеется замечание в конце таблицы наблюдений, — уже полтора месяца страдает водяною болезнью, усилившейся до того, что наблюдать более не может»¹. Таким образом, А. Ф. Миддендорф, несмотря на запрещение, упомянул имя политического ссыльного в своем фундаментальном исследовании, посвященном путешествию по Сибири.

Упомянул имя «образованного ссыльного» и академик Вильд, под руководством которого наблюдения Якубовича были заново обработаны².

Кроме Читы, Петровского завода, Красноярска и Назимова, метеорологические наблюдения велись декабристами еще в 8 пунктах и городах Сибири: в Баргузине (М. К. Кюхельбекер), Минусинске (П. П. Беляев), Бухтарминске (М. И. Муравьев-Апостол), Акше (К. П. Торсон), Селенгинске (Н. А. Бестужев), Ялуторовске (И. Д. Якушкин и М. И. Муравьев-Апостол). В Якутске метеорологические и магнитные измерения, по совету немецкого путешественника А. Эрмана, вел А. А. Бестужев. По словам академика М. П. Алексеева, «между Бестужевым и Эрманом установилась довольно тесная дружба; они поняли друг друга и нашли материал для бесед; Бестужев сделал ему метеорологическую таблицу для сравнения высоты мест и сам увлекся магнитическими наблюдениями»³.

Первым, кто попытался обобщить результаты метеорологических изысканий декабристов, был Трубецкой, живший после окончания срока заточения в Оёке, близ Иркутска. Сохранилась переписка Трубецкого с А. И. Борисовым, который пересылал своему товарищу выписки из метеорологического журнала брата, в том числе сведения о первых за весь ряд наблюдений грозах и ежедневные данные о температуре в Петровском Заводе за 1832—

¹ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Прибавление 1. — СПб., 1860, с. 13.

² Вильд Г. И. О температуре воздуха... с. 288.

³ Алексеев М. П. Немецкая поэма о декабристах. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 376.

1834 гг. Этими материалами и открывается обнаруженное нами в архиве дело о метеорологических изысканиях Трубецкого¹.

Впервые метеорологические записи Трубецкой сделал на обороте листов печатного календаря за 1840 г. Они носят следующий характер: «1 октября выпал снег и сходил. 5-го был мороз. 25-го — мороз 25°. Река встала». Наблюдения становятся регулярными с 1 января 1843 г. Первоначально они ведутся один раз в день. Из записей видно, что в первую декаду января 1843 г. температура воздуха в районе Иркутска колебалась в пределах 18—33° мороза при ветре. 16 января Трубецкой делает пометку, что держатся 15—20-градусные морозы. Среди метеорологических записей сохранились заметки о полярных сияниях: «9-го февраля. Великолепное северное сияние в 10-м часу вечера. Столпы были по временам очень яркие, наподобие солнечных лучей, тремя и четырьмя отделениями. В самом восточном отделении столпы сначала показывались к востоку, но потом во всех были прямые и простирались от горизонта к западу градусов на сорок или, может, и более. На самом севере показались позднее и оставались часами и были здесь плотнее. Красноты было также более на севере, и небо было синее». В журнале имеются размышления, навеянные работой В. Я. Струве о двойных звездах. Кроме отметок о ежедневной температуре, в журнале много записей хозяйственного, бытового и семейного характера.

Когда началось весеннее таяние, Трубецкой перестал отмечать в журнале температуру, заменив записи о ней общими характеристиками погоды: «17 марта 1843 г. воротился из Урика к обеду. Дорога очень худа». «23 марта днем ясно до 2 часов пополудни, затем пасмурно».

Журнал в течение 1843—1853 гг. велся изо дня в день. В нем за этот период содержатся сведения о самых сильных морозах и самых жарких днях с указанием показаний термометра, о ливнях, наводнениях, жестоких ветрах, буранах, метелях, состоянии неба и т. д. По этому документу можно установить количество солнечных дней, количество дней с осадками в каждом году. За каждый месяц целого десятилетия имеются данные о резких изменениях температуры и характеристики наиболее интересных метеорологических явлений.

В середине 1849 г. (в год основания Главной физической обсерватории в Петербурге) Трубецкой начинает вести метеорологические наблюдения утром, в полдень и вечером. В журнале за этот период приводятся только метеорологические данные, записи бытового и хозяйственного характера исчезают совершенно. Несколько заметок в журнале посвящено характеристике климата различных стран земного шара в разные сезоны, включая Европу, Азию, Австралию, Африку, Северную и Южную Америку.

Сохранились до нашего времени метеорологические наблюдения М. Ф. Митькова, П. И. Борисова и А. И. Якубовича, которые

¹ ЦГАОР, ф. 379, оп. 1, д. 111, л. 1—189.

были собраны в Главной физической обсерватории и в Академии наук. Необходимо подчеркнуть, что декабристы, продолжавшие в годы каторги и ссылки пристально следить за успехами науки, оценили создание Россией регулярной постоянно действующей геофизической сети, издание ее наблюдений и основание Главной физической обсерватории как знаменательные события в научной жизни России. От их внимания не ускользнула выдающаяся роль академика А. Я. Купфера в организации отечественных метеорологических исследований. Доказательством тому является обнаруженное нами в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР письмо Н. А. Бестужева к упоминаемому профессору Горного института И. И. Свиязеву, который близко был знаком с А. Я. Купфером.

«Имя Купфера, упомянутое Вами с предложением обратиться к нему, если это будет полезно для моих предприятий, породило во мне ряд идей, вовсе не относящихся до моих занятий, но о нем самом и о его трудах, известных всему ученому миру, — писал Н. А. Бестужев 2 августа 1851 г., — Есть труженики науки, которых имя приятно звучит в слухе каждого образованного человека; таковы имена Струве, Купфера — тем более, что они наши русские ученые, у которых приезжают иностранцы учиться. Заведывание физической и магнитной обсерваторией, свод метеорологических наблюдений по всей России — труд огромный, труд неопределимый для науки и для человечества, которое добывается приподнять завесу, за которую природа хранит свои тайны. Живучи даже здесь, я знаю, каких хлопот стоит свод наблюдений от устроенных по всему пространству России магнитных обсерваторий»¹.

Метеорологические изыскания декабристов в Сибири явились продолжением климатических изысканий полярных исследователей Врангеля, Анжу, Матюшкина, Рейнеке и вместе с ними вошли в состав классических трудов по климатологии России, в том числе в капитальные исследования А. Ф. Миддендорфа, А. И. Воейкова, Г. И. Вильда. При этом наблюдения Митькова в Красноярске «ввиду особой надежности наблюдателя» отнесены к лучшим метеорологическим измерениям России как по своему качеству, так и по своей полноте.

Данные наблюдений декабристов также вошли в состав труда академика М. А. Рыкачева «Вскрытия и замерзания рек в Российской империи». Кроме того, они использованы в «Климатологическом атласе Российской империи», изданном к 50-летию со дня основания Главной физической обсерватории (1899 г.) и в «Климате Союза Советских Социалистических Республик» (1930 г.), где, в частности, приведены среднемесячные температуры в Красноярске, Чите, Петровском заводе за годы, когда наблюдения велись декабристами.

¹ ИРЛИ, ф. 604, д. 23, л. 54. См. также ф. 265, оп. 2, д. 235, л. 7. В. Я. Струве — директор Пулковской астрономической обсерватории с 1839 по 1862 г.

Деятельность декабристов по изучению Сибири не ограничивалась лишь метеорологическими наблюдениями. Широко известны их занятия этнографией, фольклористикой, статистикой, картографией, физической географией, сейсмологией, геофизикой¹. Весьма обстоятельно изучалась их деятельность по основанию школ и созданию учебных пособий (И. Д. Якушкин)².

Г. С. Батеньков, Н. А. Бестужев, Н. М. Муравьев и другие декабристы рассматривали изучение Сибири и развитие ее производительных сил как процесс взаимосвязанный и взаимообусловленный. По их глубокому убеждению, приведение в систему географических знаний о Сибири должно было оказать значительную услугу распространению земледелия, промышленности, ремесел, промыслов. В свою очередь, рост промышленности и строительство путей сообщения содействовали бы дальнейшему изучению края, развитию просвещения и культуры.

Декабристы в своих трудах и записках наметили пути подъема производительных сил и культурного уровня Сибири. Весьма важно то, что выдвинутая декабристами программа подъема сельского хозяйства и промышленности базировалась на всестороннем изучении Сибири и ее природных богатств. Бесспорно, что научная деятельность декабристов в годы каторги и ссылки «была новой формой политической борьбы против самодержавно-крепостнического строя после поражения восстания»³. Но эту деятельность не следует ограничивать лишь пределами и проблемами Сибири. Она была гораздо шире и разностороннее, о чем свидетельствуют исследования И. Д. Якушкина, П. И. Борисова, Н. А. Бестужева, К. П. Торсона, Н. М. Муравьева в области теоретических проблем естествознания, всеобщей и отечественной географии, включая полярные исследования.

Теоретические работы по различным вопросам естествознания велись многими декабристами. Во время казематного заточения Н. А. Бестужевым было начато исследование о внутренней температуре Земли, которое, по-видимому, являлось прологом к его труду «Система мира». До нас не дошла ни одна страница этого ученого сочинения, ни его план. О круге вопросов, которые затрагивались в «Системе мира», можно судить лишь по переписке декабриста с родными и друзьями.

Частью полученных выводов Николай Бестужев поделился с полярным исследователем М. Ф. Рейнеке, который просил позволения сообщить их знакомым ученым: Гумбольдту, Купферу, Струве, Ленцу, Бэру⁴. Один перечень имен свидетельствует о том, что замечания относились к области географии, климатологии, земного магнетизма, астрономии, океанографии и других разде-

¹ Декабристы и русская культура. — Л., 1976.

² Дружинин Н. М. И. Д. Якушкин и его ланкастерские школы. — В кн.: Декабристы в Сибири. Вып. 3, Иркутск, 1975.

³ Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. — Томск, 1962, с. 125. (Далее: Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь...).

⁴ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 16, л. 134.

лов физики земли. По-видимому, исследование «Система мира» должно было дать общие представления о нашей планете и ее месте во Вселенной. Более того, судя по тому, что Рейнеке дважды обращался со своей просьбой к Н. А. Бестужеву, декабристом были добыты выводы выдающегося научного значения.

Почти ничего неизвестно о теоретическом исследовании Торсона «Опыт натуральной философии и мировоззрение». Подобно «Запискам о плавании к Южному полюсу и вокруг света», как установил А. Б. Шешин, в третьей четверти XIX в. оно бесследно затерялось¹.

По выходе на поселение в Ялutorовск И. Д. Якушкин создал трактат «Что такое жизнь». В этом исследовании декабрист, опираясь на достижения современного ему естествознания и отвергая богословские представления о жизни, определяет роль и место человека в окружающем его мире. Особенный интерес представляют мысли декабриста о взаимодействии человека с природой и необходимости изучения как воздействия природы на человека, так и человека на природу.

Основатель тайного «Общества Друзей природы» и «Общества соединенных славян» П. И. Борисов в Читинском заточении написал статью о происхождении планет. В ней нет и намека на идеалистическое, тем более на религиозное понимание происхождения Вселенной. Возникновение планет он объясняет как материалист, опираясь на достижения естествознания первой трети XIX в.

Во время каторги и ссылки Н. Муравьевым был создан капитальный труд «О сообщениях в России» (или «О канализации»). Он был уничтожен в связи с обысками, которые производились в домах некоторых декабристов после вторичного ареста (1841 г.) М. С. Лунина. Судя по выполненной академиком Н. М. Дружининым реконструкции², это исследование содержало характеристику гидрологического режима важнейших рек и описание водных путей в Америке, в Западной Европе, в Европейской России.

Вопросами развития путей сообщений в России занимался Батеньков после того, как вырвался из секретной камеры Петропавловской крепости. Среди бумаг декабриста находится проект прокладки пути между Петербургом и Тобольском, Тобольском и Архангельском, предположение о соединении каналом Оби и Енисея, что по его мнению связало бы всю Сибирь. В проектах Батенькова ощущается глубокое понимание значения географии при создании новых путей сообщений.

«Проложение через Сибирь железнодорожного пути, — писал он в 1857 г., — значило бы присоединение огромной пустынной страны к образованному миру»³. Далее декабрист писал, что выбор места постройки транссибирской магистрали должен про-

изводиться на широком поле математической и физической географии с учетом экономических условий. Батеньков рассматривал три варианта транссибирской железной дороги, которая должна соединить Петербург с берегами Тихого океана. Весьма важным ему представлялось проведение дороги по Северу, который, по его словам, «снова оживляется»¹.

Декабрист исследовал вопрос о соединении каналами Белого, Балтийского, Черного, Каспийского морей. По свидетельству Г. П. Шатровой, в черновых набросках имеется особый раздел, посвященный сибирским рекам. В нем дана характеристика Оби, Иртыша, Енисея, Лены, Ангары, Катуня и их притоков и «имеются предложения о соединении их каналами в единую водную систему»².

Заканчивая рассмотрение вклада декабристов в исследование полярных стран, следует подчеркнуть, что в изучении и освоении Севера они видели важнейшее средство в деле укрепления силы и экономического потенциала Отечества. Декабристы последовательно отстаивали эти позиции на протяжении многих десятилетий. Одна из последних работ о защите национальных интересов на севере и востоке Азии написана Д. И. Завалишиным в 1882 г.³

Деятельность декабристов по исследованию полярных областей является составной частью выдающегося вклада России в изучение Севера, Антарктики и Мирового океана. Именно декабристы (Н. А. Бестужев, Г. С. Батеньков, А. О. Корнилович, В. П. Романов) первыми обратили внимание на подвиги русских моряков в полярных странах, на всемирное непреходящее значение их открытий и исследований в Арктике и Антарктике.

Глава 3

ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ В ДВАДЦАТЫХ—ТРИДЦАТЫХ ГОДАХ XIX В.

В конце десятих — начале двадцатых годов экспедиции на Север стали частью политики русского правительства. Их проведение было возложено на морской флот, который, по данным Л. Г. Бескровного, в 1811—1820 гг. состоял из 30 линейных кораблей, 29 фрегатов и 31 судна других классов. Спустя 10 лет флот увеличился на 30 боевых единиц.

В первой четверти XIX в. русский флот находился в неудовлетворительном состоянии. В 1826 г. был создан Комитет образования флота, в деятельности которого, в частности, принимали участие И. Ф. Крузенштерн и Ф. Ф. Беллинсгаузен. Комитет раз-

¹ РОГБ им. В. И. Ленина, ф. 20, карт. 5, д. 3, л. 3.

² Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь..., с. 125.

³ Завалишин Д. И. Нашествие американцев на нашу восточную окраину. — Московские ведомости, 1882, № 124, с. 4.

¹ Шешин А. Б. Декабрист-мореплавателю К. П. Торсон..., с. 69.

² Дружинин Н. М. Декабрист Н. Муравьев..., с. 308.

³ РОГБ им. В. И. Ленина, ф. 20, карт. 5, д. 3, л. 3.

работал программу ускоренного создания флота, в которую впоследствии по предложению адмирала М. П. Лазарева были внесены дополнения об усилении Черноморского флота¹.

В первой половине XIX в. было подготовлено более 4 тыс. морских офицеров, из них 426 офицеров прошли курс офицерских классов, основанных в 1827 г. И. Ф. Крузенштерном и впоследствии преобразованных в Военно-морскую академию. Из Морского кадетского корпуса и Военно-морской академии вышла замечательная плеяда отечественных полярных исследователей. Кроме того, за 1799—1855 гг. Кронштадское штурманское училище выпустило 1187 штурманских помощников и штурманов². На долю многих из них выпала честь не только участвовать в полярных экспедициях, но и возглавлять их.

Русский флот имел тогда в своем составе 40 экипажей, из них 17 — на Балтике, 4 — на Белом море, 1 — на Дальнем Востоке. В Петербурге еще в 1810 г. был создан Гвардейский экипаж, более 1 тыс. матросов которого 14 декабря 1825 г. вышли на Сенатскую площадь. К следствию по делу декабристов было привлечено 31 морских офицера. Из них 17 отправлены на каторгу и в ссылку или разжалованы в солдаты и 14 высланы в другие части и отданы под надзор.

В первой половине XIX в. управление морским флотом претерпело некоторые изменения. В 1802 г. было образовано Министерство морских сил, которое в 1815 г. было переименовано в Морское министерство. В его составе находились Адмиралтейств-коллегия и Адмиралтейский департамент. Адмиралтейств-коллегия, председателем которой был морской министр, ведала вопросами содержания и движения флота, строительства судов, вооружения флота и снабжения его припасами. На Адмиралтейский департамент, подчинявшийся также морскому министру, было возложено руководство научной деятельностью на флоте.

Адмиралтейский департамент имел коллегиальную форму управления. В то время в его состав входили Сарычев, Крузенштерн, Головин, Литке, Беллингаузен, Бестужев и др. Он издавал «Записки Адмиралтейского департамента», 13 томов которых содержат интересные и важные сведения о состоянии и развитии науки в русском флоте. Издания морского ведомства не подлежали цензуре.

В 1827 г. структура Морского министерства была вновь изменена³. Адмиралтейский департамент был упразднен, а вместо него образованы Морской ученый комитет и Управление генерал-гидрографа. Вопросы изучения морей и полярных стран перешли в ведение последнего учреждения, которое делилось на Канцелярию генерал-гидрографа и Гидрографическое депо. В 1837 г. они

¹ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. — М., 1973, с. 494.

² Там же, с. 544.

³ Чубинский В. Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. — СПб., 1896, с. 173.

снова были объединены в Гидрографический департамент. Вскоре при активном участии полярного исследователя Рейнеке возобновилось издание «Записок», в 10 выпусках которых собраны богатые материалы по истории изучения Арктики и морей России.

Большинство задач полярных исследований, которые были поставлены в начале столетия, получили в двадцатых — тридцатых годах новое развитие.

О проблемах, стоявших перед русским флотом после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода (в 1817 г. корабли военно-морского флота участвовали в вывозе русских войск, находившихся во Франции), дает представление «Записка», поданная вице-адмиралом Сарычевым морскому министру де Траверсе 27 декабря 1818 г. В «Записке» речь идет о морских берегах, которые надлежит описать, тогда же были представлены и документы, уточнявшие или детализировавшие задачи русского флота по изучению океанских побережий России и прилегающих к ним островов. В «Записке» были указаны основные районы и объекты, исследование которых необходимо для «усовершенствования вновь сочиняемых при адмиралтейской чертежной морских карт»¹.

Сарычев отмечал, что со времени создания Петром I мощного русского флота было начато картирование морей, принадлежащих России. Вслед за Белым и Каспийским морями и Финским заливом были описаны берега Северного Ледовитого океана от Белого моря до Берингова пролива (точнее, до Большого Баранова Камня к востоку от Колымы) и исследованы побережья Северо-Восточного океана, под которым подразумевалась северная часть Тихого океана. Но поскольку в то время, когда создавались эти карты, не были известны способы точного картирования берегов и не были еще изобретены надежные астрономические инструменты, то и карты, составленные 80 или 90 лет назад, стали несовершенными либо оказались совсем неверными.

В связи с этим Сарычев отмечал, что необходимо описать и исправить карты берегов Лапландии от границ с Норвегией до Белого моря; желательно исследовать побережье Европейской России от Белого моря до устья р. Печоры. Эту реку и ее устье следует не только описать, но и промерить ее глубины с тем, чтобы выяснить, можно ли морем перевозить в Архангельск лес, необходимый для строительства военных кораблей и доставляющийся «с великим затруднением береговой перевозкою»².

Третьим, наиболее важным объектом предстоящих полярных исследований Сарычев назвал Новую Землю, которая «положена на карты по одним показаниям русских звериных промышленников». Четвертой задачей изучения Арктики должно явиться точное географическое определение устьев важнейших сибирских рек: Оби, Енисея, Лены. Одновременно следовало в весеннее время

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 344, л. 178—179.

² Там же, л. 178.

переправиться на собачьих упряжках по льду до берегов земли, находящейся в недалеком расстоянии от Шелагского мыса. По словам чукчей, на этой земле живет неизвестный народ и ее берегов можно достигнуть всего за одни сутки. В заключение Сарычев указывал, что необходимо исследовать Анадырский залив, Берингов пролив и от него берег Америки «к северу сколько будет возможно». Кроме того, желательным было описать восточные берега Камчатки, Шантарские острова, Пенжинскую и Гижинскую губы.

Записка Сарычева весьма близко перекликалась со многими сочинениями и проектами И. Ф. Крузенштерна, в которых он останавливался на задачах по изучению северных и восточных морей России. Он считал весьма желательным выполнить съемку всего восточного побережья России от Амура до берегов Чукотки, включая Анадырский залив. Им же был поставлен вопрос о повторении плавания Дежнева, чтобы тем самым положить конец спорам о положении северо-восточных берегов Азии. По мысли Крузенштерна, главной задачей русских географических исследований должно явиться «вернейшее познание» северных берегов России от Берингова пролива до Югорского Шара, где не имелось ни одного пункта, «долгота и широта которого были бы астрономически означены». Одновременно он считал необходимым выполнить новую опись от Югорского Шара до Белого моря и от Белого моря до мыса Нордкап, положение которого на картах столь же неверно, как и положение северо-восточных берегов Азии¹.

Если предложения И. Ф. Крузенштерна можно в некоторой степени рассматривать как проекты «частного лица», то «Записка» Сарычева является официальным документом. Об этом свидетельствует еще одна «Записка», также принадлежащая генерал-гидрографу русского флота. Она датирована 29 декабря 1823 г. Этот документ возник в связи с тем, что начальник Морского штаба А. В. Моллер запросил у Сарычева, «какие еще нужно сделать описания берегов Ледовитого моря и Новой Земли после произведенных уже описей капитан-лейтенантом Литке, лейтенантами Анжу и Врангелем»². В новом документе генерал-гидрограф повторил содержание записки 1818 г. и сделал напротив каждого пункта (задачи) «отметины, что сделано в течение прошедших пяти лет и что остается еще исполнить».

Таким образом, не подлежит сомнению, что «Записка» 1818 г. является официальным документом, который определял основные задачи исследований русского флота в арктических и восточных морях. Более того, по этому документу представлялся отчет и даже спустя 5 лет намеченные в нем, но еще нерешенные задачи, оставались в силе.

¹ Крузенштерн И. Ф. Преведомление. — В кн.: Коцебу О. Е. Путешествие..., ч. 1, с. 9.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 1.

Итак, в одно и то же время два выдающихся представителя русского флота почти однозначно определили направления исследований отечественного флота в северных и восточных морях России. Опираясь на богатый фундамент знаний о том, что было сделано их предшественниками, Сарычев и Крузенштерн поставили поистине великие задачи научных исследований на Севере и в Тихом океане, которые делают честь их авторам, русскому флоту, русской науке. Эти направления полярных исследований русского флота были дополнены проблемами, поставленными перед экспедицией в Берингов пролив и к Южному полюсу. Блестящие плавания Крузенштерна, Лисянского, Головнина, Гагемейстера, Лазарева, Коцебу воспринимались в мире как предвестники превращения России в сильнейшую морскую державу мира¹.

Настойчивое развитие кругосветного мореплавания и арктических исследований, проводимое Россией в начале XIX в., было болезненно воспринято английским правительством, которое решило предпринять меры, чтобы «перегнуть Россию и нейтрализовать ее операции в Арктике». В сферу экспедиционной деятельности британского флота было включено арктическое побережье Канады, Гренландии и земли, которые могут быть открыты в Северном Ледовитом океане.

Тот факт, что Англия вслед за Россией включилась в поиски морского сообщения между Атлантическим и Тихим океанами, означал новый этап англо-русского соперничества в изучении северных берегов Американского континента. Английские историки признают, что поскольку экспедиции в Арктику финансировались английским правительством и осуществлялись военно-морским флотом, то в них «неизбежно примешивались соображения политики и стратегии»². Эти цели английского адмиралтейства не составляли секрета для русского правительства, которое отдавало отчет в том, что Англия не только старается не допустить усиления России в Европе, но и стремится совместно с США подорвать положение русских поселений в Америке³.

В конце 1817 — начале 1818 гг. по дипломатическим и другим каналам в Петербург стала поступать обильная информация о решении английского правительства послать две экспедиции для поисков Северо-Западного прохода в качестве ответной меры на русские исследования в этом районе.

¹ Более подробно см. в статье: Пасецкий В. М. Русские географические открытия и исследования в первой половине XIX века. — Вопросы истории, 1981, № 12, с. 98—109.

² Kirwan L. P. The white road. A survey of polar exploration. — London, 1959, p. 77.

³ Более того, русским правительством было обращено внимание на то важное значение, какое англичане придавали открытиям «в Южном Ледовитом океане». Газета «Таймс» считала обретение земли, которую Смит назвал Новой Южной Шетландией, особо важным для английской торговли в южных морях. «По крайней мере, — писала газета, — в случае войны с Испанией или ее колониями может она производиться с большими удобствами и безопасностью нежели донныне». (Цитируется по переводу, хранящемуся в ЦГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 82. Номер газеты не указан.)

«Смелая попытка лейтенанта Коцебу, командира русского судна «Рюрик», — писал Х. А. Ливен К. В. Нессельроде в депеше № 194 от 30 декабря 1817 г., — проникнуть через Берингов пролив в северные моря, которые еще не удалось успешно изучить ни одному исследователю, попытка, которую, видимо, делают возможной нынешние обстоятельства, возбуждает рвение и самолюбие английского правительства»¹.

Англия направляла одну экспедицию со стороны Баффина моря под начальством Дж. Росса, вторую — из района Шпицбергена под командой Д. Бухана (Бьюкенена). Перед той и другой была поставлена задача достигнуть Берингова пролива. 30 марта 1818 г. министр иностранных дел Англии Р. Каслри через Х. А. Ливена обратился с просьбой к русскому правительству оказать сильное содействие английским полярным экспедициям, если они найдут в российские порты или встретятся с русскими судами.

10 июня 1818 г. К. В. Нессельроде представил доклад «О домогательстве английского правительства касательно оказывания нашей стороной пособий четырем английским кораблям, отправляемым в северные моря»². Российское министерство иностранных дел 17 июня 1818 г. дало от имени Александра I повеление И. Б. Пестелю и И. И. де Траверсе оказывать английским полярным экспедициям «всякое зависящее от нас вспоможение»³.

В октябре 1818 г. в Петербург из Лондона поступило сообщение о возвращении английских судов, не добившихся существенных результатов. Вместе с тем в Англии было объявлено о решении продолжать поиски Северо-Западного прохода. Именно в это время Н. П. Румянцевым через И. И. де Траверсе был представлен рапорт О. Е. Коцебу об открытиях на севере Америки и необходимости занятия залива Коцебу.

В такой обстановке русское правительство приняло решение о снаряжении экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив (Северная и Южная дивизии). По мнению некоторых исследователей, «ее первой целью» являлось открытие «новых земель и посещение обитаемых островов» в тропической зоне Тихого океана⁴. В качестве доказательства наличия «военно-политических интересов правительства» в этом районе используется тот факт, что начальник Северной дивизии М. Н. Васильев скопировал в Ново-Архангельске дело, содержащее материалы о проекте Шеффера. При этом действия и желания Российско-Американской компании авторами этой версии отождествляются с действиями царского правительства, что вряд ли правомерно в вопросе о проекте Шеффера. Как установил Н. Н. Болховитинов, «царское правительство не имело никакого отношения к авантюре Шеффера и категори-

чески отвергло саму идею о присоединении Гавайских островов к Российской империи»¹. Еще в феврале 1818 г. К. В. Нессельроде поставил компанию в известность о том, что «приобретение сих островов» не только не принесет пользы, но и причинит много неудобств².

Копирование дела о проекте Шеффера, вероятно, следует объяснить тем, что М. Н. Васильеву было поручено разобраться на месте в действиях Российско-Американской компании. Они вызвали тревогу царского правительства, опасавшегося, что попытки компании закрепиться на Гавайях могут привести к осложнениям в отношениях с США, Англией и Испанией³.

Отряды экспедиции должны были прежде всего решить такие важнейшие полярные проблемы, как плавание в «возможной близости Антарктического полюса» и отыскание Северного прохода из Тихого в Северный Ледовитый океан. При этом Южная и Северная дивизии должны были вести научные наблюдения по одной и той же программе. Она включала проведение научных наблюдений по гравиметрии и земному магнетизму, метеорологических (экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив предстояло провести, вероятно, первые в истории метеорологии наблюдения от антарктических вод до «Студеного моря»). В программу научных исследований входило тщательное исследование смерчей в связи с тем, что мнения ученых о причинах их возникновения расходились.

Неменьшее внимание оба отряда должны были уделить океанографическим наблюдениям, включая изучение приливо-отливных явлений, температуры и солёности воды на различных глубинах. Инструкциями предусматривалось исследование льдов и айсбергов и причин их образования, а также проведение этнографических, ботанических, минералогических, зоологических и других наблюдений.

Поиски Северного прохода и северной «матерой земли»

Поскольку южно-полярное плавание Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в общих чертах рассмотрено в главе «Полярные исследования декабристов», мы остановимся лишь на деятельности Северной дивизии, работавшей в Беринговом проливе.

Руководителем Северного отряда и командиром шлюпа «Открытие» был назначен М. Н. Васильев, шлюпом «Благонамеренный» командовал Г. С. Шишмарев. Северному отряду поручалось, достигнув Берингова пролива, употребить «всемерное старание к разрешению великого вопроса касательно направления берегов и

¹ Внешняя политика России... сер. 2, т. 2 (10), с. 799.

² Там же, с. 402.

³ Там же, с. 799.

⁴ Белов М. И., Кузнецова В. В. Первоначальный проект русской экспедиции в Южный и Северный Ледовитый океаны. — Изв. ВГО, 1974, вып. 6, с. 495.

¹ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения. 1815—1832, с. 88. — М., 1975, с. 88. (Далее: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения...).

² Там же, с. 113.

³ Там же, с. 115.

прохода в сей части нашего полушария»¹. В формулировке главной задачи нельзя не увидеть влияния взглядов Сарычева, являвшегося сторонником мнения о существовании на севере «матерой земли».

Как видно из «Инструкции», Васильев независимо от Южного отряда должен был направиться в южно-полярную область и постараться достичь самых высоких широт южного полушария. Однако решением этой важной задачи Северный отряд не занимался и от берегов Бразилии направился не в Антарктику, а к Австралии. Следовательно, программа экспедиции Васильева после утверждения «Инструкции» Александром I была изменена и направлена на решение научных задач в районе Берингова пролива, что, вероятно, имеет связь с претензиями США и Англии на значительные области в Северной Америке, непосредственно соседствующие с владениями Российско-Американской компании.

В начале июля 1819 г. экспедиция вышла в плавание. Спустя год суда «Открытие» и «Благонамеренный» встретились в заливе Коцебу, который был назначен исходным пунктом предстоящих исследований. В первое плавание экспедиция Васильева пробыла в Северном Ледовитом океане 26 дней. Она проникла на 35 миль за Ледяной мыс, где на 71°06' с. ш. была остановлена льдами. Экспедиция установила, что вопреки прежним предположениям американский берег не поворачивает ни к северу, ни к западу, а имеет восточное направление, льды в океане находятся в непрерывном движении и течение направлено к востоку, т. е. в сторону Баффинова моря.

Зимой путешественники описали залив Сан-Франциско, посетили о. Уналашку, и вышли на север. Шишмарев направился к мысу Шелагскому, который после Дежнева еще не был обойден ни одним мореплавателем. Лейтенант А. П. Авинов на небольшом боте приступил к описи берега Америки от Бристольского залива до залива Добрых Вестей.

Васильев на шлюпе «Открытие» продолжал поиски прохода в Северный Ледовитый океан. На пути от о. Уналашки в Берингов пролив 11 июля моряки шлюпа открыли о. Нунивак, на котором имелось несколько селений. Во время плавания к северу от Берингова пролива Васильеву удалось достигнуть Ледяного мыса, где экспедицией было обнаружено сильное течение в сторону Атлантического океана. Попытка высадиться на берег не имела успеха. Шлюп был зажат льдами и только благодаря распорядительности Васильева и самоотверженности экипажа избежал гибели. По пути от Ледяного мыса к Камчатке Васильев встретил в Беринговом проливе шлюп «Благонамеренный», которому не удалось достигнуть мыса Шелагского.

¹ Инструкция министра начальнику экспедиции к Северному полюсу М. Н. Васильеву. — В кн.: Лазарев А. П. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг., веденные гвардейского экипажа лейтенантом А. П. Лазаревым. М., 1950, с. 76. (Далее: Лазарев А. П. Записки...).

Рассматривая результаты экспедиции Васильева, исследователи, как правило, концентрируют внимание на том, что она не прошла Северо-Западным морским путем из Тихого океана в Атлантику. При этом упускается из виду, что главной задачей плавания было решение «великого вопроса» — поиски прохода из Тихого океана в Северный Ледовитый и выяснение направления берегов Америки к северу от Берингова пролива. По представлениям того времени не исключалась вероятность соединения Азии и Америки и было распространено мнение о том, что берег Америки от Ледяного мыса протянулся далеко на запад и, возможно, даже соединяется с Гренландией. Не исключалось также, что полярная часть океана скована вечным неподвижным льдом. Исходя из этих представлений, следует считать, что экспедиция Васильева внесла важный вклад в решение проблемы, которая была поставлена перед русским флотом еще в первой половине XVIII в. и с тех пор считалась главной русской географической задачей.

Оценивая значение Северной экспедиции, Крузенштерн писал, что наблюдения Васильева в районе Ледяного мыса, в результате которых были установлены сильные течения к востоку, являются «обстоятельством, доказывающим неоспоримо свободное сообщение»¹ между Тихим и Атлантическим океанами. Эта мысль повторена им многократно в различных документах, в том числе в «Атласе Южного моря». Более того, Крузенштерн подчеркивал неоднократно, что если бы задачей Васильева были поиски Северо-Западного прохода, то он успешно решил бы ее.

Наблюдения экспедиции Васильева опровергли основные положения английских мореплавателей Кука, Кларка, Кинга, Бурнея, Балая, и других о вечном льде, якобы покрывающем эту часть полярного моря, и о том, что за этим льдом находится либо земля, либо перешеек, соединяющий Америку и Азию.

Рассматривая полярные исследования России начала двадцатых годов XIX в., А. О. Корнилович отнес экспедицию Васильева к числу выдающихся географических предприятий, подчеркнув, что русские мореплаватели достигли более высоких широт в Северном Ледовитом океане, чем последняя экспедиция Кука². Как справедливо отметил Литке, экспедиция Васильева одновременно с мореходами Хромченко и Этолиным открыла выступающий к западу на 150 миль полуостров Аляска и начала его подробное исследование, которое было успешно завершено моряками шлюпа «Моллер» под командой М. Н. Станюковича, описавшими северный берег Аляски. Выполненные работы позволили нанести на карту истинное положение этого обширного района Русской Америки³. Кроме того, был картирован берег между мысами Лисбурн

¹ АВПр, ф. 339, оп. 888, д. 312, л. 8.

² Корнилович А. О. Известия об экспедициях в Северо-Восточную Сибирь флота лейтенантов Врангеля и Анжу. 1821—1823. — Северный Архив, 1825, т. 13, № 4, с. 334.

³ ЦГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 14, л. 76.

и Крузенштерна. К этому следует присовокупить обследование Чукотки в районе мысов Сердце-Камень и Восточного (Дежнева), опись о. Св. Лаврентия, пролива Гагемейстера, заливов Бристольского и Добрых Вестей, островов Павла и Георгия и, наконец, открытие о. Нунивак.

Сопоставление журналов третьего плавания Дж. Кука и его спутников, недавно изданных в Кембридже, с записками Лазарева, Шишмарева, Васильева, а также с журналами шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» свидетельствует о том, что наблюдения русских моряков строже, разностороннее и богаче¹. Они отражают новый уровень развития науки о Земле и прежде всего метеорологии, океанографии, биологии, этнографии, ледоведения и учения о земном магнетизме. Особую ценность представляли метеорологические наблюдения, которые велись 6 раз в сутки и данные которых записывались в вахтенные журналы вместе с данными о магнитном склонении и астрономическими координатами. Они были обработаны и изданы Морским министерством в восьмидесятых годах XIX в. Подобные же наблюдения, выполненные Южной дивизией, открывали эпоху более полного познания физических явлений, происходящих на земном шаре. Проведение одновременных метеорологических и магнитных наблюдений во второй четверти XIX в. получает широкое развитие. Сначала в нем участвуют отдельные ученые и полярные исследователи (со стороны России А. Я. Купфер, И. М. Симонов, Ф. П. Врангель, М. Ф. Рейнеке и др.). Затем магнитно-метеорологическое сотрудничество становится частью межгосударственных отношений. С сороковых годов в него включается регулярная сеть магнитных и метеорологических обсерваторий России, которая ведет на пространстве от Петербурга до Ситхи одновременные наблюдения, согласованные с наблюдениями английской антарктической экспедиции Дж. Росса. В дальнейшем этот принцип будет положен в основу целого ряда международных программ научных наблюдений, в том числе программ Первого и Второго международного полярного года. Известно, что геофизические обсерватории Павловска, Иркутска, Екатеринбургa и Тифлиса вели в самом начале XX в. наблюдения согласованные с наблюдениями английской и немецкой антарктических экспедиций².

Непосредственную связь с плаванием Васильева в район Берингова пролива имеют Колымская и Янская экспедиции, входящие в число важнейших полярных предприятий России. В историко-географической литературе (В. Ю. Визе, Н. Н. Зубов, М. С. Боднарский, Н. Г. Сухова и др.) анализировалась лишь географическая сторона вопроса. Попыток же связать деятельность этих экспедиций с задачами укрепления позиции России на северо-востоке Сибири не предпринималось. Оставался забытым тот факт,

что снаряжение Колымской и Янской экспедиций было поставлено на уровень важных государственных интересов, как это имело место и при организации предшествовавшей им экспедиции Геденштрома. Такая забывчивость приводила к однобокому освещению даже географических аспектов. Основную задачу Колымской и Янской экспедиций исследователи видели в описи северного побережья Сибири и уже известных островов.

В действительности же главной целью этого важного географического предприятия были поиски северных земель, что видно из предложения морского министра де Траверсе Адмиралтейств-коллегии от 10 ноября 1819 г. В нем объявляется о том, «чтобы для поисков и описания земель, которые якобы обитаемы и находятся к северу от Яны и Колымы»¹, были употреблены все возможные средства. Эта задача повторена в первых строках инструкций, данных Врангелю и Анжу. Снаряжение экспедиции для поисков и описи северных земель имеет логическую связь с исследованиями Геденштрома. Еще в 1814 г. Крузенштерн поставил вопрос о необходимости продолжения исследований на землях, открытых в Северном Ледовитом океане Санниковым и другими сибирскими промышленниками.

Весьма интересен тот факт, что Румянцев, по указанию которого была снаряжена экспедиция Геденштрома, 13 февраля 1817 г. обратился с письмом к П. И. Рикорду, управлявшему в то время Камчатской областью. В письме шла речь о том, что он желает послать небольшую экспедицию из местных жителей, которая отправилась бы на север из района Чаунской губы или Шелагского мыса, чтобы убедиться, «нет ли вблизи за Ледовитым океаном матерого берега, который бы имел протяжение свое против Сибири или не существует ли там островов»². Он просил Рикорда возможно скорее подготовить такую экспедицию и снабдить ее необходимыми инструкциями. В том же письме он сообщал, что вышлет 3000 руб. с капитаном Головинным, который готовился в это время к кругосветному плаванью на шлюпе «Камчатка».

В соответствии с планами Румянцева в 1819 г. была организована экспедиция. Во главе ее стоял русский моряк, имени которого установить не удалось. Экспедиция вышла по льду на север от Берингова пролива. Транспортom ей служили собаки и олени. «По подсчетам, они прошли на север около 200 верст, — писал Крузенштерн, — что, безусловно, не так уж мало»³. «Матерой земли» или каких-либо островов путешественникам открыть не удалось.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что вопрос о поисках северной «матерой земли» после экспедиции Геденштрома не снимался с повестки дня. Кроме Румянцева и Крузенш-

¹ Соловьев А. И. Предисловие. — В кн.: Лазарев А. П. Записки..., с. 65.

² Ученый архив ГГО, оп. 1, д. 416, л. 1.

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 1—2.

² Письма графа Н. П. Румянцева к П. И. Рикорду. — Русский вестник, 1842, т. 6, с. 148.

³ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 264, л. 13.

терна, проблемой Северного материка занимались Сарычев, Головнин и министр иностранных дел России Нессельроде. Последний 31 октября 1819 г. обратился с письмом к генерал-губернатору Сибири Сперанскому, в котором просил прислать журнал Геденштрома и хотя бы беглый обзор всех экспедиций в северо-восточную Сибирь и «по морям, ей прилежащим»¹.

В упоминавшейся записке Сарычева, представленной в 1818 г. морскому министру де Траверсе, отмечалось, что к востоку от Новой Сибири против Шелагского мыса, «по уверению чукчей, находится земля, обитаемая дикими людьми, и что эту землю можно описать в весеннее время на собаках по льду таким же образом, как описана была Новая Сибирь»².

Головнин внимательно следил за спорами о Северном проходе и о перешейке, якобы соединяющем Азию и Америку, и, вероятно, именно он первый выступил с предложением о посылке экспедиции для поисков северных земель.

10 ноября 1819 г., встретившись с лейтенантом Врангелем, он познакомил его с планом и задачами предстоящих изысканий и предложил возглавить один из отрядов. Иными словами, он показал своему ученику документы, которые им были подготовлены для морского министра и которым именно в этот день был дан ход в правительственных кругах. Головнин при этом сообщил Врангелю, что он сам будет руководить действиями отрядов экспедиции³. И действительно, первоначальная подготовка экспедиции для поисков и описи земель в составе Колымского и Янского отрядов осуществлялась Головниным. Именно он выбирал офицерский состав отрядов, назначив почти исключительно моряков, участвовавших в плавании на «Камчатке», на которых он уверенно мог положиться. Лишь впоследствии вместо мичмана Табулевича, сказавшегося больным, начальником Янского отряда был назначен лейтенант П. Ф. Анжу — друг и однокашник Ф. П. Врангеля, а вместе с ним и штурман И. А. Бережных. Именно по предложению Головнина, участникам экспедиции было назначено двойное жалование и представлены льготы материального характера.

Однако спустя два — два с половиной месяца снаряжение экспедиции перешло в ведение Адмиралтейского департамента, во главе которого стоял Г. А. Сарычев, также весьма интересовавшийся проблемой поисков «матерой земли». Головнина отеснили от непосредственного руководства Колымским и Янским отрядами. Врангель в одном из писем к Литке высказывал свое глубокое огорчение тем, что «Васи[лий] Мих[айлович]... вовсе в стороне от наших экспедиций». Необходимо также отметить, что документы, подготовленные Головниным, в которых определялись

лишь главные задачи экспедиции, не имеют ни малейшего сходства с позже разработанным Сарычевым по предложению Адмиралтейств-коллегии более детальным планом поисков и описи земель.

Важно обратить также внимание на связь снаряжения экспедиции для поисков и описи северных земель с англо-русским соперничеством в полярных исследованиях. По словам Врангеля, Россия обязана была заняться географическими исследованиями к востоку от Колымы, так как неизученность севера Чукотки давала повод для рождения гипотез «о соединении Америки с Азией перешейком близ Шелагского мыса»¹ и была укором русскому флоту. О том большом политическом значении, которое русское правительство придавало поискам северных земель, свидетельствует письмо Нессельроде, который ожидал от экспедиции для поисков северных земель «важных приобретений для науки и выгод отечественной промышленности»².

Отправка экспедиции для поисков и описи северных земель являлась продолжением тех научных и политических мероприятий русского правительства, начало которым было положено снаряжением экспедиций Геденштрома, Коцебу и экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив³.

10 ноября 1819 г. морской министр де Траверсе потребовал от Адмиралтейств-коллегии собрать сведения о северных землях, составить план действий экспедиции и сообщить, какие суммы потребуются на ее снаряжение. Уже 12 ноября морской министр поставил в известность генерал-губернатора Сибири Сперанского о снаряжении Янского и Колымского отрядов «экспедиции для описи северных земель», которая в марте 1821 г. должна была приступить к своим исследованиям.

14 ноября Адмиралтейств-коллегия утвердила представленный Сарычевым «План как производить опись земель, лежащих на Ледовитом море к северу против устьев рек Яны и Колымы» и определила, что для осуществления этого предприятия потребуется «до 30 000 рублей»⁴.

20 января 1820 г. Сперанский ответил, что собраны нужные сведения относительно северных земель и морскому министру отправлены рукописное «Путешествие» Геденштрома, замечания Геденштрома на план Сарычева, карта Новосибирских островов, составленная Геденштромом и, наконец, смета на содержание Колымского и Янского отрядов экспедиции. Сперанский, как видно из его пространного ответа морскому министру, считал бесполез-

¹ Врангель Ф. П. Путешествие..., ч. 1, с. 144.

² АВПР, ф. Главный архив, П-21, д. 1, л. 536.

³ Политическая направленность поисков северных земель особенно ярко проявилась в конце XIX — начале XX в. Более подробно причины, задачи и ход действий Колымской экспедиции рассмотрены нами в работе «Фердинанд Петрович Врангель» (М., 1975, с. 27—115).

⁴ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 9. Фактически расходы на экспедицию при уменьшенном составе (14 человек вместо 34) превысили эту сумму в 6 раз.

¹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 2, — СПб., 1872, с. 192. (Далее: Вагин В. Исторические сведения...).

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 621, л. 3.

³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 268, л. 2—3.

ным отправлять Янский отряд, так как Новосибирские острова достаточно обследованы Геденштромом. «Прежние предположения о существовании в сем месте материка или гряды островов с основательностью исследованы и отвергнуты»¹. Он предлагал ограничиться деятельностью Колымского отряда, который должен заняться поисками земель к северу и востоку от Медвежьих островов. Предположения о существовании этих земель, «возбужденные повествованиями сержанта Андреева и другими, впрочем весьма смешными, рассказами, остаются в своей силе и по крайней мере с достоверностью не отвергнуты»².

Скептическое отношение Сперанского к существованию северной «матерой земли» не встретило сочувствия в Морском министерстве. Траверсе еще раз напомнил губернатору Сибири о том, что Александр I именно на него возлагает ответственность за обеспечение деятельности экспедиции и что «план продолжения открытий, когда будет действительно найдена земля противу устья Колымы, может измениться» в зависимости от того, миролюбивым ли окажется населяющий ее народ³.

Руководитель Колымского отряда Врангель по совету Головина несколько недель обучался в Дерптском (Тартуском) университете проведению физических и астрономических наблюдений. Профессор Ф. Паррот характеризовал молодого офицера как «весьма одаренного и ревностного человека»⁴, способного добиться выдающихся успехов на поприще науки. Паррот пытался включить в программу исследований экспедиции Врангеля проведение астрономических и барометрических наблюдений, а также работ по химическому (солевому) анализу полярного льда, но встретил отказ со стороны морского ведомства, которое считало, что физические исследования могут помешать выполнению главного поручения — отысканию северной «матерой земли».

Описи уже открытых островов придавалось второстепенное значение. Этими задачами должен был заниматься штурманский помощник, а самому Врангелю от Шелагского мыса следовало ехать по льдам моря к северу до неизвестной земли, находящейся в расстоянии однодневной поездки от этого места. Эта инструкция опиралась на путешествие Сарычева. Врангеля и Анжу принял Траверсе, который имел с ними секретный разговор. Он обратил их внимание на важность возложенного на них поручения⁵, что также свидетельствует о том большом государственном значении, которое придавалось снаряжению экспедиции для описи северных земель, как и экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив.

25 марта 1820 г. отряды покинули Петербург. Под командованием Врангеля находились штурман П. Т. Козьмин, мичман Ф. Ф. Матюшкин, доктор медицины А. Э. Кибер, слесарь С. Иванников и матрос М. Нехорошков. У Анжу было два штурманских помощника — И. А. Бережных и П. П. Ильин, лекарь А. Е. Фигурин, матрос Игнашев и слесарь А. Воронков. 18 мая 1820 г. Врангель приехал в Иркутск; в первых числах июня туда же прибыл Анжу, который вез приборы экспедиции.

В Якутске экспедиция фактически разделилась на два самостоятельных отряда: Колымский и Янский. В начале августа Врангель отправил в Нижнеколымск Матюшкина, который к приезду своего начальника (2 ноября) успел построить астрономическую обсерваторию. 13 февраля 1821 г. Врангель сообщил Сперанскому, что находится «в состоянии приступить сего же года к определению Шелагского мыса и к отысканию Северной Земли»¹. Отправляясь с небольшим отрядом на Чукотку, Ф. П. Врангель считал, что малое число доброжелательных путешественников встретит гораздо лучший прием и будет в большей безопасности, чем значительный военный отряд. Тем более, что появление летом 1820 г. у чукотских берегов экспедиции Васильева должно было внушить уважение к русским и служить защитой и для Колымского отряда².

19 февраля 1821 г. Врангель покинул Нижнеколымск и достиг цели своего первого путешествия — Шелагского мыса 5 марта и астрономически определил его. Пройдя на восток до скалистого мыса, который назвал именем своего спутника штурмана Козьмина, он убедился, что берег принимает юго-восточное направление. Таким образом, писал он в донесении Сперанскому, «обнаружилось неправдоподобие какого-либо соединения в сем месте перешейком Америки с Азией, как утверждают некоторые, но, к сожалению, было невозможно доказать совершенно противное, ибо надлежало бы достичь Северный мыс Кука»³. Из-за недостатка корма для собак 7 марта экспедиция отправилась в обратный путь.

25 марта экспедиция приступила к поискам северной «матерой земли». В этой поездке участвовали Врангель, Матюшкин, матрос Нехорошков, унтер-офицер Решетников и колымский купец В. Ф. Бережной, который добровольно вызвался ехать с путешественниками «на двух собственных нартах и со своим кормом»⁴. Продвигаясь на север из района мыса Баранов Камень, путешественники 29 марта достигли берега о. Четырехстолбового, который Матюшкин положил на карту.

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 72. См. также Вагин В. Исторические сведения..., т. 2, с. 161.

² Там же.

³ Там же, л. 87.

⁴ Там же, л. 168.

⁵ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 15.

¹ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 82.

² Там же, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 318—319.

³ Там же, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 85.

⁴ Вальская Б. А. Путевой журнал колымского купца Бережного, участвовавшего в экспедиции Ф. П. Врангеля на северо-восток Сибири. — Изв. ВГО, 1948, т. 80, вып. 3, с. 277.

Спустя два дня на 71°37' с. ш. экспедиция вынуждена была остановиться из-за тонкого льда. В 224 верстах от берегов Сибири встретили открытую воду, которая, по словам Врангеля, свидетельствовала о том, что море то замерзает, то взламывается свежим ветром. «...Различие между торосами сей части моря и находящимися близ материка равно и тонкость льда подают повод к заключению, — писал он, — что море здесь не сужено какою-либо обширною землею, не в дальнем на севере расстоянии находящейся»¹. Своей поездкой на север от мыса Баранов Камень Врангель поставил под сомнение выводы Сарычева, что море в этом районе невелико и недалеко на севере должна находиться «матерая земля».

Экспедиция направилась на юго-восток и вскоре встретила гористый остров высотой более 20 м, который оказался ледяным. «Сопки сего ледяного острова, — писал Врангель, — показались нам издали за действительные каменные горы, даже на оных прорубали мы глубокие ямы, чтобы увериться в их составах»². Именно такие ледяные острова с высокими сопками, которые даже вблизи трудно отличить от настоящих, издали могли быть приняты за неизвестные земли, поисками которых потом десятилетиями занимались исследователи.

17 апреля экспедиция достигла того района, где в 1810 г. вел поиски Геденштром, и повернула назад. 21—23 апреля путешественники, разделившись на два отряда, описывали Медвежий острова. 28 апреля экспедиция вернулась в Нижнеколымск, пройдя более 1200 км среди нагромождений льдов, трещин, разводьев и полыней.

В Морском министерстве были недовольны тем, что Врангель начал поиски северной «матерой земли» от мыса Баранов Камень, а не от Шелагского мыса. По мнению Адмиралтейств-коллегии, если бы Врангель точно исполнил инструкцию, то всего в «один только день» решил бы вопрос, существует ли земля, о которой рассказывают чукчи. В начале 1822 г. Врангель получил предписание Сперанского «проникнуть по крайней мере за 75 верст от берега к северу от мыса Шелагского и таким образом разрешить, действительно ли находится земля в том месте»³.

13 марта 1822 г. Врангель направился на северо-восток. 31 марта экспедиция достигла границы припая, за которым находилось открытое море. Отклонившись к северо-западу, 10 апреля 1822 г. экспедиция дошла до 72°0,2' с. ш. (262 версты от мыса Баранов Камень). Дальше снова находился тонкий лед, пересеченный полыньями и разводьями. Врангель по состоянию льдов и все увеличивающейся глубине моря пришел к выводу, что северная «матерая земля», если она существует, должна находиться не ближе чем за 260 верст. 12 апреля экспедиция направилась на

¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 189, л. 5.

² Там же.

³ Там же, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 102.

восток, чтобы искать землю в районе Шелагского мыса, но в 130 верстах к северу от него она была остановлена полыней шириной более 2 верст. Северной «матерой земли» в этом районе не было обнаружено. В это время у путешественников оставалось запасов только на 4 дня. 23 апреля Врангель решил повернуть назад и 1 мая достиг побережья Сибири.

Врангель писал Литке о том, что его экспедицией «определено несуществование земли в удобо достигаемом от сибирского берега расстоянии между меридианами Медвежьих островов и Шелагского носа и что, следовательно, остается искать эту землю к востоку от последнего меридиана. Туда-то и обратим наши попытки весною 1823 г. в надежде найти не обитаемую землю, но какой-нибудь голый островок — как надо подумать по последним сведениям, собранным мною от чукч»¹.

Весною 1823 г. экспедиции предстояло завершить опись побережья Чукотки от Шелагского мыса до Северного мыса (ныне мыс Шмидта) и продолжить поиски северной «матерой земли» в Северном Ледовитом океане. 26 февраля 1823 г. путешественники покинули Сухарное и 8 марта достигли Шелагского мыса, где встретились с чукчами. На стоянку Врангеля прибыл чукотский старейшина. Через толмача он подробно описал положение северного берега Чукотки и «даже нарисовал углем положение Шелагского мыса, называя его Ерни»². На импровизированной карте он показал небольшой остров к востоку от этого мыса, который вскоре действительно был обнаружен экспедицией.

«Разумеется, — писал Врангель об этой встрече Литке, — все мои вопросы и разговоры склонились к изведыванию о Северном материке, в существовании коего я уже 2-й год весьма сомневался. Поэтому ты можешь себе представить мое удивление и радость, когда чукотский старшина-камакай стал утверждать, что недалеко от их земли на севере есть гористая земля и что он сам летом видел горы в море, по мнению его, не в весьма дальнем расстоянии. Он описал нам то место, откуда горы видны, присовокупив, что правее или левее земля Х отделяется от Чукотского берега, к которому подходит острым мысом у описываемого им места»³.

10 марта Врангель направился к мысу Якан, к северу от которого, по словам камакая, лежали виденные горы. Здесь экспедиция повернула на север и снова отправилась на поиски северной «матерой земли». Дойдя до границы припая, Врангель продолжал путь по дрейфующим льдам (на протяжении 90 км). 23 марта он достиг 70°51' с. ш. и 175°27' в. д. в 150 км от побережья Чукотки. Дальше находилось открытое море. «Не внемля грозящему треску льда под нами, ни препонам от обширных полыней, продолжали идти вперед в сладкой надежде достиг-

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 52—53.

² Врангель Ф. П. Путешествие..., ч. 2, с. 291.

³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 69.

нуть до земли, и не прежде решились на поворот, как поворотить уже почти нельзя было. На возвратном пути плавали мы между прочим на льдине по морю и едва-едва спасли самих себя с собаками и малою частью путевых припасов»¹, — писал Врангель Литке.

4 апреля к экспедиции присоединился отряд Матюшкина, занимавшийся описью Чукотского побережья. Врангель послал на север Матюшкина. Пройдя 16 верст, тот встретил широкие полыньи, окаймлявшие неподвижный лед с севера, запада и востока. И эта попытка достичь земли, лежащей к северу от мыса Якан, закончилась неудачей. 10 апреля Врангель достиг Северного мыса, а спустя 5 дней находился в Колючинской губе, сомкнув, таким образом, свою опись с описью И. Биллингса, сделанной в 1791 г.

Экспедиция на обратном пути едва не погибла от голода. Вернувшись в Нижнеколымск, Врангель писал Литке о том, что он не сомневается в существовании земли к северу от мыса Якан. «Сказания чукчей так согласны и так утвердительны, что уже не искать, а найти ее следует»², — писал он.

В поисках северной «матерой земли» Колымская экспедиция исследовала огромную площадь юго-восточной части Восточно-Сибирского моря и прибрежных районов западной части Чукотского моря. Экспедиция не открыла обширной обитаемой северной «матерой земли», поискам которой придавалось важное значение. В решении Адмиралтейств-коллегии по итогам экспедиции было отмечено, что «в отыскании Северной Земли Врангель не имел успеха, но по сведениям, собранным от чукоч, убедился он в существовании ее противу одного пункта берега... и который он отыскал и определил (в 135 верстах к W от Северного мыса)»³.

Сарычев поддержал точку зрения Врангеля о том, что эту «землю не искать, а найти следует»⁴, и спустя несколько лет предпринял попытку добиться снаряжения экспедиции для открытия земли, «высокие горы» которой местные жители видели с берегов мыса Якан. Сарычев подчеркивал, что главнейшим достижением Колымской экспедиции «была опись берега Азии до острова Колючина (до коего осмотрен оный с востока экспедициею капитана Биллингса), следовательно, *конечное* разрешение вопроса о несоединении Азии с Америкой»⁵.

Исключительный вклад Колымской экспедиции в развитие географии полярных стран, в познание геофизических процессов, происходящих в природе высоких широт, не мог быть во всей полноте и многообразии оценен современниками. В их распоряжении имелось лишь несколько работ Врангеля, Кибера, Фигурина. Журналы и карты Колымской и Янской экспедиций сдела-

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 70.

² Там же, л. 69.

³ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 219.

⁴ Там же, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 606.

⁵ Там же, л. 601.

лись достоянием архивов. Свое «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» Врангель закончил только по возвращении из кругосветного плавания на шлюпе «Кроткий» в декабре 1828 г. Издание его труда было отложено из-за недостатка средств. Головнин, опасаясь, что рукопись Врангеля может затеряться в Ученом комитете Морского штаба, забрал ее к себе домой. После смерти Головнина «Путешествие» было возвращено в Морское министерство, которое только в середине 30-х годов приступило к набору книги. В это время Врангель возвратился из Русской Америки и, отказавшись от услуг Морского министерства, издал «Путешествие» при участии известного издателя А. Смирдина и литератора Н. Полевого. Это произошло через 17 лет после окончания Колымской экспедиции. В том же, 1841 г. Академия наук опубликовала «Прибавления к «Путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю», содержащие в себе замечания о Ледовитом море, о полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения и таблицы географического положения мест с приложением «13 литографированных раскрашенных рисунков северных сияний и походных принадлежностей». «Путешествие» и «Прибавления» к нему Академия наук удостоила высшей награды — Демидовской премии.

Врангель положил начало сбору материалов по земному магнетизму Восточной Сибири. Он провел наблюдения над склонением компаса и наклоном стрелки инклинометра в Иркутском адмиралтействе, вблизи Якутска, в Нижнеколымске, в Русском Устье на Индигирке, на мысах Малый и Большой Барановы Камни, в болоте к северу от р. Малого Анюя, в селах Малом Чукочьем, Лабазном и Плотбище на Анюе, на р. Погинден, на 4-м и 6-м Медвежьих островах, в Каменной тундре, на перешейке Шелагского мыса, вблизи устья р. Веркона, на Северном мысе и на о. Колючине. Кроме того, Врангель выполнил цикл наблюдений во время поездок по льдам океана. Собранный им богатый материал в сочетании с магнитными определениями Янской экспедиции явился первой рекогносцировочной магнитной съемкой Восточной Сибири от Иркутска и Якутска до берегов и островов Северного Ледовитого океана, между р. Оленек и Колючинской губой, включая акваторию морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Эти геомагнитные исследования Колымской и Янской экспедиций, о которых с восхищением говорил А. Гумбольдт в 1829 г. на экстренном заседании Петербургской Академии наук, были прелюдией к магнитным изысканиям Ганстеена, Эрмана и Дове, спустя несколько лет занимавшихся изучением более южных районов Сибири. Обширные материалы Врангеля и Анжу были опубликованы в 1863 г. Ганстееном в Христиании (Осло). Они послужили исходным материалом для построения «карт изогонических изоклинических и изодинамических линий, на которых наглядно изображено распределение магнитного склонения, магнитного наклона и полной величины магнитного напряжения».

По словам академика М. А. Рыкачева, с тех пор «они служат не только для определения вековых изменений, происходящих в элементах земного магнетизма, но и для построения самих карт, принимая во внимание эти вековые изменения»¹.

Врангель обнаружил «сгущение» магнитных линий в районе Колымы, что дало основание его современникам говорить о существовании в этом районе второго магнитного полюса. На опыте санных поездок и путешествий по берегам океана, опираясь на наблюдения предшественников и сведения промышленников, Врангель описал льды Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Он первым отметил, что прибрежная часть Восточно-Сибирского моря замерзает только в конце октября и что лед взламывается и берега очищаются от льдов на исходе июня. В более мористых районах лед взламывается почти месяцем позже. В отдельные годы лед блокирует в течение всего лета сибирское побережье, что вполне согласуется с современными представлениями о ледовитости этого моря.

Врангелем впервые в географической литературе было дано описание различных торосов (осенних, зимних и весенних) и рассмотрены особенности замерзания морей. При этом обращалось внимание на характерные черты полыней и трещин в припайном льду. Врангель первым из путешественников открыл ледяные острова и дал их удивительно точное описание, во многих чертах совпадающее с теми данными, которые были получены учеными, исследовавшими эти образования в семидесятых-восемидесятых годах нашего века. Врангель установил границу распространения припая в Восточно-Сибирском и в западной части Чукотского моря.

Важное влияние на развитие представлений о Северном Ледовитом океане оказало открытие Колымской и Янской экспедициями постоянной морской полыньи, впоследствии получившей название Великой Северной полыньи, которая и сегодня остается предметом научных исследований. На этом вопросе Врангель останавливался подробно в статье «Общие замечания о Ледовитом море», в «Путешествии» и в «Прибавлениях» к нему. По его мнению, постоянная морская полынья начинается к северо-западу от острова Котельного и тянется на юго-восток и тем более приближается к материку, чем ближе подходит к Якану»².

Исключительно большое число достоверных фактов о существовании открытого моря послужило мощным импульсом к пересмотру прежних представлений о Северном Ледовитом океане. Врангель обратил внимание на изменение физико-географических

¹ Рыкачев М. А. Исторический очерк Главной физической обсерватории. — СПб., 1899, с. 64. (Далее: Рыкачев М. А. Исторический очерк ГФО...).

² Врангель Ф. П. Прибавления к путешествию по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенному в 1820, 21, 22, 23, 24 гг., ... содержащие в себе замечания о Ледовитом море, полярных льдах, ... метеорологические, климатические наблюдения... — СПб., 1841 (Далее: Врангель Ф. П. Прибавление к путешествию...).

условий в зависимости от широты, на влияние речного стока на соленость морских вод, на зависимость прочности морского льда от степени солености морской воды, из которой он образовался. По словам известного советского океанографа и знатока Арктики Н. Н. Зубова, Врангель «дал в сущности первые описания полярных льдов»¹ и состояния ледовой обстановки в северных морях в весенний период. Врангель пришел к чрезвычайно важному в научном и практическом отношении выводу об отступании моря, который подтверждается современными исследованиями².

Выдающимся вкладом в изучение климата северо-востока России явилась организация Врангелем и Матюшкиным систематических метеорологических наблюдений в Нижнеколымске, результаты которых были использованы выдающимися русскими учеными, такими, как К. С. Веселовский («О климате России»), Г. И. Вильд («О температуре воздуха в Российской империи»), Л. С. Берг («Климат и жизнь»). Наблюдения Врангеля, Матюшкина, Козьмина и Анжу как единственные данные о повторяемости различных ветров были использованы А. И. Воейковым для характеристики атмосферной циркуляции на северном побережье Сибири.

Врангель первым описал феновые потоки, возникающие в районе невысоких гор Чукотки. На основе прямых и косвенных данных он сделал ряд ценных климатических сообщений. Этот метод исследования природных явлений позже, как известно, широко использовался выдающимся русским климатологом А. И. Воейковым.

Колымская экспедиция уделила исключительно большое внимание наблюдениям над полярными сияниями, которые проводились по программе, разработанной академиком Парротом³. По возвращении из экспедиции Врангель представил Академии наук обширные материалы. Они были опубликованы Парротом, создавшим на их основе новую теорию полярного сияния, увидевшую свет в 1827 г.

Исследование Колымской экспедицией северного побережья России от р. Индигирки до Колючинской губы и соединение ее описи с описью экспедиций Биллингса и Кука, выполненных от Берингова пролива до Колючинской губы, позволило создать карту морских берегов, островов и внутренних районов северо-востока России. Она опиралась на 115 астрономических пунктов. Это было выдающееся достижение. Впервые северо-восточные берега обрели настоящие очертания и была доказана неосновательность гипотезы Бурнея о соединении Азии и Америки. Вместе с тем достоверное исследование северо-восточных берегов имело важное значение для решения проблемы морского прохода «из

¹ Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели..., с. 252.

² Баскаков Г. А., Шпайхер А. О. Современные вертикальные движения побережья арктических морей. — Труды АНИИ, 1968, т. 285, с. 189—195.

³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 258, л. 1—3.

Ледовитого океана в Тихий». Эту проблему рассматривал в свое время М. В. Ломоносов, отмечая, что северное побережье России от Архангельска до «Устьев Ковымских» изведано морскими офицерами Второй Камчатской экспедиции. «Достальной берег от Колымы до устья реки Анадырь около Чукотского носу исследован известиями от тамошних жителей через капитана Павлуцкого, чему известие о морском пути Федота Алексеева с товарищами весьма соответствует, и сомнения о море, всю Сибирь окружающем, не остается»¹.

В другом месте своего «Краткого описания путешествий по северным морям» Ломоносов отмечал, что плаванием Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы вокруг Чукотки через Берингов пролив к устью реки Анадырь «несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий»². Однако в конце XVIII в. в начале XIX в. плавание Дежнева было поставлено под сомнение. В обстановке горячих споров вокруг проблемы соединения двух материков исследования Врангеля между Колымской и Колючинской губой имели исключительное значение. Они подтвердили вывод Ломоносова о том, что «Северный Сибирский океан с Атлантическим и Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами»³.

Врангель понимал, что доставил науке окончательное доказательство существования Северо-Восточного морского прохода, но, говоря об итогах своих исследований, не акцентировал на этом внимания. Это очевидно из его исторического обзора русских путешествий по северным морям. Именно на долю Врангеля выпало довершить исполнение задачи, которую ставил перед собой Шалауров, хотя Врангель прошел из Колымы в район Берингова пролива не на судне, а на собаках. Для исследователя была не столь важна доля личного участия в решении великого вопроса. Важнее было другое. Тщательно изучая сведения о трудах своих предшественников, он пришел к исключительно интересному заключению, изложенному в первых строках «Путешествия».

«Обширное пространство земного шара, заключающееся между Белым морем и Беринговым проливом, почти на 145° долготы по матерому берегу Северной Европы и Сибири открыто и описано россиянами. Все покушения мореплавателей других народов проникнуть Ледовитым морем из Европы в Китай или из Великого океана в Атлантический ограничены на запад Карским морем, на восток меридианом мыса Северного; непреодолимые препятствия, останавливавшие иностранцев в дальнейшем плавании, преодолены нашими мореходцами...»⁴.

Рассмотрев продвижение по полярным морям русских мореходов, Врангель особо подчеркнул, что «Дежневу и его отважным спутникам исключительно принадлежит честь совершения мор-

ского пути из Колымы в Северный Великий океан». Но Врангель не только защитил честь знаменитого морехода, не только доказал несостоятельность гипотезы Бурнея, но и довершил великое дело, начатое Второй Камчатской экспедицией, деятельность северных отрядов которой по описи северного побережья России он рассмотрел с исключительной подробностью в своей книге.

Экспедиция Врангеля не только окончательно доказала, что все северное побережье России омывает море. По словам К. М. Бэра и Э. Х. Ленца, в результате исполненных мужества поездок горсточки русских моряков по льдам океана был «утрачен большой материк», который неоднократно Врангель именовал «Северным материком». Выйдя на границу припая, а затем пройдя около 90 верст по дрейфующим льдам, Врангель, не боясь гнева петербургского начальства, заявил, что в расстоянии по крайней мере 300—500 верст к северу от сибирских берегов между Колымой и мысом Шелагским нет «матерой земли» и что, судя по сведениям, полученным от чукчей, обширный остров имеется в море к северу от мыса Якан. Врангель верил в его существование. Еще находясь в Нижнеколымске, он составил «Проект о новой экспедиции для открытия и описи Северной земли», черновик которого сохранился в архиве исследователя¹. По возвращении в Петербург он сообщил о своем намерении Сарычеву, но какого-либо решения не было принято, возможно, потому, что Врангель вскоре по предложению Головина получил новое ответственное поручение.

Экспедиция добыла драгоценные сведения о жителях и природе Чукотского края. Русские этнографы очень высоко ценили собранные Врангелем и Матюшкиным материалы о коренных жителях северо-востока России. Еще находясь на Колыме, участник экспедиции доктор Кибер передал для опубликования в «Сибирском вестнике» статью «Краткие замечания о лапутях, тунгусах и юкагирах», которая, как и его исследования о чукчах, высоко оценивалась этнографами.

Путешественники в своих донесениях, письмах, статьях и книгах описали хронический голод и бесправие народов северо-востока России. Многие страницы, вышедшие из-под пера Врангеля и Матюшкина, посвящены описаниям народных бедствий. «И теперь еще с содроганием представляю себе плачевную картину голода и нищеты, которой, хотя был свидетелем, описать не в силах»², — писал Врангель.

В своих трудах он неоднократно останавливается на лишениях и нужде, которую терпят жители северных окраин Сибири из-за плохой доставки жизненных припасов, включая муку, соль, чай, табак. Отправляемые с юга казенные транспорты из-за недостатка рабочих рук плыли очень медленно и часто оставались на

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 6. — М.; Л., 1952, с. 450.

² Там же, с. 449.

³ Там же, с. 450.

⁴ Врангель Ф. П. Путешествие..., ч. 1, с. 1.

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 292, л. 17.

² Врангель Ф. П. Путешествие..., ч. 1, с. 245—246.

зимовку. Тогда самые необходимые товары доставлялись сухим путем и продавались по таким высоким ценам, что «большая часть бедных жителей была не в состоянии ими запастись». Врангель предлагал организовать пароходное сообщение по сибирским рекам и тем самым обеспечить регулярную доставку жизненных припасов жителям северных окраин.

Страницы, посвященные положению народов северо-востока России, свидетельствуют об исключительном гражданском мужестве Врангеля. Путешествовавший через Сибирь А. И. Гончаров писал, что имя Врангеля, «писателя и путешественника, живо сохраняется в памяти у сибиряков, а его книгу непременно найдете в Сибири у всех образованных людей»¹.

Многие поколения географов и историков обращались к «Путешествию» Врангеля, справедливо считая этот выдающийся труд важным источником сведений о Северном Ледовитом океане, берегах и тундрах Сибири. Полярный исследователь А. Э. Норденшельд писал 25 августа 1884 г. дочери Врангеля: «Труд Вашего знаменитого отца будет всегда одним из шедевров арктической литературы, необходимой не только каждому исследователю Севера, но также и для всех серьезных исследований физики Земли»². По словам Норденшельда, он многократно обращался к трудам Врангеля и всякий раз находил там новые выводы и новые важные материалы для исследования и изучения полярных районов.

«Путешествие» Врангеля и «Прибавление» к нему сохранили и сегодня не только историческую, но и научную ценность. И ни один автор современных крупных работ по географии Северной Сибири не может не отдать дань уважения и восхищения широте, новизне и достоверности наблюдений Колымской экспедиции.

Как же развивались исследования Янской экспедиции, которая 1 октября 1820 г. прибыла в Усть-Янск? Перед ней стояла не менее сложная задача, чем перед Колымской экспедицией. В первую очередь Анжу поручалось выйти в пролив между островами Фаддеевским и Новой Сибирью и затем направить путь к северу, к «Земле, виденной Санниковым», которую необходимо было объехать и описать. Если время позволит, ему разрешалось проверить достоверность карт островов Фаддеевского и Новой Сибири. Одновременно часть отряда должна была описать берег о. Котельного до северо-западной его оконечности, а затем повернуть к северо-западу и описать о. Белковский. Летом Анжу предписывалось исследовать устье р. Яны и морской берег в сторону рек Лены и Индигирки.

18 февраля 1821 г. экспедиция покинула Усть-Янск. Достигнув южного берега о. Котельного, она разделилась на две партии. Одну из них возглавил штурман И. А. Бережных. Ему предстояло

заниматься исследованием о. Фаддеевского. Второй партией руководил Анжу, взявший на себя часть работ по описи о. Котельного. 5 апреля 1821 г. Анжу достиг 75°36' с. ш. и, прекратив опись о. Котельного, отправился на северо-запад. 7 апреля 1821 г. он достиг 76°36' с. ш. В это время путешественники находились в 70 верстах к северо-западу от о. Котельного, как раз в том самом районе, где видел землю Санников. Возможно, она существовала, но «по низкости своей нам не была видна», — писал Анжу¹. На следующий день Анжу приступил к описи северного берега о. Котельного.

12 апреля Анжу, переправившись на о. Фаддеевский, встретился с отрядом Бережных, которому удалось описать часть берегов островов Фаддеевского и Котельного. После непродолжительного отдыха экспедиция в полном составе отправилась по льду на север. Пройдя 12 верст, моряки встретили недавно образовавшийся лед. Оставив нарты, Анжу пошел пешком, но, убедившись, что лед становится все тоньше, возвратился к основной части экспедиции. Перейдя по льду пролив Благовещенский, Анжу и его спутники вышли к мысу Высокому на Новой Сибири. Но здесь неподвижный припайный лед держался лишь на небольшом расстоянии, дальше виднелось открытое море с плавающими ледяными полями. «Предполагаемой к северу земли нигде не было видно», — писал Анжу². Он возвратился на Новую Сибирь и приступил к ее картированию. Достигнув мыса Рябого на северо-восточной стороне острова и видя, что море в этом районе покрыто сплошным льдом, он отправился на поиски земли, признаки которой Санников и Геденштром видели к северо-востоку от Новой Сибири, но в 25 верстах встретил открытую воду и повернул обратно.

8 мая 1821 г. экспедиция вернулась в Усть-Янск. Здесь Анжу встретился с Санниковым, который «словесно изъяснил, что виденные им Земли видны бывают только летом и в расстоянии 90 верст, а зимой и осенью не видать»³. Анжу известил об этом Сперанского, о чем последний поставил в известность Траверсе, который через несколько дней, ссылаясь на мнение Адмиралтейств-коллегии, ответил, что дальнейшие поиски Земли Санникова бесполезны, так как этот промышленник «видел не землю, но туман, на землю похожий». Морской министр предлагал задачи экспедиции на 1822 г. ограничить описью известных островов.

Однако генерал-губернатор Сибири считал первейшей задачей работ 1822 г. поиски земель в Северном Ледовитом океане. Сперанский писал Анжу: «Несмотря на предположение, что виденная мещанином Санниковым с северной стороны Котельного острова масса не земля, а густой туман, весьма желательно разре-

¹ Гончаров А. И. Собр. соч., т. 3. — М., 1953, с. 398.

² Engelhardt L. Ferdinand von Wrangel und seine Reise. — Leipzig, 1885, S. 7.

¹ Соколов А. Опись берегов Ледовитого моря между реками Оленек и Индигирка и Северных островов лейтенанта Анжу, 1821, 22 и 23 гг. — Зап. Гидрограф. департ., 1849, ч. 7, с. 138.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 663, л. 349.

³ Там же, ф. 215, оп. 1, д. 781, л. 96.

шить сей предмет с точностью: в том токмо и могут состоять новые открытия в обозреваемой вами части Ледовитого моря, а потому и надлежит не оставлять сего предприятия без крайних и непреодолимых препятствий»¹.

28 февраля 1822 г. Анжу, Бережных и Фигурин покинули Усть-Янск и описали Большой и Малый Ляховские острова. Находясь вблизи мыса Бережных на о. Фаддеевском, Анжу заметил к северо-западу от него синеву, очень похожую на отдаленную землю, к которой вели олени следы. Утром следующего дня отряд направился на север. Но, пройдя 15 верст, на месте земли Анжу в подзорную трубу различил нагромождения льдов. Путешественники повернули на запад. Вскоре они увидели остров, длина его по самой большой, северной стороне составляла около 4 верст. Ему присвоили имя врача экспедиции, исследователя-натуралиста Фигурина².

Анжу предпринял несколько «покушений к отысканию Северной Земли» к северу от о. Котельного, но всякий раз встречал открытое море. В конце марта — начале апреля экспедиция занималась обследованием западного и южного берегов о. Фаддеевского. Затем Анжу совершил еще одну поездку по льду для поисков земли, которую Санников и Геденштром видели на северо-востоке от этого острова. Проехав 60 миль, он вынужден был остановиться из-за тонкого льда, потом повернул на юг и 27 апреля достиг берегов Сибири. В Походске он встретился с Врангелем. Затем они перебрались в Нижнеколымск, откуда отправили донесения Сперанскому, который переслал их начальнику Морского штаба А. В. Моллеру.

Летом 1822 г. Бережных и Ильин описали побережья Северного Ледовитого океана от Яны до р. Оленек, обследовали бухту Тикси и устье Лены, а осенью продолжали опись Лены до Жиганска и нанесли на карту устье Индигирки. 10 февраля 1823 г. Анжу в сопровождении Фигурина направился на север. Примерно в 140 верстах от берега он встретил очень тонкий лед и повернул на восток. Со 2 по 4 марта Анжу занимался описью островов Васильевского и Семеновского³. 5 марта он направился к северу по морскому льду, но признаков Земли Санникова не обнаружил. 14 марта он приступил к исследованию о. Белковского. В конце марта экспедиция возвратилась в Усть-Янск.

Янская экспедиция достоверно положила на карту северное побережье Азии от р. Оленек до р. Индигирки, обследовала на значительном протяжении р. Лену, произвела опись островов Фигурина, Семеновского, Васильевского, Белковского, Котельного, Фаддеевского, Большого и Малого Ляховских, а также Новой

¹ Вагин В. Исторические сведения..., т. 2, с. 179.

² Остров Фигурина, сложенный песчано-глинистыми породами и ископаемыми льдами, постепенно разрушался и в настоящее время поглощен морем.

³ Острова Семеновский и Васильевский, состоящие из ископаемого льда, прикрытого сверху слоем почвы, постепенно разрушались и недавно были совсем поглощены морем.

Сибири и Земли Бунге. Моряки предприняли исключительные по своей смелости и трудности санные поездки по льду для поисков северных земель (или земель Санникова) к северу от Новосибирских островов. Во время этих поездок Анжу выяснил границу наибольшего распространения припая, установил, что за неподвижным льдом находится полынья, и «выявил переменное течение моря, которое признал за прилив и отлив»¹. Это был новый и чрезвычайно важный вывод, свидетельствовавший о том, что море к северу от Новосибирских островов ничем не ограничено. Именно в отсутствие приливов и отливов вблизи Колымы Сарычев видел одно из доказательств существования на севере «матерой земли».

Фигурин дал описание берега Северного Ледовитого океана на пространстве между устьями р. Оленек и р. Индигирки. Он отмечал, что «горы, лежащие по западную сторону Лены, изобилуют железняком, каменным углем, кварцем и частью гипсом»², что впоследствии подтвердили открытия крупных месторождений полезных ископаемых. Один из разделов «Замечаний» был посвящен «климату и погоде», к нему были приложены материалы метеорологических наблюдений, выполненных экспедицией в Усть-Янске. Эти данные сохраняют до сих пор большую научную ценность. Они чрезвычайно необходимы современным климатологам для познания изменений климата за минувшие 150 лет.

В 1825 г. Адмиралтейским департаментом была опубликована карта северных полярных стран — от полюса до 60° с. ш. — «с положением вновь описанных земель российскими морскими офицерами Литке, Врангелем, Анжу, Васильевым, Коцебу, Хромченко, Ивановым»³. Земли Санникова на них отсутствовали. Это отнюдь не означало, что Анжу категорически отверг существование загадочных островов. Он не видел ни северной «матерой земли», ни одной из трех земель Санникова, не нашел их признаков, хотя дважды ему казалось, что он обнаружил эти острова. Однако потом выяснилось, что он принимал за них исполинские нагромождения льдов.

Исследования Анжу, как и исследования Ф. П. Врангеля, не получили справедливой оценки со стороны Морского министерства. По мнению Адмиралтейского департамента, Янская экспедиция не выполнила главной задачи, а именно: не имела успеха в поисках северных земель. Однако выдающиеся ученые, и в их числе Гумбольдт, видели в «знаменитых работах капитанов Врангеля и Анжу»⁴ выдающиеся достижения в изучении земного магнетизма, климата, полярных сияний, льдов, морских вод, расти-

¹ Врангель Ф. П. Прибавление к путешествию..., с. 12.

² Фигурин А. Е. Замечания медико-хирурга Фигурина о разных предметах естественной истории и физики, учиненные в Усть-Янске и окрестностях оного в 1822 г. — Сибирский вестник, 1823, ч. 4, с. 191.

³ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 805, л. 1.

⁴ Речь Александра Гумбольдта в Академии наук. — В кн.: Рыкачев М. А. Исторический очерк ГФО..., с. 26.

тельного и животного мира. Они составляли одно из блестящих событий в истории науки.

Прежде чем Колымская и Янская экспедиции возвратились в Петербург, был поднят вопрос о посылке новой экспедиции на Чукотку. Да и сам Врангель еще в мае 1823 г. писал Литке, что им «составлен план, кажется небезосновательный, по которому открытие и опись Земли привести в исполнение...»¹. Однако ни Врангель, ни Батеньков, которому предполагали поручить продолжение исследований Колымской экспедиции, не были посланы на Чукотку. Известно, что в начале 1828 г. Сарычев сделал представление Адмиралтейств-совету о снаряжении экспедиции для отыскания земли, «видимой к северу от мыса Якан». Морское министерство направило письмо генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Ловинскому, в котором просило поручить якутским и колымским властям собрать от чукчей сведения о «незнаемой земле»². Расспросами жителей Чукотки занимались колымский окружной исправник Тарабукин и священник Трифонов. Показания о «незнаемой земле» в общей сложности давали семеро чукчей. Все они единодушно заявили, что им достоверно известно о существовании земли к северу от мыса Якан³. Расспросы чукчей были присланы в Петербург в июне 1829 г. Они не были серьезно проанализированы в Управлении генерал-гидрографа, а в 1832 г. дело о проекте Сарычева, которого уже не было в живых, закрыли. В 1867 г. американец Лонг открыл остров к северу от Чукотки и назвал его именем Врангеля.

Гипотеза о существовании «матерой земли» еще долго привлекала внимание ученых. Она была предметом обсуждения на Международном полярном конгрессе, состоявшемся в 1906 г. в Брюсселе и окончательно была похоронена в конце двадцатых годов нашего века. Как показал акад. А. П. Окладников, предания о гипотетических землях оказали весьма существенное влияние «на географические исследования в Арктике, в глубине арктических морей»⁴.

Логическую связь с исследованиями Геденштрома, Врангеля, Васильева имеют экспедиции Российско-Американской компании в северные районы Америки.

Исследования в Беринговом проливе и Русской Америке

В 1818—1822 гг. Российско-Американская компания при финансовой поддержке Н. П. Румянцева предприняла несколько экспедиций в район Берингова пролива. Посылка их вызывалась

как неотложностью решения важных задач изучения Американского Севера, так и необходимостью расширения промысловой деятельности компании и установления торговых отношений с жителями глубинных районов Русской Америки. Не меньшее значение имели соображения политического характера. По утверждению С. Г. Федоровой, начиная с 1819 г. отчетливо выступает «тенденция к перебазированию на север» русских поселений, обусловленная «нарастанием англо-американской экспансии»¹. В свою очередь И. Н. Болховитинов, соглашаясь в главном с этим тезисом, связывает меры «по укреплению северного тыла» с иностранной конкуренцией в более южных районах². Положения эти справедливы, хотя и нуждаются в некоторых уточнениях. Вопрос о распространении деятельности компании на район Берингова пролива был поставлен Н. П. Румянцевым еще в 1805 г. (в письме к Н. П. Резанову) и, следовательно, имеет непосредственную связь с первым русским кругосветным плаванием³.

Начало исследованию района Берингова пролива было положено экспедицией на бриге «Рюрик». Об открытиях Коцебу компания в том же 1816 г. получила исчерпывающую информацию во время пребывания судна на о. Уналашке. Вслед за тем Румянцев вручил управляющему Русской Америкой Л. А. Гагемейстеру некоторую сумму денег для поощрения промышленников, которые будут проникать в новые неисследованные районы⁴; именно на эти деньги были снаряжены экспедиции 1818—1819 гг. В том же 1818 г. в Морское министерство поступила записка о реке, текущей из озера Илямна на север, которую предлагалось использовать «для прохода в Северный океан и исследования стран, лежащих близ самого полюса»⁵. На записке И. И. де Траверсе сделал пометку о том, что эту задачу следует поставить перед экспедицией, отправляемой в 1819 г. в Берингов пролив. Как отмечалось, М. Н. Васильеву действительно было поручено исследовать район, указанный в записке, хотя в этом районе действовали экспедиции Российско-Американской компании. Не менее существенно, что государственный канцлер рассматривал их как подготовку к открытиям на севере и к дальнейшим поискам Северо-Западного прохода⁶.

В 1818 г. Российско-Американской компанией была снаряжена экспедиция, в которой участвовали Ф. Колмаков, П. Корсаковский, А. Климовский, два русских промышленника и 20 местных жителей. 18 апреля путешественники покинули Павловскую

¹ Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. — М., 1971, с. 126. (Далее: Федорова С. Г. Русское население Аляски...).

² Болховитинов И. Н. Русско-американские отношения. 1815—1832. — М., 1975, с. 144.

³ Документы о политике России на Дальнем Востоке в начале XIX в. — Исторический архив, 1962, № 6, с. 97.

⁴ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 13.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 344, л. 180.

⁶ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 115.

¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 69—70.

² ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 89, л. 2.

³ Более подробно см.: Пасецкий В. М. Неосуществленные проекты Врангеля и Сарычева. — Проблемы Арктики и Антарктики, 1966, вып. 22.

⁴ Окладников А. П. Земля бородатых. — Труды Ин-та русской лит. АН СССР, 1958, т. 24, с. 517. Более подробно в книге: Пасецкий В. М. Фердинанд Петрович Врангель. — М., 1975.

Гавань на о. Кадьяк, а 14 июня после долгого и трудного пути достигли р. Кумаган. Затем экспедиция, используя небольшие реки и озера, а порой неся на руках свои байдары и байдарки, пересекла часть материка и снова вышла к морю. По словам Корсаковского, переход был очень трудным, но все невзгоды искупались знакомством с краем, изобилующим всевозможными богатствами.

26 июня экспедиция открыла шесть небольших островов, а на следующий день достигла устья р. Тузгьяк, вытекающей из озера. Путешественники поднялись вверх по реке на 15 миль, где повстречали индейцев, которые рассказали, что по ее берегам нет туземных жилищ.

17 июля плавание возобновилось. В этот день был открыт остров, имевший в окружности 30 миль и названный именем Гагемейстера, русского кругосветного мореплавателя, управлявшего в 1818 г. Русской Америкой. Не доходя 40 миль до р. Нушагак, путешественники встретили посыльного от Гагемейстера. В привезенном пакете находился приказ экспедиции разделиться на две части. Колмаков должен был выяснить возможность постройки редута в устье р. Нушагак, а Корсаковскому поручалось направиться через оз. Илямна к двум «большим рекам» и собрать сведения о «бородатых людях», являющихся потомками тех казаков, чьи кочи были разлучены с судном Дежнева и, вероятно, отнесены к берегам Америки. «Надежды мои возобновились, — записал 23 июля Корсаковский в журнале, — я горел желанием ехать скорее и увериться в истине предписанного. Я склонил 7 человек аглемютцев подарками проводить меня до ближайшего народа, который мы надеялись встретить при озере»¹.

26 июля погрузили в байдары припасы и подарки и снова двинулись к северу. В тот же день вошли в реку, русло которой достигало 2 миль в ширину и которая вытекала из оз. Илямна. 4 августа, переплыв оз. Илямна, путешественники достигли зимки Е. Родионова. Оставив у него на хранение значительную часть груза и взяв лишь легкие товары, через 3 дня отряд выступил в поход. Корсаковского сопровождало 24 человека, в том числе два переводчика.

16 августа пришли в летнее жилище кенайских индейцев на р. Нушагак. Послав несколько групп на обследование районов, лежащих к северу и востоку, Корсаковский занялся заготовкой оленьего мяса и ловлей рыбы. Как только все отряды собрались вместе, Корсаковский вышел в обратный путь к оз. Илямна. 8 сентября добрались до того места, где были оставлены байдарки и спустились к озеру. После непродолжительного отдыха на займке промышленника Родионова снова двинулись в путь и через не-

сколько дней вышли к морю. 4 октября экспедиция возвратилась в Павловскую Гавань.

Получив впоследствии журнал Корсаковского, Румянцев обратился к Крузенштерну с просьбой подготовить статью об исследованиях, которые были проведены промышленниками в Северной Америке. Одновременно он советовался, не стоит ли эти новые сведения переслать в Париж и в Лондон для опубликования их в европейской печати. Но 17 апреля 1820 г. Румянцев уже просил Крузенштерна «ни под каким видом этого не делать» до тех пор, пока он не напечатает свою статью в российских журналах. «Не поставьте мне в вину такую скорую перемену в моем домогательстве, — писал Румянцев, — оно вынуждено упорным настоянием Американской компании и г. Гагемейстера. Сей достойный человек, коего я люблю и уважаю, очень пугается неудовольствием самого правительства и компании американской, которое родиться может от внезапного появления в иностранных государствах таковых известий»¹. Этот факт также свидетельствует о том, что исследованиям в Русской Америке придавалось большое государственное значение и что русское правительство стремилось не допустить утечки информации об этих исследованиях за границу.

В 1819 г. исследования были распространены дальше на север. Сухопутная экспедиция, как установила С. Г. Федорова, была поручена П. Корсаковскому. В ней участвовало 24 человека, в том числе А. Устюгов, составивший карту р. Нушагак. Экспедиция исследовала берега залива Добрых Вестей и описала южный рукав р. Квихпак (Юкон), а также значительную часть северо-западного побережья Америки между Бристольским заливом и заливом Нортон². В 1820 г. изучение Русской Америки было продолжено. Управляющий Америкой С. И. Яновский, сменивший Гагемейстера, отправил 25 мая из Ново-Архангельска бриг «Головнин» под командой Бенжамена (Бенземана). Обойдя мыс Невенгам, путешественники пытались войти в устье р. Кускоквим, однако непрерывные «крепкие ветры и пасмурные погоды» препятствовали кораблю приблизиться к берегу. «Наконец, — писал Яновский Румянцеву, — после сильного шторма, имея повреждение в такелаже, принуждены были оставить сего году предприятие и спустились для исправления на Уналашку, а от толь сюда, не сделав почти никаких вновь открытий, кроме того, что проверили и утвердили берега Бристольской бухты, описанные еще в прошедшем 1819 году. Сие неудачное покушение, кажется, не должно остановить неоконченным сего полезного предприятия»³.

М. И. Муравьев, новый управляющий Русской Америкой, выполняя указание Главного правления Российско-Американской компании, принял решение послать два судна в Берингов пролив

¹ РОГБ им. В. И. Ленина, ф. 256, д. 487, л. 34. Дневник П. Корсаковского был впервые обнаружен М. Б. Черненко и Г. А. Агранатом, которые использовали его во вступительной статье к книге «Путешествия исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина» (М., 1956, с. 16).

¹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, д. 93.

² Федорова С. Г. Русское население Аляски ..., с. 71—72.

³ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 188, л. 1—2.

под командованием В. С. Хромченко, участника экспедиции на «Рюрике», и А. К. Этолина. Экспедиция должна была осмотреть устье р. Кускохан, исследовать берега залива Нортон и выяснить, не соединяется ли он с заливом Коцебу. Одновременно ей поручалось везде «иметь сообщение и торговлю с жителями» и собирать сведения о народах и природных богатствах, в чем была чрезвычайно заинтересована Российско-Американская компания.

Бриг «Головнин» под начальством мичмана Хромченко и куттер «Баранов», которым командовал Этолин, покинули Ново-Архангельск в мае 1821 г. Хромченко, следуя в залив Добрых Вестей, по пути встретил о. Нунивак, о существовании которого ему было известно из журналов сухопутных экспедиций. Он был намерен исследовать этот остров, но помешал густой туман. Решив осмотреть остров на обратном пути, Хромченко продолжал плавание. Вскоре он встретил шлюп «Открытие». От его капитана Васильева он узнал, что мореплаватели видели тот же самый остров, притом тремя днями раньше. Достигнув залива Нортон, Хромченко значительное время посвятил изучению местных поселений. Здесь он открыл бухту Головнина (Тачик). На обратном пути Хромченко описал часть берегов о. Нунивак.

В то же время Этолин с куттера «Баранов» описал устье р. Нушагак, которое было осмотрено сухопутными экспедициями 1818 и 1819 гг. Наибольшее внимание он уделил исследованию устья р. Кускоквим. Описав часть нижнего течения этой реки и собрав от местных жителей сведения об о. Нунивак, Этолин вышел в море и направился в залив Нортон для встречи с Хромченко, но брига «Головнин» там не нашел. На обратном пути он обследовал мыс Румянцева. Осенью «Баранов» вернулся в Ново-Архангельск.

В 1822 г. в журнале «Сын Отечества» было опубликовано первое сообщение об исследованиях Хромченко и Этолина. В нем отмечалось, что выполненные описи и собранные сведения «подают надежду, что уже недалеко то время, когда можно будет иметь полное понятие о всех берегах Северо-Западной Америки и об островах к ним прилежащих»¹.

Заслуга экспедиции Хромченко — Этолина состояла не только в том, что она обогатила географическую науку новыми сведениями о малоизученных или совсем неизвестных северо-западных районах Русской Америки; она, по словам Хромченко, «положила начало торговым отношениям» с индейцами, что впоследствии принесло значительные доходы Российско-Американской компании².

Весной 1822 г. Хромченко и Этолин вышли в новое плавание. Управляющий Русской Америки Муравьев на этот раз поручил им окончательно завершить опись побережья от мыса Ванкувер до о. Стюарт. Кроме того, предполагалось осмотреть пространство

к северу от о. Стюарт. В числе вероятных объектов исследования была названа бухта Шишмарева, лежащая по соседству с заливом Коцебу, и берег Америки за ней. Иными словами, конечной целью экспедиции являлся выход в Северный Ледовитый океан и ее возможное участие в поисках морского пути из Тихого океана в Атлантический вдоль северных берегов Русской Америки.

Так, по крайней мере, рассматривал эти исследования Румянцев. Он писал 21 января 1822 г. Крузенштерну: «Мне чрезвычайно хочется сделать препоручение г. Хромченку подойти ближе к северу, нежели сам остров Лаврентия, а когда найдет море, затертое льдом, чтобы он из среднего такого пункта снарядил три партии, которые шли бы на лыжах и на собаках»¹. Одна из этих партий должна была следовать прямо к северу до открытого моря, вторая — направиться к самой северной оконечности Америки, а третья — следовать параллельно Чукотскому полуострову на запад, в район Колымы. Такая экспедиция, по мысли Румянцева, принесла бы «большую пользу географии и решила задачу, точно ли Азия от Америки отделена совершенным проливом». В действительности, как видно из инструкции Муравьева, задачи перед экспедицией были поставлены гораздо более скромные, чем те, которые намечал Румянцев.

В распоряжении Хромченко на этот раз был предоставлен только бриг «Головнин», который 26 апреля 1822 г. покинул Ново-Архангельск. Экспедиция занялась поисками земли, которую в ясную погоду иногда видели промышленники островов Прибылова. Обследовав море на пространстве 60 миль к юго-западу от островов Прибылова, Хромченко пришел к твердому убеждению, что в юго-западном направлении «нет никакой земли». Что касается земли, которую иногда видели на востоке от тех же островов, то, обследовав этот район, он заключил, что промышленники, «кажется, видели не что иное, как туман, который в здешних местах и самым искуснейшим мореплавателям представлялся островами»².

29 июня экспедиция достигла мыса Румянцева и приступила к описи берегов Русской Америки. 2 июля она подошла к о. Стюарт, с жителями которого путешественники познакомились несколько дней, одновременно занимаясь торговлей. Во время стоянки Этолин на байдарках обследовал пролив между островом и материком, а Корсаковский, по приказанию Хромченко, посетил сел. Таук, где насчитал около 40 «юрт», в которых проживало около 200 человек. 5 июля «Головнин» направился к мысу Дарби. У местных жителей Хромченко собрал сведения о сообщении между заливами Головнина и Шишмарева.

После описи американских берегов Берингова пролива Румянцев предполагал направить Хромченко и Этолина на исследование Северо-Западного прохода. Но прежде чем остановиться на

¹ Новейшие географические открытия россияни. — Сын Отечества, 1822, ч. 18, с. 73.

² ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 667, л. 7.

¹ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 122.

² Отрывок из журнала плавания г. Хромченко в 1822 г. — Северный архив, 1824, № 10, с. 274.

подготовке этого научного предприятия, отметим, что судьба научного наследства Хромченко сложилась весьма драматично. Занятый дальними путешествиями на судах Росийско-Американской компании, он только спустя 13 лет сумел закончить «Описание двухкратного путешествия к северо-западным берегам Америки и в Берингов пролив». Оно, как установила С. Г. Федорова, не было опубликовано Морским министерством¹.

Рассматривая русские полярные исследования начала двадцатых годов XIX в., необходимо отметить, что они развивались в своеобразной обстановке. Экспедиции Гёденштрома и Коцебу дали мощный импульс арктическим путешествиям не только в России, но и в Англии. Стало очевидным, что поиски Северо-Западного морского прохода, считавшиеся чисто английской географической проблемой, привлекают серьезное внимание России. Как отмечалось, в 1818 г. Британское адмиралтейство направило две экспедиции в Северный Ледовитый океан. Одна из них начала поиски Северо-Западного прохода со стороны Баффинова моря и прошла некоторое расстояние проливом Ланкастер. Она приняла его за залив, так как в отдалении его пересекала земля, которую начальник экспедиции Дж. Росс назвал горами Крокера.

Вторая экспедиция под начальством Бухана (Бьюкенена) на судах «Доротея» и «Трент» направилась к Берингову проливу тем самым путем, которым в шестидесятых годах XVIII в. пыталась проникнуть экспедиция В. Я. Чичагова. При этом англичане базировались на неосновательной гипотезе Барроу, что Северный полюс окружен свободным от льдов «Полярным бассейном» и стоит преодолеть ледяной пояс, как корабли пойдут беспрепятственно из Атлантического океана в Тихий. Но к северу от о. Шпицберген Бьюкенена остановили льды точно так же, как они некогда остановили русские корабли.

В марте 1819 г. английский парламент утвердил четыре премии за исследование как отдельных участков, так и всего Северо-Западного прохода². В общей сложности на поощрение английских мореплавателей парламент ассигновал сумму 50 тыс. фунтов стерлингов. Это было вызвано ненадежностью стратегического положения Канады вследствие сильной разбросанности многочисленных английских факторий. Англия стремилась не допустить выхода русского флота к северным берегам Америки и расширить свои территориальные владения на этом континенте, так как именно в это время появились сведения о возможных месторождениях золота на севере Канады и на Аляске³.

В 1819 г. экспедиция под начальством Э. Парри на судах «Грайпер» и «Гекла» прошла проливом Ланкастер к о. Мелвилл,

¹ Федорова С. Г. Русское население Аляски..., с. 74.

² См. Берх В. Н. Подробное известие о путешествии капитана Парри в 1819 г. для открытия Северо-Западного прохода. — Северный архив, 1822, ч. 3, с. 65.

³ Kirwan L. P. The white road. A survey of polar exploration. — London, 1959, p. 76.

где перезимовала и осенью 1820 г. возвратилась в Англию. Русский посланник в Лондоне Ливен открытиям Парри посвятил два донесения, отправленных 22 и 26 октября 1820 г. на имя статс-секретаря графа Каподистрии. Последний отправил их морскому министру Траверсе. 15 мая 1821 г. Ливен прислал Траверсе два экземпляра только что вышедшего «Путешествия» Парри¹.

В 1821 г. Дж. Франклин по р. Коппермайн вышел на север, имея задачу достигнуть р. Маккензи, но смог доплыть лишь до залива Батерст. Одновременно Э. Парри отправился исследовать Канадский арктический архипелаг. Он открыл проливы Фьюри-энд-Хекла, доказав тем самым, что Баффинова Земля является островом, а не частью американского материка². Из-за начавшейся цинги осенью 1822 г. Парри возвратился в Лондон. Ливен сообщал в Петербург, что «хотя исход экспедиции был в малой степени удовлетворительным, британское правительство далеко от того, чтобы отказаться от разрешения этой проблемы»³. И действительно, в 1824—1825 гг. Парри предпринял третью попытку пройти Северо-Западным проходом. Ему удалось исследовать восточное побережье о. Сомерсет. Но льды не пропустили его корабли дальше к северу. В том же 1825 г. Англия отправила Франклина в Арктику с заданием осмотреть северные берега Америки от р. Маккензи до Берингова пролива. Одновременно со стороны Тихого океана была послана экспедиция на бриге «Блоссом» под командованием Бичи, которая должна была встретить Франклина в заливе Коцебу.

Энергичная деятельность Англии по поискам Северо-Западного прохода и исследованию северных берегов Америки вызывала глубокое беспокойство прогрессивной общественности России⁴.

Через несколько месяцев после возвращения в Кронштадт кораблей Северного отряда Васильева, а именно в конце 1822 г. — начале 1823 г., в Морское министерство поступило несколько проектов (В. П. Романова, А. С. Лескова, И. Ф. Крузенштерна), в которых выдвигались различные варианты поисков Северо-Западного прохода и изучения севера Русской Америки⁵.

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2569, л. 4.

² Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. — М., 1962, с. 347.

³ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 223, л. 131. В письмах Х. А. Ливена И. Ф. Крузенштерну, относящихся к 1814—1824 гг., содержится обширная информация об английских экспедициях, о планах британского правительства в области полярных исследований, сведения о новых картах, книгах по морскому делу и технических нововведениях в английском флоте (ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 223, л. 116—136).

⁴ Англо-русское соперничество в исследованиях Арктики напоминало «холодную войну» между Англией и Францией в третьей четверти XVIII в. за земли в южных частях Мирового океана (см. Свет Я. М. Вступительная статья. — В кн.: Второе кругосветное плавание капитана Джеймса Кука. — М., 1964, с. 6).

⁵ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2596, л. 3—6. Подробнее в работе: Пасекий В. М. Русские проекты поисков Северо-Западного прохода. — В кн.: От Аляски до Огненной Земли. — М., 1967.

Однако в это время царское правительство направляет усилия на охрану русских владений на севере Тихого океана. После завершения Первой русской кругосветной экспедиции проблема укрепления обороноспособности русских поселений на севере Тихого океана неоднократно обсуждалась в правительственных сферах. За два месяца до начала Отечественной войны 1812 г. было решено преобразовать гражданское и военное управление на Камчатке и в прилегающих к ней районах. Предполагалось посылать раз в два года морской транспорт в сопровождении военного фрегата для доставки «нужных потребностей» и для обозрения живущих в Америке «подвластных России народов и донесения правительству о состоянии сих народов и всех вообще американских заселений». Считалось желательным, чтобы офицеры военного судна не только совершенствовали свое морское искусство, но и приводили «в большее совершенство морские карты отдаленных тамошних мест» и в благоприятных случаях занимались открытием новых островов¹.

В 1813 г., когда еще на полях Европы продолжалась война с Наполеоном, для защиты интересов России на севере Американского континента был отправлен М. П. Лазарев на шлюпе «Суворов». В 1817 г. с той же целью, но с более широкими задачами вышел в плавание на шлюпе «Камчатка» Головин. Доставленные им сведения о наносимом иностранцами ущербе, ускорили решение вопроса о более действенном и постоянном «прикрытии» владений Российско-Американской компании. 9 ноября 1820 г. министр финансов Гурьев сообщал Траверсе, что правительство в целях пресечения контрабандной торговли предполагает запретить иностранным кораблям приставать к северо-восточным берегам Азиатской России и к русским владениям в Америке. Всякое судно, которое нарушит этот запрет, будет задерживаться крейсерами русского военного флота, о чем «будет объявлено всем морским державам».

Общее присутствие Адмиралтейств-коллегии согласилось с тем, что охрана, «конечно, необходима». Решено было послать в 1821 г. два судна, а затем направлять по одному, «учредя посылку таким образом, чтобы одно сменяло другое, и два шлюпа непрерывно находились в колониях»².

28 сентября 1821 г. шлюп «Аполлон» и бриг «Аякс» покинули Кронштадтский рейд. Задачи этой экспедиции были чисто политические, и в ее состав не вошел ни один ученый. В Северном море корабли попали в жестокий шторм. «Аякс» был выброшен на мель, а «Аполлон» продолжал плавание к берегам Русской Америки. В следующем году на смену ему вышли суда «Крейсер» и «Ладоба». Они должны были обеспечить охрану русских владений на севере Тихого океана. Согласно указу от 4 сентября 1821 г. иностранным судам запрещалось в этом районе не только приста-

вать к русским берегам, но и подходить ближе чем на 100 миль. Всякий корабль, нарушивший этот запрет, подвергался конфискации.

13 сентября 1821 г. Российско-Американская компания вновь получила привилегии на 20 лет. Она в полной мере оправдала ожидания царского правительства, «распространяя успехи мореплавания, расширяя общепользную торговлю империи». Но границы русских владений на севере опять не были обозначены. Компании разрешалось пользоваться звериными и рыболовными промыслами на берегах за Беринговым проливом и «делать новые открытия вне пределов выше сего означенных и сии вновь открываемые места, если оные никакими другими европейскими нациями или подданными Американских Соединенных Штатов не заняты, позволяется занимать в Российское владение»¹.

Такая неопределенность границ русских владений на севере Америки была, возможно, обусловлена тем обстоятельством, что вопрос о положении самих берегов был еще не ясен. В 1821 г. еще не были опровергнуты гипотезы о существовании Северного материка и перешейка между Азией и Америкой, никто не знал направления северных берегов Америки за Ледяным мысом. Русское правительство ждало, что экспедиции, отправленные им в Берингов пролив и на северо-восток Сибири, внесут ясность в эти полярные проблемы.

Указ от 4 сентября 1821 г. об ограничении плавания иностранных судов у берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки, Курильских и Алеутских островов встретил резкую отрицательную реакцию в США и Англии, поэтому в 1823 г. русское правительство приняло предложение США о заключении конвенции касательно границ².

Переговоры начались в Петербурге в 1823 г. и закончились подписанием конвенции сначала с США, а затем с Англией, согласно которой была установлена граница между Россией и Англией не только на побережье Тихого океана, но и на севере и внутри Американского континента. В конвенции отмечалось: «Меридиональная линия 141 градуса составит в своем продолжении до Ледовитого моря границу между российскими и великобританскими владениями на твердой земле Северо-Западной Америки»³.

При установлении границ, как отметил Н. Н. Болховитинов, Министерство иностранных дел России исходило из предположения, что в тех местах земля почти бесплодна⁴. Наиболее дальновидные деятели России (Н. С. Мордвинов, К. Ф. Рылеев, Д. И.

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, л. 65.

² Там же, л. 66.

¹ Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. С приложением документов. Ч. 1. Приложения. — СПб., 1861, с. 41. (Далее: Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании...).

² Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро. М., 1959, с. 193.

³ Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании... ч. 1, с. 64—65.

⁴ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения..., с. 276.

Завалишин), наоборот, придавали важное значение Русской Америке.

Следует особо остановиться на том, что наиболее радикальные военно-морские круги Петербурга с самого начала организации крейсерства вдоль берегов Восточной Сибири и Русской Америки были озабочены тем, что плавания судов в северной части Тихого океана могут оказаться малополезными для науки. В 1823 г. Головнин, Крузенштерн и Сарычев предложили включить в проект инструкции для шлюпа «Предприятие» пункт, согласно которому руководителю экспедиции Коцебу разрешалось бы следовать в Берингов пролив для научных исследований, если не будет этому препятствовать состояние дел в Русской Америке. По прибытии на Камчатку Коцебу должен был осмотреть купленную в Маниле шхуну «Св. Николай», и если она окажется удобной к плаванию в полярных водах, то укомплектовать ее экипаж и отправить судно «с нужным наставлением к Северу для исследований по ученой части».

Крузенштерну было поручено выбрать ученых и подготовить инструкцию, черновик которой сохранился в деле о плавании шлюпа «Предприятие»¹. Коцебу предлагалось после выгрузки материалов в Петропавловском порту без промедления направить корабль в Берингов пролив. При этом подчеркивалось, что он не должен терять времени на исследование Анадырского и Алеутского заливов. Если в пределах Берингова пролива экспедиция не встретит английского капитана Парри, то должна вновь попытаться обойти мыс Ледяной и «пробраться к востоку, однако же не далее устья реки Маккензи»².

Строгое определение границ предполагаемого плавания вдоль северных берегов Америки, вероятно, диктовалось стремлением не вызвать слишком болезненной реакции английского правительства, тем более что Российско-Американская компания считала, как отметил Н. Н. Болховитинов, что за границу на Севере должна быть принята долгота «оставляющая р. Маккензи за пределами русских владений»³.

По поручению Адмиралтейского департамента Крузенштерн выбрал ученых для предстоящей экспедиции: И. И. Эшшольца, Э. Х. Ленца, Э. К. Гофмана, В. Прейса. Экспедиция была великолепно оснащена приборами и инструментами для научных исследований⁴. Однако в середине 1823 г. задачи экспедиции на шлюпе «Предприятие» были изменены.

Главной целью плавания 25 июля 1823 г. было объявлено крейсерство у северо-западных берегов Америки. Научные исследова-

ния разрешалось вести только на переходе из Кронштадта на Камчатку и на обратном пути¹. Плавание на север было отменено. Таким образом, и эта попытка продолжить исследование Северного прохода и опись северных берегов Русской Америки потерпела неудачу.

Узнав, что царское правительство изменило цели экспедиции на шлюпе «Предприятие», Крузенштерн убедил Румянцева снарядить на собственные средства экспедицию для описи северного побережья Америки между Беринговым проливом и р. Маккензи. Румянцев ассигновал 20 тыс. рублей. Кроме того, 10 тыс. рублей под его давлением согласилось выделить Главное правление Российско-Американской компании. Предполагалось, что командир шлюпа «Кроткий» Ф. П. Врангель доставит инструменты и грузы для экспедиции в Русскую Америку, но к моменту его отплытия инструменты еще не были готовы. Румянцев решил не спешить, чтобы подготовиться возможно тщательнее к предстоящим исследованиям². Однако эта полностью подготовленная экспедиция не состоялась из-за смерти Н. П. Румянцева.

Вместе с тем Морским министерством сразу же после заключения Русско-Американской и Русско-Английской конвенций начато было снаряжение секретной экспедиции на север от Берингова пролива (Как отмечалось, начальником предполагалось назначить К. П. Торсона).

«Дело об отправлении военных транспортов «Моллера» и «Сенявина» к колониям Российско-Американской компании...» открыта 23 сентября 1825 г. представлением Сарычева на имя Моллера о том, что Главное правление Российско-Американской компании просит Адмиралтейский департамент рассмотреть вопрос о назначении «особой экспедиции» для описи берегов Русской Америки. Снаряжение такой экспедиции, по мнению директоров компании, необходимо тем более, что «ныне конвенциями с Великобританским и Вашингтонским кабинетами определены границы владений наших в тамошнем крае»³. Адмиралтейский департамент выражал согласие с мнением Главного правления о необходимости отправки «особой экспедиции». Ее задачей должна быть опись берегов и островов на северо-западе Америки, а также «восточного берега Азии от Петропавловской гавани до Берингова пролива»⁴.

23 февраля 1826 г. командирами судов по рекомендации В. М. Головина были назначены Ф. П. Литке (шлюп «Сенявин») и М. Н. Станюкович (шлюп «Моллер»). Главной целью экспедиции, которую возглавлял Станюкович, была объявлена доставка различных грузов на Камчатку и в Русскую Америку. О несении

¹ Коцебу О. Е. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению Александра I на военном шлюпе «Предприятие» в 1823, 1825 и 1826 годах под начальством флота капитан-лейтенанта Коцебу. — СПб., 1828, с. 5.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 672, л. 73.

³ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения..., с. 259.

⁴ Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. — М., 1959, с. 21.

¹ Записки Гос. Адмиралт. департ., ч. 6. — СПб., 1824, с. 11.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 312, л. 1—12 и др. Подробно подготовка этой экспедиции рассмотрена в книге: Пасецкий В. М. Иван Федорович Крузенштерн. — М., 1974, с. 140—144.

³ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 688, л. 1.

⁴ Там же, л. 6.

крейсерской службы на севере Тихого океана в инструкции уже не упоминалось.

Бывшая секретная экспедиция утратила свои прежние цели¹, но один из ее отрядов, находившийся на шлюпе «Сенявин», должен был заняться описью северо-восточного побережья России. Себе в спутники при содействии Крузенштерна командир шлюпа Ф. П. Литке взял Н. И. Завалишина. Он добивался также, чтобы назначили Александра Литке, но ему отказали «под предлогом, что он замешан был вместе с экипажем в историю 14 декабря»². В составе экипажа «Сенявина» находились натуралист Мертенс и минералог Постельс³. Этому отряду поручалось описание восточных и юго-восточных берегов Чукотки, изучение малоисследованных участков побережья Камчатки, берегов Охотского моря и Шантарских островов⁴. К выполнению этого обширного плана Ф. П. Литке смог приступить только летом 1828 г.

«Обстоятельства, — писал Литке Крузенштерну 21 октября 1828 г. из Петропавловска, — так худо нам благоприятствовали, что мы едва четвертую долю всего предписанного могли исполнить. Почти весь июль месяц, который в той стране можно назвать половиною лета, по причине непрерывного ненастья пропал для нас совершенно даром. Оконча наши операции огромною губою Св. Креста, которая есть то же, что и Ночен на карте показываемая (название, неизвестное однако же чукчам), должны мы были 8-го сентября по причине наставших бурь, оставить Анадырский залив, не успев даже определить устье реки Анадырь, которое против прежних карт подвинется слишком на 1° к северу, как и весь северный берег Анадырского залива...»⁵.

Таким образом, плавание Литке оказалось далеким от проблем, связанных с исследованием морского сообщения между Тихим и Атлантическим океанами, что несколько не принижает его выдающегося вклада в изучение восточного и юго-восточного побережья Чукотского полуострова. Обширные минералогические, зоологические и ботанические коллекции, собранные как на севере, так и в тропиках, важные географические исследования на Чукотке и в Каролинском архипелаге, где было обнаружено 12 групп ранее неизвестных островов, и точное исследование архипелага Бонин-Сима позволили отнестись к плаванию Литке на шлюпе «Сенявин» к числу наиболее плодотворных кругосветных экспедиций первой половины XIX в.⁶ Особое значение представ-

¹ На судах «Сенявин» и «Моллер» было отправлено 2850 пудов железа и такелажа и около 575 пудов «холщовых товаров» (АВМФ, ф. 339, оп. 888, д. 324, л. 9).

² ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 443, л. 7.

³ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 688, л. 43.

⁴ Литке Ф. П. Путешествие вокруг света, совершенное по велению Николая I на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827 и 1829 гг. флота капитаном Федором Литке. Ч. I. — СПб., 1834, с. 3. М. Н. Станюковичу была поручена опись Алеутских островов и полуострова Аляска.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 96.

⁶ Алексеев А. И. Федор Петрович Литке. — М., 1970, с. 171.

ляют обширные метеорологические наблюдения, которые выполнены экспедицией как в Беринговом проливе, так и в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах.

Продолжая традиции своих предшественников, Литке собрал ценные материалы о быте и материальной культуре чукчей, алеутов, калашей (тлинкитов) и жителей Каролинского архипелага. Эти наблюдения получили восторженную оценку Гумбольдта¹. Литке опубликовал описание путешествия, приложив гидрографический атлас на 51 листе. За свой труд мореплаватель был удостоен Демидовской премии и избран членом-корреспондентом Академии наук. Особую ценность представляло навигационное описание Берингова моря и Берингова пролива². Однако сам Литке рассматривал эти гидрографические исследования лишь как начало работ по дальнейшей описи восточного побережья России. «Нынешний начальник Камчатки, — писал он Крузенштерну, — намеревается нынешнею же зимою приступить к сему делу, отправив на собаках прибывшего с ним штурмана Ильина, приобретенного в сем деле опытного в Северную экспедицию П. Ф. Анжу. Капитан Станюкович оставляет здесь один из своих хронометров и оба судна уделяют те из своих инструментов, без которых могут обойтись; так что преднамереваемая экспедиция не будет иметь недостатка в средствах и можно надеяться, что скоро доставит нам подробную карту Камчатки.

Носится также слух, что в будущем лете прибудет сюда судно для продолжения наших описей. По сей причине оставляю я здесь копию с моей карты и все сведения, какие командиру той экспедиции могут быть нужны. Я испытал, как необходимы предварительные сведения и как много теряется времени на то, чтобы осмотреться. Мне весьма прискорбно лишиться чести кончить начатую работу; я утешаю себя тем, что проложил, по крайней мере, дорогу моим последователям»³.

Действительно, новый начальник Камчатки, капитан 2-го ранга Голищев-Кутузов, прежде чем отбыть из Петербурга к месту своего нового назначения, представил 8 января 1827 г. ходатайство «о необходимости и великой пользе берегового описания полуострова Камчатка до Чукотского мыса и всего Охотского моря с Шантарскими островами». Он просил для выполнения этих задач отрядить двух офицеров и двух штурманов. Но его предложение было отклонено под тем предлогом, что в восточных морях России находится шлюп «Сенявин» под командой Литке и опись тех берегов, которые он не сможет исследовать, завершат «имеющие отправиться в последующие годы в дальний вояж наши мореплаватели»⁴.

¹ Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. — М., 1962, с. 124.

² Литке Н. Ф. Роль адмирала Ф. П. Литке в развитии русской географической науки. — Л., 1952, с. 11.

³ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 96.

⁴ Там же, ф. 215, оп. 1, д. 800, л. 5.

Предположения Литке о дальнейших исследованиях на северо-востоке не оправдались. Плавание шлюпов «Сенявин» и «Моллер» явилось заключительным звеном научных кругосветных путешествий русских военных судов в первые 30 лет XIX в. Затем правительственные исследования на севере Восточной Сибири и Русской Америки прекращаются на многие годы. К спаду исследований в этих районах привело отвлечение основных сил русского флота на решение черноморских проблем. Безусловно, сказался на этом вопросе и кризис феодально-крепостнического строя. Политика царизма, взявшего на себя роль «полицмейстера Европы» (Матюшкин), требовала не только политических, но и военных усилий.

После заключения конвенций 1824 и 1825 гг. в русских и английских правительственных кругах резко снизился интерес к исследованию северного побережья Америки и к поискам Северо-Западного прохода. В 1827 г. Англия послала капитана Э. Парри в Арктику не для продолжения исследований, а для покорения Северного полюса, которого он должен был попытаться достигнуть от берегов Шпицбергена. В 1828 г. английский парламент аннулировал свое прежнее решение о наградах за плавание как по отдельным участкам, так и по всему Северо-Западному проходу. Правда, в 1829 г. Дж. Росс предпринял плавание по проходу со стороны Баффина залива. Финансировал экспедицию Ф. Бут, богатый винокур. В экспедиции участвовало три судна. Одно из них было названо «Крузенштерн» в честь первого русского кругосветного мореплавателя. Росс дал знать в Петербург, что его экспедиция носит частный характер, что по достижении границ Русской Америки он водрузит там национальный флаг России и что он не будет вмешиваться ни в какие политические дела¹. Путешествие Росса завершилось в 1833 г. открытием магнитного полюса северного полушария и внесло крупный вклад в исследование Канадского арктического архипелага. Однако значительные участки Северо-Западного прохода по-прежнему ждали своих исследователей.

Спустя год после того, как Росс вышел в плавание, Крузенштерн представил в Морской штаб план экспедиций в высокие широты и в тропическую зону «Южного моря» (Тихого океана). Основной целью экспедиции он считал изучение антарктических морей, где мореплавателей могут ожидать наиболее выдающиеся открытия. Кораблям этой экспедиции принадлежало проникнуть возможно ближе к Южному полюсу.

Крузенштерн полагал, что Россия, завоевавшая уважение Европы своими научными исследованиями в полярных странах и на просторах Мирового океана, обязана заботиться о престиже своего быстро растущего флота. Способствовать этому могла бы экспедиция, южный отряд которой должен был проникнуть возможно ближе к Южному полюсу и продолжить открытия и исследова-

¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 233, л. 9.

ования неизвестных земель, а северный — осмотреть берега Аляски, восточный берег Камчатки, Алеутские острова и Охотское море¹. В ее состав должны войти четыре корабля, на борт которых предполагалось взять 8 ученых и 4 живописцев.

Пока не удалось отыскать документов, которые бы подтверждали намерения русского правительства отправить вторую экспедицию к Южному полюсу и в Берингов пролив в 1830 или 1831 гг. Судя по выступлению Гумбольдта в Петербургской Академии наук, вопрос о новых плаваниях в Мировом океане горячо обсуждался в это время в столице среди моряков и ученых. Особенное беспокойство вызывало в России то обстоятельство, что Королевское географическое общество Великобритании начало обсуждение вопроса о возобновлении исследования Северо-Западного прохода и северных берегов Америки. Вопрос этот поднят не случайно. Только что истек срок действия Русско-Американской и Русско-Английской конвенций. Английское адмиралтейство опасалось, что Россия после перерыва снова займется исследованием Северо-Западного прохода и северных берегов Америки. В документе, посвященном этим проблемам и принадлежащем перу Дж. Ричардсона, содержится откровенное признание, что новая английская экспедиция должна быть направлена на укрепление позиций Англии в северных областях ее владений в Америке, тем более что эти районы, по утверждениям Франклина и капитана Бака, богаты полезными ископаемыми. По мнению Барроу, прелюдией к исследованиям на восток от Берингова пролива являлось осуществление русскими целого ряда экспедиций, в том числе съемка Белого моря, исследование восточных и западных берегов Новой Земли и опись значительной части побережья Азии.

Выступления Барроу и Ричардсона были поддержаны Франклином и Парри. Как только они были преданы гласности, И. Ф. Крузенштерн предпринял попытку убедить русское правительство продолжить исследования Северо-Западного прохода и опись северных берегов Русской Америки. Он представил очередной план, где доказывал государственную важность этого шага и предлагал снарядить экспедицию, которая осмотрела бы побережье от Берингова пролива до р. Маккензи².

Одновременно с Крузенштерном за проведение таких исследований выступил Врангель. Возвратившись в 1836 г. из Русской Америки, которой он управлял пять лет, он предложил Главному правлению Российско-Американской компании снарядить экспедицию для завершения описи северного побережья Америки меж-

¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 109, л. 1. Более подробно в статье: Пасецкий В. М. Проблемы исследования Арктики и Антарктики в проектах И. Ф. Крузенштерна и П. И. Крузенштерна. — В кн.: Русские арктические путешествия XV—XX вв. — Л., 1964, с. 23—36. (Далее: Пасецкий В. М. Проблемы исследования...).

² Более подробно о проектах в работе: Пасецкий В. М. Проблемы исследования..., с. 25—26.

ду мысом Барроу и р. Маккензи. Осенью 1837 г. на Ситху прибыло предписание директоров компании, а в следующую навигацию бриг «Полифем» вышел за пределы Берингова пролива и у мыса Лисбурн высадил байдарочную экспедицию под начальством А. Ф. Кашеварова. Она описала северный берег Америки от мыса Лисбурн до мыса Врангеля. Пройдя со своими спутниками на байдарках около 850 итальянских миль, Кашеваров вынужден был спастись от эскимосов, «обозленных противу белых людей за появившуюся здесь оспенную заразу»¹. Экспедиция повернула обратно, когда недельный переход отделял ее от р. Маккензи, конечной цели плавания². На основе работ 1838 г. Кашеваров вычертил гидрографические карты, которые вошли в состав нескольких атласов.

Через 31 год после окончания экспедиции в «Записках Русского географического общества» за 1879 г. был опубликован «Журнал, веденный при «байдарной» экспедиции, назначенной для описи северного берега Америки 1838 г. . .». Он дает представление о том, какой широкий круг вопросов интересовал Кашеварова. В журнале содержатся астрономические определения, данные о температуре воздуха в определенные сроки, о направлении ветра, об особенностях атмосферных явлений, подробное описание встреченных рек, озер, характера берегов, горных пород, их слагающих, глубин и грунтов моря, состояния льдов, почвы тундры и находящейся под ней вечной мерзлоты. Метеорологические измерения Кашеварова представляют драгоценный источник сведений об атмосферных и ледовых условиях у северных берегов Русской Америки в навигацию 1838 г.

Экспедицией Кашеварова завершаются русские исследования на севере Восточной Сибири и Русской Америки в двадцатых и тридцатых годах. Как было показано, сначала их характеризовал необычайный размах. Затем наступила длительная пауза, прерванная знаменитым плаванием Литке на шлюпе «Сенягин» к восточным и юго-восточным берегам Чукотки. Однако его выдающиеся исследования не стали началом нового взлета, после них наметился переход к упадку арктических экспедиций русского флота, снаряжаемых за счет государственных средств. Это распространяется и на исследования на Европейском и Обском Севере, которые пережили столь же сложную эволюцию.

Изучение Европейского Севера

Географические изыскания на Европейском Севере занимают видное место среди полярных предприятий, осуществленных Россией в двадцатых и тридцатых годах XIX в. Развитие их обуславливалось многими причинами, среди которых первое место за-

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 1025, л. 4.

² Кашеваров А. Ф. Обзор берегов Северной Америки от мыса Барроу, совершенное Русскою экспедициею в 1838 году. — Сын Отечества, 1840, т. 1, с. 142.

нимали интересы науки и необходимость иметь точные навигационные пособия для нужд флота. Говорить, что изучение Севера (в частности, Новой Земли) было вызвано лишь предпринимательской деятельностью поморов, нет оснований. В конце десятих — начале двадцатых годов новоземельские промыслы находились в упадке, на что обращали внимание и А. П. Лазарев, и Ф. П. Литке, и М. Ф. Рейнеке.

История полярных исследований изобилует примерами, когда развитие промыслов привело к крупным географическим открытиям, как, например, на северо-востоке России в начале XIX в. Напротив, на Европейском Севере именно научные изыскания определили значительный подъем промыслового дела. В документах Морского министерства, относящихся к снаряжению новоземельских экспедиций Лазарева и Литке, в первую очередь подчеркиваются их научные цели. Когда первый из них пытался доказывать, что Новая Земля не имеет экономического значения и бесполезна для базирования флота, он получил резкую отповедь со стороны морского ведомства. При этом подчеркивалось, что изучение Новой Земли имеет целью приумножить успехи географической науки¹.

Вероятно, первый проект изучения Новой Земли был составлен раньше, чем Морское министерство приняло решение о картировании ее берегов. В записке, предпосланной этому проекту, подчеркивается промысловое значение острова, высказывается предположение о богатых месторождениях серебра и золота и делается вывод о том, что «остров сей, можно сказать, отрывок хребта Сибирского камня, то есть Уральского, изобилующего металлами»².

К записке был приложен план проведения экспедиции на тот случай, если русское правительство сочтет нужным предпринять объезд восточной стороны острова. Вероятно, этому проекту, как и проекту Румянцева, который собирался в 1819 или 1820 г. послать экспедицию к Новой Земле, не был дан ход потому, что стало известно о намерении русского правительства приступить к ее изучению силами военно-морского флота.

10 февраля 1819 г. Траверсе сообщил главному командиру архангельского порта Клокачеву о намерении Морского министерства направить предстоящим летом экспедицию для описи Новой Земли, исследование которой предусматривалось известной «Запиской» Г. А. Сарычева (1818 г.). В письме содержалось

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3856, л. 132.

² ЦГАДА, Госархив, ф. 30, д. 57, л. 72, 74. Ни «Рассуждение о Новой Земле», ни план экспедиции не имеют ни подписи, ни даты. На титульном листе есть пометка, что автором этих бумаг, вероятно, является купец Амосов и что они, по-видимому, составлены в 1821 г. При этом лицо, которое разбирало архив Литке после его смерти, делает ссылку на разрозненные заметки исследователя, относящиеся к маю и июню 1821 г. Вероятнее всего, именно в это время Литке действительно получил названные документы, но судя по тому, что в них не упоминается экспедиция Лазарева, они составлены раньше, чем отправилась экспедиция 1819 г. к Новой Земле.

приказание собрать из Архангельского портового архива подробнейшие сведения об этом острове. Одновременно морской министр просил выяснить, возможно ли заниматься описью Новой Земли в зимнее время с берега или со льда; не известно ли на западном побережье гавани, где бы экспедиция могла остановиться на зимовку; имеется ли возможность нанять промышленников, которые взяли бы на себя обязанности лоцманов во время плавания у берегов Новой Земли. В заключение Траверсе просил сообщить, пригоден ли для предполагаемых исследований бриг «Кэтти», имевшийся в распоряжении Архангельского адмиралтейства. 24 февраля Клокачев ответил, что бриг после замены такелажа и парусов, дополнительной обшивки и исправлений на палубе можно будет направить к берегам Новой Земли. По мнению поморов, на западном берегу этого острова имеются места, удобные для зимовки судов. Что касается описи его со льда, то «никто здесь мнения своего дать не умеет, но полагают, что сие вовсе неудобно». К письму были приложены карта и журнал штурмана Поспелова. Эти документы были затем переданы начальнику экспедиции лейтенанту А. П. Лазареву. Проект инструкции был составлен Сарычевым.

10 июня экспедиция покинула Архангельск. В ней участвовало 50 человек, в том числе лейтенанты Корсаков и Баранов, мичман М. К. Кюхельбекер, штурманские помощники Харлов, Лещинский, Юрецкий и штаб-лекарь Братановский. Лазарев должен был сделать первую остановку у южной оконечности Новой Земли. Здесь экспедиции предстояло отправить одно гребное судно для описи западного берега, а второе — для описи восточного. Третьему судну предполагалось поручить исследование о. Вайгач. Лазареву на бриге предписано было «прорезать» Маточкин Шар и, выйдя к его восточному устью, следовать к о. Белому. Затем ему предстояло обогнуть со стороны Карского моря северную оконечность Новой Земли и соединиться с гребными судами в проливе Маточкин Шар.

17 июня экспедиция впервые встретила лед и оказалась в ледовом плену¹. Только через 40 дней она приблизилась к Новой Земле в районе Майгол-Шара и направилась к Летнему мысу для подыскания якорной стоянки. Бухты и заливы по пути следования были скованы припаем. Пролив Карские Ворота оказался забитым льдом. Лазарев решил достичь Маточкина Шара, чтобы затем направиться через Карское море к о. Белому². 8 августа, когда экспедиция находилась на 78°21' с. ш., 50°08' в. д. путь к северу преградил сплоченный лед. Пришлось возвращаться в Архангельск. За время плавания три человека умерли от цинги. Из 47 оставшихся в живых членов экспедиции только 10 были здоровы (4 офицера и 6 матросов), 19 тяжелобольных матросов были отправлены в госпиталь.

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3856, л. 3.

² Там же, л. 128.

Результаты экспедиции Лазарева оказались весьма скромными. Оправдываясь в своей неудаче перед Морским министерством, Лазарев поставил под сомнение плавание штурмана Поспелова. Хотя он прямо не отрицал достижения этой экспедицией берегов Новой Земли, однако при этом «не мог не удивляться, что в продолжении 12 лет природа могла столь много измениться». Лазарев утверждал, что, по сведениям, собранным им у промышленников, никто из поморов, отправлявшихся на промысел в новоземельские воды, «не находил никогда берегов» этого острова по той причине, что они всегда окружены припайными и дрейфующими льдами. Он сделал заключение, что опись Новой земли «не может быть выполнена»¹. Эту же мысль Лазарев повторил в докладе на имя Траверсе и в письме Крузенштерну. Всякую попытку снаряжения экспедиции на судне он рассматривал как жертву, бесполезную для науки, мореплавания и промыслов.

Несмотря на неудачу плавания Лазарева, Морское министерство осенью того же 1819 г. получило разрешение на постройку судна для продолжения исследований. Вновь построенный бриг был назван «Новая Земля» и спущен на воду 10 июня 1820 г. В начале 1821 г. руководителем экспедиции по рекомендации В. М. Головнина был назначен лейтенант Ф. П. Литке, с именем которого связаны многие открытия в истории полярных исследований. Головнин написал «Проект инструкции командиру судна, отправляемому для обозрения Новой Земли»², который почти без изменения был утвержден Морским министерством. На первый раз экспедиции поручалось определить величину Новой Земли, географическое положение ее главных мысов и длину пролива Маточкин Шар. В экспедиции участвовало 43 человека, в том числе лейтенант М. А. Лавров, будущий декабрист мичман Н. А. Чижов, штурман И. Федоров, штаб-лекарь И. Тихомиров.

Готовясь к путешествию, Литке собрал сведения об условиях плавания в новоземельских водах. Все купцы, посылавшие туда свои суда, и все промышленники, зимовавшие там, уверяли, что подход к ее берегам так же возможен, как и прежде, и что упадок новоземельских промыслов обусловлен снижением цен на ворвань.

14 июля экспедиция вышла в плавание. По выходе из Белого моря бриг сел на мель и едва избежал гибели³. Это обстоятельство заставило Адмиралтейский департамент снова поставить вопрос о промере Белого моря. 22 августа экспедиция достигла берегов Новой Земли. На пространстве между 72 и 75° с. ш. они были свободны от льдов. Целую неделю мореплаватели искали Маточкин Шар, но не сумели обнаружить его. Литке сожалел, что, занимаясь поисками Маточкина Шара, не проник севернее

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3856, л. 131.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3859, л. 18.

³ Новые документы о новоземельских плаваниях опубликованы А. И. Алексеевым в монографии «Федор Петрович Литке» (М., 1970).

75° с. ш. 11 сентября экспедиция возвратилась в Архангельск, не потеряв ни одного человека.

После первого плавания Литке сделал вывод о том, что ледовитость северных морей в различные годы бывает разной и что утверждения о недоступности берегов Новой Земли несостоятельны¹.

В декабре 1821 г. было принято решение продолжить опись Новой Земли. Одновременно в Белом море предполагалось «сделать вновь промер глубин от Моржовца к северу по всему пространству до выхода в океан»². Начальником экспедиции опять был назначен Литке. Задачи ее были расширены в соответствии с новым наставлением, составленным Сарычевым. Экспедиции первоначально поручалось заняться исследованием берега Лапландии между мысом Св. Нос и устьем р. Кола, так как эти места были в «гидрографическом отношении менее известны, чем многие отдаленнейшие и необитаемые части света»³. Правда, Беломорской экспедицией в 1798—1802 гг. и офицерами эскадры контр-адмирала Хметевского, которая крейсировала здесь в 1799 г., были описаны отдельные якорные стоянки и приметные пункты, но существовавшие карты были неполными, а побережье Лапландии к западу от Кольского залива изображалось по старинным голландским съемкам, основанным на визуальных наблюдениях. Адмиралтейский департамент подчеркивал, что около Лапландского берега, кроме большого числа военных судов, плавают ежегодно до 200 купеческих кораблей различных стран⁴.

Во втором плавании участвовало 48 человек, в их числе лейтенант М. А. Лавров, мичман А. П. Литке, штурманы С. Сафонов и Г. Прокофьев, штабс-лекарь Н. Смирнов. Покинув в середине июня Архангельск, экспедиция до 1 августа занималась обследованием Лапландского берега. За это время были описаны Иоканские острова, Семь островов, острова Олений, Кильдин, Нокуев, устье Кольского залива и Екатерининская гавань.

3 августа экспедиция вышла в Северный Ледовитый океан. По пути к Новой Земле Литке прошел в том месте, где на голландских картах был показан о. Витсена, но признаков суши не обнаружил, справедливо решив, что голландцы приняли за землю туман. 8 августа бриг достиг берегов Новой Земли у 73° с. ш., направился к северу и через три дня находился на 76°35' с. ш. Литке решил, что он достиг мыса Желания и надеялся скоро вступить в пределы Карского моря. Однако в тот же день путь преградили льды, дрейфовавшие на юг. Экспедиция направилась к Маточкину Шару и без затруднений отыскала его. 20 августа экспедиция занялась обследованием западного берега Новой

Земли. Из-за наступления штормов опись на 71° с. ш. пришлось прекратить. 30 августа бриг «Новая Земля» взял курс на Архангельск, куда прибыл 6 сентября. Трудями экспедиции были созданы карты значительной части западного берега Новой Земли, сняты виды приметных географических пунктов, собраны геологическая, ботаническая, зоологическая коллекции.

11 июня 1823 г. Литке на бриге «Новая Земля» в третий раз покинул Архангельск. Спустя три дня судно достигло мыса Св. Нос, и моряки приступили к проверке и уточнению прошлогодней описи Лапландского берега. Экспедиция описала Териберскую губу, Мотовский залив, Рыбачий полуостров, определила местоположение норвежской крепости Вардэгуз, привязав к этому пункту выполненную опись, в которой из-за неблагоприятной погоды и недостатка времени было много пропусков. Ее уточнением спустя три года пришлось заниматься лейтенанту Рейнеке. 27 июля 1823 г. Литке подошел к берегам Новой Земли и вскоре убедился, что мыс, у которого он год назад был остановлен льдами, не является северной оконечностью острова. То был мыс Нассау. Но проникнуть дальше к северу экспедиции не удалось. Льды снова преградили ей путь. 6 августа Литке спустился к Маточкину Шару и для описи его берегов отрядил лейтенанта М. А. Лаврова, который за четыре дня выполнил это поручение. Длина Маточкина Шара почти соответствовала измерениям Ф. Розмыслова. По словам Лаврова, Карское море было до горизонта покрыто льдом.

На рассвете 12 августа экспедиция покинула Маточкин Шар, однако из-за шторма смогла приступить к уточнению описи западного берега Южного острова Новой Земли только 18 августа. 19 августа бриг достиг юго-восточной оконечности острова. Дальше, насколько хватал глаз, простиралось свободное от льда Карское море. Неожиданно бриг налетел на подводные камни и получил тяжелые повреждения. Литке отказался от дальнейших работ и вернулся в Архангельск.

8 февраля 1824 г. было принято решение продолжить исследование Новой Земли под начальством Литке. Экспедиции были приданы два новых отряда; один, под командой штурмана И. Н. Иванова, должен был закончить описание устья Печоры, другой, под начальством лейтенанта Д. А. Демидова, имел задание провести промеры глубин в Белом море.

18 июня бриг «Новая Земля» покинул Архангельск. В том году ледовые условия были более тяжелыми, чем в предыдущем. «Узнали мы только, — писал Литке Крузенштерну, — что и ныне, подобно как во времена капитана Вуда, может существовать ледяной материк поперек всего моря между Новой Землей и Шпицбергенем»¹. Попытка Литке проникнуть в Карское море не имела успеха. Восточное устье пролива Карские Ворота оказалось забитым льдом. Экспедиции удалось лишь определить положение

¹ Литке Ф. П. Об экспедициях на Новую Землю. — Зап. Гос. Адмиралт. департ., 1824, ч. 7, с. 6.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3867, л. 1.

³ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., с. 223.

⁴ Записки Гос. Адмиралт. департ., 1824, ч. 6, с. 4.

¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 82.

Саханских островов. 20 августа Литке направился к о. Колгуеву, однако из-за шторма не смог описать его берега. 10 сентября экспедиция возвратилась в Архангельск. Узнав из письма Литке, что результаты его экспедиции были весьма скромными, Головин просил полярного исследователя не опасаться гнева начальства, поскольку даже «Неву не всегда можно переехать, а по льду плавать нельзя»¹. Несмотря на неудачу четвертого плавания, Адмиралтейский департамент дал высокую оценку исследованиям Литке, Демидова и Иванова².

Во время четырех плаваний Литке со своими спутниками сделал многое для развития науки и мореплавания. Одна из главных заслуг новоземельских экспедиций состоит в том, что они опровергли ошибочные представления Лазарева, отрицавшего как пользу, так и возможность исследования Новой Земли. Одним из первых об этом заявил Н. А. Чижев.

Кроме будущего декабриста, интересные замечания о Новой Земле составил Н. И. Завалишин, участвовавший в третьем и четвертом плаваниях экспедиции. Он дал яркое описание природы Новой Земли, ее климата и высказал мысль о том, что к северо-востоку и востоку от этого острова должны находиться еще неизвестные человеку земли³. Литке очень высоко ценил Завалишина и просил его написать об исследованиях на Новой Земле. В 1830 г. Завалишин представил рукопись своей книги начальнику Морского штаба А. С. Меншикову, который распорядился переслать рукопись в Ученый комитет⁴, где она бесследно исчезла. Вероятно, не последнюю роль при этом сыграло то, что Завалишин был братом декабриста, осужденного на каторжные работы.

Метеорологические, геомагнитные (физические) и астрономические наблюдения, выполненные во время четырех плаваний к Новой Земле, значительно расширили научные представления о ее природе и омывающих водах. По мнению академика Шуберта, особо важное значение имели наблюдения за температурой и давлением воздуха, силой и направлением ветра, так как они давали достоверное представление о состоянии погоды в Северном Ледовитом океане в течение четырех навигаций. Шуберт рекомендовал вывести метеорологических и геомагнитных наблюдений Литке опубликовать в «Записках Государственного Адмиралтейского департамента» и считал желательным провести подобные наблюдения в других арктических морях⁵.

В итоге плаваний 1821—1824 гг. удалось исследовать и достоверно положить на карту значительную часть западных берегов

¹ ЦГАДА, ф. 30, д. 57, л. 174.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3879, л. 57—60. Представление Сарычева на имя Моллера.

³ Завалишин Н. И. Новейшие известия о Новой Земле.— Северный архив, 1824, т. 11, № 13, с. 36.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3879, л. 63.

⁵ Записки Гос. Адмиралт. департ., 1824, ч. 7, с. 11. Черновики наблюдений Литке находятся в ЦГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 11—16.

Новой Земли. Особо важное значение имеет вывод Литке о том, что ледовитость арктических морей в разные годы бывает различна. В своем классическом труде «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военной бригаде «Новая Земля» в 1821—1824 годах» он пишет: «Причина сего удивительного различия есть та, что количество льдов в каком-нибудь месте зависит не столько от географической его широты или средней температуры года, как от степени множества обстоятельств, почитаемых нами случайными, от большей или меньшей степени стужи, царствовавшей в зимние и весенние месяцы, от большей или меньшей жестокости ветров, в сии разные времена года стоявших, от направления их и даже от последовательного порядка, в каком они от одного направления переходили к другому, и, наконец, от совокупного действия всех оных причин»¹.

Таким образом, полтора века назад Литке сформулировал мысль о зависимости ледовитости арктических морей не от одного, а от многочисленных природных явлений, действующих в течение определенного периода времени.

Литке на всем протяжении двадцатых и тридцатых годов проявлял интерес к исследованию Новой Земли. В заключительных строках его «Четырехкратного путешествия...» были рассмотрены способы описи восточного берега Новой Земли. Он считал, что восточную часть Южного острова можно описать либо с судна, либо с берега, следуя на оленях. Для описи Северного острова, где более суровый климат и значительна протяженность берегов, он предлагал построить специальные суда, которые могли бы зимовать в любом месте и «смело втираться в льды, не подвергаясь большой опасности быть проломленными или раздавленными»². Чтобы командир судна мог иметь сведения о ледовой обстановке, Литке рекомендовал создать на возвышенном месте наблюдательный пост, который извещал бы о движении льдов.

Литке вместе с Рейнеке содействовал снаряжению экспедиций для изучения восточного побережья Новой Земли в 1832—1835 гг. По плану Литке были осуществлены в 1826—1828 гг. Кольская и Печорская экспедиции, явившиеся продолжением начатых под его руководством исследований.

Как уже отмечалось, в начале XIX в. в Архангельске начал ощущаться недостаток корабельного леса для строительства военных судов. Лучшие леса поблизости от р. Мезени и ее притоков были вырублены и заготовка леса велась в местах, удаленных от водных путей сообщения. Подрядчики неаккуратно доставляли лес, его качество оставляло желать лучшего. Комиссия по заготовке леса в 1809—1812 гг. направила знающих чиновников для обследования лесных богатств Архангельской губернии. Лучшие корабельные леса были обнаружены по берегам Печоры и впадающих в нее мелких рек. Заготовленный лес сплавляли по

¹ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие..., ч. 1, с. 125.

² Там же, ч. 2, с. 141.

Печоре, потом в плотах поднимали на 160 верст по р. Мылве и затем перевозили через 16-верстный волок в р. Иктыль¹. Хотя доставка леса обходилась не очень дорого, объем заготовок не удовлетворял запросов морского ведомства. Был срочно поднят вопрос о доставке леса с Печоры в Архангельск морем. Поэтому в качестве одной из ближайших задач полярных исследований в упоминавшейся записке Г. А. Сарычева была названа опись устья р. Печоры и побережья России, лежащего между этой рекой и Белым морем.

15 апреля 1819 г. Сарычев представил в Адмиралтейств-коллегию записку, в которой предлагал приступить летом 1819 г. к описи устья Печоры, промеру всех ее рукавов и исследованию самого глубокого фарватера, включая постановку «приметных знаков», которые служили бы указателями и для входа судов со стороны моря в устье Печоры. Это предложение было направлено главному командиру архангельского порта контр-адмиралу А. Ф. Клокачеву, но архангельские власти смогли отправить экспедицию лишь в 1821 г. Ее возглавлял штурман И. Н. Иванов, которому, кроме описи устья Печоры, поручалось осмотреть Новую Землю и, если представится возможность, «переправиться на оную на оленях»². Иваново сопровождали два штурманских помощника — Пахтусов и Рагозин.

В феврале 1821 г. Иванов прибыл в Пустозерск и выехал на о. Вайгач, однако ненцы не согласились доставить его к северной оконечности острова. 21 июня 1821 г. Иванов приступил к описи берегов Нижней Печоры. От Пустозерска он выполнил опись до р. Черной, затем занимался промером устья Печоры и описью островов Зеленец, Климова, Ларина, Глубокого, Большого и Малого Занна. За три месяца экспедиция обследовала 256 верст нижнего течения Печоры.

Возвратясь 23 сентября 1821 г. в Пустозерск, Иванов сообщил главному командиру архангельского порта, что для исследования устья Печоры с ее «многими рукавами и островами потребно несколько лет и немалое число чиновников». Что касается промера только главного рукава с наиболее глубоким фарватером, то эту работу, по его мнению, можно выполнить за половину одной навигации. Адмиралтейств-коллегия признала необходимым «сделать промер одной реки посредством речного плавания, описать и исследовать рукав ее, по которому идет глубочайший фарватер до самого моря и поставить на берегу в приличных местах перед входом в море из выкидного лесу приметные знаки и определить географическую широту места»³. Выполнение этого снова было поручено Иванову. Все лето 1822 г. экспедиция занималась промером фарватера и изучением рукавов реки «до самого моря». Иванов пришел к выводу, что этот фарватер недо-

бен для военно-морских судов, однако пригоден для плавания судов местных промышленников.

В 1824 г. Иванов снова отправился на Печорский Север. Он исследовал мыс Медынский Заворот и описал северный берег о. Долгого и западный берег о. Матвеева. Затем экспедиция пересекла пролив Югорский Шар и приступила к описи о. Вайгач. Нехватка провизии вынудила прекратить опись вблизи Лемченской губы и возвратиться в Пустозерск. По поручению Иванова, Пахтусов отправился на оленях к берегам Северного Ледовитого океана и нанес на карту Среднюю губу, Захарьин берег, мыс Русский Заворот, Гуляевы Кошки. Последние не удалось определить полностью и точно, потому что они были занесены снегом и трудно было заметить, где кончается берег и начинается лед.

Доведя опись до Колоколковой губы, Пахтусов вернулся в Пустозерск. Иванов и его помощники Пахтусов и Рагозин описали 450 итальянских миль северного побережья России несмотря на многие трудности, которые выпали на их долю в это ненастное лето. Впоследствии, через 19 лет, П. И. Крузенштерн с восхищением писал о картах, составленных этой экспедицией, справедливо считая, что имена и Иванова, и Пахтусова, и Рагозина «навсегда останутся памятными»¹.

В начале 1825 г. Литке представил «Начертание действий Печорской экспедиции», которая должна была состоять из двух отрядов: Восточного и Западного. Адмиралтейский департамент на заседании 3 марта 1825 г. согласился с предложением Литке. Однако инструкции были утверждены Моллером только 3 ноября 1825 г. Начальником Западного отряда был назначен И. А. Бережных и Восточного — Н. И. Иванов.

19 декабря 1825 г. Иванов покинул Архангельск. Кроме него и его жены в экспедиции принял участие штурман Рагозин. 23 января 1826 г. они приехали в Пустозерск. Апрель и почти весь май ушли на уточнение ранее сделанной описи островов Долгого, Матвеева, Зеленца и на исследование огромной Хайпудырской губы. Экспедиция испытывала большие трудности из-за недостатка корма для оленей: «На острове Долгом и совсем нечем было питаться им»². Иванову пришлось отправить своих спутников на матерый берег собирать мох, чтобы не приостанавливать опись. Затем Иванов возобновил опись о. Вайгач, куда он переправился по льду с частью своего обоза. Только 8 июля он нанес на карту последний участок — Болванский Нос, где прекратила свои работы экспедиция 1824 г.

Переправившись на ненецком баркасе на материк и встретившись с обозом экспедиции, который ожидал его у р. Черной, 1 августа 1826 г. Иванов приступил к исследованию побережья к востоку от Югорского Шара. Девять недель моряки передвигались с обозом по берегу. На карту были нанесены первые сотни

¹ ЦГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 114, л. 110.

² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 3858, л. 21.

³ Там же, ф. 215, оп. 1, д. 785, л. 3.

¹ АГО, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 5.

² ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 785, л. 180.

верст морских берегов и более трех десятков речек, через которые приходилось переправляться вплавь. 8 октября Иванов довел опись до залива, называемого ненцами Торовой. Продвинувшись дальше к востоку он не мог из-за непрерывных дождей и «множества рек, которые наполнились с гор водою и делали великие препятствия в переправах».

Перезимовав в Обдорске, отряд Иванова 5 мая 1827 г. приступил к исследованию юго-западных и южных берегов Байдарацкой губы. Затем он направился на север, картируя западное побережье п-ва Ямал. На карту были положены о. Литке, мысы Маре-Сале, Белужий Нос, бухта Крузенштерна, мыс Собачьи Сани (Вэн-Чан), р. Моржовка и, наконец, мыс Головнина, к северу от которого в море лежал о. Белый.

От северных берегов Ямала путешественники вернулись в Обдорск. В 1828 г. Иванов занялся исследованием северного и восточного берегов Ямала. На карту были нанесены мысы Узкий, Белый, косы Каменная и Салепта. Иванов довел опись до мыса Сюней, недалеко от вершины Обской губы. 14 сентября 1828 г. он прекратил картирование Ямала и возвратился в Обдорск. 3 апреля 1829 г. его отозвали в столицу. Продолжавшаяся более трех лет экспедиция нанесла с большой точностью северные берега России от устья Печоры до вершины Обской губы. Собранные материалы по гидрографии северных берегов России, омываемых водами Карского и Баренцева морей, были использованы в первых советских лоциях и оказали большую помощь морякам в их плаваниях на западном участке Северного морского пути в двадцатых годах нашего века. Картами Печорского Севера, составленными во время экспедиций Иванова, пользовались многие полярные путешественники. До настоящего времени особую ценность представляет выполненный Ивановым трехлетний цикл метеорологических наблюдений, которые столь же важны для изучения климата Обского Севера, как наблюдения Врангеля и Анжу для севера Восточной Сибири¹.

Одновременно с Восточным отрядом начал работу Западный отряд И. А. Бережных. В его составе были два матроса и штурманский помощник Пахтусов, ранее участвовавший в трех экспедициях Иванова. Кроме того, в Пустозерске Бережных взял себе в помощь 10 крестьян и одного кормщика. 27 мая 1826 г. Бережных на открытом беспалубном карбасе направился в район островов Гуляевы Кошки, исследованием которых отряд занимался до начала июля. Затем экспедиция описала Тиманский берег, Индигскую губу и о. Колгуев. На пути к Канину Носу, вблизи устья р. Камбальницы, отряд был застигнут жестоким штормом и едва не погиб.

1 августа Бережных приступил к картированию берега Канина Носа. Через два дня описание было закончено, но пришлось вытащить карбас на берег между каменными утесами и «проживать

10 дней за противным ветром». Затем снова вернулись к р. Камбальнице и описали берег до Микулкина Носа. Поморы, встретив путешественников, заявили, что им не удастся с карбаса осмотреть кут Чешской губы из-за частых мелей.

«Пять раз, — писал Бережных Литке, — пушался к описи внутрь, но все крепкие противные ветры возвращали обратно, все усилия были тщетны». Тогда Бережных решил идти в Пустозерск, которого благополучно достиг 22 сентября 1826 г., пройдя с промером между Гуляевыми Кошками. Когда установился зимний путь, Бережных нанял двух проводников, 50 оленей и вместе с Пахтусовым 30 ноября отправился в Чешскую губу, куда прибыл 15 декабря. За 21 день при морозе 20°C Бережных и Пахтусову удалось провести весьма точную опись кута Чешской губы. В результате этой экспедиции был достоверно положен на карту северный берег России между Печорой и Каниным Носом, собраны сведения об якорных стоянках, о становищах поморов, промеры глубины в районах Баренцева и Печорских морей. «Глубины везде, даже близ берегов, — писал Бережных Литке, — позволяют подходить и большим парусным судам, и нет никаких опасностей, выключая Гуляевы, Плоские и у реки Камбальницы кошки»¹.

Одновременно с исследованиями Печорской экспедиции велись работы на Кольском полуострове. В 1826 г. завершились переговоры между Норвегией и Россией², в итоге которых Россия уступила Норвегии территорию между рекой Ворьемой и мысом Верес, расположенным к северо-востоку от Вадсё. Работы по размежеванию и картированию новой границы возглавлялись полковником В. Е. Галяминым, за которым ввиду его причастности к движению декабристов был установлен негласный надзор³. Одновременно с экспедицией Галямина вела исследование Кольская экспедиция, снаряженная по инициативе Ф. П. Литке. Еще 30 октября 1825 г. Адмиралтейский департамент рассмотрел предложение Литке «о необходимости сделать новую подробную опись» Кольской губы и других мест на Мурманском берегу. Литке отмечал, что его опись в этом районе носила рекогносцировочный характер и поэтому многие неточности существующих карт остались неисправленными. Для обеспечения безопасности мореплавания в водах Мурманского архипелага требовалось определить северо-западную оконечность о. Кильдина и связать эту опись с положением Кольского и Мотовского заливов, так как к этому приметному месту часто подходят суда «для исправления своего счисления»⁴. Кроме того, необходимо было более точно исследовать Мурманский берег к западу от Кольской губы, так как он был описан всего на 20 миль, да и то поверхностно. Остались неосмотренными «губы Ура и Ара и еще несколько меньших». Одновременно следо-

¹ ЦГАДА, ф. 30, л. 57, л. 30.

² ЦГВИА, ф. 442, оп. 1, л. 26, л. 3—4, д. 27, л. 1.

³ Восстание декабристов. Т. 8. — М., 1925, с. 69, 302.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 794, л. 2.

¹ Вильд Г. И. О температуре воздуха ... с. 393.

вало более точно определить положение юго-восточной оконечности п-ова Рыбачьего.

Начальником Кольской экспедиции по предложению Литке был назначен М. Ф. Рейнеке. В ней участвовали также штурман И. Казаков и Я. Харлов. Наняв две шлюпки, Рейнеке 29 апреля 1826 г. приступил к исследованию Екатерининской гавани и до 3 августа занимался картированием северных берегов Кольского полуострова. Кольская экспедиция произвела детальную опись Кольского залива, о. Кильдина и Мурманского берега вплоть до границ с Норвегией. Работы опирались на 13 астрономических пунктов. Рейнеке очень подробно описал все якорные стоянки. Одновременно с картами была составлена лоция.

Кольская экспедиция 1826 г. была важной вехой в гидрографическом обследовании северных берегов России. Большой интерес представляли собранные сведения о промыслах и мореплавании жителей Кольского полуострова и Русского Поморья. Эти материалы были напечатаны в «Записках Гидрографического депо» за 1837 г. Еще раньше в журнале «Сын Отечества» за 1830 г. Рейнеке напечатал «Описание города Колы в Российской Лапландии», изданное одновременно отдельной книгой¹. Это сочинение содержит историю города, подробное описание окрестностей, занятий жителей. Кольская экспедиция 1826 г. явилась прологом к многолетним исследованиям Рейнеке в Белом море.

Первоначально Адмиралтейский департамент не предполагал возобновлять исследования в Белом море. Считалось, что в результате экспедиции 1798—1802 гг. были получены достаточно подробные описания его берегов и промеры глубин, а составленные на их основе «Генеральная карта» и «Атлас Белого моря», который был начат гравированием, удовлетворяли нужды военного мореплавания. Однако, когда летом 1821 г. Литке, пользуясь картой Л. И. Голенищева-Кутузова, посадил на мель бриг «Новая Земля», обнаружилась ненадежность этого навигационного пособия. Это вынудило Адмиралтейский департамент отправить в 1822 г. портовый бриг под командой капитан-лейтенанта Длотовского, которому было поручено построить башню на о. Сосновец, исследовать банку, которую обнаружил Литке, выполнить промер от о. Моржовца до выхода в океан². Длотовский же успел только построить башню и произвести опись от р. Пялицы до мыса Толстого Орлова Носа и от р. Поной до мыса Орловского. Остальные пункты инструкции остались невыполненными. Решение этих задач было поручено капитан-лейтенанту Домогацкому, который 13 июня 1823 г. вышел из Архангельска на бриге «Кэтти».

Экспедиции удалось описать банку к востоку от Орлова Носа. Во время работ были повреждены гребные суда, для ремонта ко-

¹ Рейнеке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. (Из записок флота лейтенанта Рейнеке). — СПб., 1830.

² Л. И. Голенищев-Кутузов пытался поставить под сомнение правильность сведений Литке. Но Адмиралтейский департамент решил приостановить печатание атласа Белого моря «до тех пор, пока новый промер глубин не свершится» (ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 813, л. 163 об.).

торых Домогацкий отправился к о. Сосновец, где простоял из-за сильных ветров до 26 июля. Спустя сутки с брига был замечен бурун над еще одной подводной банкой, однако из-за тумана моряки не смогли ее обмерить полностью. 28 числа были обнаружены признаки банки, которая, по вычислениям Домогацкого, находилась к юго-востоку от Трех островов. На этом экспедиция завершила свои работы.

Столь скромные результаты не удовлетворили Адмиралтейский департамент. Решено было вновь отправить бриг «Кэтти» для промеров Белого моря и определения положения банок. Начальником экспедиции по рекомендации Ф. Ф. Беллинсгаузена был назначен лейтенант Д. А. Демидов, участвовавший в первом русском плавании к Южному полюсу. От Литке Демидов получил наставление и записку «О песчаных банках, называемых Северными Кошками», в которой было отмечено, что они находятся между параллелями Орлова Носа и р. Поной. По словам Литке, эти банки были известны прежним мореплавателям и изображались как на русских, так и на отдельных иностранных картах, «но на новейших российских картах выпущены».

18 июня 1824 г. два брига, «Кэтти» и «Новая Земля», покинули Архангельск. Из-за сильных ветров и туманов экспедиция лишь 6 июля смогла приступить к работам в районе Трех островов и мыса Толстого Орлова Носа. Вместо банки, нанесенной на карту капитан-лейтенантом Домогацким примерно в 26 милях от Трех островов, были встречены глубины до 28 сажень. Наконец, 13 июля обнаружили одну из банок, отмеченных прошлогодней экспедицией. Однако промерить ее не удалось ни в этот, ни в следующий день, так как из-за шторма судну пришлось укрыться за о. Сосновец. 26 июля путешественники возвратились к этой банке; ее промер Демидов поручил лейтенанту Рейнеке. 1 августа приступили к промеру прибрежной части моря между Керецким мысом и мысом Конец Горы. Затем из-за ненастной погоды Демидов вынужден был переходить от Каменного ручья до р. Пялица, от Пялицы к Трех островам, а от них к банке, означенной на карте Домогацкого. Банка эта, по мнению Демидова, не являлась непрерывной, а представляла собой гряду мелей. Он полагал, что в Белом море имеется еще много мелководных участков, которые необходимо промерить. По мнению Демидова, со столь сложной и трудной задачей могла бы справиться большая экспедиция, снаряженная на нескольких специально построенных судах, имеющих быстрый ход и малую осадку.

На основании наблюдений последних лет, в особенности наблюдений Демидова, Литке составил записку к Генеральной карте Белого моря. Она была одобрена Адмиралтейским департаментом, который предложил Голенищеву-Кутузову внести исправления в его атлас, чтобы, наконец, этим навигационным способом снабдить «суда, имеющие отправиться в компанию»¹. После необхо-

¹ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 813, л. 138.

димых исправлений как в Генеральной, так и в частных картах Белого моря 28 декабря 1826 г. Моллер дал согласие на печатание «Атласа Белого моря».

Однако подготовка к новому этапу исследований Белого моря шла своим чередом и для новой экспедиции в Архангельске строились суда. 4 марта 1827 г. Адмиралтейств-коллегия по предложению Крузенштерна назначила руководителем Беломорской экспедиции М. Ф. Рейнеке¹. Ему поручалось промерить глубину в «северо-восточной части Белого моря от мыса Воронина к северу по всему пространству до параллели Святого Носа, и особливо для верного определения на картах мелей и банок, лежащих как в окружности о. Моржовца, так и к северо-северо-западу от него, простирающихся по восточную сторону корабельного фарватера против Поноя, Орлова Носа и мыса Городецкого»².

Экспедиции по настоянию Сарычева предоставили бриг «Лапонинка» и две шхуны, хотя первоначально Адмиралтейский департамент считал, что достаточно двух судов. Бригом командовал Рейнеке. В экспедиции участвовало 92 человека, в том числе 12 флотских офицеров и штурманов. 17 июня 1827 г. суда покинули Архангельск. Рейнеке направился к о. Моржовец, географическое положение которого он поручил определить мичману А. М. Иванчину-Писареву. Затем Рейнеке обследовал море около о. Сосновец, Трех островов, осмотрел Иоканские острова и определил координаты мысов Воронова и Конушина. Особое внимание он уделял изучению течений. «Исследование законов течения в Белом море составляет один из важных предметов для мореплавания; — писал он, — и поэтому не упускали мы ни одного случая для этих наблюдений, равно как и прочие замечания и исследования, относящиеся к гидрографии»³.

Рейнеке трижды искал Городецкую банку, но всякий раз на том месте, где «она означена на карте», находил глубины более 4 м. Одновременно он определил, что восточный берег Белого моря прежними экспедициями положен на карту неправильно. 21 августа суда экспедиции возвратились в Архангельск. Сарычев был доволен результатами плавания Рейнеке и объявил о намерении снова «послать экспедицию для исследования Белого моря»⁴. В следующем, 1828 г. экспедиция сделала подробные промеры Северных Кошек, определила географическое положение мысов Бол. Городецкого, Инцы, Керецкого, промерила глубины по фарватеру от устья Двины до Св. Носа и начала обследование Мезенской губы. Результаты двухлетней деятельности отряда под начальством Рейнеке свидетельствовали о том, что Белое море было исследовано недостаточно. На картах берегов и глубин обнаружались большие погрешности и белые пятна.

В начале марта 1829 г. Рейнеке возвратился в Архангельск и затем выехал по зимнему пути в город Онегу, чтобы определить его координаты. 12 дней Рейнеке проводил астрономические наблюдения и собирал сведения о старейшем беломорском порте. При этом выяснилось значительное «несогласие» между существующей картой и его тщательными определениями. Результаты наблюдений Рейнеке немедленно отослал в Петербург и просил ученых высказать о них свое мнение. Они были проверены академиком В. К. Вишневым и признаны правильными.

4 июня 1829 г. экспедиция в третий раз покинула Архангельск. Работы затрудняли ненастная погода и штормовые ветры. Серьезность положения усугублялась тем, что команды судов были укомплектованы матросами, большая часть которых еще не плавала в море. «Более половины слабой и хворой команды нашей лежало, не в силах будучи действовать парусами»¹. Несмотря на трудности, экспедиции удалось к 10 августа 1829 г. промерить глубины в восточной части Онежской губы и исследовать течения и глубины в Двинской губе, определить Орлов Нос и мыс Инцы, выяснить, что юго-западные берега Онежского залива нанесены на карту неверно.

Изучение Белого моря Рейнеке продолжал и в 1830 г. Кроме описи берегов и промера глубин экспедиции «по представлению капитана Литке поручено было сделать опыты в Архангельске и Кандалакше над постоянным маятником». Этому Рейнеке обучался в течение двух месяцев в академической обсерватории. Литке советовал ему «поставить за правило наблюдать все, что только возможно, измерять все, что подлежит измерению, и все передать со строгою добросовестностью; здравый рассудок делает остальное, а о выводах можно хлопотать и после»².

Рейнеке успешно выполнил поставленную перед ним новую задачу, проведя 20-дневные маятниковые наблюдения в Кандалакше и Архангельске. Кроме того, его экспедиция в районе Северных Кошек выполнила промеры глубин в местах, недостаточно освещенных данными за предыдущие годы, нанесла на карту положение Городецкий банки, обследовала опасную для мореплавания Мезенскую губу и устьевые участки рек Кулой и Мезени, промерила глубины северо-западной части Онежской губы. Удалось описать значительную часть Кандалакшской губы, изрезанной многочисленными шхерами и небольшими бухтами, представляющими естественные гавани. Кроме того, экспедиция

¹ Вопрос о снаряжении Беломорской экспедиции был обсужден Адмиралтейским департаментом еще в марте 1825 г. Однако из-за задержки в постройке судов она смогла состояться только в 1827 г. (ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 728, л. 270—272).

² Там же, д. 801, л. 15.

³ Рейнеке М. Ф. Определение берегов и промер глубины Белого моря... ч. 2, с. 24.

⁴ ЦГАДА, ф. 30, д. 8, доп., л. 19.

¹ Рейнеке М. Ф. Определение берегов и промер глубины Белого моря... ч. 2, с. 43. На рапорте помечено: «Предписать Рейнеке, чтобы, принимая команду, осматривал с доктором, и те, кои не будут благонадежны, просил перемнить. О сем же просить и главного командира исполнить, если будет возможно (из линейных нельзя, есть высочайшая воля)» (ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 198, л. 26).

² ЦГАВМФ, ф. 1166, оп. 1, д. 5, л. 143—144.

определила географическое положение многих населенных пунктов по берегам Белого моря, в том числе города Кемь, деревень Кандалакши, Сумы, Тетрина, Калгалакши и др. Наблюдения нередко имели значительное расхождение с прежними определениями. Это тревожило Рейнеке. Чтобы разрешить свои сомнения, он обратился за советом к академику В. К. Вишневному, который проверил материалы вычислений и нашел, что новые координаты правильны¹.

После 4 лет неустанных трудов Рейнеке, наконец, имел необходимые материалы для атласа Белого моря. «Итак, беломорские Ваши работы кончены, — писал Литке Рейнеке 21 октября 1830 г. — Надеюсь, что теперь не будет причины или предлога ждать окончания, чтобы воздать Вам по заслугам Вашим. Способствовать сему может весьма много атлас, который Вы составляете; эта мысль очень счастливая, потому что составление атласа есть цель всех работ»².

Однако Рейнеке находил, что некоторые участки моря еще недостаточно исследованы. Гидрографическое депо согласилось с его доводами и Морское министерство разрешило продолжить работы в Белом море. Экспедиция 1831 г. промерила устье Кандалакшской губы и р. Кеми, подробно описала внешнюю сторону Онежских шхер, исследовала вершину Кандалакшской губы, промерила глубины Онежской и Мезенской губ, хотя и «не так полно, как в прочих местах».

20 марта 1832 г. Рейнеке в шестой раз выехал из Петербурга в Архангельск, чтобы уточнить опись отдельных участков Белого моря и северного побережья Мурмана. Первоначально (пока можно было ездить по льду) он занялся описью рукавов Северной Двины. 6 мая 1832 г. он писал Литке, что экспедиция находится в трудном положении, так как командир архангельского порта Р. Р. Галл не предоставил ему возможности набрать матросов в экспедицию.

Последнее плавание Рейнеке по Белому морю началось 6 июля. Он поручил командирам шхун промерить глубины и описать острова в юго-западной части Онежской губы, исследовать устье Унской губы, выполнить промеры около Летнего берега, а затем между деревней Калгалакшей и островами, лежащими перед Кемью. Сам Рейнеке на бриге «Лапоминка» первоначально занимался промерами внешних мелей на бере Северной Двины, затем отправился к Иоканским островам и на шлюпке описал берег до Семи островов, уточнив тем самым съемку, сделанную ранее. «Следствием этой поездки было определение точного положения мысов и осмотр заливов, не описанных с брига «Новая Земля»; впрочем, главное положение берега было очень сходно с описью капитана Литке»³, — писал он.

¹ ЛО ААН, ф. р-1, оп. 134, д. 30, л. 6—8.

² ЦГАВМФ, ф. 1166, оп. 1, д. 5, л. 145.

³ Рейнеке М. Ф. Определение берегов и промер глубины Белого моря..., с. 91.

15 августа Рейнеке достиг о. Вадсё, исследовал его окрестности и проверил прежние наблюдения. Затем он направился к норвежской крепости Вардэгус, чтобы связать ее долготу «с долготою Колы и прочих мест». По просьбе Академии наук, Рейнеке выполнил магнитные наблюдения в Архангельске, на Иоканских островах, в Екатеринбургской гавани, Вардэгусе и на о. Вадсё.

Таким образом, в течение шести экспедиций была выполнена съемка берегов и островов Белого моря. Гидрографическая опись опиралась на большое число астрономических наблюдений, результаты которых были опубликованы во второй части «Записок Гидрографического депо» и стали достоянием науки.

«Гидрографическая опись Белого моря и значительной части Северного Ледовитого океана, — отмечал академик В. Я. Струве, — есть дело чрезвычайной важности. География нашего Отечества обязана ей точным познанием положения и вида большей части Северного берега Европейской России. Все пункты, астрономически определенные во время путешествий г-на Рейнеке... почитаются фундаментальными»¹.

Кроме гидрографических исследований во время экспедиций изучался климат Поморья. Метеорологические наблюдения в Архангельске, как правило, выполнял сам Рейнеке, а во время разъездов по окрестным селениям и ближайшим городам, он поручал ведение журнала или П. К. Пахтусову или командирам шхун. На суше наблюдения велись через 4 часа, а в море через 2 часа по гражданскому времени. Результаты наблюдений были обработаны и выводы из них опубликованы в пятой части «Записок Гидрографического депо»². На основе своих измерений и сведений, собранных у сторожил Архангельска, Рейнеке составил также первое описание климата этого города. Большой интерес представляли выполненные экспедицией наблюдения над температурой, плотностью и прозрачностью морской воды. При этом моряками использовался ариометр, по которому вел наблюдения Э. Х. Ленц во время плавания вокруг света на шлюпе «Предприятие». То были первые в Белом море океанографические измерения, не говоря уже о широко поставленных исследованиях течений и приливотливных явлений, изучение которых Рейнеке считал одной из главных задач съемки Белого моря³. Экспедиция вела наблюдения над приливами и определила истинный и средний приливной час, сизигийное и наименьшее квадратурное возвышение воды в 37 пунктах Белого моря от южных берегов до самых северных пределов.

Кроме навигационной съемки берегов и островов были определены высоты гор, сняты виды приметных мест и промерены глубины не только в прибрежных, но и в центральных районах

¹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1850, д. 1, л. 8.

² Рейнеке М. Ф. Определение берегов и промер глубины Белого моря..., с. 62.

³ Там же, с. 1.

Белого моря. Исследованы подводные скалы, банки, отмели. Выявлены и подробно изучены якорные стоянки. Тщательно описан устьевой участок Северной Двины. Были также опубликованы наблюдения за северным сиянием и падающими звездами.

Результаты исследований Кольской и Беломорских экспедиций были обобщены в капитальном «Атласе Белого моря», который, по словам В. Я. Струве, занял почетное место в истории мировой географии и по «своей полноте, тщательности и подробности придавал плаванию в сих опасных морях всю безопасность, какой только можно ожидать от нынешнего состояния гидрографии»¹.

Еще до окончания Беломорской экспедиции, в конце 1831 г. была начата гравировка 18 карт, составленных моряками. Спустя два года «Атлас Белого моря» увидел свет. Он затмил вышедший в 1826 г. в свет аналогичный труд Л. И. Голенищева-Кутузова. К моменту его опубликования Рейнеке закончил «Гидрографическое описание Северного берега России». Оно состояло из двух частей. Первая из них посвящалась Белому морю, а вторая — Лапландскому берегу. Однако издание этого труда «замедлялось», как признавал Рейнеке, по независящим от него обстоятельствам. Причины эти хорошо известны. С конца двадцатых годов XIX в. начальником Морского штаба А. С. Меншиковым были резко сокращены средства на издание научных трудов. Реакция душила не только общественную, но и естественно-научную мысль.

В описании Северного берега Рейнеке с добросовестностью гидрографа проанализировал все ошибки, неточности и недостатки труда своего предшественника — Л. И. Голенищева-Кутузова, нимало не смущаясь тем, что тот является председателем Ученого комитета. И все годы, в течение которых Голенищев-Кутузов ревностно помогал А. С. Меншикову изгонять науку из морского ведомства, труд Рейнеке пылился в Гидрографическом департаменте. Лишь в конце 1842 г. разрешено было отдать в набор вторую часть «Описания», как меньшую по объему. Первая часть, посвященная Белому морю, продолжала лежать, но не в Гидрографическом департаменте, а в типографии, где и сгорела в 1845 г. Рейнеке не только восстановил рукопись, но и дополнил ее новыми статистическими, гидрографическими и топографическими сведениями. Пять лет продолжался набор и печатание второй части. Наконец, в 1850 г. издание этого ученого труда было завершено. «Это был первый опыт, — писал Рейнеке, — соединить описание гидрографических подробностей со сведениями о прочих свойствах описываемого края»². Действительно, труд Рейнеке являлся комплексной географической характеристикой значительной части Севера Европейской России. Давая общий очерк моря, Рейнеке кратко характеризует заливы, губы, реки, острова. Более подробно он рассматривает вид и свойства Лапландского,

¹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1850, д. 1, л. 6.

² Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание ..., ч. 1, с. 6.

Терского, Карельского, Поморского, Летнего, Зимнего, Канинского, Восточного, Онежского, Мезенского берегов Белого моря. Большое внимание уделено описанию прибрежных рифов, мелей, глубин, приливо-отливных явлений и течений. Много страниц «Описания» посвящено жителям Кольского, Кемского, Онежского, Архангельского, Мезенского уездов. При этом приведены сведения о каждом лапландском погосте, каждой деревне, числе домов и количестве жителей. Рассмотрены сухопутные пути сообщения, состояние земледелия и скотоводства, морских промыслов, местной промышленности и судостроения.

Значительная часть труда отведена частным описаниям к отдельным картам «Атласа». Это прежде всего физико-географические очерки определенных районов моря. Они предназначены для того, чтобы помогать мореплавателям ориентироваться и избегать опасных рифов, мелей, банок. На протяжении целого столетия эти очерки использовались в отечественных навигационных пособиях. Не менее важное значение для науки имела масса статистических, этнографических и географических сведений, собранная в частных описаниях городов Архангельска, Мезени, Онеги, Кеми, Колы и посада Сума.

Скромный лощинный очерк, который задуман был еще в 1826 г., Рейнеке превратил в фундаментальное научное исследование. Он предполагал написать третью часть «Гидрографического описания Северного берега России». Этот труд должен был дать представление о географии всего северного побережья Евразии от Белого моря до Берингова пролива. Рейнеке надеялся создать его на основе журналов И. Н. Иванова, И. А. Бережных, Ф. П. Литке, П. К. Пахтусова, А. К. Цивольки, С. А. Моисеева, Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу. Поскольку пространство между реками Обь и Оленек не было заново картировано в первой половине XIX в., то для восполнения этого пробела Рейнеке собирался воспользоваться описаниями и журналами отрядов Великой Северной экспедиции. О том, сколь серьезно и обстоятельно готовился исследователь к созданию третьей части, свидетельствует собранный им обширнейший исходный материал, который дошел до наших дней. Он в основном составляет фонд 913 «Архива гидрографии» Центрального Государственного архива Военно-Морского Флота, насчитывающий более трехсот дел, несколько десятков тысяч документов, содержащих уникальные сведения о русских исследованиях в Арктике.

«Гидрографическое описание Северного берега России» не только явилось событием в истории русского флота, но и было воспринято современниками как выдающееся научное достижение. Академия наук присудила в 1851 г. Рейнеке свою высшую награду — полную демидовскую премию за «Атлас Белого моря» и «Гидрографическое описание Северного берега России», которые она оценила как важный вклад в развитие мировой географии.

Большой интерес проявляли к трудам Рейнеке иностранные ученые и моряки. По просьбе Министерства иностранных дел,

«Атлас Белого моря» был выслан во Францию. Вскоре «Гидрографическое описание» было опубликовано французами и англичанами. В восьмидесятых годах прошлого века эта работа была выпущена в России вторым изданием. Сведения из «Гидрографического описания» использовались в довоенных советских лодках. Труд Рейнеке как достоверный историко-географический источник сведений о Русском Севере первой половины XIX в. сохраняет значение и в наши дни.

В конце двадцатых годов вопрос исследования Новой Земли продолжал привлекать внимание русских моряков. 22 февраля 1828 г. Бережных представил в Гидрографическое депо проект описания восточных берегов русских моряков. Он предлагал на судне, принадлежащем Западному отряду Печорской экспедиции, перевести из Пустозерска на Новую Землю 200—300 оленей, на которых экспедиция в составе 11—12 человек должна была объехать восточные берега острова¹. Управление генерал-гидрографа, которое заменило Адмиралтейский департамент, просило главную контору архангельского порта собрать сведения о том, возможно ли найти средства для выполнения этого проекта. Судя по донесению исправника Маркова, пересланному в Петербург, почти ничто не препятствовало организации экспедиции. Однако архангельские власти оставили проект без внимания. Главный командир архангельского порта С. И. Минацкий после напоминания Сарычева обещал сообщить «о средствах, какие можно избрать удобнейшими для описи восточного берега Новой Земли»².

Но прежде чем Минацкий ответил Сарычеву, поступил проект П. К. Пахтусова, датированный 29 октября 1829 г. Пахтусов писал, что во время его четырехлетней работы в печорских экспедициях он собрал от местных промышленников сведения о том, что они наблюдали у восточных берегов Новой Земли «безлюдное море». Это давало надежду при благоприятных обстоятельствах завершить в одно лето исследование если не всех неизученных берегов, то по крайней мере южной части Новой Земли³. Узнав о проекте П. К. Пахтусова, Ф. П. Литке предложил задачи экспедиции не ограничивать съемкой берегов Новой Земли, а осуществить широкий комплекс одновременных научных наблюдений как на этом арктическом острове, так и в Белом море (в 10 пунктах). Практически это предложение, как и проект Пахтусова были отложены до лучших времен⁴.

В то же время правительственными кругами было отвергнуто еще одно предложение о дальнейшем развитии русских поляр-

¹ Рейнеке М. Ф. Введение к «Дневным запискам П. К. Пахтусова». — Зап. Гидрограф. департ., 1842, ч. 1, с. 4—5.

² ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 86, л. 18.

³ Пахтусов П. К., Моисеев С. А. Дневные записки/Под ред. В. М. Пасенного. — М.: Географгиз, 1956, с. 134. (Далее: Пахтусов П. К., Моисеев С. А. Дневные записки...)

⁴ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 222, л. 2. Было разрешено провести лишь маятниковые наблюдения в Кандалякше летом 1830 г. под руководством М. Ф. Рейнеке.

ных исследований. В 1830 г. сын кемского купца Ф. М. Антонов подал проект на имя Николая I с предложением послать на архипелаг Шпицберген два корабля. В состав их экипажей должны были входить большие группы ученых — географов, натуралистов, минералогов, астрономов. На борт кораблей необходимо было взять казармы или дома, в которых экспедиция оставалась бы на зимовку.

С наступлением полярного дня экспедиция должна была приступить к картированию берегов и исследованию внутренних районов Шпицбергена. Однако Комитет министров после длительной переписки с местными властями отклонил проект Антонова¹.

Остался нереализованным также проект академика А. Я. Купфера, который предложил в 1828 г. снарядить экспедицию для изучения метеорологических и магнитных явлений на севере Евразийского материка². Это еще раз свидетельствует о том, что в конце двадцатых годов явственное начинают проявляться тревожные признаки, предвещающие упадок полярных исследований и кругосветных путешествий. Сначала откладывается отправка судов к берегам Восточной Сибири и Русской Америки, которая после Отечественной войны производилась почти ежегодно. Если в конце десятых — начале двадцатых годов Морское министерство требовало от мореплавателей и ученых предложений о том, опиши каких морей и земель надлежит выполнить в первую очередь, то в преддверии тридцатых годов каждое предложение, каждый проект встречается с бесчисленными оговорками и сопровождается проволочками.

Неслучайно, что в эти же годы Николай I запретил использовать для научных работ матросов флотских экипажей. Это было верным признаком того, что царское правительство в ближайшее время решительно сократит полярные исследования, которые так успешно вели русские моряки. Между тем предложением П. К. Пахтусова заинтересовался советник Северного округа корабельных лесов П. И. Клоков, который в 1828 г. составил проект о возобновлении судоходства из Архангельска к сибирским рекам. Познакомившись через Рейнеке с Пахтусовым, он увидел в нем человека, могущего реализовать этот проект. Основное внимание обращалось на исследование «как берегов Новой Земли и Карского моря», так и на открытие удобного пути к реке Енисею»³.

Проект Клокова, который должен был осуществляться на весьма значительные пожертвования его автора и архангельского купца В. Брандта, отличался широтой замысла. Во-первых, предполагалось удостовериться, какой из путей к Енисею удобнее: через Маточник Шар, Карские Ворота или Югорский Шар. Во-

¹ Шидловский А. Ф. Шпицберген в русской истории и литературе. — СПб., 1912, с. 7—8.

² ЛО ААН, ф. 1, оп. 2, 1828, д. 339, л. 1.

³ ЦГАДА, ф. 30, д. 70, л. 62.

вторых, предстояло исследовать восточный берег Новой Земли, на южной оконечности которой предполагалось основать становище с лоцманом. Такие же становища намечалось построить на о. Долгом или на о. Вайгач, на о. Белом и о. Кузькином в Енисейском заливе. Одновременно мыслилось учреждение факторий при устье р. Мутной, в Байдарацкой или Хайпудырской губах, а также на Енисее.

По утверждению «Журнала мануфактур и торговли», «успешное завершение подобного дела... должно оживить этот обширный и богатый от природы край нашей Азии, ... внести туда волшебницу промышленность, чудесным жезлом своим усотворяющую цену малейшего предмета, к которому она прикоснется, внести туда торговлю, открыть внезапно новый широкий исток произведениям всех царств природы, коими та одарена роскошно и коих малейшая только часть»¹ доставлялась в Центральную Россию и в некоторые государства Европы.

В той же статье содержался намек, что «при поощрении» царского правительства Брандт и Клоков могли бы продолжить морской путь не только к Енисею, но и к устью Лены, а возможно, до Берингова пролива.

В Северной экспедиции участвовали лейтенант В. А. Кротов, подпоручики П. К. Пахтусов и И. Казаков, кондуктор Н. Крапивин. Подготовку экспедиции в научном отношении консультировали Литке и Рейнеке. Именно Литке сформулировал основные положения инструкций, которые были даны Пахтусову и Кротову². Главное значение в подготавливаемом предприятии придавалось тому отряду Северной экспедиции, который возглавлялся Кротовым и направлялся к устью Енисея. После описи восточного берега Южного острова Новой Земли туда же должен был направиться отряд Пахтусова, если позволят ледовая обстановка и состояние судна.

1 августа 1832 г. Пахтусов и Кротов вышли в море. Через семь дней у Канина Носа суда Северной экспедиции расстались. Шхуна «Енисей» направилась через Маточкин Шар к берегам Сибири, бриг «Новая Земля» лег курсом на Карские Ворота. Пахтусов нашел пролив забитым льдом и зазимовал в губе Каменка. 19 сентября 1832 г. он организовал первые на Новой Земле наблюдения над температурой, давлением воздуха и другими атмосферными явлениями. Они велись в течение всей зимовки, продолжавшейся 297 дней. Весной 1833 г. Пахтусов уточнил опись Никольского Шара и положил на карту Петуховский Шар, где открыл залив, который назвал именем Рейнеке. Во второй половине июня — начале июля он на шлюпке описал восточный берег Но-

¹ Взгляд на Белое море и сведения морской экспедиции В. Брандта (архангельского 1-й гильдии купца) к восточному берегу Новой Земли, в Карскую губу и устью Енисея. — Журнал мануфактур и торговли, 1835, ч. 2, № 5, с. 76.

² ЦГАДА, ф. 30, д. 70, л. 46, 53—56; ЦГАВМФ, ф. 1166, оп. 1, д. 5, л. 147.

вой Земли от губы Каменки до р. Саввиной, названной так в честь Саввы Лошкина, первым обошедшего Новую Землю.

11 июля 1833 г. Пахтусов оставил губу Каменку и спустя месяц достиг восточного устья Маточкина Шара, проведя на пути к нему 18 дней в ледовом плыву в заливе Литке. Из всего состава экспедиции только два человека оставались здоровыми, и Пахтусов отказался от мысли продолжать плавание к северу. 20 августа судно вышло из Маточкина Шара в Баренцево море. На пути в Архангельск оно было застигнуто штормом, который вынудил путешественников высадиться на берег полуострова Русский Заворот¹.

В январе 1834 г. Пахтусов прибыл в Петербург с журналами и картами «восточного берега южной половины Новой Земли»². Принимавшие большое участие в подготовке Северной экспедиции Литке и Рейнеке позаботились о том, чтобы это блестящее плавание было не только оценено по достоинству³, но и шло продолжение в снаряжении новой экспедиции. Клоков изъявлял готовность снова отправить «шхуну с карбасом» как для дальнейшей описи Новой Земли, так и для отыскания шхуны лейтенанта Кротова, судьба которого «остается и поднесть в неизвестности», с тем условием, чтобы суда «были исправлены и вооружены на счет казны».

Руководитель Гидрографического депо Ф. Ф. Шуберт поставил в известность об этом предложении Меньшикова. Шуберт считал возможным для снаряжения экспедиции «обратить» 7200 рублей, находящихся в остатках от Беломорской экспедиции и от «промера между Кронштадтом и Лисьим Носом», а недостающую сумму взять из ассигнований Морского министерства, «но если не предвидится к тому ныне возможности, то можно будет взять взаимобразно из суммы, ассигнованной Гидрографическим депо на выпуск инструментов для продажи морским офицерам»⁴.

Обращает на себя внимание та осторожность и обилие оговорок со стороны Гидрографического депо, которыми сопровождается представление о снаряжении экспедиции. Все сильнее ощущается, что Морское министерство стало на путь свертывания полярных исследований, от которых через несколько лет оно вовсе откажется, и Рейнеке будет с горечью писать Н. А. Бестужеву о том, что «наш Север от Архангельска до Новой Земли теперь забыт»⁵.

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 543, л. 6.

² Там же, ф. 1166, оп. 1, д. 5, л. 151. Ход и научные результаты новоземельских экспедиций П. К. Пахтусова впервые рассмотрены нами во вступительной статье к книге: Пахтусов П. К., Моисеев С. А. «Дневные записки...», а также в книге: Пасецкий В. М. Очарованный надеждой. Под ред. С. Б. Окуня. — Л.: Гидрометеиздат, 1970.

³ П. К. Пахтусов 21 апреля 1834 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени (ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 574, л. 9).

⁴ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 632, л. 37.

⁵ ИРЛИ, ф. 604, д. 15, л. 76.

Вопрос о посылке экспедиции был решен только 2 мая 1834 г. В распоряжение Пахтусова предоставлялись шхуна «Кротов» и бот «Казаков», принадлежащие Клокову. Остальные расходы брала на себя казна. 24 июля экспедиция покинула Архангельск. Попытки Пахтусова пройти Маточкиным Шаром на восточную сторону Новой Земли, не увенчались успехом, и он зимовал на берегу р. Чиракиной. Как и в предшествующую экспедицию, он вел метеорологические наблюдения, которые были затем проанализированы К. М. Бэрмом.

В апреле 1835 г. Пахтусов послал отряд под начальством А. К. Цивольки, который впервые положил на карту 150 верст восточного берега северной части Новой Земли между Маточкиным Шаром и полуостровом Фон-Флотта. Одновременно Пахтусов описал южный берег Маточкина Шара.

В конце июня 1835 г. Пахтусов на «Казакове» вышел в плавание. В губе Серебрянка на берегу о. Митюшева он обнаружил обломки судна, по всем признакам принадлежавшие безвестно исчезнувшей шхуне «Енисей» под командованием Кротова.

Направившись дальше к северу, Пахтусов установил, что «полуостров Адмиралтейства, показанный у Литке островом, найден ныне соединяющимся с Новой Землей низменным перешейком». 9 июля экспедиция подошла к островам Берха и Вильгельма (группа островов Горбовых), где бот был раздавлен льдами. Потеряв провизию, экспедиция высадилась на берег.

Спустя десять дней, 19 июля, Пахтусов, занимаясь описью, встретился с промышленником Ереминым, который согласился доставить экспедицию в Маточкин Шар. Возвратившись в зимовье и поручив Цивольке с четырьмя членами команды плыть в Сумский посад на ладье промышленника Челузгина, Пахтусов отправился с пятью матросами продолжать опись восточных берегов Северного острова Новой Земли. 23 августа, через две недели со дня выхода в новое плавание, они находились почти в 200 верстах от восточного устья Маточкина Шара, в виду мыса Дальнего, где были остановлены льдами. Пахтусов положил на карту «два большие залива и 15 островов»¹. Самый северный из них, находящийся на 75° с. ш. и 60° в. д. носит теперь имя исследователя. 3 сентября Пахтусов со своей командой покинул берега Новой Земли и 7 октября прибыл в Соломбалу. По возвращении в Архангельск Пахтусов заболел нервной горячкой, а через месяц его не стало.

Главная заслуга экспедиций Пахтусова состоит в том, что они положили на карту южное и восточное побережье Новой Земли от Карских Ворот до мыса Дальнего, которое раньше изображалось на картах пунктирной линией. Он уточнил положение ряда наиболее интересных в промышленном отношении губ и заливов западного берега и описал южный берег Маточкина Шара.

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 635, л. 151.

Кроме описи берегов, заливов и бухт и промера глубин, экспедициями Пахтусова велись наблюдения над течениями, приливами и отливами, «над силой магнетизма» и наклоном магнитной стрелки и были сделаны астрономические определения многих пунктов острова. Особый интерес представляли метеорологические наблюдения, которые велись через каждые 2—4 часа во все время пребывания экспедиции на Новой Земле. Академик А. Я. Купфер опубликовал их в «Своде магнитных и метеорологических наблюдений за 1845 год» (СПб., 1848) и разослал их 170 научным учреждениям и ученым всего мира. В начале сороковых годов в «Записках Гидрографического департамента» увидели свет «Дневные записки» Пахтусова, снабженные исчерпывающими комментариями Рейнеке¹.

Карты и гидрографические заметки, составленные Пахтусовым, служили пособием для мореплавателей более столетия. Между тем передовые моряки пытались добиться продолжения исследований Новой Земли. В начале 1837 г. Рейнеке направил Меншикову «Предположение о экспедиции для окончания описи Новой Земли». В нем он обращал внимание на пользу, которую может принести дальнейшему развитию морских промыслов, к этому времени достигших значительных размеров, изучение северной, еще не осмотренной части Новой Земли. Экспедиции предстояло обогнуть мыс Желания, исследовать Крестовую губу, которая, как предполагалось, соединялась проливом с заливом Медвежьим на восточной стороне Новой Земли, и подробно описать заливы западного берега острова до южной оконечности. «Предположение» Рейнеке было доложено Меншиковым Николаю I и 24 марта 1837 г. получено разрешение на отправку экспедиции в 1838 г.

Руководство экспедицией было поручено Цивольке, который показал себя энергичным исследователем как во время работ экспедиции Пахтусова в 1834—1835 гг., так и во время плавания с Бэрмом на Новую Землю в 1837 г. В январе 1838 г. Циволька в сопровождении прапорщика Моисеева и кондукторов Рогачева и Кернера выехал из Петербурга в Архангельск, где для экспедиции строились два судна: «Новая Земля» и «Шпицберген». 27 июня суда экспедиции вышли в море. Плавание они совершали отдельно. К месту предполагаемой зимовки — к губе Мелкой — Моисеев на шхуне «Шпицберген» пришел 27 июля, а Циволька на шхуне «Новая Земля» — 8 августа. Подготовив зимовье для жилья, 20 августа он пошел на карбасе к северу с намерением обогнуть мыс Желания. Одновременно он приказал Моисееву следовать в Крестовую губу и оставив там судно, пройти на карбасе на восточную сторону Новой Земли проливом, который, как он считал, существует в этом месте.

Однако прежде чем Моисеев покинул зимовье, возвратился Циволька. Он поднялся только до мыса Прокофьева, где был за-

¹ ЦГАВМФ, ф. 1166, оп. 1, д. 10, л. 19. «Дневные записки» П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева были переизданы «Географизмом» в 1956 г. (см. Пахтусов П. К., Моисеев С. А. Дневные записки...).

держан сильными ветрами и из-за болезни отказался от плавания на север. Работы пришлось отложить до будущей навигации. Во время зимовки Циволька умер. Взяв на себя руководство экспедицией, Моисеев летом 1839 г. выполнил ряд работ по описи и уточнению важных в промышленном отношении заливов и бухт западного побережья Новой Земли. Осенью экспедиция возвратилась в Архангельск¹; в пути шхуна «Новая Земля» потерпела крушение у Старцевой губы.

Экспедиция Цивольки—Моисеева не выполнила поставленных перед нею задач. Потеряв начальника экспедиции и 8 членов команды, она не могла продолжить описи северных и северо-восточных берегов Новой Земли. Но, несмотря на неудачи, экспедиция все же внесла важный вклад в исследование Новой Земли². Хотя здоровье путешественников было подорвано зимовкой, они описали западный берег Новой Земли от губы Мелкой до губы Машигиной. В заливе Моллера были исследованы все становища, а в Костином Шаре «описан весь берег от мыса Южного Гусиного до мыса Черного»³ и промерены глубины. Исследовались по футштокам приливы в губах Мелкой, Машигиной, Кармакульской и у р. Нехватовой. Широты этих пунктов были определены путем астрономических наблюдений. Во время зимовки в губе Мелкой велись ежедневные метеорологические наблюдения, на основе которых академик Бэр написал статью «Наблюдения над температурой воздуха под 70° с. ш.». Вместе с измерениями, проведенными экспедициями П. К. Пахтусова, они были опубликованы в «Своде наблюдений» (СПб., 1848) и вошли в состав труда Г. И. Вильда «О температуре воздуха в Российской империи», а также в состав трудов известного метеоролога Дове и других естествоиспытателей мира. Кроме того, в губах Южной Сильменевой, Мелкой, Машигиной и Кармакульской были выполнены наблюдения над склонением и наклоном магнитной стрелки. Тем самым экспедиция внесла вклад в развиваемые Россией магнитные исследования, которые таким образом были распространены от Черного моря (обсерватория в Николаеве) до Новой Земли и от Петербурга до Ситхи, где они были начаты по инициативе Врангеля.

Непосредственную связь с плаванием Цивольки—Моисеева имеет экспедиция для описи мелей у берегов Лапландии. Этот вопрос был поднят Рейнеке еще в 1837 г., но отложен «до удобного случая». Случай представился в 1840 г. в связи с необходимостью посылки судна в Старцеву губу, где прапорщиком Рогачевым после крушения шхуны «Новая Земля» под присмотром жителя Иоканского погоста В. И. Матрехина были оставлены вещи и такелаж.

¹ Моисеев на шхуне «Шпицберген» прибыл в Архангельск 8 сентября 1839 г. Команда погибшей шхуны «Новая Земля» во главе со штурманом Рогачевым добралась до Архангельска на промысловой лодке 19 октября.

² Алексеев А. И. Славный путь мореплавателя и географа. — Природа, 1962, № 8, с. 107.

³ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 819, л. 153.

Руководителем экспедиции по согласованию с Рейнеке был назначен штурман Афанасьев. 9 апреля он выехал из Петербурга. В Архангельске он получил предписание отправиться на шхуне в Старцеву губу, расположенную на Терском берегу, взять там остатки материалов шхуны «Новая Земля» и «осмотреть пространство в 15 итальянских милях к северу от острова Нокуева, где, по словам промышленников, видны бывают стамухи»¹.

18 июня Афанасьев вышел в море. Прибыв в Старцеву губу, он обнаружил, что от шхуны «Новая Земля» уцелела одна лишь палуба, так как подводная часть судна была унесена водой еще осенью 1839 г. Выломав из палубы железные и медные крепления и забрав в Иоканском погосте «вещи шхуны «Новая Земля», Афанасьев приступил к сбору сведений о мелях, которые ему предписано было исследовать, и, в частности, «о месте стамух, будто бы... виденных». «Но все они (промышленники — В. П.), — писал Афанасьев в своем отчете, — согласно показали, что ледяных стамух по близости Нокуева никогда не видели, а знают отличительную глубину 13 сажен, в 4-х верстах к НО-ку от становища Круглого; однако на ней стамух не бывает»².

С 14 по 20 июля экспедиция выполнила промер к северу от о. Нокуева, но в большинстве мест обнаружила глубины более 40 сажен; лишь в районе, указанном местными жителями, глубина составила 8 сажен. Свежие ветры заставили Афанасьева спуститься под защиту Семи островов. Отсюда прапорщик Кернер на нанятой лодке направился к о. Оленьему для обследования становища и подробной описи берегов. Тем временем Афанасьев определил широту Лицких островов и обследовал Лицкий берег. 5 августа экспедиция возобновила исследование моря к северу от о. Нокуева, но всюду находила большие глубины. Затем, как предписывалось Гидрографическим департаментом, определила «широту Мыса Черного и азимут его к Святому носу».

14 августа экспедиция направилась в Архангельск, сделав двухдневную остановку у мыса Керец для наблюдений над «манихою»³. Исследования показали, что манихи там не было. «Но по показанию жителей деревни Козлы, — писал Афанасьев, — это явление заметно в устье реки Зимней Золотницы и у Никольских железных ворот близ Березового бара». 28 августа экспедиция возвратилась в Архангельск. Она подробно осмотрела, включая мелкие заливы, берега от Семи островов до о. Оленьего и залива Нокуева. Кроме того, было определено географическое положение мыса Черного, островов Китая и Лицкого, р. Ивановки и «утвердилась опись восточной части Лапландского берега». По словам Афанасьева, «наблюдения над приливом пополнили недостатки

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 1017, л. 2. Стамухи — торосистые льды, севшие на мель у берегов или на банках.

² Там же, ф. 402, оп. 1, д. 1004, л. 20.

³ Маниха — приостановка повышения уровня во время прилива. Возникает главным образом в устьях рек в результате накладки на приливную волну текущих ей навстречу речных вод.

сведений и решили сомнения об этом явлении в некоторых местах по Лапландскому берегу в Белом море»¹. Описи и наблюдения экспедиции были использованы Рейнеке для пополнения «карт Атласа Лапландского берега» и «Гидрографического описания Северного берега России»².

Экспедициями Цивольки, Моисеева и Афанасьева в основном завершается деятельность русского флота по географическому изучению Европейского и Обского Севера в дореформенную эпоху. В течение 1819—1840 гг. моряками было предпринято три экспедиции для решения проблемы Северного прохода и для поисков северных земель, три экспедиции в Лапландию, не считая попутных исследований Литке, девять—для промера Белого моря, пять—для исследования западных и восточных берегов Новой Земли, пять—для изучения устьевого участка Печоры и описи берегов от Белого моря до устья Оби. Эти исследования были цепью взаимосвязанных и взаимообусловленных предприятий русского флота, подчиненных в первую очередь решению научных проблем и в отдельных случаях (Белое море, Кольский берег и устье Печоры) удовлетворению нужд морского флота и купеческого мореплавания. Вопрос о содействии развитию промыслов отражается лишь в официальных документах конца тридцатых годов, сохраняя при этом вспомогательное значение. Кроме того, на средства Н. П. Румянцева и Российско-Американской компании в 1818—1838 гг. было снаряжено 8 экспедиций в район Берингова пролива и на север Русской Америки.

Как отмечалось, русский флот в 1819—1840 гг. окончательно решил задачу о существовании Северного прохода в Тихий океан, которая была поставлена более столетия назад перед Великой Северной экспедицией и оставалась незавершенной до начала двадцатых годов XIX в. Значительная часть экспедиций русского флота повторяет пути отрядов Великой Северной экспедиции, но в то же время решаются новые задачи, такие, как поиски континента у Южного полюса, исследование Северо-Западного прохода, опись всех открытых к этому времени арктических островов, составление гидрографических описаний, атласов и навигационных карт арктических и субарктических морей и их районов.

На протяжении двадцатых и тридцатых годов было подробно обследовано побережье Лапландии, изучены берега, острова, мели, подводные банки, приливы, течения Белого моря, что позволило создать первое «Гидрографическое описание северного берега России». Были созданы совершенные карты арктических берегов России от полуострова Канина до устья Печоры и от Печоры до вершины Обской губы, от р. Оленек до Индигирки, от Индигирки до Колючинской губы, от Берингова пролива до мыса Врангеля на севере Русской Америки. К этому надо присовоку-

пить опись западного берега Новой Земли и исследование восточного берега этого острова, который до экспедиций 1832—1833 и 1834—1835 гг. вообще не был положен на карту. Затем следует отметить картирование островов Колгуева, Вайгача, Белого, Котельного, Новой Сибири, Фаддеевского, Белковского, Столбового, Ляховских и Медвежьих, предсказание почти точного местоположения о. Врангеля, опись северо-западных берегов и островов Русской Америки, берегов и островов Берингова пролива, восточного побережья Чукотки и Анадырского залива¹ (рис. 1).

Этот список выдающихся открытий завершает достоверные научные выводы о природе северо-востока Сибири, севера Русской Америки, Восточно-Сибирского и Чукотского морей, которые опровергли многие прежние полуфантастические взгляды и по сей день сохраняют свою научную ценность. Метеорологические и магнитные наблюдения, выполненные Пахтусовым и Циволькой на Новой Земле, Литке и Рейнеке—в Баренцевом и Белом морях, Врангелем и Анжу—на северных берегах Сибири, Литке и Васильевым—в Беринговом проливе, Кашеваровым и Загоскиным—на севере Русской Америки, послужили основой для научных представлений о климате Севера и были использованы в научных работах Воейковым, Бэрром, Купфером, Рыкачевым, Чихачевым, Веселовским, Вильдом, Парротом и другими учеными России. На основе наблюдений Колымской экспедиции было высказано суждение о существовании второго магнитного полюса в районе Колымы, который был заново «открыт» спустя столетие.

Многие важные географические открытия двадцатых и тридцатых годов нашли воплощение в «Атласе Южного моря» Крузенштерна, «Атласе северной части Восточного океана» Сарычева, в «Атласе Восточного океана» Кашеварова и «Атласе северо-западных берегов Америки» Тебенкова. Научные труды Врангеля, Литке, Рейнеке, Бэра, Завалишина, Чижова, Кибера, Геденштрома, Крузенштерна, Коцебу, Беллинсгаузена, Пахтусова, Моисеева, Кашеварова, Шамиссо, Эшшольца, Энгельгардта, Шишмарева, Сарычева, Головнина и многих других моряков и естествоиспытателей, участвовавших в различных экспедициях, явились фундаментом для успешного развития не только русской, но и мировой географической науки.

Полярные предприятия русского флота пережили очень сложную и весьма показательную для феодально-крепостнического государства эволюцию. Как отмечалось, первоначально полярные исследования рассматривались в качестве важных вопросов государственной политики. Однако уже к концу двадцатых годов царизмом был взят курс на свертывание полярных и морских исследований. Возвратившись в 1829 г. из кругосветного плавания, Литке был подавлен резким изменением отношения к научным исследованиям в морском ведомстве.

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 1004, л. 45.

² П л а в а н и е поручика Афанасьева к Лапландскому берегу в 1840 году.— Зап. Гидрограф. департ., ч. 3, 1845, с. 162—163.

¹ Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. Ч. 2. Восточный океан.— СПб., 1899, с. 27—29.

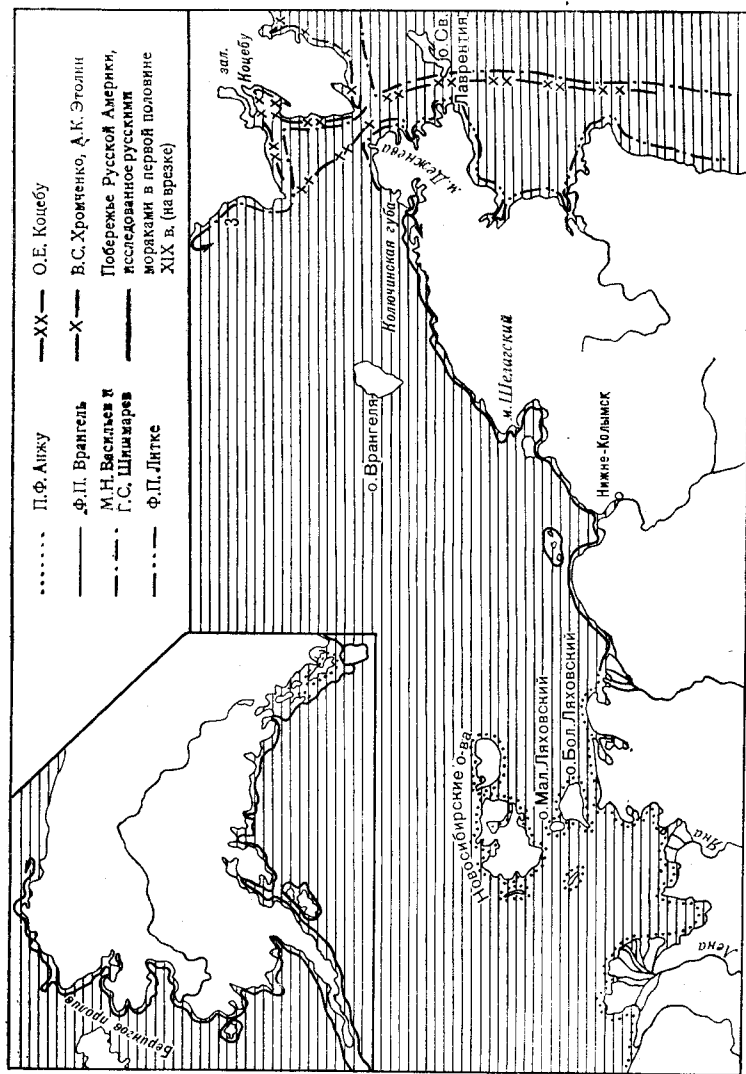

Рис. 1. Опись восточного района Русской Арктики и берегов Русской Америки (на врезке).

Спустя год после суда над декабристами Морское министерство подверглось преобразованиям. Коллегиальный Адмиралтейский департамент был упразднен и заменен более громоздким и обширным бюрократическим аппаратом, который похоронил многие важные проекты полярных исследований. Даже Сарычев, сосредоточивший в 1827 г. в своих руках руководство гидрографическими работами, очень немного мог сделать для продолжения полярных исследований и развития научных работ на других морях.

Морское министерство в тридцатых годах ставило препоны на пути к опубликованию результатов научных исследований, полученных ценой огромных жертв и усилий. Не увидели света «Записки о Новой Земле» Н. И. Завалишина, созданию которых он отдал несколько лет и которые бесследно исчезли среди бумаг ученого комитета Морского министерства. Такая же участь постигла «Путешествия» В. С. Хромченко. Остались забытыми записки А. П. Лазарева и мичмана Н. Д. Шишмарева, посвященные плаваниям к северу от Берингова пролива¹. Не увидели света и путевые дневники И. Н. Иванова, И. А. Бережных, П. Ф. Анжу. Только через шесть десятилетий из вахтенных журналов шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» были извлечены и опубликованы метеорологические наблюдения, имеющие сегодня не только историческое, но и важное научное значение. Безвозвратно исчезли журналы шлюпов «Восток» и «Мирный».

В тридцатых годах в России не осталось ни одного «журнала, в котором освещались бы вопросы, относящиеся к познанию обширного государства» (Бэр и Гельмерсен)². Прекратили свое существование «Сибирский вестник» и «Записки Государственного адмиралтейского департамента», «Северный архив».

Глубокая политическая реакция, наступившая после разгрома движения декабристов, не могла не сказаться отрицательно на развитии научных исследований, в том числе географических. В результате задачи изучения северных и восточных морей России, сформулированные в основных чертах в конце десятих — начале двадцатых годов, были выполнены далеко не полностью.

¹ Записки Н. Д. Шишмарева были несколько лет назад обнаружены в рукописном отделе Гос. публичной библиотечки им. Салтыкова-Щедрина (см. Кузнецова В. В. Новые документы о русской экспедиции к Северному полюсу. — Изв. ВГО, 1968, вып. 3, с. 237—245).

² Переписка Карла Бэра по проблемам географии. — Л., 1970, с. 182. (Далее: Переписка Карла Бэра...).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В Сороковых годах XIX в.

Промышленный переворот, происходивший в тридцатых—пятидесятых годах XIX в., мало затронул север Европейской России. Технические новшества и преобразования почти не отразились на морских промыслах. Удельный вес промышленного производства Архангельской губернии, в которой было 145 предприятий, в основном мелких, составлял в 1830 г. всего лишь $\frac{1}{500}$ часть общей промышленной продукции России¹. В лесной промышленности и внешней торговле господствовали казенные монополии. Особенно выгодные условия, которые царизм предоставлял иностранным предпринимателям, позволяли им вытеснить русских купцов и капиталистов с ключевых позиций в экономике и торговле Европейского Севера. Поморье все более и более превращалось во внешний рынок для Англии и других европейских держав, одновременно не являясь «внутренним рынком для России»².

Взоры русских предпринимателей в сороковых годах все чаще обращались «на необъятные пространства земли и природные богатства» восточной части Архангельской губернии — Печорский край. Как и весь Европейский Север, он оставался крайне слабо связанным в хозяйственном отношении с Центральной Россией «вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщений»³.

В первой половине XIX в. все большее число прогрессивных представителей России приходят к мысли, что развитие промышленности и вовлечение в хозяйственную деятельность так называемых «диких» окраинных земель невозможно без новых путей сообщения. Многие из исследователей, путешествующих по Северу с научными целями, уделяют этому вопросу большое внимание. Так, А. И. Шренк, находясь в 1837 г. в Усть-Цильме, собирал сведения от чердынских купцов о том, что они доставляют товары в Печорский край, и затем выступил с предложением об улучшении водных путей. В частности, он считал желательным соединить каналом р. Вогулку (Волжско-Камский бассейн) и р. Волосницу (Печорский бассейн). По его мысли, такой канал легко может быть проведен, если углубить русла упомянутых мелководных рек. Он писал: «Есть также возможность соединить Волгу с тремя большими реками Севера Европейской России — Печорою, Мезенью и Северной Двиной. Такое сообщение принесло бы ту выгоду, что обитатели Северного края России вследствие облегчения подвоза продуктов из внутренних губерний навсегда

были бы обеспечены на счет жизненных потребностей, а с другой стороны произведения северной полосы и ее моря были бы гораздо доступнее для жителей внутренней России. Посредством Вычегды и Волга и Двина могут быть соединены с Мезенью; для этого надо провести канал или между Юлою, притоком Вычегды, и Ирвою, притоком Мезени, или между Торою и Яренгою, притоками Вычегды, и Вашкою, побочною Мезени. С Печорою Волга может быть соединена или подобным же образом, т. е. при помощи Вогулки и Волосницы или, что еще лучше, посредством двух рек, носящих одно название Милвы, из которых одна впадает в Печору, далеко ниже Волосницы, а другая дает начало притоку Вычегды»⁴.

А. И. Шренк считал, что такой канал значительно оживил бы хозяйство Севера, способствовал бы развитию промыслов и занятости населения и ограничил бы произвол купцов, которые назначали чрезмерно высокие цены на хлеб, пользуясь тем, что казенные хлебные магазины не удовлетворяли нужд населения.

«Голод, которому, к сожалению, так часто подвергаются северные жители, был бы, наконец, предотвращен и благосостояние необходимо водворилось бы между жителями целого края»².

А. М. Кастрен, путешествовавший шестью годами позже А. И. Шренка, тоже интересовался вопросом организацией путей сообщения между Европейским Севером и Западной Сибирью. По его мысли, благодаря соединению каналом «Оби с Печорою, северные продукты могли бы идти за границу через Пустозерск... Если этот план, — продолжал исследователь, — когда-нибудь приведется в исполнение, то он неминуемо окажет величайшее влияние на культуру страны и на цивилизацию диких ее областей»³.

Хотя промышленный переворот слабо сказался на хозяйственном развитии Севера в сороковых годах, все же он в определенной степени повлиял на полярные исследования. Еще в конце двадцатых — начале тридцатых годов купец А. Деньгин дважды поднимал вопрос об использовании природных богатств Печорского края⁴. Те же цели преследовал рассмотренный нами проект П. И. Клокова, попытавшегося совместно с купцом В. Брандтом установить морское торговое сообщение с Енисейским Севером. Несколько поездок и экспедиций совершили В. Н. Латкин, И. Богуслав и П. И. Крузенштерн. Они не только изыскивали новые пути сообщения Севера с Центральной Россией и Западной Европой, но и выясняли вопросы капитализации морских промыслов.

¹ Шренк А. И. Путешествие по Северо-Востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам, предпринятое в 1837 г. Александром Шренком. — Дерпт, 1855 (Далее: Шренк А. И. Путешествие...).

² Шренк А. И. Путешествие..., с. 187.

³ Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. — Магазин земледелия и путешествий, 1860, т. 6, с. 176. (Далее: Путешествие Кастрена...).

⁴ Сведения о реке Печоре, собранные вологодским гражданином Александром Деньгиным. — Отечественные записки, 1828, кн. 104.

¹ Трофимов П. М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. — М., 1961, с. 82.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 596.

³ Там же.

Экспедиции, снаряжавшиеся с научными целями, были направлены на исследование природных условий и ресурсов, использование которых должно было в конечном счете способствовать развитию не феодальных, а буржуазных отношений. Безусловно, мнения А. А. Кейзерлинга и других исследователей о нефтеносности Печорского края, о наличии там месторождений железных и медных руд, серных колчеданов и каменного угля¹ создавали предпосылки для промышленного освоения природных богатств Севера.

Заключительный этап полярных исследований России в первой половине XIX в. хронологически охватывает конец тридцатых и сороковые годы. В это время постепенно утрачивает свою ведущую роль в изучении Севера военно-морской флот, офицерам которого, по справедливым словам Ф. П. Литке, сказанным в день открытия Географического общества, Россия была «обязана точнейшими описями отдаленнейших берегов»². Тогда же Морское министерство не только забыло о Севере, но и почти прекратило издание печатных работ, освещающих результаты экспедиций. Это весьма беспокоило передовую общественность России.

В 1840 г. К. М. Бэр и Г. П. Гельмерсен выступил в «Петербургской газете» со статьей, в которой отмечали, что прекращение публикаций результатов русских географических исследований наносит ущерб национальным интересам России и репутации русской науки. В итоге такого пренебрежения гибнут многие ценнейшие материалы, а «иностранные путешественники вновь «открывают» в России то, что является достоянием отечественной науки, так как открытия русских ученых остаются для них неизвестными»³.

Только в начале сороковых годов М. Ф. Рейнеке удается приступить к изданию «Записок Гидрографического департамента», в трех выпусках которых он публикует дневники П. К. Пахтаусова, где описываются два его плавания на Новую Землю, материалы о путешествиях А. К. Цивольки с К. М. Бэром и А. К. Цивольки с С. А. Моисеевым. А в следующих выпусках А. С. Соколовым (сотрудником М. Ф. Рейнеке) публикуются первые, основанные на архивных источниках, статьи об экспедициях П. Ф. Анжу, И. Н. Иванова, И. А. Бережных и многие другие материалы по истории мореплавания.

«Самое утешительное и отрадное явление последнего времени есть без сомнения движение в ученой и учебной литературе»⁴, — писал В. Г. Белинский о русской литературе в 1841 г. В числе наиболее примечательных книг «по этой части» он называл «Путе-

¹ Антипов 2-й. О горных исследованиях в Печорском крае, произведенных в 1857 г. — Горный журнал, 1858, кн. 4, с. 1—37. См. также: Геологическая изученность Арктики и Субарктики Союза ССР. — Труды Всесоюз. Аркт. ин-та, 1939, т. 89, с. 116.

² Отчет Русского географического общества за 1845—1846 гг. — В кн.: Зап. Русск. геогр. об-ва. Кн. 1 и 2. Изд. 2-е. СПб., 1849, с. 15.

³ Переписка Карла Бэра ..., с. 183.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5. — М., 1956, с. 586.

шествие по северным берегам Сибири» Ф. П. Врангеля и «Прибавление» к этому путешествию, а также исследование проф. Шуровского «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях».

В той же статье В. Г. Белинский отмечает, что русская литература «сближается с обществом, с действительностью, хочет быть сознанием общества, его выражением»¹. Как и в русской литературе, в полярных исследованиях тридцатых и в особенности сороковых годов отражаются некоторые тенденции общественного движения этого времени. Все чаще в статьях и книгах о путешествиях на Русский Север говорится о победоносном шествии «вольшебницы-промышленности», преобразующей дикие леса и забытые земли, все настойчивее звучат голоса о великом значении развития путей сообщений (водных и даже железнодорожных), снова и снова обращаются взоры капиталистов к Европейскому Северу, не знавшему крепостного права.

Полярные исследования сороковых годов существенно отличаются от таковых в предшествующие десятилетия. Преданы совершенному забвению такие проблемы, как окончательное решение вопроса о существовании Северного материка, исследование морского пути между Тихим и Атлантическим океанами, а вместе с ними и изучение побережья арктических областей Восточной Сибири и Русской Америки. В огромный район, лежащий между устьем Лены и мысом Врангеля на северном берегу Америки, не направляется ни одна русская научная экспедиция. Правда, на юге от Берингова пролива время от времени появляются партии служащих Российско-Американской компании, среди них надо отметить путешествия незаурядного морского офицера Л. А. Загоскина.

Более успешно развиваются полярные исследования на Европейском, Ямальском и Таймырском Севере (рис. 2). В этих районах проводят изыскания представители Русского географического общества, Корпуса горных инженеров, моряки, частные лица, чиновники различных ведомств. Активизирует свою деятельность в Арктике Академия наук, которая с начала столетия почти не отправляла самостоятельных экспедиций, ограничиваясь лишь некоторым участием в наиболее крупных путешествиях. Но ни одна из снаряженных экспедиций не имела размаха прежних времен. Если в двадцатых годах на снаряжение полярных экспедиций тратились миллионы рублей, то в тридцатых и в особенности в сороковых годах даже немногие тысячи приходилось доставать с необычайным трудом, упорно доказывая, что пренебрежение исследованиями на Севере наносит ущерб не только научным, но и государственным интересам.

Следы трудной борьбы передовой интеллигенции России на протяжении этих страшных лет, которые В. И. Ленин назвал «эпо-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5. — М., 1956, с. 586.

хой николаевской, крепостной»¹, сохранились в десятках архивных дел, дневниках и письмах современников. Отдельные ученые, моряки, купцы отдавали значительные суммы, порой все свое состояние на исследование Печорского края, Новой Земли, о. Колгуева, Канинской тундры и забытого северо-востока Сибири. Почти все, что в это время сделано, — сделано трудом и пожертвованиями передовых людей России.

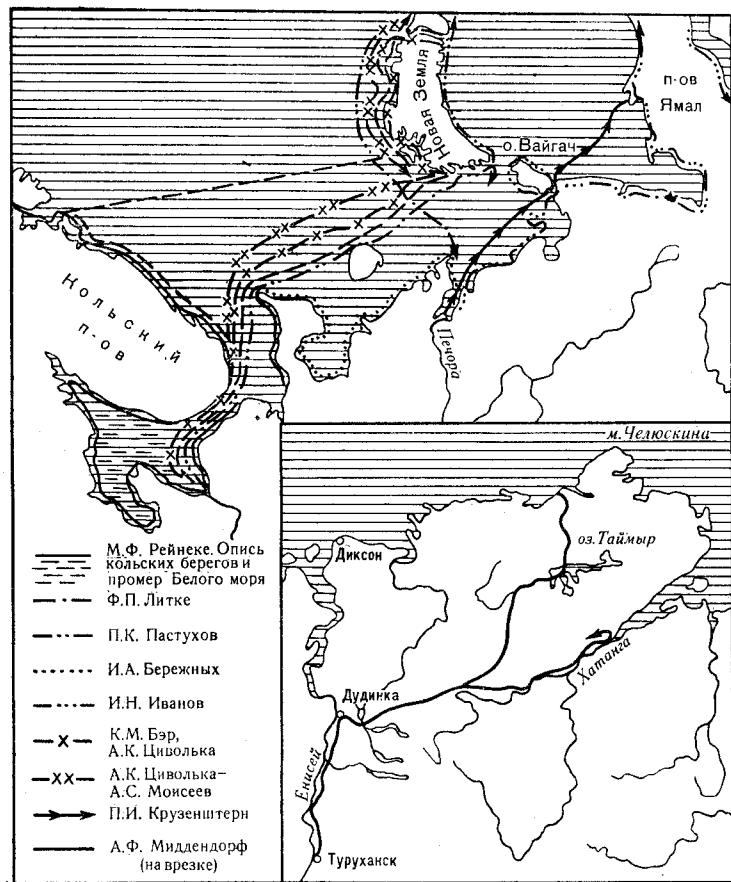

Рис. 2. Опись западного района Русской Арктики (на врезке Таймырское путешествие А. Ф. Миддендорфа).

В тридцатые годы обозначилось стремление Морского министерства к свертыванию научных исследований на побережье, островах и в водах Северного Ледовитого океана. Вместе с тем Север начал привлекать внимание других ведомств. В 1834 г. штаб

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 197.

Корпуса горных инженеров командировал на Кольский полуостров инженера Широкина. Он первым исследовал западные склоны Хибинских гор, определил их протяженность и высоту, а результаты геологической съемки опубликовал в «Горном журнале»¹. К статье была приложена первая геологическая карта Кольского полуострова².

Кроме корпуса горных инженеров в изучении Европейского Севера принимали участие Министерство финансов, Министерство государственных имуществ, Русское географическое общество, Академия наук. Инициатива в исследованиях перешла именно к Академии наук. В 1836 г. был утвержден ее новый устав. Все научные направления были разбиты на три группы: «1) математические и физические, 2) естественные, 3) исторические и политические»³. Издания Академии наук были освобождены от цензуры.

Важно отметить, что почти всем наиболее выдающимся трудам о Севере России, увидевшим свет в тридцатых и сороковых годах, были присуждены демидовские премии⁴. Этой награды были удостоены капитальные работы И. Ф. Крузенштерна, М. Ф. Рейнеке, Ф. П. Врангеля, А. А. Кейзерлинга и П. И. Крузенштерна, Э. К. Гофмана, Ф. П. Литке, А. И. Шренка, М. А. Кастрена, Л. А. Загоскина.

С переходом инициативы в области полярных исследований к Академии наук связано изменение и характера исследований. Если Морское министерство основное внимание уделяло картированию берегов, промерам глубин, изучению якорных стоянок и судоходных фарватеров, то для полярных экспедиций Академии наук главной задачей стало изучение животного и растительного мира, климата, геологического строения, вечной мерзлоты, этнографии малых народов и другие научные проблемы.

Всего с 1837 по 1853 г. на север России было совершено более 20 экспедиций и поездок. Однако в трудах по истории отечественных исследований в полярных странах, как правило, рассматриваются лишь широко известные научные предприятия Академии наук: плавание К. М. Бэра к Новой Земле и сибирское путешествие А. Ф. Миддендорфа. Гораздо меньше внимания уделяется экспедициям и поездкам Широкина, А. И. Шренка, В. Г. Бетлинга, К. И. Гревинга, А. А. Кейзерлинга, Ф. И. Рупрехта — А. С. Савельева, П. И. Крузенштерна, В. Н. Латкина, М. А. Кастрена, Э. К. Гофмана. Они либо рассматриваются очень бегло, либо только упоминаются.

¹ Широкин. Геогностический обзор берегов Кандалакшской губы и Белого моря до г. Кеми в Архангельской губернии. — Горный журнал, 1835, ч. 1, кн. 3, с. 397—427.

² Тихомиров И. К. Кто был первым исследователем Хибин? — Изв. ВГО, 1949, т. 81, вып. 4, с. 427.

³ История Академии наук СССР. Т. 2. — М., Л., 1964, с. 23.

⁴ Демидовские премии (по 5 тыс. рублей) были учреждены в 1831 г. Они присуждались за счет ежегодных взносов П. Н. Демидова. После его смерти в 1840 г. его наследники вносили ежегодно по 20 тыс. руб. на протяжении четверти века (до 1865 г.).

Экспедиции Академии наук на север Европейской России

Основные материалы о первой научной экспедиции на берега Новой Земли, которой руководил К. М. Бэр, введены в научный оборот¹. При подготовке настоящей работы было обнаружено всего лишь несколько неизвестных ранее документов, освещающих роль великого ученого в организации русских полярных исследований.

Север на протяжении многих лет привлекал внимание К. М. Бэра. В 1819 г. при посещении родной Эстонии ученый, в то время занимавший должность профессора зоологии Кенигсбергского университета, встретившись с И. Ф. Крузенштерном, выразил желание принять участие в одной из русских полярных экспедиций. Вскоре И. Ф. Крузенштерн предложил (через В. М. Головнина) Адмиралтейств-коллегии кандидатуру К. М. Бэра на должность натуралиста Колымской экспедиции. Однако К. М. Бэр отказался, так как не мог бросить службу на три года.

В 1834 г. К. М. Бэр обратился к И. Ф. Крузенштерну с просьбой помочь ему «бросить якорь в своем отечестве». При его содействии К. М. Бэр был избран членом Петербургской Академии наук.

В начале 1837 г. К. М. Бэру стало известно, что М. Ф. Рейнеке предпринимает попытку добиться снаряжения в 1837 г. экспедиции, которая должна была завершить описание Новой Земли². Ученый решил использовать это плавание для исследования животного и растительного мира этого острова.

Однако начальник Морского штаба А. С. Меншиков отложил отправление экспедиции. Тогда по настоянию К. М. Бэра и Ф. Ф. Брандта Академия наук обратилась с письмом к министру народного просвещения С. С. Уварову, в котором была обоснована необходимость изучения Новой Земли в зоологическом и ботаническом отношениях. В письме указывалось, что животный и растительный мир Гренландии, Шпицбергена и северных берегов Америки достаточно полно исследован зарубежными экспедициями, в то время как флора и фауна северного побережья России остаются малоизученными. Научные исследования на севере России и в особенности на открытой русскими в древние времена Новой Земле необходимы были «не только для расширения ученых познаний вообще», но и для поддержания престижа русской науки. «Если бы Академия сама от себя отправила экспедицию, — считали К. М. Бэр и Ф. Ф. Брандт, — то произошла бы та большая выгода, что имелась бы в виду одна только цель естественных наук и можно было бы ожидать гораздо обильнейших плодов»³.

¹ Соловьев М. М. Бэр на Новой Земле. Т. 1. — М., 1934; Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. — М.; Л. 1961; Плавание к Новой Земле Цивольки и Бэра. — Морской сборник, 1854, № 4 и другие работы.

² Бэр К. М. Автобиография. — М., 1950, с. 264.

³ ЦГИА, ф. 733, оп. 12, д. 493, л. 3.

13 марта 1837 г. С. С. Уваров обратился к А. С. Меншикову с просьбой дать разрешение А. К. Цивольке принять на себя командование шхуной «Кротов» и «заведывание снаряжаемой от Академии ученой экспедиции». Все издержки Академия брала на себя. 27 марта А. С. Меншиков сообщил о своем согласии, а 1 апреля С. С. Уваров приказал составить подробный план и смету экспедиции.

На экспедицию Академией наук было отпущено 6185 руб. Кроме К. М. Бэра, в ней участвовали натуралист Дерптского (Тартуского) университета Леман, художник петербургского Монетного двора Рэдер, препаратор Зоологического музея Филиппов и слугитель Дронов.

Вскоре выяснилось, что предоставленная экспедиции шхуна «Кротов» не может вместить всех ее членов. К. М. Бэру удалось договориться с помором А. Ереминым, чтобы тот взял на борт лодьи «Св. Елисей» некоторых участников экспедиции. Во второй половине июня путешественники покинули Архангельск.

В ночь на 2 июля суда достигли Лапландии и отдали якоря вблизи деревни Пялицы. В ее окрестностях путешественникам открылось целое море лишайников, угрожавшее местами вытеснить высшие растения¹. Следующую остановку путешественники сделали в селе Поной, где снова занимались исследованием растительного и животного мира беломорских берегов.

19 июля суда отдали якоря у входа в пролив Маточкин Шар, вблизи устья р. Чиракиной, где А. К. Циволька зимовал вместе с П. К. Пахтусовым в 1834-35 г.

К. М. Бэр ступил на Новую Землю, природу которой еще никогда не исследовал ни один ученый-натуралист. Несколько дней путешественники занимались изучением окрестностей, прилегающих к западному входу в пролив Маточкин Шар.

31 июля суда направились к восточному устью Маточкина Шара, но в Переуэзе встретили лед, находившийся в постоянном движении. Оставив здесь суда, К. М. Бэр предпринял на лодке плавание на карскую сторону. Сильный западный ветер очистил Карское море и льда не было видно даже с окрестных гор.

На карской стороне острова ученые обнаружили мало следов животной жизни. К ночи 2 августа путешественники возвратились к месту стоянки судов. 3 августа суда покинули Маточкин Шар. Экспедиция обследовала губу Безымянную. К. М. Бэр выяснил, что встречающиеся здесь куски угля, которые находили ранее промысленники, принесены океаном из других мест.

6 августа путешественники высадились на юго-западном побережье Новой Земли, в устье р. Нехватовой. К. М. Бэр занялся изучением соленых озер, соединенных между собой руслом р. Нехватовой, а натуралист Леман исследовал геологическое строение окрестностей Костина Шара. 31 августа экспедиция покинула Костин Шар и 11 сентября возвратилась в Архангельск.

¹ Бэр К. М. Путешествие на Новую Землю. — Журнал Министерства народного просвещения, 1838, ч. 17, с. 681.

Экспедиция К. М. Бэра была первой научной экспедицией на берега Новой Земли. Это, разумеется, не означает, что предшествующие ей путешествия не имели научного значения. В развитии научных представлений о природе Арктики большую роль сыграли плавания Ф. Ф. Розмыслова и Лудлова, А. П. Лазарева и Ф. П. Литке, а также две экспедиции на Новую Землю П. К. Пахтусова. В результате экспедиций были получены первые круглогодичные сведения о метеорологическом режиме этой арктической области. Вместе с тем ни П. К. Пахтусов, ни его предшественники, будучи по образованию морскими офицерами, не могли так глубоко исследовать явления природы, как это сделал ученый-естественник, обладающий огромной эрудицией и исключительной одаренностью. Именно К. М. Бэр первым проанализировал и обобщил материалы метеорологических наблюдений П. К. Пахтусова и заложил основы климатологии Новой Земли.

Экспедиции К. М. Бэра по праву принадлежит создание первого научного представления о растительном мире Новой Земли. За шесть недель ему удалось собрать и исследовать 135 видов растений из 160 известных к настоящему времени. Ученый дал научное описание многих видов млекопитающих, птиц, рыб и низших животных, обитающих в водах и на берегах Новой Земли. Ему удалось собрать близ Новой Земли 70 видов беспозвоночных, в то время как английский полярный исследователь Скоресби привез со Шпицбергена всего лишь 37. В 1838 г. К. М. Бэр опубликовал исследование о растительности и климате Новой Земли, где впервые рассматриваются не только статистические данные о растительном мире, но и динамические совокупности растительных сообществ¹.

Однако во 2-м томе «Истории Академии наук» содержится сообщение о том, что участники Новоземельской экспедиции 1837 г. во главе с К. М. Бэром не сумели проникнуть в Карское море и «утверждали, что оно непроходимо». Далее делается вывод, что «их ошибка оказала известное влияние на дальнейшее развитие мореплавания в этой части Северного Ледовитого океана»². Этот вывод представляется весьма не убедительным. Прежде всего, выйдя к восточному устью Маточкина Шара, К. М. Бэр был поражен не обилием льдов в Карском море, а их отсутствием. В своем донесении в Академию наук ученый сообщал, что льды от восточных берегов Новой Земли были угнаны за горизонт штормовыми западными ветрами и он видел в Карском море лишь чистую воду.

Еще труднее поверить, что наблюдения К. М. Бэра, которые продолжались всего лишь в течение одних суток, могли лечь в основу представлений о непроходимости Карского моря и что это

¹ Трасс Х. Х. Интересы и труды К.-Э. М. Бэра в области ботаники. — В кн.: Мат-лы науч. конференции, посвященной 175-летию со дня рождения К.-Э. М. Бэра. Тарту, 1967, с. 21—22.

² История Академии наук СССР. Т. 2. — М.; Л., 1964, с. 113.

якобы задержало развитие мореплавания в западном районе Арктики. Ученый действительно считал, что в Карском море существует замкнутый бассейн, где лед сохраняется дольше. Тем самым он предсказал существование Новоземельского ледяного массива, который является грозным препятствием даже для современных судов. Однако К. М. Бэр полагал, что при определенных условиях в Карском море возможны плавания небольших судов местных промышленников. Так, он вместе с М. Ф. Рейнеке, А. К. Циволькой и Ф. П. Литке участвовал в неофициальном обсуждении вопроса о снаряжении экспедиции для завершения описи Новой Земли. В число ее задач входил обход со стороны Баренцева моря мыса Желания и плавание Карским морем до Маточкина Шара. Кроме того, в 1840 г. К. М. Бэр, представляя в Академию план научных исследований на севере России, выступил с предложением отправить небольшое промышленное судно (лодью) в юго-западную часть Карского моря, к берегам Ямала для доставки обнаруженного там мамонта.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что К. М. Бэр не считал Карское море непроходимым, хотя и признавал, что плавание крупных судов в его водах сопряжено с большими трудностями из-за большого скопления льдов¹. Это заключение К. М. Бэра отражало уровень знаний о Карском море, где не раз приходилось бороться со льдами и П. К. Пахтусову. И в настоящее время мореплаватели в его водах встречаются с Новоземельским ледяным массивом. В 1969 г. ледоколы, в тысячи раз более мощные и более прочные, чем деревянные суда, встретились с большими трудностями и опасностями в связи с тяжелой ледовой обстановкой в Карском море.

Развитие торгового мореплавания в Карском море задержалось не из-за «ошибочных» высказываний К. М. Бэра, а из-за общей отсталости крепостнической России, переживавшей глубокий кризис феодальных отношений. Как уже отмечалось, после трагического эпилога исследований А. К. Цивольки и А. С. Моисеева Морское министерство ни в сороковых, ни в пятидесятых годах почти не предпринимало работ по изучению севера России. Развитие полярных исследований в это время не приостановилось только потому, что наиболее передовые ученые неустанно вели борьбу за национальное достоинство русской науки. И среди этой плеяды ученых одно из первых мест принадлежит К. М. Бэру.

¹ Высказывание К. М. Бэра о ледовитости Карского моря подверглось критике со стороны зарубежных географов Ф. Гельвальда и А. Петермана. По поводу этих тенденциозных и некорректных выпадов К. М. Бэр писал Ф. П. Литке. Он возражал против попыток принимать его вывод о ледовом режиме Карского моря «как утверждение, будто это море нельзя объехать, причем храбрые Дон-Кихоты не дают себе труда найти место, где употреблено это выражение». По словам ученого, не он, К. М. Бэр, а именно А. Петерман «как раз объявил его не судоходным, а не я» (См. Переписка Карла Бэра..., с. 163—164). Ф. Гельвальд впоследствии пересмотрел свой взгляд на «ошибочность» выводов К. М. Бэра (См. Гельвальд Ф. В области вечного льда. — СПб., 1884, с. 812).

Взгляды ученого на природу Северного Ледовитого океана предельно четко сформулированы в отзыве на английский проект экспедиции к Северному полюсу, присланном в Академию наук Р. Мурчисоном, президентом Английского королевского географического общества.

К. М. Бэр полагал, что главной задачей планируемых полярных исследований должно быть решение вопроса о том, «находится ли вокруг полюса обширное море или еще значительное пространство суши». Он писал, что существует несколько гипотетических предположений о природе в районе Северного полюса. Одни считают, что там довольно мягкий климат, другие предполагают наличие там острова, окруженного льдом. По словам К. М. Бэра, он и его коллеги «склоняются к точке зрения русских промышленников, научно обоснованной и защищаемой адмиралом Врангелем, именно, что вокруг полюса нет постоянного сплошного ледяного покрова»¹. Поэтому такое путешествие — и это уже немалое достижение — опровергло бы многие «нелепые гипотезы»².

Главную цель К. М. Бэр видел не в том, что именно найдет экспедиция на самой северной точке земного шара. «Дело ведь не в самом полюсе, — писал он. — Это такая же точка как и все другие»³. Самым ценным К. М. Бэр считал получение достоверных сведений о природе еще неведомой в те времена Центральной Арктики.

Путешествие А. И. Шренка. Одновременно с экспедицией на Новую Землю (8 апреля 1837 г.) Академия наук отправила в Печорский край 22-летнего ученого А. И. Шренка, поручив ему собрать ботанические коллекции для Петербургского ботанического сада⁴.

19 мая А. И. Шренк со своими спутниками покинул Мезень. Он изучал геологию, быт населения, промыслы, торговлю, собирал коллекции, интересовался географией и историей⁵. 10 июня путешественники вышли к Печоре и вскоре прибыли в Усть-Цильму, где сделали продолжительную остановку.

Из Усть-Цильмы А. И. Шренк отправил в Петербург собранные им гербарии и коллекции. 17 июня в сопровождении пяти работников и проводника он снова двинулся в путь. В лодку было погружено около 100 пудов различных запасов и снаряжения.

25 июня достигли р. Колвы — реки, текущей с севера на юг. Ее истоки находились в нескольких десятках километров от побережья Северного Ледовитого океана. 10 июля А. И. Шренк оставил лодку. Погрузив запасы и снаряжение экспедиции на несколько саней, он отправился дальше к северу. Вскоре он достиг

¹ Радовский М. И. К. М. Бэр об экспедиции на Северный полюс. — Труды Ин-та истории естествознания и техники, 1957, т. 16, с. 337.

² Там же, с. 338.

³ Там же.

⁴ А. И. Шренк родился в 1816 г. в селе Тризново Тульской губернии, окончил Дерптский университет.

⁵ Шренк А. И. Путешествие..., с. 132.

водораздела между печорским бассейном и бассейном речек, текущих в Печорское море.

Утром 24 июля А. И. Шренк и его спутники прибыли к проливу Югорский Шар. На его берегу они нашли четыре поморских зимовья и становище рыбаков-ненцев. 25 июля А. И. Шренк переправился на лодке через пролив на о. Вайгач. Осмотрев остров, путешественник нашел, что горные породы острова и континента тесно связаны и в далекие времена претерпели одинаковые изменения. В этот же день к вечеру А. И. Шренк вернулся на материк к ожидавшим его спутникам, а 27 июля они тронулись в путь по направлению к Полярному Уралу.

7 августа путешественники достигли р. Кары. На следующий день А. И. Шренк совершил восхождение на одну из вершин горной системы Гато.

Несколько дней он провел на Полярном Урале, изучая его геологию, тектонику горных массивов и их связь с горными образованиями на Южном острове и на о. Вайгач. Он внимательно обследовал горы, собрал сведения о проходах через Уральский хребет.

9 августа экспедиция оставила Полярный Урал. На обратном пути А. И. Шренк посетил Пустозерск, которому в его книге отведен не один десяток страниц. Путешественник подробно описал рыбные и звериные промыслы, торговлю, скотоводство и оленеводство, окрестную флору, историю селения.

6 сентября экспедиция снова была в пути. Переправившись через Печору, путешественники погрузили свое имущество на оленьи нарты. 12 сентября достигли с. Индиги, откуда А. И. Шренк со своими провожатыми направился к южной части п-ова Канин Нос. По пути он обследовал отроги Тиманского кряжа и составляющие их горные породы.

1 октября А. И. Шренк со своими спутниками прибыл в село Несь, расположенное вблизи устья одноименной реки. Через 5 дней А. И. Шренк был в Мезени, откуда он четыре с половиной месяца назад отправился в свой путь к Полярному Уралу. Скромную поездку, имевшую целью сбор ботанической коллекции, он превратил в исключительное по своей значимости путешествие. Во время всего пути от Мезени до Полярного Урала и обратно А. И. Шренк не прошел почти ни одного километра одной и той же дорогой.

Шренк был первым ученым-путешественником, проникшим на крайний восток севера Европейской России. Он изучал районы Большеземельской и Малоземельской тундр, Канина Носа и Югорского Шара, о. Вайгач и Полярного Урала. Он плыл по водам Кары, Усы, Колвы, Печоры, Цильмы, Пензы, Мезени, Пинеги и Северной Двины. Каждый день его был заполнен различными научными наблюдениями. Он готов был уклониться от маршрута на десятки верст, чтобы взглянуть на интересовавшие его горы или растения. О тех местах, которые ему не удалось посетить, он тщательно собирал сведения от местных жителей.

Результаты его экспедиции были поистине удивительны. Они опубликованы в его двухтомном труде: «Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам...» В этом капитальном исследовании дан орографический и геогностический обзор Северного (Полярного) Урала. Большое место в работе отведено физико-географическому обзору районов, заселенных ненцами, заметкам о их быте, обычаях, народных песнях и сказках, а также словарю ненцев и коми (зырян), снабженному обширными замечаниями путешественника.

Интерес представляет часть труда, посвященная рассмотрению границ древесной растительности в северо-восточной части Архангельской губернии. К этому разделу был приложен список растений, встреченных и обследованных А. И. Шренком, и сводная таблица их географического распределения.

Немалое место в работе уделено истории путешествий в северо-восточную часть Европейской России, описанию животного мира и промыслов морского зверя в Белом море и тундре. В ней есть и строки о необходимости соединения наиболее крупных рек Европейского Севера в единую систему водных путей и предложение прорыть канал между Печорой и Волгой. Осуществление этих мер, по мнению А. И. Шренка, значительно оживило бы хозяйство далекого Севера, ограничило произвол купцов, предотвратило хронический голод и способствовало благосостоянию народов Севера.

Это исследование А. И. Шренка было своеобразной энциклопедией по Малоземельской и Большеземельской тундрам и Полярному Уралу. Важное научное значение его путешествия отмечалось многими выдающимися представителями географической науки. Академик Г. П. Гельмерсен писал, что исследования А. И. Шренка «пролили много нового света» на вопросы географии севера Печорского края и Полярного Урала, в том числе и на его гидрографию, торговые пути, состояние промыслов и торговлю. По мнению М. А. Кастрена, А. И. Шренк проявил себя как пытливый этнограф, изображающий «все с крайнею точностью»¹. Книга А. И. Шренка была удостоена демидовской премии.

Работы Шренка даже в начале XX в. представляли, по словам Г. И. Танфильева, «важнейший источник для ознакомления с крайним северо-востоком Европейской России. Ни природа, ни подробно описываемый автором быт самоедов и зырян с тех пор не изменились, как свидетельствуют позднейшие исследователи. Эти последние захватывали всегда лишь небольшую часть страны, почему значение Шренка ими нисколько не умаляется»².

¹ Девятнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. — СПб., 1850, с. 23, 25.

² Танфильев Г. И. Пределы лесов в Полярной России по исследованиям в тундре Тиманских самоедов с приложением сокращенного дневника путешественника. — Одесса, 1911, с. 144.

Геологические исследования А. И. Шренка очень высоко оценил академик А. П. Карпинский в речи, произнесенной в день празднования 200-летия Горного ведомства. Он причислил исследователя к числу «самоотверженных пионеров», много потрудившихся для исследования далеких окраин России¹. Научные результаты А. И. Шренка использовались многими учеными, в том числе академиком Л. С. Бергом в его капитальном труде «Климат и жизнь».

Экспедиция в Лапландию. В 1839 г. академик К. М. Бэр обратил внимание своих коллег, что ими забыта Российская Лапландия. Ф. П. Литке и М. Ф. Рейнеке провели опись и съемку ее берегов, но ее животный и растительный мир был почти не исследован, как не была изучена и геология этого края. К. М. Бэр предложил отправить геолога, который изучил бы «переход скандинавской формации в Российскую Лапландию» и осмотрел геологическое строение берегов Мурмана. Затем решено было присоединить к нему зоолога или ботаника. Последнему поручалось собирать материалы «относительно разведения хлебных растений и распространения замечательных зверей»².

Исполнить это задание Академии наук взялись геолог В. Бетлингк и ботаник А. И. Шренк³. Путь их лежал через Гельсингфорс, Торнио, р. Кемь, Нотозеро к городу Коле. Здесь путешественники расстались. А. И. Шренк двинулся на восток от Кольского залива по берегам Северного Ледовитого океана, имея намерение добраться до Белого моря. Путь В. Бетлингка лежал на запад. Первого августа он добрался до Варангер-фьорда⁴. Затем В. Бетлингк посетил о. Кильдин и восточное побережье Лапландии.

Около устья р. Поной он встретил А. И. Шренка. В устье небольшой речки Гремухи они обнаружили «много горных пород, достойных внимания по их расположению» А. И. Шренк и В. Бетлингк затем осмотрели растительность и горные породы на южном берегу Кандалакшского залива. Южный берег был покрыт более густым лесом, чем северный, где чаще встречались скалы, отполированные, по мнению В. Бетлингка, потопным приливом.

Затем путешественники направились на юг, пересекли водораздел между Белым морем и Онежским озером, представшим в виде «песчаного хребта», высотой около 45 м. «Здесь, — писал В. Бетлингк, — легко бы было провести канал для соединения Белого моря с Балтийским»⁵.

В октябре 1839 г. А. И. Шренк и В. Бетлингк возвратились в Петербург. В результате наблюдений А. И. Шренка были полу-

¹ Карпинский А. П. Собр. соч., т. 4. — М., Л., 1949, с. 297, 299.

² ЦГИА, ф. канцелярии министра народного просвещения (ф. 735), оп. 2, д. 94, л. 2.

³ А. И. Шренк впоследствии читал курс геологии в Дерптском университете.

⁴ Бетлингк В. Путешествие Вильгельма Бетлингка по Финляндии и Лапландии. — Финский вестник, 1845, разд. 4, т. 6, с. 28.

⁵ Там же..., с. 42.

чены новые данные о распространении древесных пород, о северном пределе лесов в Финской и Русской Лапландиях, об особенностях развития ели и сосны в климатических условиях Кольского полуострова. Работы В. Бетлингга дали фактический материал по геологии Финляндии, Мурману и Карелии.

Кроме поездки В. Бетлингга и А. И. Шренка Академия наук предполагала организовать большую экспедицию под начальством К. М. Бэра для «исследования животных Белого и Ледовитого морей»¹.

К. М. Бэр собирался направиться на север Кольского полуострова, осмотреть его бухты и заливы, исследовать Мотовскую губу, Три острова, Кандалакшский залив, посетить город Колу, а если время позволит, также Кемь или Суму, или из Мотовской бухты совершить поездку в Вардегуз или Тромсё в Норвегии.

«Я бы мог проехать сухим путем до Колы, — писал К. М. Бэр, — а оттуда в лодке до Мотовской бухты и с каким-нибудь случаем до Трех островов, откуда можно почти каждый день найти попутчиков в Архангельск. Но как у Мотовской бухты нет ни одного жилья, а у Трех островов только дом таможенного чиновника, то кажется предпочтительнее иметь особое судно с хорошо каютю для производства наблюдений и исследований, которые задержат меня в этих бухтах по несколько недель. На худой конец, можно было бы опять нанять моржового промышленника, но казенное судно, управляемое образованным флотским офицером, было бы лучше»².

К. М. Бэр просил помощи главного командира архангельского порта в представлении казенного корабля с тем, чтобы уменьшить издержки Академии наук на его новое путешествие. Однако осуществление новой экспедиции в Лапландию оказалось делом весьма трудным. Непременный секретарь П. Н. Фусс 2 мая просил министра народного просвещения С. С. Уварова выделить на ее снаряжение 13 945 руб. из сумм, определенных на изучение Аральского моря, «или из другого какого-либо источника». Через три дня Академия получила ответ. Министр давал понять, что едва ли ее проект может быть реализован в текущем году.

В марте 1840 г. Академия наук возобновила ходатайство перед Министерством народного просвещения о выделении средств на экспедицию. Предполагалось, что она будет состоять из двух отрядов. Первый во главе с академиком К. М. Бэром направится из Архангельска к берегам Лапландии, второй (под начальством полковника Рагозина) — в Пустозерск и дальше к Карачейскому полуострову, где, по сведениям, привезенным А. И. Шренком, местными жителями обнаружен «допотопный носорог».

Одновременно К. М. Бэр послал С. С. Уварову личное письмо, в котором пытался обратить его внимание на научную и политическую значимость полярных исследований. Он отмечал, что сна-

ряжение экспедиции диктуется как «интересами науки, так и честью моего отечества»¹. Если бы Академия наук не находилась в трудном финансовом положении и имела свободные средства, то она послала бы экспедицию еще в 1839 г. Перед экспедицией К. М. Бэр ставил несколько важных задач. Во-первых, он надеялся посвятить две или три недели изучению китообразных у берегов Белого моря, во-вторых, продолжить сбор «низших пород животных Ледовитого моря», начатый им в 1837 г. К. М. Бэр намеревался сократить срок пребывания в Лапландии (по сравнению с планом 1839 г.), так как там уже побывала хорошо оснащенная французская экспедиция и «следовательно, едва ли можно ожидать, чтобы здесь удалось найти для систематической зоологии что-либо новое». В связи с этим он решил распространить исследование животного и растительного мира на северо-восточные районы Европейской России и сравнить их с выводами французской экспедиции.

Между тем, второй отряд экспедиции должен был на купленной в Пустозерске лодке отправиться в Карское море, к реке Ерумбею (Юрибей), где был обнаружен остов мамонта, и провести на полуострове Ямал «разные физические и весьма желательные в теперешнее время магнетические наблюдения», а также по возможности заняться сбором растений и животных². На все эти работы Академия наук просила 5 927 руб. 30 коп. Однако вскоре выяснилось, что время для поездки в Пустозерск по зимнему пути упущено и вопрос о доставке остова мамонта был отложен³.

20 апреля С. С. Уваров поставил в известность Академию наук, что К. М. Бэр может отправиться в экспедицию в сопровождении одного или двух сотрудников. К. М. Бэр обратился с просьбой в Академию наук, чтобы ему в помощники был дан А. Ф. Миддендорф, занимавший кафедру зоологии в Киевском университете. Вторым своим сотрудником К. М. Бэр избрал студента Петербургского университета Панкевича. Одновременно он послал препаратора Филиппова в Архангельск и просил главного командира порта Сулиму оказать содействие его товарищу в изучении промысла белуги в Мезенском заливе⁴.

3 июня 1840 г. К. М. Бэр покинул Петербург и отправился в Архангельск. Через 11 дней на промысловой лодке он вышел в море. Прежде всего ученый направился к Трех островам, где провел широкие исследования Лапландского берега вблизи р. Поной. Затем К. М. Бэр обследовал рыболовные становища мурманских промышленников и составил зоологическую коллекцию. Со своими спутниками он посетил Мотовский залив и Китовую губу. Затем ученый приступил к обследованию Кольского залива и впадающей

¹ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 94, л. 32.

² ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 94, л. 10.

³ Остов мамонта, сведения о котором доставил в Академию наук А. И. Шренк, был привезен Московским обществом естествоиспытателей природы и в настоящее время находится в старом здании МГУ.

⁴ ЛО ААН СССР, ф. 129, оп. 1, д. 424, л. 7.

¹ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 94, л. 2.

² ЛО ААН СССР, ф. К. М. Бэра (ф. 129), оп. 1, д. 424, л. 18 об.

в него р. Туломы. В надежде, что установятся попутные ветры для плавания к Новой Земле, в конце июля К. М. Бэр покинул Кольский залив. Но в открытом море путешественников встретил лобовой ветер.

Отправив А. Ф. Миддендорфа в поход через Кольский полуостров, ученый несколько дней провел на о. Кильдин и затем направился морем в Архангельск. Он привез зоологические, ботанические и минералогические коллекции, которые были отправлены в Академию наук. А. Ф. Миддендорфу за время перехода по Лапландии удалось осмотреть Хибинские горы и установить, что р. Кола нанесена на карту неверно.

Академия наук была удовлетворена результатами Лапландской экспедиции, хотя сам ученый и был недоволен своим вторым полярным путешествием. Но в конечном итоге плавание К. М. Бэра к Новой Земле, экспедиция к берегам Лапландии, путешествие А. Ф. Миддендорфа на Таймыр стало звеньями грандиозного плана развития ботанических и зоологических исследований на севере России. Не все намеченное Бэром было осуществлено при его жизни, но и то, что было сделано на Новой Земле, на Европейском и Сибирском Севере, имело большое значение в деле изучения животного и растительного мира, климата и вечной мерзлоты в этих районах, где, по образному выражению П. П. Семенова, многие «законы природы, никем не прочтенные, начертаны яркими, еще неизглаженными красками»¹.

На Севере Европейской России оставалось еще несколько районов, которые не были затронуты наблюдениями К. М. Бэра и А. И. Шренка. Это были восточный берег Белого моря, полуостров Канин Нос, устьевой участок р. Индиги и о. Колгуев. Именно на них и обратил свое внимание Ф. И. Рупрехт, недавно приехавший из Австрии в Россию и поступивший на должность хранителя Петербургского ботанического сада². Получив демидовскую премию Академии наук за работу о бамбуке, он решил употребить ее на полярное путешествие. Цели этого путешествия совпадали с предложенным Бэром планом проведения широкого исследования северного побережья России от Варангер-фьорда до Таймырского полуострова в ботаническом, зоологическом, климатическом и физико-географическом отношениях. Ф. И. Рупрехт намеревался обследовать один из участков этого огромного пространства за свой счет, что благоприятно было встречено в Академии наук, которой приходилось с большими трудностями добывать деньги на экспедиции.

В спутники себе Ф. И. Рупрехт пригласил 20-летнего кандидата физических наук Петербургского университета А. С. Савельева, который должен был провести цикл геофизических наблюдений и

серию географических определений. На нанятой в Мезени кочмаре путешественники объехали п-ов Канин Нос, дважды посетили о. Колгуев и провели исследования на Тиманском берегу¹.

В 1849 г. А. С. Савельев, ставший уже профессором физики в Казанском университете, опубликовал очерк «Полуостров Канин», который является первой физико-географической характеристикой Канина Носа. Он дал в нем описание берегов и речек, тундры и гор. Занятия и быт ненцев он подробно не описывал, отсылая при этом читателя «к прекрасному сочинению Иславина»². Одновременно путешественник опубликовал физико-географическую характеристику о. Колгуева, сохранявшую свою новизну в течение многих десятилетий.

Особую значимость результатам экспедиции придали исследования Ф. И. Рупрехта. Потратив несколько лет на обработку и анализ добытых в экспедиции материалов, он создал крупное исследование «Flores samojerorum Cisuralensisium», опубликованное в «Материалах для ближайшего познания производительных сил России», на которые весьма часто ссылался В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» и в ряде других своих статей.

Ф. И. Рупрехт обобщил свои собственные наблюдения и сравнил их с теми, которые были получены его предшественниками, в частности А. И. Шренком, по Большеземельской тундре и Лапландии. Одновременно он использовал гербарии, собранные по его инициативе в окрестностях Архангельска. Внимательно изучив распространение наиболее интересных видов, он доказал различие растительного мира этих «полярных и бедных земель, где флоры на всем протяжении их вокруг северного полюса при первом поверхностном взгляде кажутся почти совершенно тождественными». По мнению ученого, «различие между более лесною флорой Лапландии и флорой южного участка земли самоедов заключается в том, что в Канинской и Малоземельской тундре альпийская растительность занимает обширные пространства», в то время как на Кольском полуострове альпийская флора встречается в виде отдельных небольших участков. Ф. И. Рупрехт полагал, что граница распространения елового леса в Канинской и Малоземельской тундре раньше проходила севернее. По словам академика К. И. Максимовича, число новых видов растений, выявленных Ф. И. Рупрехтом в 1841 г., было «довольно велико»³.

Ф. И. Рупрехт через несколько лет снова обратился к изучению северной флоры, но на этот раз не по своим личным наблюдениям, а по материалам, собранным Первой полярной экспедицией Русского географического общества. Как и предыдущие исследования, его новая работа о флоре Северного Урала получила

¹ ЛО ААН СССР, ф. 61, д. 7, 8 и др.

² Савельев А. С. Полуостров Канин. — Журнал Министерства внутренних дел, 1849, ч. 27, с. 402.

³ Максимович К. И. Очерк жизни и трудов Франца Иосифовича Рупрехта. — Зап. Акад. наук, 1871, т. 20, кн. 1, с. 9 (Далее: Максимович К. И. Очерк жизни и трудов Ф. И. Рупрехта...).

¹ Семенов П. П. О важности ботанико-географических исследований в России. — Вестн. Русского геогр. об-ва, 1851 г., ч. 1, кн. 1, смесь, с. 8.

² Ф. И. Рупрехт родился 4 ноября 1814 г. во Фрейбурге, умер 23 июня 1870 г. в Петербурге.

европейскую известность. «Обе флоры, взятые вместе, — писал академик К. И. Максимович, — составляют первое и до сих пор единственное, по возможности полное и критически разработанное, обозрение растительности Крайнего Севера Европейской России. Заслуга Рупрехта в этом отношении так велика, что можно было бы с полным правом всю эту северную флору назвать царством Рупрехта»¹. К. И. Максимович, к сожалению, забыл выделить в этом «царстве» хотя бы «удельное княжество» предшественнику Ф. И. Рупрехта — А. И. Шренку.

Материалы магнитных, гидрографических и метеорологических исследований своей экспедиции Ф. И. Рупрехт передал А. А. Кейзерлингу и П. И. Крузенштерну, которые использовали их в своей книге о Печорском крае.

Ф. И. Рупрехт оказал глубокое влияние на развитие ботанических исследований, и его многочисленные труды, в которых он исповедывал материалистические взгляды², имели важное значение для науки.

Путешествие К. И. Гревингга. История путешествия на Север ученого хранителя Минералогического музея Академии наук К. И. Гревингга дает убедительное представление о том, с каким трудом добывались Академией наук скромные, даже мизерные средства на изучение Севера.

29 мая 1847 г. академик Г. П. Гельмерсен направил письмо министру народного просвещения С. С. Уварову с просьбой командировать К. И. Гревингга³ в Олонецкую и Архангельскую губернии для изучения их в геологическом отношении. Г. П. Гельмерсен обращал внимание на крайнюю бедность в Минералогическом музее «горных формаций и окаменелостей», относящихся к району севера России. Академия наук поэтому «видела себя в неприятной необходимости сознаться в бедности своей перед иностранцами, предлагающими ей обмен дублетов в надежде через то приобрести коллекцию осадочных горных пород»⁴.

Г. П. Гельмерсен полагал, что этому легко было бы помочь, снарядив несколько экспедиций, не требующих больших затрат. Одной из таких мер могла бы явиться поездка К. И. Гревингга на полуостров Канин Нос для исследования почв и составления коллекции окаменелостей. На командировку ученого Г. П. Гельмерсен просил разрешения истратить 285 рублей из средств музея. Однако министр народного просвещения С. С. Уваров нашел, что это предложение невыполнимо из-за незначительности имеющихся у музея для этого сумм. Кроме того, по его мнению, «одно лицо не в состоянии в надлежащей полноте выполнить все предложе-

ния Академии и достигнуть тем результатов, каких надлежит желать, предпринимая подобную экспедицию»¹.

Спустя 10 месяцев, 6 апреля 1848 г. Г. П. Гельмерсен возобновил свое ходатайство. В нем, в частности, говорилось, что К. И. Гревингг снова обратился в Академию с просьбой отправить его в северо-восточные районы Архангельской губернии, заявив, что он не рассчитывает ни на какое вознаграждение, кроме получения жалования, и берется один справиться с задачами, которые ставились перед экспедицией. Академия наук просила лишь прогонные деньги в размере 95 руб. 96 коп. и суточные на три месяца в размере 40 руб. 50 коп.

25 апреля 1848 г. С. С. Уваров дал, наконец, свое согласие на командировку К. И. Гревингга в Олонецкую и Архангельскую губернии. Итак, со 136 руб. и 46 коп. К. И. Гревингг отправился на север тем же путем, которым уже ездили А. И. Шренк и П. И. Крузенштерн, К. М. Бэр и В. Г. Бетлингк. Его маршрут пролегал через Лодейное Поле, Петрозаводск, Пудож, Архангельск.

23 июня К. И. Гревингг был на берегу Белого моря в с. Семже, где ему удалось нанять одномачтовый ветхий карбас. На нем ученый предпринял плавание вдоль западных берегов Канина Носа до р. Большой Бугряницы, на возвышенных берегах которой он обнаружил морские раковины, свидетельствующие о понижении уровня моря. Встретив здесь ненцев, К. И. Гревингг сменил карбас на оленьи упряжки. В его распоряжении было 12 нартов и 64 оленя. Ненцы вызвались довести его до самой северной оконечности полуострова. 1 июля путешествие возобновилось. К. И. Гревингг поднялся на самую высокую точку Канинского кряжа, находившуюся на высоте 249 м над ур. м. Затем он продолжил свое путешествие, «передвигаясь со скоростью улитки». Он осматривал места ненецких жертвоприношений и остатки давних становищ, изучал разрезы берегов рек и исследовал Канинский кряж.

13 июля он расстался с оленьими упряжками и отправился в плавание «на старом карбасе, не бывшем в употреблении уже в течение четырех лет и оснащенном кое-как самодельными... Наши простыни служили нам вспомогательными парусами», — отмечал в дневнике путешественник².

Он плыл на юг вдоль восточных берегов полуострова. Вблизи р. Рыбной и в ее устье исследователь встретил обнажения известняка, в которых нашел неизвестные окаменелости. Затем были осмотрены Микулкин Нос, о. Нерпичий, р. Жемчужная, Терлопов утес, являющийся южной оконечностью Канинского хребта. Он исследовал расположение гребней, которые простирались уступами по направлению к Микулкину Носу, и собрал образцы горных пород. По рекам Чеше и Чиже он пересек на юге полуостров

¹ Максимович К. И. Очерк жизни и трудов Ф. И. Рупрехта..., с. 10.

² Есаков В. А., Соловьев А. И. Русские географические исследования Европейской России и Урала в XIX — начале XX в. — М., 1964, с. 39. (Далее: Есаков В. А., Соловьев А. И. Русские геогр. исследования...).

³ К. И. Гревингг родился 2 января 1819 г. в Вильянди, умер 18 июня 1887 г. в г. Тарту.

⁴ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1847, д. 22, л. 2.

¹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1847, д. 22, л. 4.

² Гревингг К. И. Путешествие на полуостров Канин. — Зап. Акад. наук, 1891, т. 47, с. 21. (Далее: Гревингг К. И. Путешествие...).

Канин Нос и в первых числах августа снова оказался на берегу Белого моря. Вскоре он был в Мезени, а затем направился в Петербург.

Наблюдения К. И. Гревингга помогли объяснить ученым многие факты геологической истории полуострова Канин Нос, в частности «во многом разъяснить темный вопрос о метаморфическом происхождении многих из так называемых кристаллических сланцев, подтверждающая этот способ их образования и выясняя даже существенные детали самого процесса»¹.

О том, что наблюдения К. И. Гревингга сохраняли свою научную ценность в течение многих десятилетий, свидетельствует следующий факт: 43 года пролежал его дневник, пока три замечательных геолога — А. П. Карпинский, С. Н. Никитин и Ф. Н. Чернышев — ни прочли его. Обработав, они выпустили его в свет в Трудах Академии наук. Через десятилетия его дневниковые записи и собранная им с таким трудом геологическая коллекция восхитили ученых России, и они на основе этих материалов создали первую геологическую карту полуострова Канин Нос. Один из издателей дневника, академик Ф. Н. Чернышев, путешествовал через 40 лет в тех же краях и мог лично «убедиться в замечательной полноте и точности приводимых в дневнике фактических описаний»².

Экспедиции правительственных учреждений и поездки частных лиц в Печорский край

Кроме Академии наук в сороковых годах на Европейском Севере предпринимали исследования и другие ведомства, в том числе Министерство финансов, Министерство государственных имуществ, Корпус горных инженеров.

В 1843 г. Министерство финансов и Корпус горных инженеров снарядили экспедицию в Печорский край, где, по имеющимся сведениям, «находятся разного рода минералы». «Кроме того, обозрение мест около верховьев реки Печоры до устья реки Усы, а буде можно и реки Ижмы, необходимо для пополнения геологической карты России»³. На экспедицию было испрошено 2.200 руб. Руководителем ее был назначен выдающийся русский ученый-эволюционист А. А. Кейзерлинг, который совсем недавно совместно с европейскими учеными Р. Мурчисоном и Вернейлем занимался исследованием Уральского хребта и изучением геологического строения Европейской России. Теперь решено было распространить эти исследования на северные районы, прилегающие к р. Печоре. Кроме геологических изысканий, экспедиции предстояло за-

¹ Карпинский А. П. Замечания о горных породах Канинского хребта. — В кн.: Гревингг К. И. Путешествие..., с. 43.

² Чернышев Ф. Н. Предисловие. — В кн.: Гревингг К. И. Путешествие..., с. 3.

³ ЦГИА, ф. Всеподданейшие доклады министра финансов (ф. 40), оп. 2, д. 27, лл. 67—68.

няться «тщательным географическим положением страны»¹. Выполнение этой задачи было поручено П. И. Крузенштерну. По его словам, в это время «Печорский край представлял собою совершенную загадочную землю».

«В публике о Печорском крае никто ничего не знал, да и в административных сферах сведения о Печорском крае были весьма неполные и неверные», — писал П. И. Крузенштерн в статье «Замечания о Печорском крае», которая хранится в Архиве Географического общества².

А. А. Кейзерлингу и П. И. Крузенштерну было известно о путешествии А. И. Шренка по северным районам Печорского края, но в 1843 г. подробное описание его еще не было опубликовано. Им лишь удалось получить в Министерстве путей сообщения карту инженер-полковника И. Попова, который был послан Н. П. Румянцевым для изыскания речного пути между Печорою и Обью. Но она содержала много неточностей, в чем впоследствии П. И. Крузенштерну пришлось убедиться самому. Оказалось, что отдельные реки, которые были показаны текущими на юг, в действительности несли свои воды на север.

«Все, что было положительно известно в Печорском крае — это морской берег и устье р. Печоры», — писал П. И. Крузенштерн³. Кроме побережья, на всем пространстве Печорского Севера не было определено ни одного астрономического пункта, а «потому легко себе представить», какова была достоверность съемок, которые предшествовали исследованиям А. А. Кейзерлинга и П. И. Крузенштерна. Важность географического исследования Печорского края усугублялась тем обстоятельством, что там основными путями сообщения из-за полного бездорожья являлись реки.

29 мая А. А. Кейзерлинг и П. И. Крузенштерн покинули Петербург. Их путь лежал по маршруту: Шлиссельбург — Новая Ладога — Тихвин — Великий Устюг. 17 июня они были в Усть-Сысольске, а через несколько дней уже плыли по Вычегде. Затем они поднялись по ее притоку Вояго до горы Легстан-Слюды. Отсюда начиналась невысокая горная цепь, которую «местные жители коллективно называют Тиманским камнем»⁴.

Исследовав этот хребет, путешественники сохранили его местное название, которое можно видеть и на современных картах. Затем А. А. Кейзерлинг и П. И. Крузенштерн спустились по Вычегде к дер. Мыльвине. Кроме описи берегов Печоры, П. И. Крузенштерну было дано устное указание собрать сведения о корабельных лесах в этом крае. Но когда путешественники встретились с лесничим Усть-Сысольского уезда Грече, то выяснилось, что за

¹ Кейзерлинг А., Крузенштерн П. Печорский край в географическом и геологическом отношении. Отд. оттиск. 1851, с. 422. (Далее: Кейзерлинг А., Крузенштерн П. Печорский край...)

² АГО, ф. Крузенштернов (ф. 10), оп. 1, д. 69, л. 1.

³ Там же, л. 5.

⁴ Там же.

7 лет, в течение которых Грехе занимал свою должность, он ни разу не побывал в восточной части своего уезда. «Что же можно было знать в Петербурге, — писал П. И. Крузенштерн, — когда местные лесничие ничего не знали»¹.

В течение лета А. А. Кейзерлинг и П. И. Крузенштерн исследовали притоки Печоры: реки Ильич, Сойву, Вельву, Щугор, изучали горы Печора-Иль-из, Валвано-из, Кос-из, Саблю.

Из верховьев Печоры они спустились вниз по этой реке. Во время плавания они картировали ее берега и устья Кожвы, Усы, Ижмы, Пижмы, Цильмы, Сулы и многих мелких рек.

Из села Оксины, лежащего в устье Печоры, путешественники совершили поездку по Тиманской тундре. Они пересекли р. Индигу, посетили Пустозерск и, наконец, 2 сентября 1843 г. направились к берегам Ижмы и Ухты. «Быстрое наступление зимы, — писали П. И. Крузенштерн и А. А. Кейзерлинг, — замерзание рек и морозы не позволяли оставаться далее на севере и принудили экспедицию вступить в обратный путь»².

24 сентября они покинули берега Ухты и направились в Усть-Сысольск, которого достигли на пятый день. 13 ноября экспедиция возвратилась в Петербург.

Материалы своих исследований А. А. Кейзерлинг и П. И. Крузенштерн обобщили в книге «Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land», которая была издана в 1846 г. в Петербурге на средства Министерства финансов и оценена Корпусом горных инженеров как «замечательное сочинение».

Этот труд содержал первые достоверные представления о геологии, географии и гидрографии обширного Печорского края. Руководитель экспедиции А. А. Кейзерлинг в этой работе сделал вывод о нефтеносности Ухтинского района, о чем, правда, уже имелись сведения в русской литературе³, собранные местными жителями, предпринимателями и путешественниками. Важное значение имело подтверждение этих материалов исследованиями такого выдающегося ученого, как А. А. Кейзерлинг. По мнению современников, это исследование заслуживало «особенного внимания как важностью собранных ими фактов о любопытной, но мало известной еще стране, так и потому, что это есть первый пример издания в России обширного геологического сочинения, украшенного рисунками и картами работы здешних художников»⁴. Действительно, карта П. И. Крузенштерна стала первой точной картой исследованной области. Она многие годы служила верным пособием ученым.

¹ АГО, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 11.

² Кейзерлинг А., Крузенштерн П. Печорский край..., с. 426.

³ Молчанов К. Описание Архангельской губернии из разных рукописей и печатных книг. — СПб., 1813. В книге упоминается о наличии «нефтяного камня» на Печоре и Ижме и нефти на реке Ухте. См. также: Фомин. Описание Белого моря с его берегами и островами. — СПб., 1797.

⁴ ЦГИА, ф. 40, оп. 2, д. 30, л. 38.

Этот труд «благодаря обширному фактическому материалу и оригинальности взглядов»¹ сохраняет и в настоящее время большую научную ценность.

В отчетах исследователей Печорского края — А. И. Шренка, А. А. Кейзерлинга, П. И. Крузенштерна, М. А. Кастрена — приводилось множество данных о непрекращающемся закабалении ненецкой бедноты со стороны местных купцов и кулаков. Они свидетельствовали о том, что требуются самые энергичные меры по защите ненецкого населения. Это тем более было необходимо, что народные волнения, потрясавшие многие губернии России, охватили и районы Обского Севера, граничащего с Печорским краем. В 1838 г. Комитет министров обсуждал вопрос о посылке военного отряда для приведения к повиновению ижемских крестьян². Жило в памяти народной восстание ненецко-хантыйской бедноты под руководством Ваули Пиеттомина, подавленное в 1841 г. Достаточно было искры, чтобы пламя народного возмущения снова забушевало.

С целью сбора сведений, необходимых для пересмотра «Указа об управлении мезенскими самоедами» и «Особого положения о разборе исков их по обязательствам»³, и был направлен на север Печорского края В. Иславин⁴. Он выехал из Петербурга 29 июля 1844 г., первую продолжительную остановку сделал в Мезени, откуда предпринял поездку в Канинскую тундру. Там он присутствовал при торговле местных скупщиков с ненцами, которые за бесценок, в основном за водку, отдавали продукты своего летнего промысла. Затем он вместе с мезенским купцом Окладниковым совершил поездку на Печору тем же самым маршрутом, по которому прошел А. И. Шренк. Из крупных населенных пунктов он посетил Усть-Цильму, Колвинский погост, или Колву, и, наконец, Пустозерск. В начале 1845 г. В. Иславин возвратился в Мезень. Ни Министерство государственных имуществ, которое отправило его в поездку, ни сам путешественник не ставили перед собой исследовательских целей, однако за полгода своего пребывания в тундре В. Иславин собрал чрезвычайно богатый материал не только о положении ненцев, но и о многих сторонах их быта, верований, промыслов. И мимо этих данных, достоверность которых не вызывает сомнений, не может пройти ни этнограф, ни историк полярных исследований.

В 1847 г. В. Иславин опубликовал географо-этнографическое исследование «Самоеды в домашнем и общественном быту», где рассказал о бедственном положении этого северного народа, об унижениях и притеснениях, которым он подвергался. В. Иславин

¹ Геологическая изученность Арктики и Субарктики Союза ССР. — Труды Всесоюз. Аркт. ин-та, 1939, т. 89, ст. 52—53.

² Беленкина Т. И. Из истории классовой борьбы народа коми. — Сыктывкар, 1971, с. 69.

³ Были изданы в 1835 г. в «порядке опыта».

⁴ ЦГИА, ф. 1-го департамента Министерства государственных имуществ (ф. 383), оп. 29, 1846, д. 88, л. 33.

отмечал, что за пять лет, предшествовавших его поездке, Архангельский Север посетило пятеро путешественников, и каждый из них обращал внимание на беззащитность ненцев Мезенской тундры.

В книге дан физико-географический очерк севера Печорского края. В. Иславин первым обратил внимание на тот факт, что Тиманский хребет состоит из двух параллельных цепей: Тиманского Камня и цепи гор, впоследствии названной именем Чернышева.

Особенно подробно в книге описан быт ненцев, их основные занятия — оленеводство и морские промыслы. По данным В. Иславина, на Европейском Севере в 1843—1844 гг. проживало около 4.900 ненцев и 11.400 русских и коми (зырян). Автор приводит немало примеров жестокой эксплуатации ненцев. Так, 576 работникам было заплачено за год 2.427 руб., причем самая высокая оплата составляла 18 руб. в год. В. Иславин отмечал, что, как правило, работник забирает у хозяина вперед всю свою годовую плату и еще оказывается должен ему. Многие из ненцев, поступив в работники, уже не имеют возможности выбраться «из бедственного своего положения и находятся в вечной зависимости»¹. Нередко ненцы отрабатывали долги отцов, о которых они и не слыхали.

В. Иславин подробно описывает меновую торговлю между ненцами и зырянами, причем обращает внимание, что цены, по которым богатые ижемцы скупают продукты промыслов у ненцев, по крайней мере в два раза ниже их настоящей стоимости. В то же время свои товары они продают по чрезвычайно высоким ценам, что, по мнению автора, ведет к обнищанию ненцев. Он рассказывает, как кредиторы с бочками вина приезжают к стойбищам ненцев, спаивают их и забирают продукты их промыслов и оленей за долги. На этом грабеже местного населения многие зырянские и русские предприниматели составили значительные капиталы и распространили торговую деятельность за Урал — на Обдорск и Березов.

В. Иславин предложил ряд мер по защите интересов ненецкого народа. Прежде всего необходимо было вернуть ненцам лучшие оленьи пастбища, захваченные богатеями, установить границы Большеземельской, Тиманской и Канинской тундр. Если какой-либо зырянский или русский купец пригонит своих оленей на ненецкие пастбища, он должен внести установленную законом плату. Из этих взносов предполагалось образовать «ненецкий капитал», который должен был идти на улучшение быта ненцев и на пособие тем жителям, которые перейдут к оседлости. В частности, Министерству государственных имуществ предлагалось выдавать каждому ненцу, перешедшему к оседлому образу жизни, пособие в размере 25 руб. Кроме того, 25 руб. должно было выдавать из ненецкого капитала или разрешалось безвозмездно сводить лес,

¹ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. — СПб., 1847, с. 62 (Далее: Иславин В. Самоеды...).

необходимый для постройки дома. Сам В. Иславин считал, что переход к оседлости не спасет ненцев от разорения, а скорее будет причиной появления новых обездоленных людей. Одновременно он полагал необходимым поощрять обучение ненцев грамоте¹.

Те ненцы, которые отдадут своих детей в школу, должны освободиться от ясака на срок обучения. Одновременно родителям этих детей следовало выплачивать пособие — 25 руб. в год, а в случае успехов в ученье еще 15 руб. за счет ненецкого капитала². Эти предложения были одобрены министром государственных имуществ П. Д. Киселевым и направлены на рассмотрение Архангельской палаты государственных имуществ, которая встала на защиту интересов русской и зырянской верхушки.

Публикуя свою книгу, В. Иславин писал, что он не может «предсказать самоедам счастливой будущности»³. Он оказался прав. Когда в 1902 г. в этих местах путешествовал один из первых русских социал-демократов, выдающийся полярный исследователь В. А. Русанов, он увидел ту же кабальную зависимость местного населения от скупщиков и кулаков⁴.

Записки В. Иславина о путешествии на Север привлекли внимание передовых кругов русской интеллигенции. Они были опубликованы в «Современнике» и перепечатаны другими журналами. Эти заметки и книга «Самоеды в домашнем и общественном быту» прозвучали как гневное обвинение царскому правительству за его политику национального угнетения.

В сороковых годах представители развивающегося в недрах крепостного уклада русского капитализма пытались приступить к решению тех задач по изучению и освоению Севера, которые были поставлены еще в начале столетия.⁵ Внимание предпринимателей и исследователей привлекает решение проблемы транспортных сообщений между Западной Сибирью и Печорой (а затем и Европой) и вопрос об улучшении связи Печорского края с центральными, более развитыми в хозяйственном отношении губерниями России. В этом плане весьма интересен проект купца В. Н. Латкина. Он задался целью разведать водораздел между речными бассейнами Печоры и Волги, чтобы выяснить, насколько осуществима идея соединения судоходным каналом этих двух великих рек Европейской России.

В. Н. Латкин намеревался создать Печорскую компанию⁶, завести лесную промышленность в Печорском крае и организовать

¹ Иславин В. Рассказ о кочеванье по тундрам самоедским. — Современник, 1848, т. 9., смесь, с. 2.

² ЦГИА, ф. 383, оп. 29, 1846, д. 88, л. 353.

³ Иславин В. Самоеды..., с. 140.

⁴ Русанов В. А. Статьи, лекции, письма. — М., 1947, с. 347.

⁵ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. — М., 1966, с. 382.

⁶ По утверждению его будущего компаньона М. Сидорова, первоначальный капитал компании составлял 1 млн. руб. (Сидоров М. Север России. — СПб., 1870, с. 207).

экспорт леса за границу (ключевые позиции в этой отрасли промышленности в бассейнах Северной Двины и Онеги принадлежали иностранным предпринимателям).

Ссылаясь на пример наиболее развитых капиталистических стран, В. Н. Латкин считал, что «проведение удобных путей сообщений и открытие возможностей к сбыту продуктов» будет содействовать развитию производительных сил далеких малонаселенных земель, которые таят исключительные природные богатства. Он полагал, что проникновение промышленности в Печорский край вырвет его из векового бездействия, даст «мощные начала будущего благоденствия тысячам людей»¹ и принесет солидные барыши тем капиталистам, которые вложат свои деньги в эксплуатацию природных богатств Печорского Севера.

13 июня 1843 г. В. Н. Латкин выехал из Петербурга. 15 июля он достиг Печоры и начал знакомство с Печорским Севером. Он интересовался Печорским краем с точки зрения капиталиста. Его внимание сосредоточено на оценке природных богатств, промыслов и путей сообщения. Особенный интерес вызывали у него леса Усть-Сысольского и Мезенского уездов, общая площадь которых составляла около 36 млн. десятин.

«Леса гибнут без употребления, — писал В. Н. Латкин, — а между тем, какой богатый материал заключается в них для доходов края, государства и казны, если бы здесь водворилась лесная промышленность для отпуска леса за границу, но промышленность, подчиненная контролю и соединенная с правильным пользованием, дабы не истощить запасенного веками»².

Из Печоры В. Н. Латкин свернул в Колву, а из нее направился вверх, к истокам реки. Спустя 5 дней, он миновал устье Воркуты, а 26 июля поднимался вверх по Ельцу через бурные стремнины и пороги, стремясь достигнуть рубежа между Европой и Азией. Вечером этого дня В. Н. Латкин записал в дневнике, что находится вблизи цели своей поездки и надеется, что его «труд откроет новый торговый путь в Сибирь».

27 июля путешественник в сопровождении нескольких работников поднялся к озеру, лежащему в горах Северного Урала, откуда на запад текут воды в р. Елец, а на восток — в р. Сось, впадающую в Обь. Рубеж между двумя великими речными системами оказался заваленным камнями и скалами. Те же скалы и их обломки увидел В. Н. Латкин по берегам Соби. Он не считал их препятствием к прорытию канала, который должен был соединить Сибирь с Европой.

В. Н. Латкин считал, что сооружение судоходного пути едва ли будет стоить дорого. Но даже значительные затраты окупятся сторицей. Во-первых, сибирская пшеница, лен, рожь, железо, продукты животноводства получают выход на европейский рынок, во-

¹ Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1853, кн. 7, ч. 1, с. 1 (Далее: Латкин В. Н. Дневник...).

² Латкин В. Н. Дневник..., ч. 1, с. 2.

вторых, потребность в рабочих руках привлечет в этот край переселенцев, в-третьих, коммерческая деятельность вызовет оживление экономической жизни Западной Сибири.

Если предприниматели испугаются трудностей сооружения канала в горах Северного Урала, то, по мнению В. Н. Латкина, можно было построить железную дорогу: «то или другое, лишь бы воспользоваться соседством Оби с Печорою, по которым вплоть до океана суда пойдут по течению»¹. Он надеялся, что в России найдутся многие капиталисты, которые «решатся употребить часть своих капиталов на подобное предприятие».

В 1853 г. в «Записках Русского географического общества» В. Н. Латкин опубликовал свой дневник путешествия на Печору, который содержит описания жизни и быта обитателей Печорского края: коми (зырян), ненцев, русских. Они не лишены той же остроты, которая свойственна, например, описаниям путешествий А. И. Шренка и М. А. Кастрена, много раз отмечавших беззащитное положение и полуголодное существование жителей северо-востока Европейской России.

Весьма подробно В. Н. Латкин описал местные промыслы и оценил возможности их капитализации. По собранным им сведениям, в 1842 г. в одной Болванской губе было выловлено около 8 тыс. пудов семги. Промысел моржей ограничивался всего лишь несколькими тысячами пудов, но, по мнению В. Н. Латкина, он мог бы занять важное место, «если бы капиталисты захотели обратить свою деятельность» в этом направлении, так как, по словам промышленников, этот морской зверь водится у Новой Земли в огромном количестве. Возрастал спрос на моржовый, нерпичий и китовый жир, который вывозился чердынскими купцами для кожевенных заводов Пермской губернии.

Морские и рыболовные промыслы могли получить, по мнению В. Н. Латкина, еще большее развитие, когда были бы «одушевлены» привлечением значительных капиталов. Если пустоозерские промышленники на своих небольших карбасах «выручают большие барыши, то какие выгоды ожидают тех, которые станут посылать на промысел большие суда?»².

Одним из важнейших условий оживления экономической жизни Печорского края В. Н. Латкин считал устройство морского порта в устье Печоры. Он полагал, что это даст толчок к бурному развитию купеческого судостроения и русского торгового мореплавания на Севере, которое почти прекратилось в связи с тем, что внешняя торговля в Беломорье большей частью перешла в руки иностранцев. Одновременно В. Н. Латкин предлагал создать перевалочную базу в Екатерининской гавани, которая открыта для мореплавания большую часть года.

«Усилившись коммерческим флотом, — писал В. Н. Латкин, — мы без участия иностранцев будем вывозить свои товары туда,

¹ Латкин В. Н. Дневник..., ч. 1, с. 147.

² Там же, ч. 2, с. 51.

где заметим их выгодный сбыт»¹. По его мнению, отдаленность и малонаселенность Печорского края не должны вызывать сомнения в успехе, так как всюду, где устраивались пути сообщения, немедленно развивалась промышленность и торговля (при этом он ссылаясь на пример США и Канады).

Основу промышленной жизни Печорского края должен составить экспорт леса в досках и изделиях в Англию и другие государства, причем предполагалось ежегодно вывозить лесоматериалов на 450 тыс. руб. Кроме того, перед Печорской компанией ставилась цель развития морских промыслов на высоком техническом уровне и создания водного или железнодорожного пути между Европейским Севером и Сибирью, что должно было привести к быстрому росту экономики.

Печорская компания, в состав которой впоследствии вошли М. К. Сидоров, П. И. Крузенштерн и несколько других лиц, начала свою практическую деятельность в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов XIX в. Дела ее шли гораздо хуже, чем рисовалось В. Н. Латкину, когда он путешествовал по Печорскому краю, тем более, что правительство, предоставлявшее льготы иностранным предпринимателям, отказало в этих льготах Печорской компании². В конце концов В. Н. Латкин обанкротился. Безуспешными оказались и попытки его компаньона П. И. Крузенштерна открыть морской торговый путь на Енисей.

Деятельность П. И. Крузенштерна по изучению Севера. П. И. Крузенштерн по возвращении в 1843 г. из экспедиции в Печорский край решил «посвятить жизнь свою на разрешение вопроса, от которого зависело процветание богатой, но по отдаленности сей забытой области России»³.

После смерти отца он продал имение и вырученные деньги решил употребить на исследование Севера. «...Я имел в виду два предмета, — писал П. И. Крузенштерн. — Во-первых, намеревался проникнуть в Карское море, отыскать на западном берегу безопасную гавань, описать на шлюпке весь этот берег и потом достиг северовосточной оконечности Новой Земли, доселе никем еще не виденной. Во-вторых, хотел отыскать удобный путь для

¹ Латкин В. Н. Дневник. . . , ч. 2, с. 55.

² Фрейдин И. Л. Борьба за морской путь на Печору. — Летопись Севера, 1957, т. 2, с. 207. Деятельность Печорской компании освещена также в работе: Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. — Л.: Транспорт, 1962, с. 34.

³ АГО, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 2. Лишь один раз П. И. Крузенштерн сделал отступление от избранной цели, когда в 1847 г. представил в Морское министерство проект о снаряжении экспедиции к Северному полюсу. П. И. Крузенштерн первым из моряков России предложил воспользоваться стальными паровыми судами вместо бессильных во льдах деревянных парусников. Он был убежден, что честь открытия полюса «судьбой представлена России». Надежды П. И. Крузенштерна на поддержку Морского министерства или частных лиц не сбылись. Его проект, как и проекты многих выдающихся ученых и мореплавателей, был отвергнут Ученым комитетом Морского министерства (Пинхенсон Д. М. Неопубликованный проект русской экспедиции к Северному полюсу. — Изв. ВГО, 1950, т. 82, вып. 4).

добывания печорских корабельных лесов и доставления их в Архангельское адмиралтейство»¹.

В 1850 г. П. И. Крузенштерну с трудом удалось получить разрешение на плавание. Потеряв много времени на закупку припасов и оснастку шхуны, П. И. Крузенштерн только 24 июля вышел в плавание. Через 6 дней он достиг Канина Носа. 2 августа он находился в Индигской губе и занялся ее исследованием. Промерив глубины и описав побережье губы, П. И. Крузенштерн отправился вверх по р. Индиге с намерением выяснить, насколько ее истоки приближаются к бассейну Печоры.

Поднявшись вверх по Индиге, П. И. Крузенштерн исследовал волок между ближайшим Индижским озером и р. Соймою. «Я не мог уделить на то много времени, потому что оставалось еще много неоконченного на устье и надо было думать о возвращении»². 28 августа исследование Индиги было завершено. Отыскав удобную гавань, П. И. Крузенштерн решил оставить шхуну на зимовку. 8 октября он вместе с командой выехал на оленях через тундру в Мезень, а затем в Архангельск и Петербург, куда он привез для испытаний обнаруженный на Индиге каменный уголь³.

В 1852 г. П. И. Крузенштерн снова отправился на Север. 7 июня он был в Архангельске; затем перебрался в Мезень, где заказал лодью для плавания к месту зимовки шхуны. Пока это судно снаряжалось, путешественник обследовал устье р. Кулой и ближайшие к нему окрестности. 23 июля П. И. Крузенштерн с семью поморами вышел в море на лодье «Св. Петр». В ночь на 7 августа путешественники достигли Индиги. Шхуна оказалась в совершенном порядке и спустя неделю под командой капитана Гансена «Ермак» отправился в Архангельск.

П. И. Крузенштерн, как и в 1850 г., поднялся вверх по Индиге и исследовал Урдюгское озеро, выполнил нивелировку волока между Индижскими озерами и Соймой, осмотрел и картировал берега этой реки. 26 августа исследование Соймы было закончено.

Несколько дней П. И. Крузенштерн провел в сел. Коткино на берегу Сулы, а 29 августа возобновил плавание уже на двух лодках. Через день П. И. Крузенштерн достиг Сульского Шара в низовье Печоры и отправился вверх по этой реке.

Исследователь скромно оценивал результаты своей экспедиции, считая, что ему удалось «несколько увеличить географические сведения и на основе собранных материалов составить новые карты посещенных мест»⁴.

В 1853 г. П. И. Крузенштерн не смог уехать из Петербурга, но ему удалось организовать экспедицию на шхуне «Ермак» для

¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 445, л. 2.

² АГО, ф. 10, оп. 1, л. 17, л. 9.

³ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, л. 344, л. 1.

⁴ АГО, ф. 10, оп. 1, д. 25, л. 44.

промера устья Печоры и поисков судоходного фарватера. Руководил экспедицией капитан-лейтенант П. П. Ренненкамф. В его подчинении находился прапорщик корпуса флотских штурманов Курдюков, два шкиперских ученика и 12 матросов.

6 июля шхуна «Ермак» покинула Архангельск и через 13 дней миновала Русский Заворот. 21 июля начали промер, стараясь найти проход в реку между мелями бара. Но не обнаружив судоходной протоки, решили попросить помощи у рыбаков, среди которых был матрос, который участвовал в экспедиции штурмана И. Н. Иванова, трудившейся над описанием Печорского залива более четверти века назад.

26 августа при содействии местных жителей, предоставивших в распоряжение экспедиции одно из своих судов, шхуне «Ермак» удалось пройти через бар. Путешественники промерили рейд вблизи дер. Куя, где и поставили 7 сентября судно на зимовку. Экспедиция установила, что «для свободного пропуска мореходных судов из Ледовитого океана в реку Печору необходимо в двух местах уширить и углубить фарватер в самом соединении реки с морем».

П. И. Крузенштерн в 1854 г. обратился к правительству с просьбой о предоставлении ему привилегии на право неограниченной вырубki леса по берегам Печоры, Оби и их притоков на 5 лет. За выдачу этой привилегии П. И. Крузенштерн принимал на себя обязательство исследовать судоходный путь из Печоры в Северный Ледовитый океан, включая измерение глубин фарватера, гидрографическую опись устья, постройку маяков, башен, навигационных знаков. Заготовленный лес П. И. Крузенштерн обвязывался доставлять на судах в Архангельск и продавать Адмиралтейству с десятипроцентной скидкой¹.

Эта попытка П. И. Крузенштерна приступить к вывозу печорского леса была сорвана Крымской войной. Вместе с тем представляет интерес тот факт, что П. И. Крузенштерн предполагал со временем начать вывоз лесов из Обского бассейна, открыв морской проход из устья Оби в океан, либо соорудив канал или волок между притоками Оби и Печоры. Он был убежден, что открытие морского сообщения с устьем Печоры и Оби будет иметь важное государственное значение и создаст условия для развития местной промышленности.

В 1862 г. П. И. Крузенштерн отправил своего сына П. П. Крузенштерна на шхуне «Ермак» в Карское море, поставив перед ним задачу проложить «путь к Енисею». Он надеялся, что эта экспедиция даст толчок к незамедлительному устройству «с помощью паровых судов правильного сбыта сибирских произведений на европейские рынки»².

Едва пройдя через Югорский Шар, шхуна «Ермак» была заперта льдами. Экипажу пришлось оставить судно и по дрейфую-

щим льдам с большими трудностями и лишениями выбираться на берег.

Путешествие А. Ф. Миддендорфа на Таймыр

Венцом полярных исследований сороковых годов являются путешествие А. Ф. Миддендорфа на Таймыр и экспедиция на Северный Урал, организованная только что созданным Русским географическим обществом. Два этих крупнейших географических предприятия взаимосвязаны. Первое было одной из предпосылок создания Русского географического общества, второе явилось первым детищем этой и поныне существующей научной организации, сделавшей чрезвычайно много для познания России.

Сибирское путешествие А. Ф. Миддендорфа привлекает к себе внимание исследователей с середины прошлого века. О нем писали К. М. Бэр, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. И. Вернадский, Л. С. Берг, В. А. Обручев, В. Б. Сочава и многие другие дореволюционные и советские ученые. Научные результаты этого путешествия освещены в серии работ Института истории естествознания и техники АН СССР, а также в ряде книг, опубликованных издательствами «Наука» и «Мысль». Поскольку главнейшие события, факты и подвиг А. Ф. Миддендорфа во время Таймырского путешествия освещались в нашей монографии «Исследователи Арктики — выходцы из Эстонии», то в настоящей работе основное внимание сосредоточено на истории подготовки этого важного научного предприятия, на той непрерывной борьбе, которую вели ученые России за честь и достоинство русской науки, за первенство в решении главнейших географических проблем рассматриваемого времени, и, наконец, на важных внешнеполитических последствиях заключительного этапа сибирского путешествия А. Ф. Миддендорфа.

Инициатором экспедиции для геологических исследований Сибири, как она первоначально именовалась в официальной переписке Министерства народного просвещения, являлся К. М. Бэр. Это путешествие было им задумано давно, но предпринять шаги к его осуществлению он получил возможность только после того, как вернулся в Россию и был принят в число членов Академии наук.

В 1838 г. он представил в Академию проект исследования Таймыра, где после С. Челюскина и Х. Лаптева на протяжении целого столетия не бывал ни один ученый-натуралист. Академия нашла, что предлагаемое путешествие будет связано со многими трудностями. Прежде всего, было неясно, как добраться по тундре к самой северной оконечности Азии.

Было решено при содействии властей Западной Сибири собрать в Туруханске сведения о землях, расположенных между Пясиной и Хатангой. К. М. Бэр составил 36 вопросов. Он просил прислать сведения «не из Красноярского губернского архива», а собрать в Туруханске, в котором вероятнее, чем в других местах, имеется «сношение с соседней пустыней, если там бывают какие-

¹ ЦГАДА, ф. 21, д. 8 доп., л. 2.

² ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 487, л. 8.

либо сношения»¹. К. М. Бэр полагал желательным послать в Хатангу надежного местного жителя, который должен был собрать «от поселявшихся там русских сведения о странах, лежащих еще дальше к северу»².

Ученого интересовало прежде всего, могут ли жители этой северной окраины обеспечить экспедицию необходимыми припасами и транспортом. Затем шли вопросы о заселениях по рекам, о птицах, рыбах, о времени вскрытия и замерзания рек, о толщине льда в озерах, о находках каменного угля, об особенностях рельефа, о характере берегов в устье Нижней Таймыры.

В начале 1841 г. были получены ответы на вопросы К. М. Бэра. Они были обстоятельны и содержали немало ценных сведений, собранных председателем енисейского губернского правления Турчаниновым.

10 октября 1841 г. непреременный секретарь Академии наук П. Н. Фусс обратился к министру народного просвещения С. С. Уварову с предложением отправить экспедицию для геологических исследований в Северной Сибири. Это пространное письмо, автором которого, по-видимому, является К. М. Бэр, интересно не только детально изложенными в нем задачами будущей экспедиции, но и отголосками соперничества русских и английских ученых в области полярных исследований.

П. Н. Фусс напоминал министру о достопримечательном факте — открытии вечной мерзлоты в колодце, вырытом купцом Шергиным в Якутске на глубину около 50 сажень. В колодце была измерена температура мерзлой почвы на различных глубинах. Однако иностранные ученые отнесли к наблюдениям Шергина с недоверием, находя, что они «не производились с довольно осмотрительностью, чтобы на них можно было основать заключения о физике земного шара, потому что он не принимал мер для устранения в своем обширном колодце влияния наружного воздуха»³.

Академия наук распорядилась послать в Якутск 30 термометров для установки их на различных глубинах. Однако строитель колодца в это время уехал из Якутска, и намерение Академии осталось не осуществленным.

Между тем английские ученые направили своих наблюдателей в Северную Америку также для изучения вечной мерзлоты.

П. Н. Фусс подчеркивал, что решение этого геологического вопроса, впервые возникшего в России, важно для престижа русской науки, и настаивал на «посылке небольшой экспедиции для исследования оледенелости земли» не только в районе Якутска, но и на Таймыре.

«Если дальнейшее исследование о температуре почвы в Якутском колодце, — писал П. Н. Фусс, — не будет ныне же пред-

¹ Бэр К. М. Новейшие сведения о самой северной части Сибири, между реками Хатангой и Пясиной. — Отечественные записки, 1841, т. 19, смесь, с. 3.

² Там же, с. 4.

³ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 2. На существование этого очень ценного дела впервые обратила внимание Н. Г. Сухова в статье «Сибирская экспедиция Миддендорфа» (Вестник ЛГУ, 1961, № 6).

принято академии, то без всякого сомнения иностранцы примутся за это дело и на академию падет упрек равнодушия и неисполнения одной из главных обязанностей... Не менее важно обозрение в географическом и физическом отношении арктической страны между Пясиной и Хатангой. Северная полоса Сибири вообще столь много еще скрывает в себе предметов, требующих во всех направлениях основательного исследования ученых»¹.

П. Н. Фусс просил ассигновать 10 тыс. руб. на Сибирскую экспедицию, которая должна была продолжаться 3 года. Сумму расходов он считал весьма скромной в сравнении с той пользой, какую можно ожидать от этой экспедиции².

Спустя 9 дней после того, как П. Н. Фусс отправил предложение, С. С. Уваров обратился в Министерство финансов с ходатайством об отпуске 10—13 тыс. на геологические исследования в Северной Сибири. «Я надеюсь, что польза и важность вопроса, коего решение можно сказать лежит на заботливости русских ученых и правительства России, будут вполне признаны Вашим сиятельством и Вы не откажетесь доставить Министерству народного просвещения способы к приведению в действие предпринимаемую экспедицию»³.

Министерство финансов согласилось на просьбы С. С. Уварова, который к тому же заручился поддержкой Горного ведомства. 19 ноября 1841 г. было получено согласие Николая I на отпуск 13 тыс. руб. из Государственного казначейства⁴.

Ровно год продолжались сборы и специальная комиссия составляла инструкции. Основные задачи экспедиции остались прежними. Только на первое место было поставлено путешествие на Таймырский полуостров, исследованию которого, по настоянию К. М. Бэра, Академия наук придавала первостепенное значение. К. М. Бэр обобщил и проанализировал материалы о вечной мерзлоте в Сибири, часть которых в напечатанном виде передал А. Ф. Миддендорфу⁵. Последний по его рекомендации был назначен начальником Сибирской экспедиции.

14 ноября 1842 г. экспедиция покинула Петербург. Вместе с А. Ф. Миддендорфом отправились лесовод Ф. Брандт и слуга М. Фурман, которого ученый обучал препарированию животных и производству метеорологических наблюдений⁶. Позднее, уже в Сибири, к экспедиции присоединились топограф В. В. Ваганов и четверо местных жителей.

¹ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 5.

² Кроме того, одновременно испрашивалось 3 тыс. руб. на посылку в этой экспедиции лингвиста «для изучения языков, нравов и обычаев обитающих в тех странах малозвестных племен».

³ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 6.

⁴ В 1844 г. Академия наук получила еще 5 тыс. руб., дав понять правительству, что А. Ф. Миддендорф постарается обследовать неизвестную ученым область Амура (ЦГИА, ф. 735, оп. 2, л. 52—55).

⁵ Наумов Г. В. Русские географические исследования Сибири в XIX—начале XX в. — М., 1965, с. 40.

⁶ Кирт К., Кумари Э. А. Ф. Миддендорф (1815—1894), Э. А. Миддендорф (1851—1916). — Тарту, 1963, с. 9.

В Туруханске А. Ф. Миддендорф встретился с декабристом А. И. Якубовичем, которого просил собрать материалы о климате, рудных богатствах, золотоносных речках и хозяйственном положении окрестных мест. Эти данные были использованы А. Ф. Миддендорфом в его труде «Путешествие на север и восток Сибири», изданном в Петербурге в шестидесятых годах прошлого века.

23 марта 1843 г. А. Ф. Миддендорф покинул Туруханск. 14 апреля он был в зимовье Коренном-Филипповском, расположенном на 71° с. ш., на берегу р. Боганиды. Прежде всего он организовал метеорологические наблюдения, которые никогда еще не велись в этих местах, и, видя, что приготовления к предстоящему путешествию продвигаются успешно, решил пересечь линию водораздела и обследовать реки Хету и Хатангу, по которым, согласно инструкции, ему предстояло добраться летом до Северного Ледовитого океана. Через неделю он был в с. Казачьем у обломков шлюпки, которую 102 года назад оставил лейтенант Х. Лаптев. Однако кроме небольших рыбацких лодок, не пригодных для плавания по океану, никаких судов там не было. Тогда ученый решил изменить предписанный инструкцией маршрут путешествия и отправиться на север вместе с долганами до р. Верхней Таймыры, а затем по ней, Таймырскому озеру и Нижней Таймыре выйти к берегам Карского моря.

Оставив Ф. Брандта, М. Фурмана и казака В. Томилова продолжать метеорологические наблюдения в зимовье Коренном-Филипповском, А. Ф. Миддендорф 7 мая тронулся в путь вместе с ненцами и долганами. Его сопровождали лишь 4 человека. Один из них был Т. Лапуков, почти 70-летний старик, знавший языки долган и ненцев¹. Вторым спутником был топограф Ваганов, который был прислан из Омска. Он скоро сделался «неразлучным и любимым товарищем» А. Ф. Миддендорфа². Кроме того, в экспедиции участвовали Е. Давурский и В. Седельников.

Долгане проводили А. Ф. Миддендорфа до берегов речки Логаты — притока Верхней Таймыры. Здесь путешественники построили лодку, которую они спустили на воду 23 июня, затратив на ее сооружение 25 дней.

4 июля экспедиция отправилась в плавание. 10 августа она находилась у входа Нижней Таймыры в Северный Ледовитый океан³. А. Ф. Миддендорф решил идти на восток, надеясь обогнуть мыс Челюскина и добраться до р. Хатанги, где в с. Казачьем он мог бы найти приют и пропитание. Но плавание продолжалось

¹ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. — СПб., 1860, с. 18 (Далее: Миддендорф А. Ф. Путешествие...).

² В ЦГИАЭ, в фонде А. Ф. Миддендорфа сохранилось несколько писем В. В. Ваганова. Дела этого фонда, в котором насчитывается около ста единиц хранения, весьма мало разработаны.

³ А. Ф. Миддендорф по возвращении из экспедиции по требованию Николая I составил «Краткий обзор путешествия по Северной Сибири...», который был просмотрен академиком К. М. Бэр и непременным секретарем Академии наук П. Н. Фуссом.

только одни сутки. На 76° с. ш. путешественники встретили льды. А. Ф. Миддендорф возвратился к устью Нижней Таймыры и отправился в обратный путь. Девять дней потребовалось ему, чтобы подняться против бурного течения реки до истоков Нижней Таймыры. Лодка обмерзла, и управлять ею сделалось чрезвычайно трудно. Едва только вошли в Таймырское озеро, как поднялась буря. Четыре дня пережидали шторм, укрывшись за небольшим островом. «Ни рыбная ловля, ни охота не могли быть удачны в таких обстоятельствах, жесточайший голод томил путешественников»¹, у которых еще 4 августа кончились сухари. 27 августа экспедиция отправилась в плавание по замерзающему Таймырскому озеру, во время которого потеряла челн с рыболовными снастями.

Долган, которые обещали ждать путешественников на Верхней Таймыре, поблизости не было. Экспедиция оказалась в тяжелом положении.

А. Ф. Миддендорф отправил на поиски долган своих спутников, разделив с ними последний запас сухого бульона. Сам он остался в одиночестве, которое продолжалось 18 дней. Только 19 сентября он встретился с долганами из племени Ассия во главе с его старейшиной Той-Чумом.

Так закончилось Таймырское путешествие А. Ф. Миддендорфа. «Подобное событие, — писал К. М. Бэр, — еще никогда не случилось ни в какую из арктических экспедиций, совершенных Голландию, Англию и Россию в течение столетий»².

8 октября 1843 г. А. Ф. Миддендорф добрался до зимовья коренного-Филипповского. Затем экспедиция перебралась в Туруханск, который А. Ф. Миддендорф покинул в начале 1844 г. Теперь его путь лежал в Якутск, которого он вместе со своими спутниками достиг в первых числах марта. Он провел серию наблюдений над температурой вечной мерзлоты в колодце Шергина, глубина которого, по измерениям Миддендорфа, равнялась 116 м. Одиннадцать термометров, вделанных ученым в стенки шахты, позволили установить, что через каждые 30 м в глубину температура земли, несмотря на вечную мерзлоту, повышается на один градус.

Исследованием вечной мерзлоты в Якутске заканчивалась программа путешествия.

Между тем Академия наук готовила новое поручение А. Ф. Миддендорфу. 23 января 1844 г. она обратилась к министру финансов с просьбой предоставить 5 тыс. руб. для расширения района действий Сибирской экспедиции до Шантарских островов. В письме указывалось, что А. Ф. Миддендорф должен будет исследовать «страну, которую доселе никто не посещал, кроме нескольких из отважнейших казаков. Окрестности Удского острога с Шантарскими островами граничат с совершенно неизвестною об-

¹ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, л. 262, л. 143.

² Там же, л. 91.

ластью Амура и столько же неизведанным в естественном отношении Охотским морем»¹.

Упоминанием «области Амура» Академия наук, а за нею Министерство финансов подчеркивали, что экспедиция в Сибирь, принесшая блестящий успех русской науке, «благодарность и признание ученого света»², будет, возможно, иметь и не менее блестящее политическое значение. В делах экспедиции нет упоминания об экспансии Англии, Франции и США в Китае, который был вынужден заключить в 1842 г. Нанкинский договор с Англией, а затем неравноправные договора с Францией и США, ставившие эту страну в полузависимое положение и открывавшие китайский рынок для английских, американских и французских капиталистов. Но, безусловно, обострение политической ситуации на Дальнем Востоке позволило Академии наук с необычайной для того времени легкостью получить дополнительные ассигнования. Все правительственные инстанции считали возможным³ отпустить еще 5 тыс. руб. на экспедицию А. Ф. Миддендорфа из сумм государственного казначейства.

А. Ф. Миддендорф с успехом справился с новым поручением Академии. Он не только обследовал Удский острог и Шантарские острова, но и пересек Приамурье — решив не менее трудную задачу, которая «может быть, возбудит наиболее всеобщее участие»⁴. Академия наук немедленно поставила в известность правительство о том, что у Охотского моря находится область, где живут тунгусы и гилыки, «считающие себя русскими подданными и платящими нашему правительству ясак», и что в действительности русская граница лежит значительно южнее, чем это обозначено на картах⁵. Это сообщение Академии наук не осталось без внимания и в скором времени привело к важным политическим результатам.

20 марта 1845 г. А. Ф. Миддендорф возвратился в Петербург. Академия наук в целой серии документов подвела первые итоги экспедиции в Северную Сибирь. Академик К. М. Бэр, ознакомившись с результатами путешествий А. Ф. Миддендорфа, писал, что оно представляет собой выдающееся достижение.

До путешествия А. Ф. Миддендорфа на Таймырском полуострове побывали с описными работами Х. Лаптев и С. Челюскин. Они первыми положили на карту северное побережье России между Енисеем и Леной, побывали на Хатанге, пересекли по льду Таймырское озеро и весной вышли на оленях к устью Таймыры. 8 мая 1742 г. С. Челюскин достиг самой северной точки Азии — мыса Северо-Восточного, который впоследствии был переименован в мыс Челюскина.

Перед отправлением в путешествие А. Ф. Миддендорф тщательно изучил рукописные журналы полярных исследователей. Он считал, что «Челюскин — бесспорно венец моряков, действовавших в том крае»¹. Он пришел к выводу, что у северной оконечности Азии существует «очень значительный остров», который он нанес на карту и который действительно был открыт (о Таймыре)².

Если Х. Лаптев и С. Челюскин доставили науке первые сведения об очертаниях Таймырского полуострова, его жителях и некоторых природных явлениях, то А. Ф. Миддендорф, талантливый ученый-натуралист, дал всестороннее описание этого самого северного края России. Он открыл на Таймыре хребет Бырранга и собрал исключительно богатые материалы по географии и гидрографии, геологии и орографии, климате, животном и растительном мире Таймыра, Сибири и Охотского края, включая Амурскую область. Его наблюдения за вечной мерзлотой в Якутске и в других северных районах Сибири весьма важны для географов. Все свои наблюдения он обобщил во многотомном капитальном исследовании «Путешествие на север и восток Сибири», на издание которого было отпущено из государственной казны 10 300 рублей, т. е. та же самая сумма, которая первоначально была отпущена на снаряжение экспедиции³.

«Итог результатов, собранных в это... путешествие, — отмечала Академия наук, — делает его обширнейшею ученою арктическою экспедициею. Одна собственно ученая добыча... так значительна, что по убеждению Академии наук, ни одна из всех арктических экспедиций, снаряженных Англиею и Россиею и стоявших нередко весьма значительных издержек, не принесла столько пользы науке, как Миддендорфова»⁴.

Близкой точки зрения придерживался Н. Г. Чернышевский, который писал, что путешествия А. Ф. Миддендорфа вместе с исследованиями М. А. Кастрена, А. И. Шренка и М. Ф. Рейнеке способствовали широкому распространению географических знаний⁵.

Научные результаты полярных исследований А. Ф. Миддендорфа сохранили свое значение до нашего времени. Многие из его идей были развиты советскими учеными, в том числе такими выдающимися представителями географической науки, как Л. С. Берг и В. А. Обручев⁶. П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал,

¹ Миддендорф А. Путешествие..., ч. 1, с. 79.

² Сухова Н. Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX в. — М.; Л., 1964, с. 100.

³ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 159.

⁴ Там же, л. 95.

⁵ Чернышевский Н. Г. Собр. соч., т. 3. — М., с. 453.

⁶ В августе 1965 г. в г. Тарту Обществом естествоиспытателей при Академии наук ЭССР была проведена юбилейная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения А. Ф. Миддендорфа. Было заслушано 14 докладов, сделанных учеными Ленинграда, Москвы, Львова, Тарту, Риги, тезисы которых вышли отдельным изданием. Была опубликована на русском и эстонском язы-

¹ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, с. 55.

² Там же, л. 44.

³ Там же, л. 55.

⁴ Там же, л. 25—26.

⁵ Там же, л. 68.

что А. Ф. Миддендорф провел в бассейне Амура важные географические исследования.¹

По словам акад. В. И. Вернадского, А. Ф. Миддендорф был «одним из самых крупнейших натуралистов своего времени, человеком широкого ума, с государственным охватом. Мы все знаем, какое значение имеют до сих пор его работы; большое будущее ожидает еще впереди многие его недоконченные начинания».²

А. Ф. Миддендорф дал обширную сводку сведений о севере Сибири, проанализировал деятельность Великой Северной экспедиции, проверил достоверность существовавших карт севера Сибири, составил подробное описание Таймырского края, Енисея, Пясины, Таймыры и Таймырского озера, Хатанги. Однако он допустил просчет в своих прогнозах будущего Таймыра, считая, что «пройдет, может быть, еще столетие, прежде нежели другой странствователь решится нарушить тишину этих пустынь с намерением приумножить сведения о любопытном крае, который, оставаясь неприкосновенным от торопливого движения Европы, считающей свои преобразования минутами, в противоположность ей, только из века в век пробуждается для нас от своей видимой мертвенности»³.

А. Ф. Миддендорф впал в ту же самую ошибку, что и его старшие коллеги — академики К. М. Бэр и Г. П. Гельмерсен. Как известно, эти «авторитетные наблюдатели природы»⁴ в 1845 г. говорили, что таврические степи по своему климату и из-за недостатка воды всегда будут принадлежать к самым беднейшим и самым неудобовозделываемым местностям, а спустя 60 лет производство хлеба в них возросло в 10 раз.

«Источник этих ошибок — тот, — писал В. И. Ленин, — что, принимая во внимание данный уровень техники и культуры, не считаются с прогрессом этого уровня»⁵. Подобно К. М. Бэру и Г. П. Гельмерсену, не менее авторитетный наблюдатель природы А. Ф. Миддендорф не предвидел «изменений в технике» и не понимал, что Таймырский край не разбужен к производительной

как книга П. Б. Юргенсона «Неведомыми тропами Сибири», основанная на литературных источниках. В 1967 г. вышла книга Н. И. Леонова «Александр Федорович Миддендорф» (М., 1967). Привлекаемые в ней архивные материалы в основном были уже раньше нами введены в научный оборот (Пасецкий В. М. О чем шептались полярные маки. — М., 1965).

¹ Семенов П. Сибирское путешествие Миддендорфа. — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1862, кн. 1, Библиография и критика, с. 10.

² Вернадский В. И. Памяти академика К. М. Бэра. — В кн.: Труды комиссии по истории знаний. Вып. 2. Первый сборник памяти Бэра. Л., 1927, с. 7.

³ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. — СПб., 1860, с. 26.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 228.

⁵ Там же.

жизни «не столько в силу *природных* свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность»¹.

А. Ф. Миддендорф не предполагал, что придет время и Россия обгонит Европу и вызовет к жизни пустыни Таймыра.

Путешествия М. А. Кастрена

Этнографические исследования, которые велись на севере России, уже привлекали внимание многих советских историков². Поэтому в настоящей работе эти вопросы не рассматриваются. Однако общая характеристика экспедиций на север России была бы не полна, если не вспомнить о путешествиях доктора Гельсингфоргского (Александровского) университета Матиса Александра Кастрена, исследования которого выходили за пределы этнографии и имели важное значение для пополнения географических знаний,³ тем более что его путешествие по Енисейскому Северу непосредственно связано с Сибирской экспедицией А. Ф. Миддендорфа.

Безнадёжно больной туберкулезом, М. А. Кастрен 11 лет провел в тундрах Лапландии, Печорского края и Сибири. Основной задачей его путешествий являлось исследование «языка, нравов, религии, обычаев, образа жизни и прочих этнографических отношений» народов Европейского, Обского и Енисейского Севера⁴.

В 1838 г. М. А. Кастрен предпринял путешествие в Финскую Лапландию, входившую в состав Русского государства. В марте 1842 г. он посетил Колу, откуда предпринял поездку на о. Кильдин, где познакомился с лопарской деревней. Некоторое время он занимался изучением наречий лапландцев и русских, живущих в Коле и ее окрестностях. 30 мая он прибыл в Архангельск, где занимался изучением ненецкого языка. Осенью 1842 г. М. А. Кастрен на средства, ассигнованные Финляндским сенатом, собрался изучать «язык и этнографию европейских самоедов и тем облегчить их дальнейшее изучение в Сибири»⁵. Во время своего путешествия он посетил Сомжу, Несь, потом пересек Канинскую тундру и сделал продолжительную остановку в селе Пеше, где продолжал изучать ненецкий язык, обряды, обычаи, промыслы. Путешествуя по тундре, он получил сведения от ненцев о том, что многие русские и зырянские купцы и кулаки «всеми неправдами и даже явным грабежом завладели стадами самоедских оленей и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 229.

² Токарев С. А. История русской этнографии. — М., 1966; Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. — М., 1966; Вдовин И. С. Очерки истории этнографии чукчей. — М., 1965, и др.

³ Чернышевский Н. Г. Собр. соч., т. 3, с. 453.

⁴ Путешествие Кастрена..., с. 47.

⁵ Там же, с. 471.

мало-по-малу сделались почти полновластными господами всей этой страны»¹.

Во время путешествия по Печорскому краю М. А. Кастрен составил «Зырянскую грамматику», которая явилась важным вкладом в развитие финно-угорских языков.

4 сентября 1843 г. М. А. Кастрен из сел. Колвы отправился в свое «азиатское путешествие», надеясь вместе с зырянами, русскими и ненцами добраться до Обдорска. 3 ноября он впервые увидел Урал. «Мы ехали, — писал М. А. Кастрен, — по горной цепи, которую думаем прорезать каналом для соединения двух рек, вытекающих из этого хребта, из которых одна — Елец — впадает в Усу, а другая — в один из притоков Оби, именно в Падягу или Сось. Таким образом, чрез соединение Оби с Печорю северные продукты могли бы идти за границу через Пустозерск»².

29 октября М. А. Кастрен благополучно переправился через Обь. В Обдорске М. А. Кастрен пробыл несколько месяцев, изучал язык, быт, верования и предания остяков. Он оказался свидетелем ярмарки, на которую съехались жители окрестных тундр. Однако торговля на ярмарке была запрещена приехавшим из Тобольска чиновником. Депутации, которые посылали к нему и купцы и местные жители, не приносили желанного успеха. Чиновник требовал, чтобы прежде всего уплатили подати в казну, а это, по словам М. А. Кастрена, привело бы к тому, «что многим из туземцев пришлось бы прирезать немногих оленей, без которых кочевая жизнь их решительно невозможна».

Среди ненцев и остяков росло возмущение. Прошел слух, что они собираются «разломать амбары, сжечь и разграбить весь город». По словам М. А. Кастрена, «на улицах было уже несколько небольших смут»³. Тобольский чиновник, знавший о восстании Ваули Пиеттомина и опасавшийся нового народного выступления, снял запрет на торговлю. Ненцы и остяки занялись обменом своих мехов на муку, печеный хлеб, табак, котлы, ножи, иглы.

Из Обдорска М. А. Кастрен должен был по побережью Северного Ледовитого океана добраться до устья Енисея. Однако обострение болезни заставило путешественника возвратиться в Петербург, куда он и прибыл в марте 1844 г.

В то время как М. А. Кастрен путешествовал по Европейскому Северу, Академия наук добилась получения из государственного казначейства 13 тыс. руб. на Сибирскую экспедицию. Из них 3 тыс. руб. выделялись «лингвисту-этнографу для изучения языков, нравов и обычаев обитающих в тех странах малоизвестных племен»⁴. Одновременно этому ученому поручалось собрать «надежные сведения о городах и селениях, реках и озерах, ручьях и горных системах» и обогащать «географическо-топографические сведения об этих столь мало еще поныне известных местах».

¹ Путешествие Кастрена... с. 147.

² Там же, с. 176.

³ Там же, с. 181.

⁴ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 262, л. 5.

«Сюда же, — говорилось в инструкции, — принадлежат и общие известия о климате и зависящих от оного условиях растительности, например: об обыкновенном изменении времен года, о вскрытии и замерзании рек и озер, о произрастании хлебов и других употребительных растений»¹.

Первоначально предполагалось, что экспедицию возглавит академик А. М. Шегрен. Однако А. М. Шегрен предложил кандидатуру Кастрена, заявив, что отвечает за молодого ученого «как за самого себя»².

Летом 1846 г. М. А. Кастрен посетил Енисейский Север, где его поразило «бедственное положение и остяков и русских, находящихся в нищете и прикрывавших свою наготу пестрыми лохмотьями». М. А. Кастрен неоднократно писал в своих заметках о крайней нужде населения Енисейского Севера, который некогда считался одним из богатейших районов Сибири. По убеждению путешественника, обнищание жителей было вызвано ростом золотых приисков в сопредельных более южных районах. М. А. Кастрен посетил Туруханск, Зимовье Плахина, Хаптайку, Дудинку. Последнюю остановку на пути к северу он сделал в зимовье Толстый Нос, куда приехал в ноябре 1846 г. 11 января 1847 г. М. А. Кастрен вернулся в Туруханск, откуда направился в Енисейск и дальше в юго-восточную Сибирь. Свои физико-географические наблюдения он обобщил в очерке «Енисей в своем течении от Енисейска до Ледовитого моря». В нем М. А. Кастрен дал не только описание реки с ее притоками, берегами и окружающими горами, но и указал границу распространения лесов. Главное внимание он уделил изучению народов Енисейского Севера: остяков, тунгусов и русских. Кроме исключительно богатого материала по угро-финским и ненецким языкам, М. А. Кастрен доставил сведения о быте, промыслах, творчестве народов Европейского, Обского и Енисейского Севера.

Демократизм М. А. Кастрена множество раз обнаруживается на страницах его «Путешествия» и прежде всего он виден в глубоком и внимательном отношении исследователя к нуждам народов Севера, будь то ненцы, остяки или русские. О подвиге М. А. Кастрена с восхищением отзывались ученые, путешественники, члены Академии наук.

«В великой и сложной науке, — писал в 1927 г. советский ученый В. Г. Тан-Богораз, — в ее разделе, относящемся к северной Евразии, Кастрен занимает место единственное в своем роде. Он был началом движения, первым биением творческой жизни. Это исходный путь, откуда разошлись многие и разные пути. Но по этим различным путям он шел одновременно и сам, и так далеко зашел, что мы, вышедшие после него на столетие, до сих пор не можем догнать его. Это зачинатель, опередивший продолжателей.

¹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1841, д. 5, л. 1.

² Там же, 1846, д. 6, л. 12.

Его человеческий образ сияет кристальной чистотой, его научные работы донныне не превзойдены»¹.

Путешествия М. А. Кастрена — это великий научный подвиг и одновременно яркое свидетельство той трудной борьбы наиболее радикальных ученых Академии за развитие науки в сороковых годах XIX в.

Создание Русского географического общества и его первая полярная экспедиция

Свертывание царским правительством полярных исследований в конце тридцатых — начале сороковых годов заставило наиболее радикально настроенных ученых и моряков искать новые пути для развития отечественной географии. Эта мысль, правда, довольно туманно высказана в статье «Основание в С.-Петербурге Русского географического общества», опубликованной в первой книге «Записок» этого научного учреждения. В статье отмечалось, что собранные экспедициями Морского министерства географические сведения остаются «без разработки правильным ученым образом» и не приносят «той пользы, какой следовало бы ожидать». Вследствие этих причин «познание России как в отечестве, так и за границей распространяется крайне медленно»² и потому необходимо создание общества, которое занялось бы развитием географических знаний о России.

Инициаторами создания Русского географического общества были полярные исследователи Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель и К. М. Бэр. Этот триумvirат начал обсуждать вопрос об организации общества в первой половине 1844 г. Важным событием, послужившим своего рода сигналом к действию, явилось возвращение в Петербург А. Ф. Миддендорфа, только что блестяще закончившего свое путешествие на Таймыр, в Восточную Сибирь и Приамурский край³.

6 августа 1845 г. правительство дало согласие на учреждение общества и утвердило его временный устав, выделив ему ежегодную субсидию в размере 10 тыс. руб. Главной задачей общества объявлялось «собрание и распространение в России географических сведений вообще и в особенности о России»⁴.

7(19) октября 1845 г. в конференц-зале Петербургской Академии наук состоялось первое общее собрание членов Русского географического общества, которое было подготовлено Ф. П. Врангелем и на котором присутствовали полярные исследователи: А. Ф. Миддендорф, А. И. Шренк, П. И. Крузенштерн, М. Ф. Рейнеке, Ф. Ф. Матюшкин.

¹ Памяти Кастрена. Сб. статей. — Л., 1927, с. 35.

² Основание в С.-Петербурге Русского географического общества и занятия его с сентября 1845 по май 1846 г. — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1849, кн. 1 и 2, с. 10.

³ Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946, с. 23. (Далее: Берг Л. С. ВГО за сто лет...).

⁴ Записки Русск. геогр. об-ва, 1846, кн. 1, с. 9.

Общество стало научным центром, где объединились не только талантливые ученые и исследователи, но и многие представители русской молодежи, в которой, по словам П. П. Семенова, «начало уже пробуждаться русское народное чувство»¹. Эти молодые люди вскоре организовали оппозицию Ф. П. Литке, который придерживался проправительственной ориентации и являлся фактическим руководителем общества. Они не разделяли его скептического отношения «к народным стремлениям и симпатиям». Эти юные деятели русской географической науки, по словам П. П. Семенова, «ждали не только сближения с русским народом и изучения его быта и национальных особенностей, но и освобождения его от крепостной зависимости»².

Стремление Ф. П. Литке ограничить действия общества рамками официальной благонамеренности было не по душе не только «партии молодых», но даже не столь молодому К. М. Бэру, который откровенно писал Ф. П. Литке, весьма встревоженному горячими спорами на апрельском заседании 1846 г., что общество погибнет, если на заседаниях его будут только доклады о действиях общества и постановлениях его Совета. «Я даже взялся за перо, — продолжает К. М. Бэр, — чтобы присоединить свой голос к тем, которые хотят, чтобы после официального заседания, требующего, безусловно, определенного порядка, устраивались бы еще более продолжительные собеседования»³.

В числе членов общества была значительная группа лиц либо принадлежавших к кружку петрашевцев⁴, либо близких к ним по своим политическим симпатиям, а также группа патриотически настроенной молодежи, куда входили Н. А., Д. А. и В. А. Милютины, Я. и Н. Ханьковы. А. и М. Заблочки-Десятовские, К. А. Неволин, И. И. Срезневский, П. П. Семенов, геолог А. Д. Озерский, этнограф Н. И. Надеждин (тот самый Надеждин, который опубликовал в своем журнале «Телескоп» знаменитые «Философические

¹ Семенов П. П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества. Ч. 1. — СПб., 1896, с. 22.

² Семенов-Тянь-Шаньский П. П. Эпоха освобождения крестьян в России. — В кн.: Мемуары. Т. 3. — Пг., 1915, с. 13. По мнению выдающегося советского ученого Л. С. Берга, это была борьба между немецкой и русской группами общества. При этом он ссылается на замечание П. П. Семенова в отношении того, что молодым русским людям было слишком тесно в «чуждых его духу иноземных пеленках» (Берг Л. С. ВГО за сто лет..., с. 49). Такой же точки зрения придерживается С. А. Токарев в своей книге «История русской этнографии» (М., 1966, с. 215).

³ Лукина Т. А. К истории основания Русского географического общества. — Изв. ВГО, 1965, т. 97, вып. 6, с. 514.

⁴ Известен донос на деятельность Географического общества, в котором указывается, что в состав этого общества вторглись «личности, пропитанные идеями Приюдона, Луи-Блана, Консидерана, Мадзини, Гарибальди и других мечтателей о слитии национальностей и образовании общенародных союзов». В документе далее отмечается, что эти личности проводят свои разрушительные идеи: «коммунизма, социализма, демократизма и атеизма». «К прискорбию, это проявилось в Географическом обществе...» (Штейн В. М. Роль Всесоюзного географического общества в развитии русской общественной мысли. — Изв. ВГО, 1945, т. 77, вып. 1—2).

письма» П. А. Чаадаева, за что отправился в ссылку в город Усть-Сысольск, и о котором Н. Г. Чернышевский говорил как о «человеке замечательного ума и учености»¹, знавшем многие направления науки и внесшем значительный вклад в развитие этнографии).

Рассматривая перипетии этой борьбы в Географическом обществе, нельзя не вспомнить слова А. И. Герцена о том, что прогрессивные деятели этого времени не столько стремились сменить «ошейник немецкого рабства на ошейник рабства русского, сколько хотели освободиться от всех возможных ошейников»².

На выборах 1850 г. Ф. П. Литке потерпел поражение. Кроме молодежи, увлекавшейся идеями утопического социализма, видная роль в обществе стала принадлежать замечательному исследователю Белого моря М. Ф. Рейнеке и полярному путешественнику Ф. Ф. Матюшкину, считавшим, что прекращение Морским министерством научных и гидрографических исследований на Севере наносит ущерб государственным интересам России.

В новом уставе, принятом в 1850 г., подчеркивалось, что «Общество наше называется не просто только Географическим, а Русским географическим обществом». В уставе очень обстоятельно объяснялось, что научные устремления общества под его новым названием не ограничатся только пределами России, а приобретут особое направление. «Дело все в том, что куда бы ни обращалось наше внимание, где бы ни устанавливались наши работы — в России ли или вне России — везде и всегда это должно быть для России, имея в виду Россию»³. Такая патриотическая направленность деятельности общества в соответствии с новым уставом, не противоречила достоинству науки. Наоборот, она должна была принести еще большую пользу всемирному землеведению.

В новом уставе особо подчеркивалось, что одной из главных задач общества должно стать познание севера Азии, который на карте мира «простирается до сих пор огромным, почти непрерывным пробелом; между тем доступ сюда науке самою природою отворен всего прямее и ближе через нас — русских»⁴. Далее в уставе отмечалось, что издревле Россия обогащала мировую науку сведениями о северных полярных областях. «В истории землеведения это есть неоспоримый факт, что с XVI века лучшие и достовернейшие сведения о пространстве Азиатского Севера свыше 35 параллели добывались или русскими, или при посредничестве русских»⁵.

Первые годы существования общества (в пределах первой половины XIX в.) интересны не только влиянием на его деятель-

¹ Чернышевский Н. Г. Собр. соч., т. 2, с. 140.

² Герцен А. И. Собр. соч., т. 7. — М., 1956, с. 234.

³ Отчет Русского географического общества. — Вестник Русск. геогр. об-ва, 1851, ч. 1, кн. 1, с. 4 (Далее: Отчет РГО...).

⁴ Там же, с. 5.

⁵ Там же, с. 6.

ность передовой общественной мысли. Они отмечены повышенным вниманием общества к развитию полярных исследований.

20 ноября 1846 г. Ф. П. Врангель выступил на годовом собрании членов общества с докладом «О средствах достижения полюса»¹. Основываясь на опыте своего Колымского путешествия и на опыте санных поездок по льду П. Ф. Анжу, он считал, что Ледовитый океан покрыт не сплошным ледяным панцирем, а движущимися ледяными полями, которые находятся во власти ветров и течений и путешествие по которым сопряжено с риском для жизни людей. «Я не могу, — говорил Ф. П. Врангель, — разделить надежды капитана Парри насчет удобства ледяной поверхности для успешного по ней следования на север». Не разделял он и мнения Дж. Барроу о том, что Северного полюса можно достигнуть на паровом судне, идя к полюсу по меридиану северной оконечности Шпицбергена.

Ф. П. Врангель находил целесообразным для достижения цели и приобретения новых сведений по географии полярных стран направить экспедиционное судно к северо-западным берегам Гренландии, в залив Смита. Оставшись на зимовку, экспедиция должна была, как только море замерзнет, достигнуть на собаках северной оконечности Гренландии и создать там один склад продовольствия и корма для собак, другой склад надо соорудить примерно на 200—300 км севернее. Из этого пункта экспедиции следовало выйти к Северному полюсу в марте.

Доклад «О средствах достижения полюса» явился ярким образцом постановки научной проблемы. В нем Ф. П. Врангель снова подтвердил свои взгляды на природу льдов Северного Ледовитого океана, отверг теорию открытого моря у полюса и рекомендовал путь, которым спустя 63 года прошел к полюсу американец Р. Пири.

В 1846 г. К. М. Бэр, Ф. П. Врангель, А. Ф. Миддендорф, А. А. Кейзерлинг, Г. П. Гельмерсен, О. В. Струве и другие ученые обратились в Совет Географического общества с предложением об организации научной экспедиции². Они писали: «Казалось бы весьма важным, чтобы Географическое общество в начале своего существования занялось преимущественно такими предприятиями, о коих можно с уверенностью наперед сказать, что они выставят в полном блеске его деятельность на пользу географических наук в России»³.

Авторы записки полагали, что экспедиция должна быть направлена в малоисследованный край, изучение которого привлечет

¹ Врангель Ф. П. О средствах достижения полюса. — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1849, кн. 1, с. 116.

² В 1846 г. Ф. П. Литке обсуждал с Ф. П. Врангелем и К. М. Бэром вопрос о проведении широких научных исследований в Русской Америке. Этот вопрос рассматривал Особый комитет Географического общества. Ученые А. Ф. Миддендорф и А. И. Савич выражали желание принять участие в путешествии (см.: Переписка Карла Бэра..., с. 72—74).

³ АГО, ф. канцелярии Географического общества (ф. 1), д. 5, ч. 1, л. 4.

всеобщее внимание, а выполненные там наблюдения «будут иметь всю занимательность новости». Таким краем был избран Северный Урал. От этого путешествия ожидали «множество других последствий, важных для наук и полезных» для выяснения природных богатств и производительных сил этой далекой северной области. Особое значение придавалось гидрографическим исследованиям: «Действительно, реки суть те пути, по которым расходуется жизнь и просвещение, и системы Оби и Печоры получают важное значение для торговли на Севере, когда Сибирь потребует сбыта для своих земледельческих произведений»¹.

Экспедиции предстояло провести наблюдения над границей распространения вечных снегов, полярными сияниями и исследовать останки древних животных. Одной из задач экспедиции должно явиться выяснение вопроса о том, как далеко на север протянулась золотоносная полоса Урала и соответствуют ли действительности сообщения местных жителей о наличии каменного угля в западных отрогах хребта. По мнению авторов записки, важную услугу науке, в частности теории строения земли, могло принести исследование той цепи гор, которые уклоняются к северо-западу от общего направления Уральского хребта. По их мнению, Обдорские горы представляют «совершенно исключительное явление», так как, вероятно, этот горный кряж служит продолжением Урала «через Вайгачский пролив на Новую Землю».

Руководство Уральской экспедицией было поручено профессору Петербургского университета Э. К. Гофману², участвовавшему в плавании на шлюпе «Предприятие». Вместе с ним для исследования Северного Урала отпавились горный инженер Стражевский, магистр астрономии Ковальский, естествоиспытатель Ф. Брандт, участвовавший ранее в Сибирской экспедиции А. Ф. Миддендорфа, и топографы Брагин и Юрьев, направленные в экспедицию Генеральным штабом.

Э. К. Гофман, готовя экспедицию, проделал огромную работу. В сферу действий были вовлечены должностные лица Архангельской и Вологодской губерний, Главного управления Западной Сибири, Военного министерства, Корпуса горных инженеров. Необходимо было позаботиться не только об инструментах, снаряжении, продовольствии, но и о средствах передвижения и пропитания, когда экспедиция окажется в безлюдных пустынях Северного Урала.

В этой предварительной работе принимали участие Ф. П. Литке, секретарь Географического общества А. В. Головин (сын знаменитого мореплавателя) и Ф. П. Врангель.

Над разработкой инструкции для Уральской экспедиции работали такие выдающиеся ученые, как А. Ф. Миддендорф, составив-

¹ АГО, ф. 1, д. 5, ч. 1, л. 5.

² Первоначально предложение было сделано А. А. Кейзерлингу, который дал согласие, но по прошествии некоторого времени сообщил, что «к искреннему сожалению не может по домашним делам принять это лестное поручение» (Зап. Русск. геогр. об-ва, 1847, кн. 2, с. 8).

ший программу зоологических исследований, академики А. Купфер и Э. Х. Ленц, которые написали руководство по физическим наукам. Программа географических и геологических исследований была составлена Э. К. Гофманом совместно с академиком Г. П. Гельмерсеном.

В итоге план действий экспедиции включал значительно большее число научных вопросов, чем первоначальный проект. Добавились такие проблемы, как выяснение вопроса о поднятии берегов Северного Ледовитого океана, исследование магнитных явлений, барометрическое нивелирование гор, сбор ботанических и зоологических коллекций и наблюдений. Инструкция экспедиции была утверждена Советом Географического общества 12 марта 1847 г.

По подсчетам общества, район действий экспедиции составлял около 12 тыс. км², которые предстояло обследовать в течение двух лет.¹ Фактически на исследование северной части Уральского хребта от 64° с. ш. до побережья Карского моря потребовалось три года (1847, 1848 и 1850). В геологическом отношении была обследована северная часть Урала и изучены реки, впадающие в Печору и Обь. Особенно большое внимание было уделено изучению горных цепей Пай-Хоя. Э. К. Гофман пришел к выводу, что это совершенно самостоятельный горный хребет, отличающийся от Урала по геологическим породам. Он высказал предположение, что Пай-Хой образовался в одно и то же время с Тиманским хребтом, который открыли А. А. Кейзерлинг и П. И. Крузенштерн.

Труды экспедиции были изданы в двух томах на русском и немецком языках. Они впервые давали достоверные представления об основных чертах природы Северного Урала и прилегающих районов на пространстве от Карского моря до Чердыни².

Первый том включал материалы магнитных и астрономических наблюдений, которые были подготовлены к печати магистром Ковальским. Ему же принадлежало талантливое вступление к тому. Второй том содержал описание деятельности экспедиции, научные статьи и обзоры, авторами которых, кроме Э. К. Гофмана, являлись академики А. Ф. Миддендорф, Ф. Ф. Брандт, Э. П. Менестриэ (зоология), А. А. Кейзерлинг (палеонтология), Ф. И. Рупрехт (ботаника). Была издана подробная карта области Северного Урала и хребта Пай-Хой, опиравшаяся на 223 астрономических пункта, из которых 174 были «определены на самом Урале». Таким образом, «северная часть рубежа» между Европой и Азией до последнего времени «почти гадательно означаемая на картах» обрела свой настоящий облик. Множество вопросов географии и геологии нашли блестящее решение и были восприняты учеными, как «важный памятник географической науке»³.

¹ АГО, ф. 1, д. 5, ч. 1, л. 85.

² Есаков В. А., Соловьев А. И. Русские геогр. исследования..., с. 135.

³ Отчет РГО..., с. 22—23.

Наряду с решением научных задач, экспедиция Э. К. Гофмана еще раз подтвердила важное экономическое значение Печорского Севера с его природными богатствами, заключающимися не только в лесах, пушнине и рыбе, но и в неисчерпаемых минеральных ресурсах. Ознакомившись с результатами трехлетних исследований Географического общества в огромном районе между Печорой и Обью, великий русский ученый Д. И. Менделеев выступил с обширной статьей, в которой отметил перспективность оживления экономической жизни этого далекого края, где в будущем должны пройти транспортные пути, соединяющие великие речные системы Печоры и Оби.

Этой полярной экспедицией Географического общества завершилось изучение Печорского края в рассматриваемый период.

Серия экспедиций и поездок на Север Европейской России в сороковых годах, когда «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом»¹, была вызвана развитием в недрах крепостнического государства буржуазных отношений.

Подавляющее большинство исследователей этого времени считало, что развитие культуры и промышленности создает благоприятные предпосылки для оживления экономической жизни полярных окраин, для вовлечения их ресурсов и богатств не только в общероссийский рынок, но и в систему общеевропейской торговли. Как было показано, такие видные ученые и полярные исследователи, как А. И. Шренк, В. Н. Латкин, П. И. Крузенштерн, М. А. Кастрен и другие, были убеждены, что развитие путей сообщения и вторжение «волшебницы промышленности» выведет Север из патриархального состояния и принесет «общее благоденствие».

Исследования А. И. Шренка, П. И. Крузенштерна, А. А. Кейзерлинга, В. Н. Латкина, В. Иславина, М. А. Кастрена, Э. К. Гофмана не только дали науке достаточно полное для своего времени представление о природе Печорского края, его гидрографии, геологии, орографии, но и позволили выявить наличие нефтяных и каменноугольных месторождений, а также внести ясность в вопросы развития путей сообщения как на самом Печорском Севере, так и между Печорским Севером и Западной Сибирью. Однако практическое решение этих вопросов было задержано начавшейся Крымской войной. Крымская война, в свою очередь, сорвала попытку России защитить свои интересы на Северо-Востоке Сибири и в Русской Америке.

Изучение севера Восточной Сибири и Русской Америки

В сороковых годах XIX века вопросы изучения арктических и субарктических районов Восточной Сибири и Русской Америки привлекали внимание лишь Российско-Американской компании. После заключения конвенций с США и Англией она была поставлена царским правительством в весьма трудные условия. Как от-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

мечалось, согласно статье 4 конвенции с США кораблям договаривающихся сторон, а также судам граждан США и России было разрешено в течение 10 лет «взаимно заходить без малейшего помешательства во внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находившиеся на берегу Северо-Западной Америки для производства там рыбной ловли и торговли с природными той страны жителями»¹.

Иностранные промышленники и торговцы после заключения конвенций широко пользовались этой возможностью, нанося ущерб интересам компании. Поэтому как только статья 4 утратила силу, она стала предпринимать меры, чтобы прекратить иностранные промыслы и торговлю иностранцев в русских территориальных водах и на берегах.

28 апреля 1834 г. правитель колоний в Америке Ф. П. Врангель направил донесение Главному правлению Российско-Американской компании о том, что несмотря на истечение срока действия статьи 4 конвенции американские суда «имеют намерение по-прежнему идти из Новоархангельска в проливы». Главное правление через министра финансов Е. Ф. Канкрин просило Министрство иностранных дел напомнить США о том, что американские корабли «не имеют права заходить в границы российских владений от широты 54°41' к северу для торговли с туземцами»².

4 мая 1838 г. К. В. Нессельроде сообщил Е. Ф. Канкрину, что посланник США снова домогался возобновления статьи 4 конвенции. Однако он объявил последнему, что русское правительство не может согласиться на такой шаг, так как он был бы несовместим «с привилегией, дарованной Российско-Американской компании и с покровительством, которое она вправе ожидать от нашего правительства»³. Вместе с тем К. В. Нессельроде считал «полезным подтвердить начальству нашему в Америке, чтобы оно всячески старалось избегать предлогов к ссоре с гражданами Соединенных Штатов, могущих подать повод к неприятным объяснениям с Вашингтонским кабинетом»⁴. Таким образом уже в середине тридцатых годов русское правительство не намерено было предпринимать серьезных шагов ни в дипломатическом, ни в военном отношении по защите Русской Америки.

Безусловно, и материальный, и особенно моральный ущерб, нанесенный конвенциями Российско-Американской компании, был значителен, но отнюдь не являлся ее смертным приговором, как утверждает американский историк А. Мазур⁵. В середине трид-

¹ Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., с. 62. Статья 4 конвенции с США соответствовала статье 7 конвенции с Англией.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 351, л. 1 об.

³ Там же, л. 18 об.

⁴ Там же, л. 270.

⁵ Mazour A. G. The Russian-American and Anglo-Russian Conventions 1824—1825, an interpretation. Pacific historical review.—Berkley California, 1945, vol. 14, N 3, p. 303.

цатых годов Российско-Американская компания чувствовала себя еще достаточно сильной, о чем свидетельствуют ее действия на р. Стахнин, направленные против попыток англичан закрепиться в этом районе. В эти годы иностранный промысел на берегах и в водах Русской Америки не приобрел еще такого размаха, который угрожал бы жизненным интересам компании. По словам справки, составленной ее Главным правлением, в годы перед истечением срока действия пунктов 4 и 7 конвенций в воды Русской Америки приходило не более «четыре иностранных судов». Правление Российско-Американской компании «обратило внимание на торговлю с туземцами», тем самым лишив американских шкиперов прежних выгод, «и в 1834 году не приходило ни одно судно в 200 тонн»¹. По данным Г. А. Аграната, в тридцатых годах, т. е. задолго до того, как США наладили производство паровых судов на тихоокеанском побережье, на верфях Российско-Американской компании началось строительство пароходов. Вслед за тем были начаты разработки каменного угля².

Вместе с тем в конце тридцатых — начале сороковых годов возникла необходимость укрепления позиций Российско-Американской компании в районе залива Коцебу, что и было одной из главных причин снаряжения экспедиции Л. А. Загоскина, деятельность которой исчерпывающе освещена в работах Г. А. Аграната и М. Б. Черненко.

Л. А. Загоскину поручалось исследовать впадающую в залив Коцебу р. Букланд, истоки которой, по словам эскимосов, находились недалеко от верховья р. Куюкак, являющейся одним из притоков Квихпака. Кроме того, он должен был картировать реки Кускоквим, Квихпак и Чачелюк и найти наиболее удобные переходы из одной водной артерии в другую. И хотя в инструкции упоминалось о желательности составления удолетворительного описания страны, в первую очередь экспедицию интересовали торгово-промысловые цели. Л. А. Загоскин и его спутники провели в непрерывных странствиях почти 19 месяцев, пройдя пешком и на лодках свыше 5000 верст.

В 1847 г. вышло в свет капитальное исследование «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах». В журнале «Отечественные записки» отмечалось, что этот морской офицер «открыл совсем новую Америку... с сильной пышной растительностью, с богатыми лугами и долинами, с чудными реками и озерами»³. В. Г. Белинский отнес книгу Л. А. Загоскина к числу замечательных произведений научной литературы⁴.

При присуждении Л. А. Загоскину демидовской премии Академии наук, подчеркивалось исключительное значение составлен-

ной им карты глубинных районов Аляски и материалов по животному и растительному миру, по климату и ископаемым Русской Америки. Академик А. Ф. Миддендорф назвал путешествие Л. А. Загоскина подвигом.

Если в области изучения быта, обычаев, образа жизни и языка эскимосов и индейцев у Л. А. Загоскина были предшественники, то «все сообщаемое им о климатологии, растительности и царстве животных тамошнего края»¹ являлось для науки того времени настоящим открытием. По мнению А. Ф. Миддендорфа, экспедиция по своим результатам превзошла многие английские экспедиции, отправленные для исследования Северо-Западного прохода. Свой отзыв академик заканчивал словами о том, что Загоскин своим «весьма трудным и небезопасным странствием по арктической Северной Америке существенно пополнил и исправил прежние весьма скудные и недостаточные сведения об этой крайней части Российской империи, о внешнем виде страны и состоянии ее народонаселения, что он астрономически определил 40 пунктов; впервые издал ряд метеорологических наблюдений»².

Значение научных исследований Л. А. Загоскина признано всем миром. Имя его справедливо стоит в ряду имен выдающихся русских путешественников.

Свои этнографические коллекции Л. А. Загоскин подарил широко известному в истории русской культуры Румянцевскому музею, Академии наук и Московскому университету.

В сороковых годах положение России в северной части Тихого океана коренным образом ухудшилось. В это время на Дальнем Востоке произошли события, которые не только повлияли на политику России в этом районе, но и отразились на ходе полярных исследований. Речь идет об опиумных войнах, завершившихся серией договоров между Китаем — с одной стороны — и Англией, Францией, США — с другой. По договорам порты Китая были открыты для этих стран, однако России пользоваться ими разрешено не было. По словам автора книги «Русская Америка» Г. Шевини, Великобритания отнюдь не хотела способствовать русской активности в морях Тихого океана и проводила «политику холодной презрительной войны против России»³. Открыв для своих судов порты Китая, Англия и США получили огромный рынок сбыта для продуктов промыслов, которые они разбойнически вели в русских территориальных водах и на берегах Русской Америки и Восточной Сибири.

26 августа 1843 г. генерал-губернатор Восточной Сибири сообщил К. В. Нессельроде, что, как стало известно по донесению, полученному капитаном Охотского порта от командира брига «Охотск» капитан-лейтенанта Транковского, вблизи устья р. Ана-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 351, л. 9.

² Агранат Г. А. Зарубежный Север. — М., 1957, с. 28; Федорова С. Г. Русское население Аляски..., с. 177.

³ Библиотека для чтения, 1847, т. 84, с. 4.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 10. — М., 1956, с. 354.

¹ Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. — СПб., 1849, с. 9.

² Там же, с. 8. А. Ф. Миддендорф имел намерение предпринять экспедицию в Русскую Америку.

³ Chevigny H. Russian Amerika. — London, 1966, p. 215.

дырь какие-то иностранцы «сделали свою маленькую крепостцу, охраняемую несколькими орудиями»¹. А спустя несколько месяцев, 29 ноября 1843 г. канцелярия синода препроводила в Министерство иностранных дел выписку из донесения камчатского священника, который сообщил об иностранной колонии в том же районе, от чего «страдает наша торговля»².

Эти донесения также были сообщены министру внутренних дел, который распорядился собрать более подробные сведения об иностранном поселении. Три года между различными ведомствами продолжалась переписка о том, каким образом это сделать: послать ли судно или снарядить экспедицию на собаках. Закончилось дело тем, что Российско-Американская компания в 1846 г. снарядила собственную экспедицию в Анадырский залив на байдарках. Возглавлял ее шкипер Клинковстрем. Путешественники обследовали устье р. Анадырь и восточнее его открыли залив, который представлял удобную гавань для морских судов. Залив был назван именем Клинковстрема. Ни в устье р. Анадырь, ни в его окрестностях каких-либо поселений иностранцев экспедиция не обнаружила.

Спустя два года в устье р. Анадырь прибыли суда «Охотск» и «Камчатка», принадлежащие Российско-Американской компании. Ими командовал капитан 2 ранга Зарембо. Правитель русских владений в Америке капитан Тебенков поручил ему провести опись устья и нижнего течения р. Анадырь. С этой задачей экспедиция успешно справилась. Устье реки изобиловало мелями, поэтому путешественники предприняли плавание вверх по Анадырю на гребных судах. Они описали реку на протяжении 54 миль, встретив при этом 13 чукотских поселений. Одновременно был детально обследован Анадырский лиман и открыт залив Св. Николая, который представлял весьма удобную и безопасную гавань для судов. И эта экспедиция не обнаружила иностранных поселений на Анадыре, что однако не уменьшило тревогу передовой русской общественности за безопасность восточных морей России, территорий Восточной Сибири и Русской Америки, в районы которой американцы посылали одну за другой разведочные экспедиции. На это серьезное обстоятельство дважды обращал внимание царского правительства И. Ф. Крузенштерн, но его предостережениями пренебрегли, как пренебрегли многими проектами развития научных исследований³.

По данным, проводимым В. Я. Авариным, США в 1846 г. располагали 736 китобойными судами общим водоизмещением 233 тыс. т⁴, на которых плавало около 20 тыс. человек. Из этого общего числа судов в 1846 г. около 500 американских китобойцев вели промысел в Охотском и Беринговом морях. Спустя два года

американские суда появились к северу от Берингова пролива, а в 1849 г. там охотилось 154 судна. Иностранные китоловы приставали «к берегам наших владений для промыслов, позволяли себе делать разные своевольства... и не признавали никаких властей, кроме прав сильного»¹. Они занимались не только истреблением морского зверя и китов, большей частью в русских территориальных водах, но и грабежом и насилием на берегах Северо-Восточной Сибири и на островах, входящих в состав владений Российско-Американской компании. И американцы и англичане не скрывали, что тихоокеанская политика их держав направлена на подрыв интересов России.

Русское правительство не спешило принимать меры по защите берегов и территориальных вод России на севере Тихого океана. Российско-Американской компании только в 1845 г. было разрешено вооружить один из ее кораблей «для крейсерства против иностранных китоловов». При этом Николай I не дал согласия на использование крейсера военного флага². Но даже эта весьма скромная попытка защитить русские интересы заставила правительство США предупредить капитанов американских судов о том, чтобы они не приставали к берегам и не посещали внутренних морей, заливов, бухт и гаваней в границах Русской Америки³. Однако иностранные промышленники продолжали не только приставать к берегам Северо-Западной Америки, но и заходить в территориальные воды Восточной Сибири, рубить лес на русских берегах и нападать на местных жителей.

Русские дипломаты стремились ценой любых уступок сохранить дружеские отношения с США и довольно равнодушно относились к опасности, угрожавшей интересам России не только в северной части Тихого океана, но и на северо-восточных берегах Чукотки и северных берегах Америки.

Только в 1850 г. после долгих просьб Российско-Американской компании Морское министерство направило за счет казны из Кронштадта в Охотское море корвет «Оливуца»⁴. Но эта мера также оказалась недостаточной.

Известно, что еще 5 января 1844 г. И. Ф. Крузенштерн направил в Петербург «высокому начальству» (кому именно — неизвестно) «Записку о посольстве в Японию». Он напоминал о необходимости решить одну из давнишних задач внешней политики. По его мнению, Великобритания могла в ближайшем будущем оказать давление на Японию, открыв при помощи вооруженных сил японские порты для своих торговцев так же, как она открыла китайские, оставив их при этом закрытыми для судов России. Пока не потеряно время, полагал И. Ф. Крузенштерн, русскому правительству следует послать новую кругосветную экспедицию с посольством в Японию. Начальником этой экспедиции следует

¹ АВПР, ф. Главный архив, 1843, д. 4, л. 1.

² Там же, л. 3.

³ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 73, л. 1—26, 27, 28.

⁴ Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. — М., 1952, с. 47.

¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 227, л. 2.

² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 227, л. 1.

³ Там же, д. 930, л. 13.

⁴ Там же, д. 282, л. 1.

назначить адмирала П. И. Рикорда, «опытность и искусство которого могут быть чрезвычайно полезным в этом деле»¹. Если бы удалось завязать торговые отношения, то японские товары (рис, соль и др.) могли быть использованы для обеспечения жителей северо-востока России, а японский рынок — для сбыта пушнины. По мнению И. Ф. Крузенштерна, это было бы очень полезно для исследования Охотского моря, в особенности в районе между Шантарскими островами и Амурским лиманом.

Спустя некоторое время он послал дополнение к своей «Записке о посольстве в Японию», где подробно остановился на амурском вопросе, считая, что пришло время обратить внимание на принадлежавшие России земли Дальнего Востока², имеющие важное значение для хозяйственных связей Сибири с Тихим океаном, Камчаткой, Русской Америкой.

Вопрос об американском поселении на Анадыре и об экспедиции в Японию неоднократно обсуждался среди морских офицеров. Робость и недомыслие, излишняя осторожность и равнодушные царского правительства к национальным интересам на севере Тихого океана вели к падению международного престижа России, к упадку русского морского флота. В обстановке роста национального сознания и нового подъема общественного движения в передовых научных и военно-морских кругах России росло недовольство политикой правительства, ущемляющей интересы своей страны ради соблюдения приличий в призрачно-дружественных отношениях с Англией и США³. Тем более что ни для моряков, ни для ученых не было секретом, что экспансионистские устремления этих держав имеют целью установление англо-американского контроля над Тихим океаном⁴. Особенно тревожными для передовых русских научных кругов были сведения о попытке англичан предпринять путешествие к северу от Чукотки при содействии России. Причины для снаряжения этой экспедиции состояли в следующем.

Как известно, в 1845 г. Англия после долгого перерыва направила экспедицию под начальством Дж. Франклина для продолжения исследований Северо-Западного прохода. В ней участвовали два паровых судна «Эребус» и «Террор», на борту которых находилось 129 человек. Экспедиция должна была следовать из Баффинова залива в Берингов пролив. Ни в 1846, ни в 1847 г. от путешественников не было никаких известий. На их поиски

¹ Крузенштерн И. Ф. Посольство в Японию. — Морской сборник, 1869, № 6, с. 27.

² ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 263, л. 39.

³ Министерство иностранных дел приписало 2 февраля 1853 г. оказывать американской экспедиции «в Берингов пролив и Арктический океан» радушное внимание и «вообще возможную приветливость», за которую американцы тут же отблагодарили вторжением своих судов в жизненно важные для России районы Охотского моря (ЦГИА, ф. 15, оп. 1, д. 7, л. 3 и л. 9).

⁴ В 1849 г. американец В. Грескот писал, что «США и Великобритания, согласовывая свои действия на Тихом океане, могут взять под свой контроль мировую историю» (Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан..., с. 59).

Англией были направлены три спасательных экспедиции, одна из них — со стороны Берингова пролива.

В 1848 г. в Чукотском море появились два английских судна «Геральд» и «Пlover». Участники этой экспедиции открыли к северу от Чукотки о. Геральд и видели признаки еще одной земли, названной ими Землей Пloverа, полагая, что она является той самой горной страной, которую, по рассказам Ф. П. Врангеля, видят чукчи с мыса Якан. Как ни равнодушны были «решающие лица» в Петербурге к судьбе Чукотки и Русской Америки, но и они не могли не видеть, что положение становится очень серьезным. Равнодушие царской бюрократии вызывало справедливую критику со стороны прогрессивных кругов русской общественности. Сибирские власти также были встревожены тем, что не имеют ни сил, ни возможностей препятствовать хозяйничанью иностранцев на северо-восточных берегах Азии.

Именно в это время лейтенант английского флота Б. Пим, участвовавший в плавании на судне «Геральд», выдвинул новый проект поисков пропавшей без вести экспедиции Дж. Франклина. Проект был одобрен главным гидрографом британского флота адмиралом Бофортом и видными полярными исследователями Англии. Так как приведение его в жизнь зависело от царского правительства, то 7 ноября 1851 г. президент Королевского географического общества и почетный член Петербургской Академии наук Р. Мурчисон обратился к министру иностранных дел России К. В. Нессельроде с просьбой поддержать этот проект поисков экспедиции Дж. Франклина¹. Через 11 дней Б. Пим выехал в Петербург. Он надеялся предстоящей зимой достигнуть устья Колымы и затем в продолжение 2—3 лет заняться исследованием морей и островов, находящихся к северу от Сибири.

Лейтенант Б. Пим полагал, что экспедиция Дж. Франклина, пройдя проливом Веллингтона, вышла в полыню, более или менее свободную ото льда, и направилась в сторону Берингова пролива. Но на своем пути она встретила «Предполагаемую землю» — барьер из суши и льда, протянувшийся через Северный Ледовитый океан от островов Парри к островам Новой Сибири, который не позволил Франклину подойти к северным берегам Азии. Поэтому, вероятно, пропавшая экспедиция находится на той самой земле, о существовании которой было известно от чукчей.

Мысль о том, что следы экспедиции надо искать именно в этом районе, пришла Б. Пиму после знакомства с отчетами о путешествиях Ф. П. Врангеля, П. Ф. Анжу и Ф. Ф. Матюшкина. Английский офицер предполагал отправиться примерно по маршруту этих путешественников и в основных чертах повторить их поездки. Он был уверен, что опираясь на новые успехи географии

¹ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика империалистических держав на Дальнем Востоке. — М., 1956, с. 115 (Далее: Нарочницкий А. Л. Колониальная политика...).

и на приобретенный человечеством за последние 30 лет арктический опыт, сможет довершить то, что не удалось сделать этим выдающимся и умелым офицерам¹.

На карте лейтенанта Б. Пим в отличие от старинных русских и западно-европейских карт «Предполагаемая Земля» была изображена в виде почти сплошной гряды, пересекающей примерно на 76—78° с. ш. Северный Ледовитый океан от островов Парри до меридиана р. Колымы. Б. Пим верил в существование открытого моря, находящегося за этим ледяным барьером. Ему представлялось, как видно из его карты, что Дж. Франклину удалось подняться значительно выше 80° с. ш., пройти в околополюсном пространстве до меридиана Берингова пролива и затем спуститься к берегам «Предполагаемой Земли»².

Р. Мурчисон надеялся, что Русское географическое общество и русские ученые одобряют этот план, а Николай I разрешит Б. Пиму посетить северо-восточные окраины России. Хотя Р. Мурчисона в России уважали, но проект Б. Пима приняли холодно. В частности, в записке, вероятно, принадлежащей академику А. А. Кейзерлингу, подробно говорится о просчетах, которые содержались в проекте Б. Пима, который собирался путешествовать по северу Сибири и по льдам океана на собаках и на байдарках из гуттаперчи. Этот способ не отличался новизной, поскольку был предложен адмиралом Ф. П. Врангелем для достижения магнитных полюсов. Но он требовал участия многих людей и привлечения множества транспортных средств.

«Мысль о проезде на собаках, — писал ученый, — сама по себе едва ли сбыточна, потому что по собственному расчету Пима, ему их нужно около 1500, число, которое не так легко будет собрать по всей Сибири³. Словом, заключает А. А. Кейзерлинг, для обеспечения путешествия Б. Пима с задуманным им размахом потребовалось бы «двинуть целый народ».

«Тут дело не о проникании по одному прямому направлению — тут формальное путешествие по всему побережью Сибири — от народа к народу, кочевья к кочевью, аула к аулу, словом объезд и обыск всей страны»⁴.

Таким образом автор записки за преполагаемыми гуманными целями путешествия Б. Пима видел далеко идущие разведывательные планы, осуществление которых могло нанести ущерб интересам России. Он полагал, что если бы Дж. Франклин высадился на северный берег Сибири, то, безусловно, кочующие там ненцы, тунгусы, остяки, чукчи уже давно бы обнаружили следы его экспедиции и со скоростью телеграфа известили бы русские власти о них так же, как они сообщают о каждой находке обнаженных остовов допотопных животных, о каждом выброшенном на

берег ките, хотя бы они были в самых пустынных и отдаленных местах.

Министерство иностранных дел также считало, что, судя по времени, которое прошло со дня исчезновения экспедиции Дж. Франклина, вряд ли кто-либо из путешественников остался в живых, а поиски ее следов могут провести русские и местные промышленники, посещающие берега Северного Ледовитого океана. Эти положения были более подробно развиты в «Записке» К. В. Нессельроде на имя английского посла в Петербурге Г. Сеймура, через которого Б. Пим, приехавший в середине ноября в русскую столицу, вступил в контакт с Министерством иностранных дел. Записка была приложена к письму К. В. Нессельроде, которое он отправил Г. Сеймуру 7 декабря 1851 г. В «Записке» говорилось о живом интересе Николая I к «благородным действиям британского правительства» по отысканию экспедиции Дж. Франклина и о том, что русские власти всегда оказывали «сердечную поддержку английским поисковым экспедициям», действовавшим со стороны Берингова пролива. Это было чистой правдой. И в Петропавловске и на Ситхе английские суда встречали дружелюбно и оказывали их экипажам необходимую помощь. Правдой было и то, что сибирским властям и Российско-Американской компании было приказано собирать сведения о всех судах, потерпевших крушение в северных водах. Николай I ознакомился с проектом английского офицера и якобы глубоко сожалел по тому поводу, что «между созданием проекта и его осуществлением стоят материальные трудности и непреодолимые препятствия, в которых Пим, руководимый благородной самоотверженностью, не отдает отчет в достаточной степени, и которые он должен был осветить перед русским правительством»¹. Далее, в достаточно мягкой форме перечислялись основные причины, по которым невозможно было осуществление проекта лейтенанта Б. Пима. Было подробно объяснено, что в замысле английского моряка нет ничего особенно нового и что его проект в основных чертах исполняется по ранее отданным распоряжениям русского правительства. Полярные исследователи России, с которыми консультировалось Министерство иностранных дел в связи с приездом Б. Пима, пришли к единогласному мнению, что он встретит непреодолимые препятствия.

К. В. Нессельроде дал понять, что правительство не намерено поддерживать проект Б. Пима. Более откровенно это было высказано в его письме к русскому послу в Лондоне Ф. И. Брюнову, которое он направил еще 4 декабря 1851 г., приложив к нему копии «Записки» и своего письма английскому послу в Петербурге. Министр просил Ф. И. Брюнова руководствоваться содер-

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-8, 1851—1852, д. 7, л. 44.

² Там же.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же, л. 10.

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-8, 1851—1852, д. 7, л. 23. На копии пометка о том, что на подлинном документе Николай I своей рукой написал: «Быть по сему» (л. 21).

жающимися в них соображениями при его ответах лорду Палмерстону либо Р. Мурчисону¹.

Бэдфорд Пим не разделял мнения Министерства иностранных дел России о бесполезности его экспедиции. Русские власти, по его мнению, упускали из виду главный момент его проекта: он собирался искать следы экспедиции Франклина на «Предполагаемой Земле», а не на побережье Сибири. От берегов Чукотки его путь должен был лежать к Земле Пlovera, которую он считал отдельным островом. Затем он намеревался переехать к о. Геральда и дальше двигаться прямо на север к «Предполагаемой земле», которую он изобразил на карте. Именно здесь он надеялся найти Дж. Франклина с его кораблями.

Министерство иностранных дел России не спорило с Б. Пимом. В этом вопросе ученые и моряки были более сведущи, чем дипломаты. Поэтому 27 декабря 1851 г. вручили английскому послу в Петербурге Г. Сеймуру документ, в котором не было речи об отказе Б. Пиму в его просьбе. Предупредив о трудностях и возможной неудаче задуманного путешествия, лейтенанту Б. Пиму разрешили отправиться на северо-восток Сибири, но с условием, что он сам должен снарядить экспедицию, не рассчитывая на содействие местных властей. К этому ответу министра иностранных дел были присовокуплены замечания адмирала Ф. Ф. Матюшкина, сомневавшегося в существовании цепи островов, которую рисовал Б. Пим на карте в виде «Предполагаемой земли». Адмирал считал, что если бы эти острова существовали, то они были бы открыты либо Ф. П. Врангелем либо П. Ф. Анжу.

Он полагал, что смутные предания чукчей о большой обитаемой земле относятся к американскому побережью севернее Берингова пролива. Что касается поисков следов экспедиции Дж. Франклина, то если бы ее суда пристали к берегам Сибири, то об этом давно бы знали промышленники². В заключение Ф. Ф. Матюшкин выражал сомнение в успехе путешествия лейтенанта Б. Пима. Он считал, что если правительство даст Б. Пиму разрешение на поездку, то не должно давать ему «открытого листа», «в таком случае, осмеливаюсь сказать, все трудности лягут на жителей того края»³. Ф. Ф. Матюшкин предлагал дать Б. Пиму проводника до Иркутска, а от Иркутска в Якутск отправить с казаком. «Якутский губернатор должен дать разрешение ему делать свои поиски и пригласить жителей побережья ему способствовать»⁴.

Как видно из письма от 27 декабря 1851 г., некоторые из этих мыслей Ф. Ф. Матюшкина были использованы Министерством иностранных дел. Ссылаясь на его мнение, К. В. Нессельроде считал важным еще раз обратить внимание английского посла на

чрезмерно оптимистичные предположения, на которых построен план лейтенанта Б. Пима, и которые лишены реальной основы. «Однако, — говорилось в письме Министерства иностранных дел, — если этот английский офицер будет настаивать на своем намерении исследовать северное побережье Сибири, то русское правительство не будет чинить препятствий»¹. Однако, разрешая путешествие, русское правительство отказывало в то же время не только в открытом листе, но и в содействии местных властей, обрекая тем самым планы Б. Пима на полный крах.

29 января 1852 г. русский посол Брюнов сообщил из Лондона, что в Королевском географическом обществе после выступления его председателя сэра Р. Мурчисона было решено проект Б. Пима окончательно оставить².

Русское правительство, предоставлявшее на протяжении десятилетий открытые листы и рекомендательные письма иностранным путешественникам для странствий по просторам России, в том числе по пограничным областям, наконец проявило некоторую решимость. Дело было в том что отдельные английские путешественники³ дурно пользовались гостеприимством России. Так, в октябре 1847 г. лорд Блумфильд обратился к К. В. Нессельроде с просьбой разрешить английскому подданному С. С. Гиллу отправиться в Восточную Сибирь, в том числе и на Камчатку, «для разных ученых и, в особенности, геологических изысканий»⁴. Разрешение было любезно выдано, а властям Восточной Сибири предписано оказать «сему иностранцу благосклонный прием и покровительство»⁵ С. С. Гилл, видя, что «священная воля»⁶ министра иностранных дел России легко открывает ему пути в пограничные районы Сибири, решил проникнуть в Приамурье.

Точно таким же образом поступил английский «путешественник» Остен, направившийся в Сибирь под предлогом поисков полярной экспедиции Дж. Франклина. Отыскивать Франклина Остен решил на берегах Амура. Он построил плот и поплыл вниз по течению. Генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву пришлось посылать за ним погоню и возвращать его в Иркутск, так как ему было ясно, что «англичане не столько Дж. Франклина отыскивают, сколько Амур»⁷. Главное правление

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-8, 1851—1852, д. 7, л. 54.

² Там же, л. 776.

³ АВПР, ф. Главный архив, II-8, 1849, д. 1, л. 1. Когда губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков попросил К. В. Нессельроде не давать разрешения иностранцам на посещение пограничных областей, тот ответил, что министерству иностранных дел «не удобно-таки отказывать в рекомендациях путешественникам тех держав, с которыми мы находимся в дружественных отношениях» (там же, л. 2 об.).

⁴ АВПР, ф. Главный архив, II-8, 1847, д. 15, л. 2.

⁵ Там же, л. 2 об.

⁶ Там же, л. 4.

⁷ Нарочницкий А. Л. Колоннальная политика..., с. 115. Автор ссылается на книгу: Барсуков П. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Т. 1, с. 191—192, 209, т. 2, с. 35. — М., 1891.

¹ АВПР, ф. Главный архив, II-8, 1851—1852, д. 23, л. 20.

² АВПР, ф. Главный архив, II-8, 1851—1852, д. 7, л. 57. Эта записка имеется также в фонде Ф. П. Врангеля, хранящемся в ЦГИАЭ (ф. 2057, оп. 1, д. 339).

³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 339, л. 148.

⁴ Там же, л. 148 об.

Российско-Американской компании неоднократно ставило в известность правительственные инстанции, что экспедиции, «отыскивающие капитана Франклина», своими действиями наносят существенный вред интересам России»¹.

Вскоре в Петербурге стали известны новые факты хозяйничания иностранцев в полярных русских владениях. Исполняющий должность камчатского военного губернатора Завойко рапортом от 31 октября 1851 г. донес Н. Н. Муравьеву, что в августе того же года в Петропавловск заходило английское китобойное судно «Гамильтон», от экипажа которого стало известно о «неприятных действиях» между жителями Чукотки и командами иностранных промысловых судов. При этом во время нападения англичан было убито 12 чукчей и один английский моряк. Как видно из ответов капитана судна «Гамильтон» Г. Л. Шекли, нападения на чукчей совершили команды китобойных судов «Армата», «Эми», «Фортитуд»².

Все это произошло вблизи Аракамченских островов. Чукчи якобы хотели отнять у английских китоловов кусок якорной цепи, за что и были наказаны убийством 12 своих соплеменников. Это нападение капитан Г. Л. Шекли считал делом обычным. Не прозвучало в его ответах и намек на осуждение разбоя своих соотечественников и сожаления о жертвах «неприятных действий». Его беспокоило лишь, что в чукотских поселениях, которые они посетили, он не нашел изобилия мехов (всего лишь 24 шкуры, из них одна медвежья, две лисьих, девять собачьих и 12 заячьих). Это так угнетающе подействовало на него, что он заявил военному губернатору Камчатки следующее: «...Туземцы же показались мне столь несчастными, жалкими подданными, каких никогда не было под скипетром образованного правительства»³. Поэтому образованные англичане, к которым, вероятно, причислял себя капитан Г. Л. Шекли, считали убийство чукчей на их собственной земле одним из проявлений европейской цивилизации.

Нападение команд китобойных английских судов на жителей Чукотки еще раз свидетельствовало о том, что дальнейшее равнодушие русского правительства к защите национальных интересов на северо-востоке Азии и в Русской Америке может иметь тяжелые последствия для России. Вместе с тем исключительную важность приобрел вопрос об организации охраны этого района. В 1853 г. было принято решение о посылке нескольких судов для охраны берегов Восточной Сибири и Русской Америки.

¹ ЦГИА, ф. 15, оп. 1, д. 7, л. 8.

² АВПР, ф. Главный архив, II-13, 1852—1853, д. 6, л. 1—6. По сведениям, полученным от экипажей других кораблей, в нападении участвовало судно «Марфа», которое ходило то под американским, то под британским флагом. Некоторые сведения о бандитизме иностранных китоловов, по данным ЦГИА, были опубликованы в книге: Вдовин И. С. Очерки истории этнографии чукчей. — М.; Л., 1965, с. 148.

³ АВПР, ф. Главный архив, II-13, 1852—1853, д. 6, л. 5.

Инструкция крейсерам была составлена в Министерстве иностранных дел и Морском министерстве. Крейсера должны были следить за тем, чтобы иностранные промышленники «не входили в заливы и бухты, и не подходили ближе трех миль к берегам Русской Америки (к северу от 54°40' с. ш.), Камчатского полуострова и Сибири, к островам Кадыкского архипелага, Алеутской гряды, Прибылова, Командорским и другим в Беринговом море, а равно к островам Курильской гряды, Сахалину, Шантарским и другим...

Как видно из составленной Морским министерством «Карты Ледовитого моря и Восточного океана с означением границы вод согласно проекта инструкции крейсерам у берегов Сибири и Русской Америки», заливы и бухты морей Чукотского, Восточно-Сибирского и части моря Лаптевых предполагалось объявить закрытыми для иностранных судов. К их числу были отнесены устье Лены, Борхоинская губа (Буорхая), Янский залив, Селлякская, Эбэлэхская, Усмулахская, Хромская губы, устье Колымы, Чаунская, Колючинская губы, заливы Анадырский, Св. Лаврентия, Коцебу, Нортон и все Охотское море. Эти предложения Морского министерства были активно поддержаны генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым. Однако Министерство иностранных дел настаивало на двухлетнем сроке, в течение которого должны вводиться правила крейсерства, с тем чтобы избежать возникновения жалоб.² Одновременно Министерство иностранных дел опасалось, что Англия, Франция и Америка будут оспаривать объявление Охотского моря внутренним морем России и закрытие бухт и заливов в северной части Тихого океана и в арктических морях. Н. Н. Муравьев настаивал, что такие протесты бесполезны, так как «все эти государства, и в особенности, Англия, не стесняясь, приводят в исполнение меры, для них полезные, даже вопреки народному праву, всегда и везде оспаривают всякое действие России, могущее клониться к ее пользе, и как бы оно ни было справедливо»³.

Н. Н. Муравьев писал, что необходимо притязаниям Англии и Франции, направленным против интересов России, противопоставить более действенную и активную политику и принимать своевременные меры, необходимые для защиты интересов России в любых районах мира.

Министерство иностранных дел, придерживаясь излюбленной тактики трусливой осторожности, настаивало на том, чтобы полуса русских территориальных вод всюду составляла три итальянских мили. Спор между двумя министерствами затянулся на несколько месяцев. Суда, предназначенные для несения крейсерской службы в северной части Тихого океана, отправились из

¹ Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 8, с. 94.

² АВПР, ф. II, департамент, 1—5, оп. 445, 1853, д. 1, л. 4 об.

³ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 980, л. 251.

Кронштадта без «Инструкции крейсерам у берегов Сибири и Русской Америки». Ее проект был утвержден лишь 9 декабря 1853 г. и отправлен на Камчатку и в Русскую Америку по нескольким каналам.

Главная цель крейсерства, согласно инструкции, заключалась в том, чтобы иностранные китоловы не наносили вреда «подвластным России» народам и чтобы в морях, омывающих «русские владения соблюдался должный порядок»¹.

Командирам крейсеров предписывалось постоянно иметь в виду тот факт, что русское правительство «не только не желает запрещать или стеснять производимого иностранцами китового промысла в северной части Тихого океана, но даже позволяет иностранцам ловлю китов в Охотском море, составляющем по географическому положению внутреннее русское море»².

Кроме несения крейсерской службы, командирам судов предполагалось продолжить опись восточного побережья России, которая не дополнялась после плавания Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин». Одновременно предполагалось исправить неточности положения Курильских островов на картах Г. А. Сарычева и И. Ф. Крузенштерна и картировать западные берега Камчатки, Пенжинский и Гижигинский заливы, Туйскую губу и весь северный берег Охотского моря. Предстояло также проверить положение восточных берегов Сахалина.

Однако суда, направленные для несения крейсерской службы у берегов Восточной Сибири и Русской Америки, не смогли выполнить поставленных перед ними научных задач. Большинство из них появилось в северной части Тихого океана, когда уже разразилась Крымская война. Один из них был фрегат «Аврора», который покрыл себя неувядаемой славой при обороне Петропавловска-на-Камчатке. Нападение англичан на наши северо-восточные окраины в 1854 г. подтвердило правоту тех ученых и моряков, которые обращали на протяжении многих лет внимание на экспансионистские устремления Великобритании. США также не только стремились вытеснить Россию с северо-запада Американского континента, но беззастенчиво проникали и в неохранные русским флотом окраинные районы северо-восточной Сибири.

Таким образом, в сороковые годы XIX в. Морское министерство почти не принимало участия в полярных исследованиях, однако передовые представители русского флота оказывали всевозможную помощь Академии наук в изучении Севера, в развитии геофизических наблюдений, включая создание специального наставления и публикацию метеорологических наблюдений. Все это позволяет говорить об объединении прогрессивных деятелей и ученых России в деле познания Арктики.

¹ АВВР, ф. II, департамент, 1—5, оп. 455, 1853, д. 1, л. 6 об.

² Там же, л. 6.

Подводя итоги рассмотрения полярных исследований России в первой половине XIX в., необходимо отметить следующие моменты.

1. Первое кругосветное путешествие русских моряков и последовавшее за ним отправление кораблей «Нева» и «Диана» из Кронштадта соответствовало национальным интересам России и свидетельствовало о ее решимости, несмотря на отвлечение основных сил и средств на европейские дела, защищать свои интересы в северной части Тихого океана и в Русской Америке.

В ходе его Н. П. Румянцевым были намечены задачи по исследованию Берингова пролива и прилежащих к нему районов Чукотки и Америки.

Успешное плавание русских кораблей вокруг света в то же время открывало перспективы для участия России в решении таких задач полярных исследований, как поиски Северо-Западного прохода и открытие Южного материка. Выдающиеся достижения русских полярных и морских экспедиций свидетельствовали не только о возрастании роли отечественных географических исследований в мировой науке, но и об увеличении влияния России на развитие мирового исторического процесса.

2. Англо-русское соперничество, затронувшее в последней четверти XVIII в. полярные районы северо-востока Азии и Русской Америки, ощущалось и в начале XIX в. Это нашло свое отражение как в попытках России приступить к описи северных берегов Американского континента, так и в организации экспедиции на «матерую землю» под начальством М. М. Геденштрома, которая осуществлялась под контролем государственного канцлера Н. П. Румянцева. снаряжение экспедиции рассматривалось как «важное дело, которое должно составить в кругу познаний и польз государственных знаменитую эпоху».

3. В XIX в. русские полярные исследователи первыми подняли вопрос о возобновлении поисков Северо-Западного прохода. План поисков в основных чертах был разработан Н. П. Румянцевым и И. Ф. Крузенштерном еще в 1810 г., однако напряженная международная обстановка отодвинула его реализацию до 1813 г., когда Н. П. Румянцевым было принято решение о снаряжении экспедиции на бриге «Рюрик». Таким образом, утверждения зарубежных исследователей (Дж. Бейкер) о том, что исследование пути между Тихим и Атлантическим океанами в XIX в. было начато по инициативе секретаря английского адмиралтейства Дж. Барроу, следует отвергнуть как не соответствующие истине. Однако поиски Северо-Западного прохода следует рассматривать не в свете «агитации» Крузенштерна или Барроу, а на базе столкновения интересов России и Англии на Американском континенте.

4. Экспедиция на бриге «Рюрик» и исследования П. Корсаковского, В. С. Хромченко, А. К. Этолина способствовали распростра-

нению деятельности Российско-Американской компании на северо-западные берега и глубинные районы Америки.

Заключение в 1825 г. конвенции, определяющей границы русских и английских владений в Северной Америке, притупило остроту англо-русского соперничества в полярных районах, но это соперничество продолжало ощущаться вплоть до Крымской войны.

5. Полярные исследования начала века характеризуются не только связью с конкретными задачами внешней политики, но и постановкой крупных научных проблем. Вскоре после окончания первого кругосветного плавания русские моряки задались целью создать Всеобщий морской атлас (1810 г.). И хотя этот замысел полностью не был осуществлен, он послужил важным импульсом к дальнейшему развитию русской картографии. В значительной степени этот план был воплощен в жизнь И. Ф. Крузенштерном, создавшим сначала капитальный труд по гидрографии Мирового океана (1819 г.), а затем «Атлас Южного моря» (1824—1826 гг.) с двухтомным описанием источников. Намеченные исследования получили дальнейшее развитие в составленном Г. А. Сарычевым «Атласе северной части Тихого океана», а также в атласах А. Ф. Кашеварова, М. Д. Тебенкова, М. Ф. Рейнеке и серии уникальных карт и лоций, созданных Ф. П. Литке, П. К. Пахтусовым, В. М. Головинным, Ф. П. Врангелем и П. Ф. Анжу и другими полярными исследователями и мореплавателями.

6. В конце XVIII — в первые годы XIX в. ученые, морские офицеры и некоторые дальновидные государственные деятели разработали целый ряд проектов по вовлечению природных богатств Севера в хозяйственную жизнь России. Поставленные в этих проектах вопросы о создании путей сообщений, соединяющих Север с центральной частью России, впоследствии привлекли внимание декабристов (Н. М. Муравьев, Н. В. Бассаргин, Г. С. Батеньков) и вызвали снаряжение одной из выдающихся полярных экспедиций этого времени под руководством И. Попова.

7. Важной особенностью отечественных полярных исследований является их связь с передовым общественным движением изучаемого времени — движением декабристов.

Глубокий интерес к изучению России вообще и полярных стран в частности определялся целями и природой первого русского революционного движения против самодержавия. При рассмотрении полярных исследований декабристов и их арктических проектов учитывалась роль и место науки в программах декабристов, их отношение к просвещению как действенному средству укрепления силы и могущества своего Отечества.

Декабристы понимали государственное значение географических открытий, их важную роль в укреплении политического влияния и экономики России. Именно этим объясняется их внимание к таким проблемам, как поиски Северо-Западного прохода, изучение Сибирского и Американского Севера (Н. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев, Д. И. Завалишин, В. И. Штейнгель, Г. С. Батеньков, А. О. Корнилович, В. П. Романов и др.).

Участвуя в дальних и кругосветных плаваниях, декабристы внесли свой вклад в постановку Россией глобальных наблюдений над особенностями атмосферных процессов и магнитным склонением. Но это лишь одна сторона вопроса. Другая, не менее важная, заключается в том, что они (К. П. Торсон, М. К. Кюхельбекер, Д. И. Завалишин, Н. А. Бестужев и его товарищи по плаванию на фрегате «Проворный» и т. д.) были свидетелями революционных событий в Бразилии, Португалии, Испании, восстановления республиканских порядков в Голландии. Это укрепляло их в революционном образе мысли.

Выдающаяся роль в Первой русской экспедиции к Южному полюсу принадлежит декабристу К. П. Торсону. После возвращения из плавания он не только занимался оформлением отчетов по «южному вояжу» вместе с Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым, но и получил задание Адмиралтейств-коллегии составить записки об антарктическом плавании. Декабрист Г. С. Батеньков разработал проект съемки Сибири как продолжение тех исследований, которые вели на севере Врангель, Анжу и Матюшкин.

8. Многие выдающиеся полярные исследователи (такие, как Матюшкин, Рейнеке, Врангель, Литке) были тепло приняты в кружках декабристской молодежи столицы, а некоторые из них (Матюшкин, Рейнеке) сохранили дружеские отношения с Бестужевыми, Пушиным, Батеньковым до последних дней жизни. Встречи некоторых полярных исследователей (например, Загоскина, Миддендорфа, Розенберга, Эрмана, Дуэ и др.) с участниками движения декабристов продолжались и в Сибири. Сотрудники Главной физической обсерватории, передовые моряки и ученые приложили немало усилий, чтобы сделать достойным науки труды и наблюдения, выполненные декабристами Борисовыми, Митьковым, Якубовичем, Бестужевым, Штейнгелем на каторге и в ссылке. Метеорологические изыскания декабристов послужили важным дополнением к подобным трудам исследователей Арктики, вошли составной частью в описание знаменитого сибирского путешествия Миддендорфа. Впоследствии они неоднократно использовались в трудах различных исследователей, в частности в работах великого русского климатолога А. И. Воейкова, который, возможно, встречался с декабристами-долгожителями. Материалы наблюдений М. Ф. Митькова, опубликованные в Главной физической обсерватории, были разосланы 190 адресатам (различным академиям, обсерваториям, научным обществам и выдающимся естествоиспытателям мира). И в наше время для восстановления истории климата Сибири в первой половине XIX в. имеет большое значение выполненный С. П. Трубецким цикл метеорологических наблюдений, материалы которых обнаружены нами в ЦГАОРе.

9. Выдающиеся деятели русского флота Г. А. Сарычев и И. Ф. Крузенштерн разработали в 1818 г. задачи научных изысканий в северных и восточных морях, в Антарктике и Русской Америке. Во исполнение этих задач в 1819—1840 гг. была осуществлена цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных экспе-

дий, в значительной степени повторявших пути северных отрядов Второй Камчатской экспедиции и успешно завершивших их великое дело. По аналогии с Великой северной экспедицией они заслуживают названия Великого полярного предприятия России, в ходе которого были решены главнейшие проблемы, поставленные в 1732 г. сенатом перед русскими моряками. Но это только одна сторона исследований русских моряков в первой половине XIX в. В целом они гораздо величественнее. Они охватывают все океаны и материи земного шара, включая открытие Антарктического континента и постановку метеорологических наблюдений, которые дали прочное основание глобальному изучению особенностей атмосферных процессов. Подобных достижений в изучении полярных стран и Мирового океана в первые 30 лет XIX в. не добивалось ни одно государство мира. Россия переживала своего рода географический взрыв. В русских журналах печаталось огромное количество статей и очерков географического характера. Нередко их «географизм» являлся лишь прикрытием для пропаганды передовых республиканских идей, для информации о революционных событиях в Европе и Америке.

Таким образом, тезис зарубежных ученых (Л. Нитби) о том, что русским географическим исследованиям недоставало единства цели, должен быть безоговорочно отвергнут. Преимуществом задач русских полярных исследований, проявлявшаяся в последовательном картировании побережья и арктических островов, в настойчивых поисках великой «матерой земли» и Северо-Западного прохода, в изучении Америки и северной части Тихого океана, красной нитью проходит от указа сената, данного В. Берингу в 1732 г., до конца пятидесятых годов XIX в.

10. Русские мореходы извели все северное побережье России. Тем самым, по словам М. В. Ломоносова, был «несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий». Однако в начале XIX в. результаты плавания Дежнева были поставлены под сомнение, и участником путешествия Кука Дж. Бурнеем была гальванизирована давняя идея о существовании перешейка между Азией и Америкой. В разгоревшихся спорах между русскими и английскими моряками исключительное значение приобрело картирование Врангелем и Анжу северного побережья России между р. Оленек и Беринговым проливом. Именно эта грандиозная съемка, как отмечал С. О. Макаров, завершила решение главнейшей национальной задачи в изучении Арктики — исследование Северо-Восточного морского пути, начатого, но незавершенного Второй Камчатской экспедицией. Именно русские моряки окончательно установили, что все побережье Евразии омывает Ледовитый океан и что Америка и Азия не соединены перешейком, как предполагал Дж. Бурней.

11. В первой половине XIX в. были воплощены в жизнь сформулированные еще в середине XVIII в. великим Ломоносовым основные положения научного мореходства. Они включили постановку инструментальных метеорологических и магнитных наблю-

дений, создание геофизических обсерваторий, издание и международный обмен результатами измерений и исследований. Отчеты об этих наблюдениях, выявленные в исторических документах, записи о погоде в XVII и начале XVIII в., комплекты вахтенных журналов XVIII — первой половины XIX в. с их метеорологическими наблюдениями и заметками, наравне с драгоценными рядами метеорологических измерений декабристов, имеют огромное научное значение. Изучение этих материалов открывает для историков возможность участия в международной Программе исследований изменений климата (ПИГАП — Климат) путем анализа исторических источников.

12. В результате полярных экспедиций Геденштрома, Анжу, Васильева, Врангеля было доказано, что Северный океан не скован вечным льдом, как предполагали в конце XVIII в. Эти путешественники не только первыми пришли к заключению, что ледовитость северных морей в различные годы бывает различна (Литке, Сарычев и др.), но и обосновали (Литке) причины, определяющие ледовитость морей. Это был важный, опередивший свое время вывод, которым географическая наука России вправе гордиться. Одновременно были проведены наблюдения магнитных явлений на Европейском, Азиатском и Американском Севере и выявлена магнитная аномалия в районе Колымы, подтвержденная затем советскими исследованиями в середине XX в.

13. Великие достижения России в исследовании полярных стран и Мирового океана в первые 30 лет XIX века и их кризис в тридцатых и сороковых годах могут быть объяснены только особенностями общего исторического процесса, особенностями общественной, экономической и культурной жизни России. Русскими моряками и учеными было предложено более тридцати проектов экспедиций, которые охватывали Север, Сибирь, Антарктику, Тихий океан, арктические моря от Лапландии до Чукотки и от Берингова пролива до Баффинова моря, от Новосибирских островов до Северного полюса. Эти проекты — не прекраснотушные мечтания. Они составная часть нашей культуры, гордость научной мысли и напоминание о том, что внимание к вопросам науки порой важнее военных побед.

14. В середине XIX в. инициатива в исследовании Севера от военно-морского министерства переходит к Академии наук, Корпусу горных инженеров, Русскому географическому обществу. Несмотря на разрозненность усилий, полярным исследованиям конца тридцатых и в сороковые годы свойственна определенная целенаправленность, в основе которой лежал проект Карла Бэра, по инициативе или при участии которого была снаряжена значительная часть арктических экспедиций, которые достигли крупных успехов в изучении животного и растительного мира, климата и вечной мерзлоты, земного магнетизма. Венцом полярных исследований сороковых годов являются Таймырское и Сибирское путешествия Миддендорфа. Его смелые рейды на север Таймыра, в Сибирь и Приамурье имели важное политическое значение и обога-

тили науку целым комплексом географических и геофизических материалов, не утративших научной ценности до сегодняшнего дня.

15. Отечественные полярные исследования развивались в тесном взаимодействии с мировой наукой. Почти все важнейшие труды полярных исследователей и мореплавателей были переведены на европейские языки. Материалы метеорологических наблюдений Пахтусова, Цивольки, Моисеева были разосланы в 81 зарубежное учреждение, в том числе в академии в Париже, Брюсселе, Мадриде, Лиссабоне, Берлине, Стокгольме, Копенгагене, Эдинбурге, Бостоне, в философские общества в Филадельфии, Кембридже, Манчестере, Парижскому и Лондонскому королевскому географическим обществам, а также были направлены 44 зарубежным ученым, в том числе Эрману, Гумбольдту, Сабину, Дове и др.

Многие полярные исследователи (Ф. П. Врангель, Ф. П. Литке, И. Ф. Крузенштерн, Л. И. Хорис, А. Ф. Миддендорф, М. И. Адамс, Э. К. Гофман и др.) были избраны членами упомянутых зарубежных научных обществ

Сохранившееся эпистолярное наследство И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Врангеля, Ф. П. Литке, А. Ф. Миддендорфа, К. М. Бэра свидетельствует о том, что они вели обширную переписку с зарубежными коллегами (в числе их корреспондентов были Дж. Франклин, Дж. Росс, Дж. Барроу, Дж. Бурней, Парри, Р. Мурчисон и др.). В этой переписке шел взаимный обмен еще не опубликованными результатами научных изысканий, гипотезами, предположениями, выводами и идеями, что, безусловно, способствовало прогрессу науки и прежде всего полярных исследований. Вместе с тем это дает основание отвергнуть утверждения зарубежных историков (Л. Нитби), что русские всегда считались чуждыми и далекими западному миру.

16. Проведенные русскими полярными экспедициями метеорологические и гидрологические исследования оказали глубокое влияние на развитие океанографии и морской метеорологии не только в России, но и во всем мире. Русские ученые (А. Купфер) первыми в XIX в. подняли вопрос о международном метеорологическом сотрудничестве всех государств планеты и о распространении единой системы метеорологических измерений на все страны планеты, включая полярные моря.

Великие отечественные достижения в изучении Арктики и Антарктики добывались не оружием, а мужеством и героизмом моряков и ученых. Научные подвиги полярных исследователей, мореплавателей, декабристов — это замечательные страницы истории России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики России (АВПР)

- Фонд Главный архив, II-21, дела 1, 4, 6, 7, II-13, дело 6, II-8, дело 15
Фонд Канцелярия, дела 9942, 9945, 6891
Фонд 339 — Собрание документальных материалов по истории Российско-Американской компании и русских владений в Северной Америке, опись 888, дела 210, 211, 310, 312, 324, 351.
Фонд Административные дела, II-20, л. 1.
Фонд II департамент, 1—5, Север, опись 445, л. 1.

Центральный государственный архив Военно-Морского флота (ЦГАВМФ)

- Фонд 7 — Головин, опись 1, дело 2.
Фонд 14 — Крузенштерн, опись 1, дела 45, 52, 53, 73, 75, 109, 185, 188, 189, 205, 221, 223, 224, 233, 252, 259, 263, 264, 445, 478, 487
Фонд 15 — Литке, дела 7, 14.
Фонд 19 — Меньшиков, опись 1, дело 100.
Фонд 25 — Траверсе, опись 1, дела 114, 117, 144.
Фонд 198 (Бумаги Кушелева) — опись 1, дела 15, 21, 31, 33.
Фонд 165 — Департамент морского министра опись 1, дела 621, 663, 665, 672, 679, 681, 688, 2531, 2569, 2595, 2596, 3856, 3858, 3859, 3867, 3879.
Фонд 204 — Канцелярия морского министра Н. С. Мордвинова, опись 1, дело 96.
Фонд 205 — Канцелярия начальника Главного морского штаба, опись 1, дела 300, 794, 894.
Фонд 215 — Адмиралтейский департамент, опись 1, дела 671, 725, 728, 764, 781, 782, 785, 794, 795, 800, 801, 805, 813, 815.
Фонд 315 — Сборный, опись 1, дела 476, 507.
Фонд 402 — Гидрографический департамент, опись 1, дела 41, 69, 80, 86, 87, 89, 114, 115, 198, 408, 469, 543, 574, 632, 635, 667, 724, 742, 819, 877, 1004, 1017, 1025, 1121, 1371, 1557, опись 2, дела 636, 679.
Фонд 410 — Канцелярия Морского министерства, опись 2, дела 227, 344, 980.
Фонд 870 — Коллекция корабельных журналов, опись 1, дела 3453, 3472, а/б, 3473 а, 3472 б/б.
Фонд 1166 — Рейнеке, опись 1, дела 5, 10.

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА)

- Фонд 13 — Министра коммерции, опись 1, дела 72, 82, 120, 190; опись 2, дела 780, 806, 1139 в.
Фонд 15 — Главного правления Российско-Американской компании, опись 1, дело 7.
Фонд 40 — Доклады Министра финансов, опись 2, дела 27, 30.
Фонд 44 — Корпус горных инженеров, опись 2, дела 371, 800, 743, 923.
Фонд 155 — Канцелярия главного директора водяных коммуникаций, опись 1, дело 63.

- Фонд 156 — Журналы и протоколы департамента водяных коммуникаций, опись 1, дело 127.
Фонд 383 — I департамент Министерства государственных имуществ, опись 29, дело 88.
Фонд 733 — Департамент народного просвещения, опись 12, дела 493, 525.
Фонд 735 — Канцелярия министра народного просвещения, опись 2, дела 94, 262.
Фонд 1264 — Сибирский комитет, опись 1, дела 67, 406.
Фонд 1343 — департамент герозии Сената, опись 19, д. 1002.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА)

- Фонд 192 — Картографический отдел библиотеки МГА МИД, №№ 16 и 29.
Фонд 11 — Переписка разных лиц, дело 11.
Фонд 21 — Дела морского ведомства, дела 3, доп. 8, доп., 162 доп.
Фонд 30 — Госархив, дела 8, 57, 70.

**Центральный государственный исторический архив
ЭССР (ЦГИАЭ)**

- Фонд 1414 — Семейный фонд Крузенштернов, опись 3, дела 23, 28, 60.
Фонд 2057 — Семейный фонд Врангелей, опись 1, дела 268, 292, 339, 443, 444, 451, 452.

**Центральный государственный военно-исторический архив
СССР (ЦГВИА)**

- Фонд 154 — А. Н. Аракчеев, дело 121.
Фонд ВУА, дело 23419.

**Центральный государственный архив Октябрьской революции
(ЦГАОР)**

- Фонд 48 — Следственное и судебное делопроизводство по процессу над декабристами, опись 1, дела 30, 78, 361.

Рукописный отдел Института русской литературы (ИРЛИ)

- Фонд 265 — Архив журнала «Русская старина», опись 2, дело 523.
Фонд 604 — Бестужевы, дела 15, 16.

Архив Географического общества СССР (АГО)

- Фонд 1 — Канцелярия Географического общества, опись 1, дело 5.
Фонд 10 — Крузенштерн, опись 1, дела 11, 17, 25, 69.

**Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина
(РО ГБ им. В. И. Ленина)**

- Фонд 20 — Батеньков, карт. 14, дела 26, 45; карт 10, 11, 12, 13
Фонд 243 — Пущин, карт. 2, дело 27.
Фонд 256 — Музейный, дело 487.
Фонд 449 — М. Кюхельбекер, карт. 2, дела 20, 21.

**Рукописный отдел Ленинградской государственной
публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
(РО ЛГПБ им. Салтыкова-Щедрина)**

- Фонд 679 — Бумаги Свинына, опись 1, дело 137; Архив Корнилова, карт. 1.

**Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
(ЛО ААН)**

- Фонд 1 — Протоколы Академии, опись 2, дела 5, 10.
Фонд Р-1 — Собрание документов, поступивших в XVIII в., опись 134, д. 30.
Фонд 2 — Секретариат Академии наук, опись 1, дела 1, 5, 6, 22.
Фонд 34 — Литке, опись 1, дело 44.
Фонд 129 — Бэр, опись 1, дела 424, 653.
Фонд 337 — Главная физическая обсерватория, опись 1, дела 167, 168.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абросимов 26, 27, 28
 Аварин В. Я. 250, 252
 Авинов А. П. 130
 Агранат Г. А. 9, 13, 152, 248
 Адамс М. И. 45—47
 Азадовский А. К. 8, 91, 117
 Александр I 8, 28, 30, 60, 97, 128, 130
 Алексеев А. И. 10, 14, 21, 192
 Алексеев М. П. 8, 118
 Анапич Б. В. 21
 Андреев А. И. 10, 16
 Андреев С. 48, 56, 61
 Анжу П. Ф. 7, 8, 56, 66, 89, 112, 120, 127, 131, 134, 141, 146—149, 163, 185, 195, 197, 200, 243, 253, 256, 262—264
 Аракчеев А. А. 268
 Арбузов А. П. 17, 107
 Армстронг Т. А. 18
 Афанасьев 193, 194
 Бабаев 26
 Баженов 92
 Балей 131
 Барабинский 62, 63
 Барановская М. Ю. 9
 Баренц В. 108
 Барроу Д. (Barrow) 16, 66—69, 72, 81, 82, 165, 243, 261, 266.
 Барсуков И. 257
 Баскаков Г. А. 143
 Батеньков Г. С. 5, 7—9, 16, 18, 83, 89, 90, 107, 111—114, 122, 123, 150, 262, 263, 268
 Баффин У. 72, 80
 Башмурина Н. И. 11
 Безносос И. 53, 63
 Беленкина Т. И. 221
 Белинский В. Г. 200, 201, 248
 Белков Н. 34, 45, 46, 50, 51, 60
 Беллинсгаузен Ф. Ф. 5, 12, 14, 90, 99—106, 122, 129, 179, 195, 263
 Белов М. И. 10—12, 105, 128
 Беляев 25, 28
 Беляев А. П. 107, 118
 Беляев П. П. 107, 118, 121
 Берг Л. С. 10, 13, 143, 211, 229, 240, 241
 Бергман Д. 114
 Бережков Ф. В. 35
 Бережной В. Ф. 137
 Бережных А. И. 134, 137, 146, 147, 176, 177, 185, 186, 197, 200
 Беринг В. 67, 264
 Берх 26
 Берх В. Н. 7, 33, 69, 72
 Бескровный Л. Г. 14, 124
 Бестужев А. А. 8, 88, 98, 118
 Бестужев М. А. 8, 9, 18, 90, 98, 114
 Бестужев Н. А. 5, 7—9, 16, 18, 71, 83, 87, 88, 90, 91, 92, 96, 98, 107, 108, 110, 111, 114, 116, 118, 120, 121—124, 189, 262, 263
 Бестужевы 89, 91, 111, 263
 Бестужев-Рюмин М. П. 85
 Бетлингк В. 17, 203, 211, 212, 217
 Беллингс И. 39, 49, 56, 140, 143
 Бодиско М. Н. 107
 Боднарский М. С. 10, 73, 74, 132
 Болховитинов Н. Н. 14, 21, 39, 128, 129, 151, 159, 160
 Борисов П. И. 5, 84, 114—116, 119, 122
 Бофорт 253
 Брагин 244
 Брандт В. 187, 188
 Брандт Ф. 231, 232, 244
 Брандт Ф. Ф. 204, 245
 Братановский 168
 Брюнов Ф. И. 255, 257
 Бурней Дж. (Burney J.) 16, 66, 67, 78, 131, 143, 264, 266
 Бурханов В. Ф. 21
 Бухан Д. (Бьюкенен) 128, 256
 Бэр К. М. 11, 14—18, 117, 121, 145, 190, 195, 197, 200, 203—208, 212—214, 217, 229—237, 240—244, 265, 266, 269
 Вавилов П. П. 13
 Ваганов В. В. 16, 231
 Вагин В. 7, 8, 134, 148
 Вагин М. 47, 50
 Вальская Б. А. 13, 137
 Васильев М. Н. 11, 66, 67, 95, 128—132, 149—151, 157, 195, 265
 Вдовин С. И. 22, 258
 Веселовский К. С. 143, 195
 Визе В. Ю. 10, 132
 Вильд Г. И. 115, 118, 120, 143, 176, 192, 195
 Вилькицкий А. И. 59, 65
 Вишневский В. К. 181, 182
 Вишневский Ф. Г. 107
 Воейков А. И. 120, 143, 195, 263
 Воронцов С. Р. 39
 Врангель Ф. П. 5—8, 14—18, 43, 44, 48, 56, 60, 63, 66—68, 87—90, 95, 98, 112, 117, 120, 127, 131, 132, 134, 137—146, 148—150, 161, 165, 185, 195, 201, 240, 243, 244, 247, 253, 254, 256, 263, 264, 266
 Гегемейстер Л. А. 151, 153
 Гаккель Я. Я. 10
 Галямин В. Е. 177
 Гарибальди 241
 Геденштром М. М. 4, 5, 12, 15—18, 43, 44, 47, 51—67, 74, 89, 133—136, 147, 148, 150, 156, 195, 261
 Гельмерсен Г. П. 197, 200, 210, 216,

217, 236, 243, 245
 Герцен А. И. 86, 242
 Гнучева В. Ф. 12
 Голенищев-Кутузов Л. И. 25, 27, 28, 29, 100—102, 178, 179, 184
 Головкин Ю. А. 41, 45
 Головин А. В. 244
 Головин В. М. 5, 14, 42, 43, 45, 46, 87—89, 93, 124, 127, 133—136, 141, 145, 155, 158, 169, 172, 195, 262, 267
 Гончаров А. И. 146
 Горчаков П. Д. 257
 Горяинов 26, 27
 Гофман Э. К. 11, 17, 160, 203, 244—246, 266
 Гревингк К. И. 17, 203, 216, 217, 218
 Грибоедов А. С. 9
 Григорков 25, 28
 Гумбольдт А. 14, 120, 141, 149, 163, 165, 266
 Гурецкий В. 13
 Давыдов Ю. В. 9, 13
 Дауркин Н. 13, 48
 Дежнев С. И. 61, 66, 67, 73, 126, 130, 144
 Демидов Д. А. 161, 179
 Демидов П. Н. 203, 210, 249
 Дерябин А. Ф. 32, 33
 Добровольский А. Д. 13
 Дове Г. В. 141, 266
 Довнар-Запольский М. В. 8, 89
 Дорбенеер К. 31, 34
 Дружинин Н. М. 8, 86, 121, 122
 Еремин А. 190, 205
 Есаков В. А. 11, 12, 14, 216, 245
 Ефимов А. В. 10, 47
 Жохов 59, 65
 Завадовский И. И. 103
 Завадовский П. В. 46, 47
 Завалишин Д. И. 5, 16, 83, 88, 99, 106, 107, 116, 123, 160, 262, 263
 Завалишин Н. И. 101, 162, 172, 195, 197
 Загорский П. А. 46
 Зильберштейн И. С. 9
 Зубов Н. Н. 10, 79, 132, 143
 Иванов 26, 27, 28
 Иванов И. Н. 7, 11, 149, 171, 174—176, 185, 197, 200
 Иванчин-Писарев А. М. 16, 110, 111, 180
 Ильин П. П. 137, 163
 Иноходцев П. Б. 25, 27
 Кабот С. 72, 74
 Казаков И. 178, 188
 Карпинский А. П. 211, 218, 226
 Карцов В. Г. 9, 112
 Кастрен А. М. 6, 17, 199, 203, 210, 221, 225, 235, 237—240, 246
 Каховский П. Г. 85
 Кашеваров А. Ф. 22, 67, 166, 195, 262

Кейзерлинг А. А. 11, 17, 200, 203, 216—221, 243, 244, 245, 246, 254
 Кибер А. Э. 137, 140, 145
 Кирван Л. П. (Kirwan L. P.) 127, 156
 Киселев П. Д. 223
 Кларк 74, 131
 Климовский А. 93, 151
 Клиновстрем 8, 250
 Клокачев А. Ф. 167, 168, 174
 Клоков П. И. 187, 188, 190, 199
 Кожевин И. Е. 51, 63, 64
 Кокрен Д. 68
 Колмаков Ф. 75, 151
 Комиссаров В. Н. 9, 90
 Корнилов А. М. 31, 40
 Корнилович А. О. 5, 7, 16, 83, 89, 90, 123, 131, 262
 Корсаков С. Н. 168
 Корсаковский П. 7, 75, 151—153, 261
 Коцебу О. Е. 7, 8, 11, 14—20, 22, 42, 66—82, 91, 94, 95, 127, 128, 149, 156, 160, 195
 Крапивин Н. 188
 Крашенинников С. П. 8
 Крузенштерн И. Ф. 5—7, 14—20, 40, 42, 44, 64, 66—82, 87, 89, 95, 203, 204, 250, 251, 260—263, 266—268
 Крузенштерн П. И. 11, 17, 165, 175, 199, 200, 203, 216—221, 226—228, 240, 244, 268
 Крузенштерн П. П. 228
 Кудрявцева Л. А. 13
 Кузнецов С. С. 13
 Кузнецова В. В. 13, 128
 Куйбышева К. С. 116
 Кук Дж. (Cook J.) 39, 48, 49, 57, 72, 73, 74, 78, 99, 101, 131, 132, 137, 143, 264
 Купфер А. Я. 15, 17, 114—116, 120, 132, 187, 191, 195, 245, 266
 Кушнарев Е. Г. 13
 Кюхельбекер В. К. 88
 Кюхельбекер М. К. 16, 88, 106, 107, 118, 168, 263, 269
 Лавров М. А. 169, 170, 171
 Лазарев А. П. 7, 107, 109, 110, 167—169
 Лазарев А. П. 14, 130, 132, 197, 206
 Лазарев М. П. 12, 90, 99, 101, 102, 103, 106, 124, 129, 157, 158, 263
 Лангдорф Г. И. 104
 Лаптев Х. 229, 232, 234, 235
 Ляткин В. Н. 11, 199, 203, 223—225, 246
 Ленин В. И. 12, 18—21, 24, 112, 113, 122, 123, 152, 198, 201, 202, 215, 236, 237, 246, 268
 Ленц Э. Х. 120, 145, 160, 183, 245
 Леонов Н. И. 13, 236
 Лелехин И. И. 13, 17, 29—31, 40

Лесков А. С. 17, 101, 102, 103, 157
Ливен Х. А. 17, 68, 128, 157
Лисянский Ю. Ф. 127
Литке А. П. 162, 170
Литке Н. Ф. 13, 163
Литке Ф. П. 5—9, 11, 13—20, 33, 87, 88, 90, 98, 99, 107, 108, 109, 117, 124, 127, 131, 134, 139, 140, 161—164, 167, 169—175, 177—179, 182, 185, 186, 188, 189, 195, 200, 203, 206, 240—243, 260—269
Ломоносов М. В. 48, 144, 264
Лосев А. И. 61, 62, 112
Лудлов 33, 206
Лукина Т. А. 13, 14, 241
Мавродин В. В. 10, 21, 34
Магидович И. П. 12, 157
Мадзини 241
Макаров С. О. 8, 264
Макарова Р. В. 10, 13, 14, 21
Маккензи А. 70, 72
Максимович К. И. 215, 216
Маркс К. 3, 18
Матрехин В. И. 192
Матюшкин Ф. Ф. 5, 9, 14—18, 88, 89, 120, 137—146, 240, 242, 253, 256, 263
Мезенцев 30
Менделеев Д. И. 246
Меншиков А. С. 172, 180, 184, 191, 204, 205, 267
Меркатор Г. 47, 48
Миддендорф А. Ф. 13, 16, 17, 43, 117, 118, 120, 202, 203, 213, 214, 229—237, 240, 243, 244, 245, 249, 263, 265, 266
Митьков М. Ф. 5, 115—117, 119, 263
Михайлов П. Н. 101, 102, 103
Моисеев С. А. 7, 14, 185, 186, 191, 192, 195, 200, 207
Моллер А. В. 90, 93, 94, 98, 99, 105, 126, 148, 172, 175, 180
Мордвинов Н. С. 30, 40, 159, 267
Мостахов С. Е. 13, 53
Муравьев А. Н. 16
Муравьев М. И. 93, 153
Муравьев Н. М. 85, 86, 112, 121, 122, 262
Муравьев (Амурский) Н. Н. 103, 257—259
Муравьев-Апостол М. И. 118
Мурчисон Р. 208, 218, 253, 254, 256, 257, 266
Нарочницкий А. Л. 14, 25, 253, 257
Наумов Г. В. 231
Немчинов 25, 28
Нессельроде К. В. 22, 128, 129, 247, 249, 253, 255, 256
Нечкина М. В. 9, 21, 84, 86, 112
Никитин Н. П. 85
Никитин С. Н. 218

Николай I 98, 189, 191, 231, 254, 255, 257
Никольский А. А. 101
Никонов 35
Нитбы Л. (Neatby L.) 6, 7, 73, 264, 266
Нобиле У. 6
Новокшанова-Соколовская З. К. 12, 13
Новосильцев 30
Норденшельд А. Э. 56, 64, 146
Оболенский Е. П. 106
Обручев В. А. 13, 229, 235
Обручев С. В. 10
Обухов Ф. 53
Огородников С. 23, 25
Озерецковский Н. Я. 46
Озерский А. Д. 241
Окладников А. П. 9—11, 21, 22, 150
Окунь С. Б. 9, 10, 14, 21, 22, 34, 39, 90, 107
Орлов М. Ф. 90
Ортели А. 47, 48
Павел I 27, 28, 38
Панкевич 213
Парри Э. 98, 156, 157, 165, 243, 266
Паррот 136, 143, 195
Пахтусов П. К. 6, 7, 14—20, 174, 175, 185, 186—192, 195, 200, 205—207, 262
Пекерсгиль 74, 80
Перевалов В. А. 48
Пестель И. Б. 51—54, 58—66
Пестель П. И. 5, 85, 111, 128
Петр I 15, 125
Пиеттомин В. 221
Пим Б. 15, 18, 25—257
Пинхенсон Д. М. 10, 11, 226
Пири Р. 243
Плахотник А. Ф. 11
Плиний 111
Полевой Б. П. 13
Попов Ив. 32, 35—37, 219, 262
Портнягин Г. 62, 63
Портнягин И. 44, 53, 55
Портнягин Т. 63
Поспелов Г. В. 33
Потоцкий И. О. 50
Прокофьев И. В. 96, 97
Протодяконов С. 34, 50, 51
Прюдон 241
Пусторжевцев 25
Пушкин А. С. 90
Пушкин И. И. 9, 263, 268
Пшеницын П. 60—66
Рагозин Н. 174, 175
Радовский М. И. 13, 208
Райков Б. Е. 13
Резанов Н. П. 41, 151
Рейнеке М. Ф. 5—9, 11, 16, 18, 25, 27, 39, 87, 90, 101, 110, 111, 121, 167,

173, 178—189, 191—195, 200, 203, 204, 207, 235, 240, 242, 262, 263
Решетников И. 53, 63
Рикорд П. И. 14, 88, 133, 252
Ричардсон Дж. 68, 165
Розен А. Е. 106
Розенберг 263
Розмыслов Ф. 32, 109, 171, 206
Романов В. В. 98
Романов В. П. 5, 7, 9, 16—18, 74, 83, 88, 91—98, 105, 106, 123, 157, 262
Росс Дж. 18, 128, 132, 156, 164, 165, 266
Румовский С. Я. 25, 26, 27, 28
Румянцев Н. П. 14—18, 19, 23, 31—35, 37, 40, 43, 47, 50, 51, 60—66, 68—82, 91, 108, 128, 133, 150—155, 161, 167, 194, 219, 261
Руперт В. Я.
Рупрехт Ф. И. 11, 17, 203, 214—216
Русанов В. А. 83, 223
Рыкачев М. А. 120, 142, 146, 195
Рылеев К. Ф. 9, 90, 96—98, 107, 159, 262
Сабин Э. 266
Савельев А. С. 17, 203, 214—216
Савич А. И. 243
Салтыков А. Н. 65
Санников А. 63
Санников Я. 43—45, 50, 53—66, 146—149
Сарычев Г. А. 5, 13, 17, 19, 49, 50, 56, 57, 59, 74, 75, 87, 89, 99, 122—126, 134—136, 140, 145, 150, 161, 172, 174, 180, 195, 260, 262, 263, 265
Сафонов С. 170
Сафонова Н. И. 116
Сауэр 39
Свиньин П. 269
Связев И. И. 114, 120
Свет Я. М. 157
Сгибнев А. 8, 259
Севостьянов А. Ф. 46
Сеймур Г. 22, 255, 256
Селезнев 26
Селяфонтов 34
Семевский М. И. 8
Семенов Л. С. 14, 21
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 214, 229, 235, 236, 241
Серебрянников Р. 92
Сидельников В. 232
Сидоров М. 223, 226
Симонов И. М. 132
Сироткин В. Г. 14
Скорсби 206
Слепцов В. 63
Слодкевич В. С. 13
Смирнов Н. 26, 170
Смирдин А. 141
Смит 127

Соколов А. П. 147, 200
Соловьев А. И. 11, 13, 14, 132, 216, 245
Соловьев М. М. 204
Сочава Б. В. 13
Сперанский М. М. 7, 8, 89, 113, 134—137
Срезневский И. И. 241
Стадухин М. 47
Станюкович М. Н. 11, 99, 131, 161, 162, 163
Стогов Э. 8
Стоуман 26
Страбон 111
Струве В. Я. 119, 120, 121, 184
Струве О. В. 243
Струмилин С. Г. 223
Сузюмов Е. М. 21
Сухов 26
Сухова Н. Т. 11, 132, 230, 235
Сыроватский Л. 34, 43, 44, 45, 51, 53
Тан-Богораз В. Г. 239
Танфильев Г. И. 210
Тарабукин П. 63
Татаринов 60, 62
Татаринов М. 49
Тебеньков М. Д. 250, 262
Тейль 104
Телезнус В. Г. 46
Титов 26
Тихменев П. 69, 159, 247
Тихомиров И. 169, 203
Токарев С. А. 237, 241
Толстикова Е. И. 21
Томилов В. 232
Торсон К. П. 5, 16, 98, 99—106, 118, 161, 263
Траверсе И. И. 8, 16, 71, 100, 101, 128, 133, 134, 136, 157, 158, 267
Транковский 249
Трасс Х. Х. 206
Трескин Н. И. 53, 54
Трешников А. Ф. 21
Трофимов П. М. 23, 25, 198
Трубецкой Д. С. 30, 31, 40
Трубецкой С. П. 84, 118, 119, 121, 263
Тургенев Н. И. 85
Уваров С. С. 204, 212, 213, 216, 217, 230, 231
Устюгов А. 153
Федоров И. 169
Федорова С. Г. 12, 13, 21, 151, 153, 156, 248
Фигурин А. Е. 137, 140, 148, 149
Филлипов В. 112
Филиппов 205
Фондзин 28
Франклин Дж. 16, 68, 95, 157, 165, 252, 253, 254, 255—258

Фрейдин И. Л.	226
Фурман М.	231, 232
Фусс П. Н.	212, 230, 231
Ханыковы	241
Харлов Я.	168, 178
Ханков	26
Херн С.	70, 72
Хорнс Л. И.	71, 79, 266
Хромченко В. С.	75, 77, 101, 131, 149, 154—156, 197, 261
Циволька А. К.	7, 185, 191, 192, 195, 200, 204, 205, 207
Чаадаев П. А.	242
Чевкин К. В.	116
Челузин	190
Челоскин С.	229, 230—234
Челяев	26, 27
Черепов	63
Черненко М. Б.	9, 10, 13, 152
Чернецкий	24
Чернышев Ф. Н.	218
Чернышевский Н. Г.	235, 237, 242
Чижов Н. А.	5, 7, 16, 107—110, 169, 172, 195
Чириков А. И.	4
Чирков	55
Чичагов В. Я.	156
Чичагов П. В.	28
Чубянский В.	124
Шамиссо	195
Шатрова Г. П.	9, 120, 123
Шварц К. Н.	8, 91
Шведе Е. Е.	10, 101, 102
Шевини Г.	249
Шегрен А. М.	239
Шекли Г. Л.	258
Шестаков А. Л.	101
Шеффер	128, 129
Шешин А. Б.	106, 122
Широкшин	203
Ширяев И.	53
Шншков	26
Шишмарев Г. С.	11, 66, 71, 75, 129, 130, 132
Шишмарев Н. Д.	195, 197
Шмалева	13, 50
Шпайхер А. О.	143
Шренк А. И.	11, 17, 198, 199, 203, 208—217, 219, 221, 225, 235, 240
Штейн В. М.	241
Штейнгель В. И.	7, 83, 87, 88, 107, 262, 263
Штрайх С. Я.	9, 107
Шуберт Ф. И.	25, 172
Шуберт Ф. Ф.	13, 90, 189
Шумахов О.	45
Шуровский	201
Эмеров Б. Д.	32
Энгельгард Л. (Engelgardt)	146
Энгельгардт М.	79
Энгельс Ф.	3, 18
Эрман А.	118, 141, 263, 266
Этолин А. К.	154, 155, 261
Энцольд И. И.	13, 71, 160, 195
Югай Р. Л.	12
Юргенсон П. Б.	13, 236
Юрецкий	168
Юрьев	244
Ядровцев	28
Якобий И. В.	39
Якубович А. И.	5, 117—119, 232, 263
Якушкин И. Д.	104, 118, 121, 122
Яновский С. И.	153
Яншин А. Л.	21

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Попытки изучения севера России в начале XIX века	21
Начало исследований в Белом море	23
Проекты развития промыслов на Архангельском Севере. Поиски се- ребряной руды на Новой Земле	29
Изыскания водного пути между реками Сибири и Белым морем	34
Открытия на северо-востоке России	38
Экспедиция для поисков «матерой земли»	47
Первая русская экспедиция для поисков Северо-Западного прохода	67
Глава 2. Полярные исследования декабристов	82
Проекты исследования Северо-Западного прохода	91
Дальние плавания декабристов	99
Изучение севера Сибири	111
Глава 3. Открытия и исследования на Севере в двадцатых—тридцатых годах XIX в.	123
Поиски Северного прохода и северной «матерой земли»	129
Исследования в Беринговом проливе и Русской Америке	150
Изучение Европейского Севера	166
Глава 4. Географические исследования на севере России в сороковых годах XIX в.	198
Экспедиция Академии наук на север Европейской России	204
Экспедиции правительственных учреждений и поездки частных лиц в Печорский край	218
Путешествие А. Ф. Миддендорфа на Таймыр	229
Путешествия М. А. Кастрена	237
Создание Русского географического общества и его первая поляр- ная экспедиция	240
Изучение севера Восточной Сибири и Русской Америки	246
Заключение	261
Приложение. Архивные материалы	267
Именной указатель	270